

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 4 (115)

Гуманитарные науки

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-кор. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвилов, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

В.А. Дятлов (Украина), д-р ист. наук, проф.
А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лabyнтцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
О.А. Макушников, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук,
проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus
Higher Attestation Commission list of scientific publica-
tions of the Republic of Belarus, which publish the main
results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corre-
sponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

V.A. Diatlov (Ukraine), Sc. D., Professor
A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
O.A. Makushnikov, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246019, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2019, № 4 (115) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бабков А.М. Деятельность Минского военно-промышленного комитета по эвакуации промышленности в 1915–1916 гг.	5
Корникова Н.В. Общественный досуг интеллигенции Гомельщины в 1950–1980-е гг....	11
Костючков А.Н. Скрытый смысл в повести Ю. Семёнова «ТАСС уполномочен заявить...».....	18
Кротов А.М. Реакция белорусов на польскость как отражение особенностей их ментальности и показатель развития этнического самосознания (30-е годы XIX – начало 20-х годов XX в.).....	24
Лаўрыненка К.В. Парафія Святой Тройцы ў Росіцы у XX–XXI стст.....	31
Толочко Д.М. Влияние внешнеполитических шагов СССР в Европе в сентябре 1939 – июне 1941 гг. на социально-экономическую ситуацию в стране (на примере Гомельщины).....	39
Тютюнков А.Н. Деятельность руководства рабоче-крестьянской милиции БССР по повышению уровня профессиональной подготовки работников милиции в 1931–1941 гг. (по материалам газеты «На варце Кастрычніка»).....	44
Черепко С.А. Эволюция системы воинских знаков отличия в армии Великого княжества Литовского в XVIII – начале XIX вв.	50

ФИЛОЛОГИЯ

Аверьянова В.В. Субстантивация прилагательных и причастий: семантический аспект	55
Батурына А.Л. Роля нямецкіх тэарэтыка-эстэтычных канцэпцый канца XVIII – пачатку XIX стагоддзяў у станаўленні рамантычнай плыні літаратуры Беларусі.....	62
Іваноў Я.Я. Тэкставасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак.....	66
Иоскевич М.М. Взаимодействие социального мифа и повседневности в раскрытии социологической оппозиции «свой – чужой»	73
Капцова Ю.А. Эталогія чалавека і мова	78
Коваль В.И. К происхождению древнерусского фразеологизма ятися на воду.....	85
Козлова Р.М. Реконструкция микросистемы *Gьrt-.....	89
Новак В.С., Кастрыца А.А. Жывёльны свет ва ўяўленнях жыхароў Гомельска-Бранскага памежжжа	94
Новогран Ю.В. Грамматические различия интернациональных фразеологических единиц русского, белорусского и английского языков.....	99

Петрасян Г.В. <i>Гісторыка-этымалагічны аналіз слоў лексіка-семантычнага мікраполя «прыгожы знешні выгляд» у англійскай мове</i>	106
Синило Г.В. <i>«Песнь песней» в интерпретации И.Г. Гердера</i>	111
Станкевіч А.А. <i>Рытарычныя прыёмы ўзмацнення выяўленчай выразнасці ў беларускім парэмічным дыскурсе</i>	118
Тимошенко Е.И. <i>Антонимическая микросистема 'постный – скоромный' в русском языке</i>	124
Хоменко Е.В. <i>Языковая актуализация прагматических установок автора в англоязычном учебно-научном тексте</i>	129
ФИЛОСОФИЯ	
Капитонова Т.А., Белокрылова В.А. <i>Исследования исторической памяти как трансдисциплинарный проект</i>	136
Карак П.С. <i>Н.В. Тимофеев-Ресовский как представитель русского космизма</i>	143
Новік І.М. <i>Культурныя канатацыі эсэ «Адвечным шляхам» І. Канчэўскага</i>	148
РЕЦЕНЗИИ	
Ничипорчик Е.В. <i>С любовью к культурному наследию белорусов</i>	155

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year

Published since 1999

• 2019, № 4 (115) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

A.M. Babkov. <i>The activities of the Minsk Military Industrial Committee on the evacuation of industry in 1915–1916</i>	5
N.V. Kornikova. <i>Social leisure of the Gomel intelligentsia in the 1950–1980s</i>	11
A.N. Kostiuchkov. <i>Hidden meaning in the story by Y. Semenov «TASS is authorized to declare ...»</i>	18
A.M. Krotov. <i>The reaction of Belarusians to Polishness as a reflection of the peculiarities of their mentality and an indicator of the development of ethnic identity (30s of the XIX – beginning of the 20s of the XXth century)</i>	24
K.V. Laurynenka. <i>Parish of the Holy Trinity in Rositsa in XX–XXI centuries</i>	31
D.M. Tolochko. <i>The influence of the USSR foreign policy steps in Europe in September 1939 – June 1941 on the socio-economic situation in the country (on the example of the Gomel region)</i> . ..	39
A.N. Tyutyunkov. <i>The activity of the leadership of the workers 'and peasants' militia of the BSSR to increase the level of professional training of police officers in 1931–1941. (according to the materials of the newspaper «On guard of October»)</i>	44
S.A. Czaropka. <i>The evolution of the system of military insignia in the army of the Grand Duchy of Lithuania in the XVIII – early XIX centuries</i>	50

PHILOLOGY

V.V. Averyanova. <i>Substantivization of adjectives and participles: semantic aspect</i>	55
A.L. Baturina. <i>The role of the German theoretical and aesthetic concepts of the late XVIII – early XIX centuries in the development of a romantic current literature in Belarus</i>	62
E.E. Ivanov. <i>Textuality as a linguistic sign of aphoristic units</i>	66
M.M. Ioskevich. <i>The interaction of social myth and everyday life in the disclosure of the sociological opposition «friend – foe»</i>	73
J.A. Kaptsova. <i>Ethology and human language</i>	78
V.I. Koval. <i>To the origin of the ancient Russian phraseological unit yatisya na vodu</i>	85
R.M. Kozlova. <i>Reconstruction of microsystem *Gьrt-</i>	89
V.S. Novak, A.A. Kastritsa. <i>The fauna in the views of residents of Gomel-Bryansk borderland</i>	94
Yu.V. Novogran. <i>Grammatical differences of international phraseological units of the Russian, Belarusian and English languages</i>	99
G.V. Petrasyan. <i>Historical and etymological analysis of the words of the lexical-semantic microfield «beautiful appearance» in English</i>	106
G.V. Sinilo. <i>«Song of Songs» in the interpretation of I.G. Herder</i>	111
A.A. Stankevich. <i>Rhetorical methods of enhancing visual expression in the Belarusian paremic discourse</i>	118

E.I. Timoshenko. <i>Antonymical microsystem 'lean – fast' in the Russian language</i>	124
E.V. Khomenko. <i>Language actualization of the pragmatic attitudes of the author in the English-language academic and scientific text</i>	129
PHILOSOPHY	
T.A. Kapitonova, V.A. Belokrylova. <i>Historical memory studies as a transdisciplinary project ...</i>	136
P.S. Karako. <i>N.V. Timofeev-Resovskiy as a representative of Russian cosmism</i>	143
I.M. Novik. <i>Cultural connotations essay «The Eternal Path» by I. Kancheusky</i>	148
REVIEWS	
E.V. Nichiporchik. <i>With love to the cultural heritage of Belarusians</i>	155

История

УДК: 94(476–25) : 355.244.212«1915–1916»

Деятельность Минского военно-промышленного комитета по эвакуации промышленности в 1915–1916 гг.

А.М. БАБКОВ

Исследуется участие Минского военно-промышленного комитета в подготовке и проведении эвакуации оборудования заводов и фабрик, работавших на оборону из г. Минска и уезда в центральные и южные губернии России. Рассматривается процесс перебазирования промышленности и возобновления ее деятельности на новых местах размещения. Показан стихийный характер и ограниченные масштабы эвакуации, трудности ее проведения.

Ключевые слова: война, фронт, военный округ, военно-промышленный комитет, эвакуация промышленности, пособия, ссуды, оборудование.

The participation of the Minsk Military Industrial Committee in the preparation and conduct of the evacuation of the equipment of plants and factories working for the defense from the city of Minsk and the county to the central and southern provinces of Russia is investigated. The process of relocation of industry and the resumption of its activities in new locations is considered. The spontaneous nature and limited extent of the evacuation, the difficulties of its implementation are shown.

Keywords: war, front, military district, military-industrial committee, industry evacuation, allowances, loans, equipment.

В сентябре 1915 г. немецкие войска прорвали линию фронта под Свенцьянами и вышли в глубокий тыл российской армии на территории Беларуси. Захватив Вилейку, Сморгонь, они приблизились к Борисову и Молодечно. 19 сентября немецкие кавалерийские разьезды в районе Смолевичей перерезали железнодорожную линию Минск–Москва и создали угрозу для Минска. Вторжение немецких войск на территорию Минской губернии застигло ее власти неподготовленными к эвакуации. Близость фронта вынуждала военные и губернские органы приступить к вывозу вглубь России скопившиеся в Минской губернии грузы, урегулировать движение беженцев, затем перейти к эвакуации учреждений, предприятий, материальных ценностей. Минская губерния как тыловой район Западного фронта входила в состав Минского военного округа с полным подчинением всего гражданского управления главному начальнику округа генералу от кавалерии барону Рауш фон Траубенбергу. В своей деятельности управление военного округа руководствовалось приказами главнокомандующего Западным фронтом генерала от инфантерии А.М. Эверта и начальника снабжения армий фронта генерал-лейтенанта Н.А. Данилова, в руках которого был сосредоточен весь механизм эвакуации.

Существенную роль в подготовке и проведении эвакуации промышленности Беларуси играли военно-промышленные комитеты, которые создавались по решению 9 съезда представителей промышленности и торговли Российской империи. Их главной целью являлась мобилизация промышленности и транспорта на нужды обороны. В Беларуси деятельность военно-промышленных комитетов несколько отличалась от российских. Находясь в прифронтовой полосе, они не только выполняли военные заказы, но и активно участвовали в вывозе фабрично-заводского оборудования, стратегического сырья и других материальных ценностей.

Наиболее крупным на территории Беларуси являлся Минский военно-промышленный комитет, созданный в августе 1915 г. 20 августа 1915 г. по распоряжению главного начальника Минского военного округа Рауш фон Траубенберга при Минском военно-промышленном комитете была учреждена эвакуационная комиссия во главе с председателем Б.Н. Самойленко, являвшегося также главой губернской земской управы. В состав эвакуаци-

онной комиссии входили представители губернских и военных властей, промышленно-финансовых кругов, транспорта. В частности, акцизное управление представлял А.И. Лопатин (заместитель председателя), управление железной дороги – И.И. Гершельман и И.Ф. Бабков; от местных отделов городского и земского союзов вошли И.И. Потехин и К.О. Фалькович. Биржевой комитет направил в эвакуационную комиссию инженеров Г.А. Каплана, М.И. Майзеля, Ф.З. Раковщик, а казенная палата податной инспекции – И.И. Ильина. Управление военно-окружного контроля представляли А.К. Пенхержевский, З.И. Льгов, Н.И. Чистяков. От городского самоуправления в состав комиссии вошли И.И. Свенцицкий, В. Чаусов и городской архитектор К.П. Лисовский. Военные власти делегировали в комиссию представителя интендантства В. Звиногородского и военно-окружного артиллерийского управления – штабс-капитана Филипповича [1, с. 4–5].

В обязанности эвакуационной комиссии военно-промышленного комитета входили сбор и систематизация сведений о промышленных и торговых предприятиях Минска, полных данных о которых у губернских властей не оказалось, за исключением списка фабрично-заводской промышленности, находившейся под надзором фабричной инспекции.

25 августа состоялось первое заседание эвакокомиссии военно-промышленного комитета, на котором были определены ее главные задачи, порядок эвакуации предприятий промышленности и материальных ценностей. Для составления плана эвакуации промышленности города эвакокомиссия выделила из своего состава три подкомиссии: общезаводскую, по механическим заводам, по ремесленным предприятиям и ремесленным училищам, а впоследствии еще и мануфактурную подкомиссию. К началу сентября они завершили обследование торгово-промышленных предприятий, произвели оценку их оборудования и имущества, установили размер подлежащего эвакуации оборудования, для вывоза которого требовалось около 800 вагонов. 10 сентября 1915 г. список намечаемых к эвакуации предприятий и материальных ценностей был утвержден начальником Главной комиссии по эвакуации г. Минска генерал-лейтенантом Войцеховским, которая занималась эвакуацией военных, государственных и общественных учреждений города. Впоследствии ее обязанности перешли к эвакуационной комиссии Западного фронта [1, с. 13–14].

Принудительной эвакуации подлежали механические заводы, фабрики обуви, получившие военные заказы, ремесленные механические мастерские по ремонту автомобильных частей, мотоциклов и других средств военного передвижения, а также учебные мастерские и ремесленные училища, приспособленные к выполнению заказов по техническому оснащению армии. Частичной эвакуации подлежало ценное техническое оборудование других предприятий, обеспечивавших жизнеспособность всей промышленности города, в частности оборудование дрожжевых, пátочных заводов, паровые котлы, динамо-машины, а также стратегические материалы – медь, свинец, олово, кожи.

Основные расходы по эвакуации промышленности возлагались на государство. Для возмещения затрат по перемещению фабрично-заводского оборудования вглубь России их владельцам выдавались безвозвратные пособия и ссуды на восстановление предприятий на новых местах размещения. 23 августа 1915 г. главный начальник снабжения армий Северо-Западного фронта генерал Н.А. Данилов издал приказ, в соответствии с которым «пособия на эвакуацию предприятий из угрожаемых неприятелем местностей должны выдаваться распоряжением местных властей за счет ассигнований по военному фонду». Что касается «ходатайств о выдаче ссуд на оборудование предприятий, эвакуируемых во внутренние районы, то они принимаются к рассмотрению Особым совещанием по обороне государства» [2, л. 55]. Причем владельцы предприятий обязаны были в ближайшее время восстановить их на новом месте и приступить к выпуску военной продукции. По представлению эвакуационной комиссии главный начальник Минского военного округа утвердил сумму пособий, подлежавших выдаче эвакуируемым предприятиям в размере 500 тыс. рублей. Пособия выдавались в два этапа: в Минске на демонтаж, упаковку и погрузку оборудования. Вторая часть пособия возмещалась городскими и уездными управами на новом месте размещения предприятий. Рабочим и служащим эвакуируемых предприятий выплачивался двухнедельный заработок и предоставлялся бесплатный проезд. Денежные расходы на выплату пособий рабочим составили

100 тыс. рублей [1, с. 17–18]. При проведении эвакуации в Минске военно-промышленный комитет вводил принудительную перевозочную повинность подвод. Эвакокомиссия выдавала специальные удостоверения рабочим и извозчикам на время проведения работ по эвакуации.

18 сентября 1915 г. распоряжением губернатора А.Ф. Гирса при Минском военно-промышленном комитете была создана «Особая комиссия» по исполнению обязательных постановлений главного начальника Минского военного округа при проведении реквизиций и эвакуации торгово-промышленных предприятий и частного имущества. Ее возглавил старший фабричный инспектор А.А. Алексеев. В состав комиссии вошли представитель земства И.П. Иванов, военно-промышленного комитета – И.А. Кассель, минской биржи – И.Е. Черный, фабричный инспектор Ф.Г. Горбачик, контролер военно-окружного управления З.И. Льгов [3, л. 8]. На заседания комиссии приглашались в качестве экспертов инженеры предприятий и мастерских. «Особая комиссия» занималась экспертной оценкой оборудования предприятий и стратегических материалов, подлежащих реквизиции и частичной эвакуации, установлением порядка и способов ее проведения.

Одновременно реквизициями оборудования, ценных материалов и сырья занимался Всероссийский земский союз. Поэтому между Минским военно-промышленным комитетом и губернским отделением ВЗС возникали разногласия в вопросах о разграничении полномочий, что становилось предметом их обсуждения на заседаниях комиссии. В частности, наибольшие споры вызывал вопрос о разграничении обязанностей при проведении реквизиции кож и изделий из них. По соглашению губернского военно-промышленного комитета и губернского отделения ВЗС стороны договорились, что «ВЗС будет реквизировать лишь кожи, находившиеся на складах и у частных лиц, а кожи заводов вывозиться не будут». «Особая комиссия» исходила из того, что «под кожами на кожевенных заводах подразумевались лишь невыделанные кожи, а находившиеся на складах должны подлежать реквизиции». Комиссия поддержала пожелания владельцев «ввиду низкой реквизиционной цены предоставить им право самим эвакуировать кожи» [3, л. 8–20].

В сентябре-октябре 1915 г. комиссия под руководством А.А. Алексеева неоднократно обсуждала вопрос о реквизициях и вывозе из Минска меди и заводского оборудования из нее. По подсчетам инженера Слиозберга в помещениях торговых заведений города размещалось медное оборудование общим весом 3–4 тыс. пудов, которое он рекомендовал вывезти за счет владельцев. Что касается «медных аппаратов в аптеках, равно как и запасных частей в городской электрической и водопроводных станциях», то их решено было не демонтировать, т. к. эти учреждения обеспечивали жизненно важные потребности населения города. При обсуждении вопроса о медных баллонах и оборудовании заводов сельтерских вод комиссия исходила из того, что в Минске имелось 28 заводов, которые снабжали баллонами лавки, торгующие водой. По оценке эксперта И.М. Левинина, их численность составляла около 2 тыс. единиц, общим весом около 1 тыс. пудов. Если баллоны заменить сифонами, то потребовалось бы их около 60 тыс. единиц. Причем, половина баллонов уже была реквизирована или вывезена. Оставшиеся заводы нужно было сохранить для обеспечения водой жителей города. Тем не менее, с согласия врачебно-санитарной инспекции города было признано целесообразным вывезти медное оборудование, в том числе и баллоны сельтерских заводов, за исключением кипятильников [3, л. 14]. Правда, многие решения комиссии так и не были выполнены.

В связи с большим спросом на дрожжи, сахар в Минске решено было временно оставить медное оборудование пátочных заводов. В частности, были удовлетворены просьбы владельцев пátочного завода бр. Раковщик, пátочного и дрожжевого заводов Леккерта разрешить им продолжить работу в Минске [3, л. 24].

В конце сентября 1915 г. по указанию эвакокомиссии военно-промышленного комитета владельцы предприятий Минска, подлежащих эвакуации, приступили к демонтажу оборудования и подготовке его к вывозу. После завершения эвакуации военных и гражданских учреждений началась подача вагонов для погрузки оборудования фабрик и заводов и его перевозка вглубь России. В октябре перемещение грузов временно приостановилась в связи с массовой перевозкой беженцев.

Главная тяжесть по перебазированию промышленности и других материальных ценностей выпала на долю железных дорог. В условиях нехватки железнодорожного парка, частых приостановок движения по линии железных дорог, проходящих через Минск, возникло немало трудностей с отправкой оборудования эвакуируемых заводов и мастерских. В годы войны была введена строгая система очередности перевозок военных и гражданских грузов по железной дороге в зависимости от их государственного и военного назначения. Принудительно эвакуируемые грузы перевозились в порядке первой и второй очередей.

По неполным данным эвакуокомиссии военно-промышленного комитета, в сентябре-октябре 1915 г. из Минска было эвакуировано 5 машиностроительных, чугуно-литейных заводов, 5 ремесленных мастерских, 4 учебные мастерские, 3 фабрики обуви и фабрика сапожных колодок, 4 мастерские по изготовлению военного обмундирования и снаряжения, фабрика свинцовых изделий, фабрика гребней и кожевенный завод и типография. Из Минска также были реэвакуированы временно находившиеся в городе 6 военно-амуничных и других мастерских, из которых 4 ранее размещались в Варшаве, 1 – в Лодзи, 1 – в Вильно; 3 варшавские фабрики обуви и 2 типографии из г. Прушков Варшавской губернии и Вильно. Для их эвакуации Минский военно-промышленный комитет выдал разрешение на 535 вагонов, в т. ч. на 176 платных вагонов [1, с. 28, 30, 77–82].

21 сентября 1915 г. начальник Минского военного округа утвердил сумму эвакуационных пособий для 19 вывозимых из Минска заводов, фабрик, мастерских в размере 327 тыс. 257 руб. Наиболее крупные денежные суммы военно-промышленный комитет выдал механическим заводам «Н.Я. Якобсона, Г.Л. Лившица и К^о.» (120 тыс. руб.), «Технолог» (48 тыс.), «М. Майзеля и М. Шлапакова» (20 тыс.), «Г.Я. Янишевского» (16 тыс.), а также фабрикам обуви: «Орел» (28 тыс.), «Быстроход» (6 тыс.), «Труд» (3,5 тыс.). 30 ноября эвакуационная комиссия губернского военно-промышленного комитета представила в Минское военно-окружное интендантство отчет о выданных авансах эвакуированным предприятиям в сумме 65 тыс. рублей, в том числе заводам «Н.Я. Якобсон, Г.Л. Лившиц и К^о.» – 30 тыс., «Технолог» – 12 тыс., «М. Майзель и М. Шлапаков» – 5 тыс., «Г.Я. Янишевский» – 4 тыс.; обувным фабрикам «Орел» – 7 тыс., «Быстроход» – 1,5 тыс. и др. [4, л. 346].

Около 2/3 фабрично-заводского оборудования было эвакуировано в Центральную Россию, главным образом, в Москву, Ярославль, Нижний Новгород, Саратов, а остальные на юг России – в Харьков, Екатеринославль, Ростов-на-Дону [5, с. 139–40].

В связи со стабилизацией положения на фронте обязательная эвакуация фабрично-заводского оборудования из Минска была закончена, в т. ч. и частично эвакуированных дрожжевых, пátочных и кожевенных заводов.

Восстановление промышленных предприятий в новых местах их размещения в России происходило медленно, наталкиваясь на бюрократические препятствия при получении владельцами эвакуируемых предприятий финансовой компенсации, которая нередко уменьшалась по сравнению с реальными расходами, отсутствие свободных производственных помещений для возобновления их работы, дефицитом квалифицированных рабочих. При перевозке часть ценного оборудования терялась или оказывалась в других губерниях. Вывозимое в Москву ценное оборудование размещалось и хранилось на центральном складе, созданном по инициативе минского военно-промышленного комитета.

Характерной иллюстрацией процесса эвакуации промышленности Беларуси в годы войны является вывоз из Минска чугуно-литейного и машиностроительного завода «Технолог». 20 сентября 1915 г. по представлению эвакуокомиссии Минского военно-промышленного комитета главный начальник Минского военного округа издал распоряжение об эвакуации завода «Технолог» в Нижний Новгород. Однако из-за отсутствия подходящих условий завод разместился в Москве, где арендовал фабричные здания в двух различных частях города. С января 1916 г. механическое отделение завода было восстановлено и возобновило производство. В марте 1916 г. поверенный в делах товарищества завода «Технолог» Л.Г. Финке направил в комитет по делам восстановления промышленных предприятий Особого совещания по обороне государства ходатайство с просьбой «о назначении товариществу безвозвратного пособия в сумме 109 тыс. 514 руб. [6, с. 274]. 514 рублей на компенсацию расходов по эвакуации завода из Минска и восстановления его в Москве. В справке Л.Г. Финке указывалось, что завод «Технолог», принадлежавший инженеру

И.В. Залкинду, выпускал главным образом машины для лесопильных и деревообрабатывающих заводов, мукомольных мельниц, оборудование для винокуренных заводов, водяных турбин и трансмиссионных приводов. С началом войны на заводе были оборудованы механическая паровая сушильня сухарей и мукомольная мельница с хлебопекарней, выполнявшие заказы окружного интендантства.

23 марта 1916 г. техническое присутствие комитета по делам восстановления промышленных предприятий при Особом совещании на своем заседании рассмотрело ходатайство Л.Г. Финке о назначении товариществу безвозвратного пособия и поддержало его просьбу о компенсации расходов завода «Технолог» по перевозке оборудования в сумме 13 тыс. 274 рубля и его установке, аренде зданий для литейного и механического цехов, которые стоили заводу 73 тыс. 089 руб. Вместе с заводом в Москву было также эвакуировано 35 рабочих и служащих, на содержание которых с 1 ноября по 31 декабря 1915 г. было израсходовано 15 тыс. 641 руб. [6, с. 275]. Однако эвакокомиссия Особого совещания на своем заседании 28 апреля 1916 г. «не нашла достаточных оснований, указывающих на то, что до эвакуации завод действительно работал на оборону» и отклонила ходатайство. Поэтому Л.Г. Финке дополнительно представил более полные данные, подтверждавшие выполнение заводом «Технолог» военных заказов. По его данным, завод получил военные заказы от Главного артиллерийского управления для изготовления 6 тыс. снарядов на сумму 48 тыс. руб.; от Всероссийского земского и городского союзов – на 75 бомбометов стоимостью 15 тыс. руб.; от Минского военно-промышленного комитета – на 15 тыс. чугунных снарядов к бомбometам на сумму 31,5 тыс. рублей [6, с. 275]. 25 мая 1916 г. при вторичном рассмотрении нового ходатайства Л.Г. Финке эвакуационная комиссия Особого совещания по обороне государства, основываясь на том, что стоимость оборудования завода «Технолог» до войны составляла 99 тыс. 545 рублей, а численность рабочих 130 человек и «ввиду открывшихся новых обстоятельств дела», признала, что завод имеет значение для государственной обороны и приняла решение «выдать ему безвозвратное пособие на покрытие расходов по эвакуации из Минска и восстановление в Москве оборудования завода и оплату пособий эвакуированным рабочим в сумме 25 тыс. рублей». Эвакокомиссия возлагала на товарищество завода «Технолог» обязательство восстановить в ближайшее время в Москве принадлежавшее ему оборудование и возобновить работу предприятия для потребностей государственной обороны [6, с. 280].

В конце 1915 – начале 1916 гг. не прекращалось перебазирование из Минска промышленного оборудования и материальных ценностей. В эвакокомиссию военно-промышленного комитета поступали многочисленные ходатайства, особенно от владельцев бездействующих предприятий, на вывоз оборудования, кож, льна и оказание содействия в устройстве на новых местах размещения. Продолжалась также эвакуация оборудования предприятий, которые завершили выполнение в Минске срочных военных заказов. В частности, в 1915 г. механическая мастерская Голуба была вывезена в Ярославль, а в январе 1916 г. эвакуировала свое оборудование и фабрика оселков Штейнгольца.

На состоявшемся 4 ноября 1915 г. общем собрании эвакокомиссии Минского военно-промышленного комитета с участием представителей военного ведомства полковника генштаба В.В. Кривенко, военно-окружного контроля Н.И. Чистякова и заведующего передвижением войск Минского района Г.А. Красина было принято решение продлить деятельность эвакокомиссии [7, л. 11].

7 ноября очередное заседание эвакокомиссии главной своей задачей определило «ликвидацию дел по эвакуации предприятий» и с этой целью предстояло сосредоточить работу на финансовых расчетах с владельцами предприятий и рабочими еще не получившими государственных субсидий и пособий, а также обеспечение железнодорожным транспортом перевозок грузов. Однако военно-промышленный комитет столкнулся с транспортными трудностями. Большая часть выданных эвакокомиссией удостоверений на вывоз оборудования не выполнялась железнодорожными властями.

23 ноября 1915 г. Б.Н. Самойленко обратился к главному начальнику снабжения армий Западного фронта с просьбой оказать содействие в решении транспортного вопроса. Характеризуя масштабы своей работы в ноябре, он сообщал, что в эвакокомиссию обратились вла-

дельцы с многочисленными просьбами о предоставлении каждому одного-трех вагонов для перевозки грузов общей численностью 193 вагона. 24 ноября начальник канцелярии главного начальника снабжений сообщил председателю эвакуационной комиссии военно-промышленного комитета, что «он не находит возможным предоставить комиссии какие-либо особые полномочия и в случае признания необходимости вывоза тех или иных заводов комиссия должна входить в представление к главному начальнику снабжений» [8, л. 427–428].

Однако 11 декабря 1915 г. по настоянию Минского военно-промышленного комитета главный начальник снабжения армии Западного фронта издал распоряжение «о подаче для нужд военно-промышленного комитета ежедневно 6–7 вагонов». С ноября 1915 по март 1916 г. эвакокомиссия выдала разрешение на 379 вагонов по перевозке оборудования и материалов, и по разным причинам отказала в ходатайстве на предоставление еще 347 вагонов. В этот период наблюдалась динамика уменьшения перевозок грузов. Если в ноябре-декабре 1915 г. эвакокомиссия выдала разрешение на 157 и 102 вагона по перевозке грузов соответственно, то с начала 1916 г. подача вагонов существенно уменьшилась до 77 единиц в январе и до 18 – в марте. Причем, на бесплатную эвакуацию было выдано удостоверений на 135 вагонов, в т. ч. 28 вагонов на перевозку оборудования механических заводов и металлов, 103 вагона – кож и дубильных экстрактов и 2 вагона – оборудования мастерских и фабрик. На платную внеочередную перевозку было выдано удостоверений на 244 вагона, из них на вывоз металлов и машин – 25 вагонов, кож и дубильных экстрактов – 78 вагонов, бумаги и картона – 59 вагонов, льна и кудели – 35 вагонов, и скипидара – 15 [8, л. 427–428].

Одновременно с вывозом грузов весной 1916 г. эвакокомиссия занималась выдачей пособий и ссуд владельцам эвакуированных предприятий и их рабочим. Весной 1916 г. эвакокомиссия Минского военно-промышленного комитета завершила свою работу по перемещению фабрично-заводского оборудования и материалов из Минска во внутренние губернии России. 6 апреля 1916 г. на общем собрании Минского военно-промышленного комитета было принято решение о закрытии эвакокомиссии, которое 10 мая было утверждено главным начальником Минского военного округа Рауш фон Траубенбергом [8, л. 428].

Таким образом, Минский военно-промышленный комитет сыграл значительную роль в подготовке и проведении осенью 1915 г. эвакуации промышленных предприятий, других материальных ценностей из г. Минска и уезда вглубь России. После стабилизации положения на фронте принудительная эвакуация была завершена, а вывоз оборудования и сырья продолжался до весны 1916 г. Неподготовленность военных губернских властей к эвакуации негативно сказалась на характере и масштабах ее проведения. Из Минска была вывезена численно небольшая группа предприятий, но технически наиболее ценных для обороны страны.

Литература

1. Эвакуационная комиссия при Минском губернском объединенном земско-городском военно-промышленном комитете. – Минск : Типо-литография Б.И. Соломонова, 1915. – 88 с.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1932. – Оп. 12. – Д. 76.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 5.
4. РГВИА. – Ф. 2049. – Оп. 1. – Д. 75.
5. Бабков, А. Эвакуация промышленности Беларуси в годы Первой мировой войны / А. Бабков // Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства: матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый», Мінск, 21–25 мая 2000 г. / Рэд. кал.: В.Скалабан (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Беларускі кігазбор, 2001. – С. 135–141.
6. РГВИА. – Ф. 369. – Оп. 6. – Д. 2.
7. РГВИА. – Ф. 2049. – Оп. 1. – Д. 434.
8. РГВИА. – Ф. 1914. – Оп. 1. – Д. 2.

Общественный досуг интеллигенции Гомельщины в 1950–1980-е гг.

Н.В. КОРНИКОВА

Статья посвящена характеристике общественного досуга интеллигенции Гомельщины в 1950–1980-е гг. На основе анализа материалов полевых исследований, архивных свидетельств, материалов периодики автор характеризует распространенные индивидуальные и коллективные формы общественного времяпрепровождения и активности представителей указанной социопрофессиональной группы, анализирует их содержание, а также рассматривает специфику культурно-познавательного досуга среди инженерно-технической интеллигенции, работников науки и культуры, педагогов, врачей Гомельщины в период исследования.

Ключевые слова: интеллигенция, БССР, Гомельщина, социопрофессиональная группа, общественный досуг, культурно-познавательный досуг

The article is devoted to the characteristics of public leisure of the Gomel intelligentsia in the 1950–1980s. Based on the analysis of field research materials, archival evidence, periodical materials, the author characterizes common individual and collective forms of social pastime and activity of representatives of this socio-professional group, analyzes their content, and also considers the specifics of cultural and educational leisure among engineering and technical intelligentsia, science and culture workers, teachers, doctors of the Gomel region in the study period.

Keywords: intelligentsia, BSSR, Gomel region, socio-professional group, social leisure, cultural and educational leisure.

Общественный досуг как форма времяпрепровождения различных социопрофессиональных групп городского и сельского населения представляет собой сложное и многогранное явление, в котором в сконцентрированной форме получают отображение социальные запросы, культурные ориентиры и духовные потребности представителей различных социопрофессиональных слоев населения. В данном контексте обращение к изучению общественного досуга такой социопрофессиональной группы как интеллигенция представляет значительный исследовательский интерес, т. к. их досуг в силу таких факторов, как уровень образованности, интеллектуальные и культурные предпочтения, профессиональные интересы и пр., характеризуется высокой степенью интенсивности и широким диапазоном форм. Кроме того, специфика времяпрепровождения интеллигенции 1950–1980-х гг. в значительной степени отображает социально-политические процессы и культурные доминанты определенного периода, что позволяет раскрыть образ конкретной исторической эпохи, показав ценностные ориентации представителей данной социопрофессиональной группы. Специфика источникового базиса исследования предполагает отображение регионального контекста в работе, что является в полной мере обоснованным, ведь в период исследования на Гомельщине имела широкая инфраструктурная и промышленная база и развитая сеть социальных и культурных учреждений. Это предопределило многочисленную представленность в составе структуры населения региона группы служащих и работников интеллектуального труда.

Цель работы – характеристика общественного досуга интеллигенции Гомельщины в 1950–1980-е гг.

В рамках исследования были поставлены следующие задачи: изучить основные формы общественного досуга интеллигенции Гомельской области в 1950–1980-е гг.; определить специфику культурно-познавательного времяпрепровождения, характерную для представителей интеллигенции исследуемого региона; охарактеризовать содержание индивидуальных и коллективных форм досуга интеллигенции Гомельщины в 1950–80-е гг.

Новизна данного исследования состоит в том, что работа основывается на анализе оригинальных источников – материалов полевого этнографического исследования, характеризующих специфику общественного времяпрепровождения интеллигенции Гомельского региона в 1950–1980-е гг., а также архивных материалов и периодики.

Изучению форм и направленности общественного досуга городского и сельского населения БССР в 1950–1980-е гг. посвящены работы как советских, так и современных исследователей. Подобная проблематика подробно рассматривается в коллективных монографиях «Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья» [1], «Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии» [2], «Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі» [3] и пр. Вместе с тем, общественный досуг различных слоев населения БССР в контексте его специфики, характерной для представителей различных социoproфессиональных групп, в меньшей мере привлекал внимание исследователей и представлен в историографии фрагментарно. Однако ряд работ автора посвящен определенным аспектам, связанным с характером досуга представителей интеллигенции Гомельского региона в период исследования [4]–[5].

Достаточно широкой является источниковая база работы. Она представлена материалами полевого исследования, архивными свидетельствами, а также материалами периодической печати.

Стоит отметить, что важными источниками, позволившими в новом контексте раскрыть изучаемую проблематику, стали материалы опросов, проводившиеся среди жителей Гомельщины. В качестве респондентов выступили 226 человек, являющихся представителями различных половозрастных и социoproфессиональных групп интеллигенции Гомельщины. Среди проинтервьюированных – жители Гомельского, Жлобинского, Мозырского, Речицкого, Октябрьского, Буда-Кошелевского и др. районов Гомельской области.

В рамках исследования важное значение имело также использование архивных свидетельств, которые помогли раскрыть некоторые аспекты темы, связанные с общественной активностью и культурной жизнью интеллигенции Гомельского региона в период исследования. В частности, автором были изучены материалы фондов Национального архива Республики Беларусь (Фонд 1030 «Правление общества «Знание») [6], Государственного архива Гомельской области (Фонды 1730 «Гомельский областной научно-методический центр культуры (ГОНМЦ)», 3398 Областные советы добровольных спортивных обществ (ДСО «Спартак»), 1863 «Гомельский стекольный завод им. М.В. Ломоносова, р.п. Костюковка») [7]–[9], а также Государственного архива общественных объединений Гомельской области (Фонды 144 «Гомельский областной комитет КПБ (обком КПБ)», 8294 «Речицкий городской комитет КПБ (горком КПБ)») [10]–[11], хранящие документы, отображающие специфику общественного досуга интеллигенции Гомельщины в 1950–1980-е гг.

Обращение к материалам периодической печати имело особенно важное значение для раскрытия специфики некоторых аспектов общественного досуга интеллигенции Гомельского региона 1950–1980-х гг., связанных с их культурно-познавательными интересами и активностью. С этой целью были проанализированы публикации выпусков областной газеты «Гомельская правда» за 1950–1980-е гг. [12]–[21].

Под общественным досугом понимают времяпрепровождение индивида в общественных местах среди людей, с которыми его объединяет общность интересов, образовательных, культурных и эстетических запросов [2, с. 69]. Стоит отметить, что направленность интеллектуальных предпочтений, выраженная культурно-познавательная активность, а также влияние профессиональной специфики предопределяли достаточно высокую степень вовлеченности представителей интеллигенции как одной из представительных социoproфессиональных групп в структуре населения БССР в 1950–1980-е гг. в общественных досуг, а также обуславливали его высокую степень интенсивности.

Результаты проведенного исследования показали, что общественный досуг интеллигенции Гомельщины в 1950–1980-е гг. характеризовался многообразием форм, а их содержание в значительной степени отображало влияние профессиональной специфики.

Одной из распространенных форм времяпрепровождения, связанной с реализацией общественной активности представителей интеллигенции Гомельщины в обозначенный период, являлось участие в научных и просветительских обществах, клубах по интересам, а также посещение лекториев по разнообразной тематике. Представители инженерно-технической, научной интеллигенции, работники просвещения, культуры и здравоохранения Гомельской облас-

ти зачастую не только являлись членами Всесоюзного общества «Знание», но также принимали активное участие в реализации его деятельности. В 1950–1980-е гг. отделения данного объединения при активном участии инженерно-технического состава действовали на большинстве крупнейших предприятий и учреждений области. К примеру, по данным за 1973–1974 гг. в данной организации по Гомельской области состояло около 16 тыс. членов [10, л. 23].

Помимо общества «Знание» на предприятиях и в учреждениях работали различные клубы и кружки культурно-просветительского характера, университеты знаний по различной тематике. К примеру, по данным за 1966–1967 г. по Гомельской области в 29 народных университетах различных профилей повышали свое образование, технический уровень знаний, квалификацию и общую культуру около 5 тыс. слушателей инженерно-технических работников, служащих, рабочих [6, л. 1–2]. В регионе функционировало 3 крупных университета технических знаний – университет технико-экономических знаний комбайностроителей на заводе «Гомсельмаш» под руководством главного инженера завода А.М. Лапицкого, университет технических знаний Белорусского института инженеров железнодорожного транспорта под руководством зав. кафедрой А.Е. Герасимова, а также университет технических знаний Деревообрабатывающего комбината в Мозыре под руководством инженера С.И. Галая [6, л. 41]. Одногодичный университет технико-экономических знаний на заводе Гомсельмаш проводил работу на двух факультетах (энергическом и механическом), всего в нем занималось 244 человека. Занятия проходили один раз в месяц по четвергам. Слушателями являлись инженеры и рабочие [6, л. 40]. Общественный технический университет при БИИЖТе в Гомеле организовал работу пяти факультетов: строительного, механического, транспортного, химического и общетехнического с охватом 280 слушателей [6, л. 41]. Кроме того, на Гомельском деревообрабатывающем комбинате с 1965 г. действовала «Школа технических знаний», активными слушателями которого являлись инженерно-технические работники предприятия [18, с. 4]; крупный городской лекторий по вопросам научно-технического прогресса в 1970-е гг. работал в г. Речица. По данным за 1971 г. его слушателями являлись руководящие инженерно-технические работники, главные инженеры – в составе 86 человек. Народный университет технического прогресса и экономических знаний работал при Речицком деревообрабатывающем объединении. В нем занимались 266 человек, в том числе 201 инженерно-технический работник и 55 служащих [11, л. 35].

Вместе с тем, для осуществления учебно-воспитательной работы в университетах знаний и лекториях зачастую привлекались административно-управленческие кадры, преподаватели высших и средних специальных учебных заведений, квалифицированные специалисты промышленности и народного хозяйства. Так, по данным за 1973–1974 гг. к работе в университетах знаний по области было привлечено 3348 преподавателей и педагогов. Наибольшим охватом работы отличались университеты экономических знаний и технического прогресса в г. Гомеле на производственном деревообрабатывающем объединении, во Дворце культуры бытового обслуживания, стекольном заводе им. Ломоносова, на Речицком керамико-трубном заводе, в нефтедобывающем управлении «Речицанефть», в тресте № 6 «Мозырнефтеземстрой» и др. [10, л. 28].

Еще одной формой общественной активности, характерной для научной интеллигенции Гомельщины в 1950–1980-е гг., являлось также участие в «днях науки», предполагавших проведение лекториев и научных консультаций на производственных предприятиях и учреждениях Гомельщины. К примеру, по данным за 1973 г. всего по области было проведено более 50 «дней науки». В документальных свидетельствах отмечается, что активное участие в проведении подобных мероприятий принимали научные работники Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, Белорусского университета инженеров железнодорожного транспорта и филиала Белорусского политехнического института. Плодотворна прошла встреча ученых с коллективом завода сборного железобетона стройтреста № 10. С лекциями выступили кандидаты технических наук Н.М. Красовский, Н.И. Егоренков, Л.С. Керецкая [9, л. 29]. Интересно проходили «Дни науки» на стекольном заводе им. Ломоносова, где выступили преподаватели БИИЖТа, кандидаты экономических наук В.Е. Брит, Н.Я. Лапушанский, Е.К. Башлакова и др. На стекольном заводе за 1973 г. «Дней науки» проведено три, на «Гомсельмаше» – пять, как правило, после лекций ученые проводили научно-

технические консультации. В связи с возведением Мозырского нефтеперерабатывающего завода профессорско-преподавательский состав и студенты местного пединститута также оказывали посильную помощь в проведении лекционной работе на предприятии» [10, л. 30].

Зачастую познавательные интересы и общественная активность интеллигенции Гомельщины реализовывались посредством участия в научно- и культурно-просветительских кружках, клубах и обществах. К примеру, при Калинковичском ДК в 1960–1970-е гг. действовал «Клуб здоровья», членами которого являлись учителя, инженеры и служащие, работники железнодорожного узла, а лекции читались врачами местной районной больницы [17, с. 4]. Активная общественная, просветительская и культурная работа в 1950–1980-е гг. проводилась при Доме культуры Стеклозавода В.И. Ломоносова в г.п. Костюковка. По данным документальных свидетельств за 1963 г. там действовал клуб художественного воспитания, среди членов которого числились 63 служащих, 38 учителей, 24 врача. Постоянными слушателями являлись начальник цеха – инженер Карнаух и его жена педагог школы № 14, редактор газеты Глазунов, инженеры Майорова, Колесникова, Глуховские. Программа клуба чередовалась театральным, хоровым, изобразительным искусством, музыкальными и литературными темами. Для слушателей клуба также проводились творческие встречи с народным артистом БССР Шмаковым [9, л. 247]. Подобные общества и клубы действовали не только в большинстве районных городов области, но и при Домах культуры и культурно-просветительских учреждениях сельских населенных пунктов.

Еще одной распространенной формой общественной активности представителей интеллигенции Гомельщины в 1950–1980-е гг. являлось участие в торжественных шествиях, приуроченных к празднованию государственных праздников – Международному дню солидарности трудящихся, Дню Великой Октябрьской социалистической революции, Дню Победы и пр. Подобные мероприятия носили массовый характер и предполагали включенность в их проведение коллективов производственных предприятий и учреждений, инженерно-технических и административно-управленческих кадров, педагогов, работников просвещения и т. д. К примеру, источники периодической печати за 1961 г. сообщают, что в г. Мозыре, активное участие в шествиях, приуроченных к Международному дню солидарности трудящихся, принимали инженерно-технические работники и служащие кабельного завода, специалисты строительных и нефтеразведывательных предприятий города, также медицинские работники и учителя, а в Речице активное участие в демонстрации приняли инженерно-технические кадры фанерно-мебельного комбината, метизного завода и судовой верфи [14, с. 3]. Демонстрации, как правило, дополнялись рядом праздничных мероприятий, включавших выступление коллективов художественной самодеятельности, организованные спортивно-массовые представления.

Вместе с тем, в 1950–1980-е гг. в структуре общественного досуга представителей педагогической и научной интеллигенции, инженерно-технических и медицинских кадров, работников культуры Гомельщины одно из важнейших мест занимало культурное времяпрепровождение. Среди популярных форм подобного досуга следует отметить посещение музыкальных, литературных и творческих вечеров, а также встреч с деятелями культуры и искусства. Подобные мероприятия часто проходили в Домах культуры и клубах областного центра, районных городов и сельских населенных пунктов Гомельщины. К примеру, только в течение 1965 г. в рамках декады русского искусства состоялись встречи представителей интеллигенции Гомеля, Мозыря, Светлогорска, Лельчиц и других населенных пунктов региона с композитором Я. Френкелем и музыкантом В. Пешковым, артистами М. Светличным, Л. Тулуповой, З. Боздуновой, приехавшими на гастроли в БССР [15, с. 4]; в ДК Речицы проходил концерт О. Воронец, а в ДК Энергетиков Светлогорска состоялась творческая встреча артистки с работниками предприятий города [16, с. 1]. В ДК Железнодорожников и ДК бытового обслуживания и местной промышленности Гомеля было организовано мероприятие, в котором участвовали представители интеллигенции города и киноартисты А. Ларионова и М. Рыбников [20, с. 4].

Частыми были в 1950–1980-е гг. встречи интеллигенции областного центра и с местными деятелями культуры. К примеру, вечера, посвященные обсуждению художественных выставок, проходивших в городе, в которых принимали участие педагоги, инженерно-технические специалисты, работники культуры, организовывал заслуженный деятель искусств Б.Ф. Зви-

нигородский [13, с. 2]. Нередко мероприятия культурного и просветительского характера, интересные для интеллигенции, организовывались и в образовательных и культурно-просветительских учреждениях областного центра. Так, в Гомельской областной библиотеке проходили заседание устного журнала «Новости литературного мира», на которой выступали гомельские поэты Ф. Курас, М. Полешук, М. Буткевич [19, с. 2]. В Гомельском областном дворце пионеров и школьников им. Ленина организовывались встречи учителей города с научными сотрудниками АН БССР и ВУЗов республики [21, с. 4]; вечера поэзии, встречи с литераторами и белорусскими поэтами, композиторами проходили в Гомельском государственном университете.

Еще одной популярной формой как коллективного, так и индивидуального общественного культурного досуга интеллигенции Гомельщины в 1950–1980-е гг. являлось посещение концертных залов и площадок, театра. Выбор конкретной музыкальной программы или спектакля зависел от личных культурных предпочтений представителей интеллигенции. Участвовавшие в исследовании респонденты отмечали, что посещали как эстрадные, так и симфонические концерты, спектакли труппы гомельского областного драматического театра, а также постановки гастрوليрующих трупп. Подобное времяпрепровождение было одинаково популярно среди представителей инженерно-технической, научной, педагогической, интеллигенции, работников культуры, врачей.

Формой времяпрепровождения, отражавшей приоритетность культурных форм досуга в среде интеллигенции Гомельщины в 1950–1980-е гг., также являлось посещение музейных учреждений. Подобная форма организации общественного досуга имела важное познавательное и образовательное значение. Участвовавшие в опросах представители интеллигенции вспоминали о своем опыте посещения крупнейших музеев республики – Государственного художественного музея БССР, Государственного музея истории Великой Отечественной войны, Государственного литературного музея Я. Купалы, Могилевского областного краеведческого музея, Гомельского областного краеведческого музея, мемориальных комплексов «Хатынь» и «Брестская крепость – герой» и др.

Массовой формой проведения активного досуга в 1950–1980-е гг. среди различных слоев населения, в т.ч. и интеллигенции, предполагавшей реализацию творческих способностей работников предприятий и учреждений, являлось участие в художественной самодеятельности. Многочисленные хореографические, вокальные, литературные, театральные кружки существовали при областном и районных Домах культуры и клубах, а также при многих учреждениях и предприятиях. К примеру, при Доме культуры Железнодорожников действовал Народный театр с участием инженеров, служащих и рабочих Гомельского железнодорожного узла [17, с. 4]. Подобные творческие самодеятельные объединения, членами которых являлись инженерно-технические работники и служащие, существовали и при предприятиях «Гомсельмаш» [12, с. 2] и др. предприятиях города.

Активнейшее участие в развитии различных форм и направлений художественной самодеятельности принимали городские и сельские учителя, зачастую выступавшие в качестве культурных работников-общественников. Так, в «Справке о развитии общественных начал в деятельности учреждений культуры и культурном строительстве на селе Гомельского областного дома народного творчества» за 1967 г. отмечается, что в Жлобинском районе на общественных началах работали учителя в Перевичском, Четвернянском, Скепнянском, Кировском, Майском, Малевичском, Пекаличском, Даниловском, Вепрынском сельских клубах. Активным участником художественной самодеятельности, руководителем Дерновичского сельского клуба являлся учитель Дерновичской школы Ельского района, который являлся самодеятельным композитором. Коллективом учителей Паричской школы Светлогорского района был организован научный лекторий. Его участники выступали перед жителями городского поселка и выезжали в окрестные населенные пункты, читали лекции и проводили заседания устного журнала. Силами учителей-культурных работников в Светлогорском районе работали также Чернинский, Вежновецкий, Слободской, Нольчинский, Репнинский сельские клубы [7, л. 10].

Вместе с тем, значительной популярностью среди интеллигенции Гомельщины пользовались формы досуга, связанные с активным отдыхом. Коллективной формой подобного времяпрепровождения в 1950–1980-е гг. было участие в межотраслевых спортивно-массовых

мероприятиях, проводимых в пределах учреждений, населенных пунктов или области. Зачастую проведение подобных соревнований было приурочено к государственным праздникам, но чаще носило сезонный характер. Еще одной популярной формой активного индивидуального или коллективного досуга представителей интеллигенции Гомельщины в период исследования по свидетельствам респондентов также являлись туристические экскурсионные поездки по различным регионам Беларуси и республикам СССР, которые давали возможность сочетать культурно-познавательное времяпрепровождение в рамках знакомства с местными достопримечательностями и активный отдых.

Таким образом, общественное времяпрепровождение интеллигенции Гомельщины в 1950–1980-е гг. характеризовалось достаточно высокой степенью разнообразия и интенсивности. Подобный досуг зачастую носил культурно-познавательную направленность, а также способствовал реализации общественной активности представителей интеллигенции. Распространенными формами общественного времяпрепровождения представителей данной социoproфессиональной группы являлось участие в научных и просветительских обществах, клубах по интересам, а также посещение лекториев; участие в торжественных шествиях, посещение культурных учреждений, а также познавательно-развлекательных мероприятий и пр. Вместе с тем, стоит отметить, что наиболее благоприятные условия для реализации общественного досуга и развития культурной жизни интеллигенции Гомельщины сложились в областном центре и крупных промышленно развитых городах региона, т. к. наличие большого количества культурно-просветительских учреждений областного значения способствовало более высокой интенсивности общественного и культурного времяпрепровождения, нежели в малых городах и сельской местности.

Литература

1. Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья / В.К. Бондарчик [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1987. – 367 с.
2. Изменения в быту и культуре городского населения Беларуси / АН БССР ; редкол.: В.К. Бондарчик [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1976. – 111 с.
3. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / АН БССР ; редкол.: В.К. Бондарчик [и др.]. – Минск : Наука, 1990. – 248 с.
4. Королева, Н.В. (Корникова Н.В.) Условия труда и отдыха технической интеллигенции Гомеля в 1970-е – первой половине 1980-х гг. / Н.В. Королева (Н.В. Корникова) // Содруж. наук. Барановичи, 2011: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей, Барановичи, 19–20 мая 2011 г. : в 2-х ч. / редкол.: А.В. Никишова (гл.ред.), И.Я. Тучина (отв.ред.) [и др.]. – Барановичи : РИО БарГЭО, 2011. – С. 18–19.
5. Королева, Н.В. (Корникова Н.В.) «Огоньки» как форма праздничного досуга технической интеллигенции Гомеля в 1970 – первой половине 1980-х годов» / Н.В. Королева (Н.В. Корникова) // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы VII Междунар. науч. конф., Гомель, 26–27 мая 2011 г. : в 2-х ч. ; под общ. ред. В.В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2011. – Ч. 1. – С. 160–162.
6. Справка о работе общественных технических университетов и секций технических знаний республиканского совета народных университетов // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1030. – Оп. 3. – Д. 27.
7. Справка о развитии общественных начал в деятельности очагов культуры и культурном строительстве на селе по Гомельской области за 1967 гг. // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 1730. – Оп. 2. – Д. 17.
8. Отчет о работе Гомельской областной организации общества «Спартак» за 1976 г. // ГАГО. – Фонд 3398. – Оп. 1. – Д. 126.
9. Отчет о работе Дворца культуры Гомельского стекольного завода им. М.В. Ломоносова за 1963 г. // ГАГО. – Фонд 1863. – Оп. 4. – Д. 7.
10. Справка к отчету о работе лекторских групп партийных комитетов Гомельской области за 1973 г. // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 144. – Оп. 142. – Д. 51.
11. Информация Речицкого горкома КПБ об итогах лекционной пропаганды за 1977 г. // ГАООГО) – Фонд 8294. – Оп. 15. – Д. 17.

12. Літаратурны вечар на заводзе [аб самадзейнасці ў ДК «Гомсельмаш»] // Гомельская праўда. – 1957. – 12 ліп. – С. 2.
13. Танана, В. Абмеркаванне твораў перасоўнай выстаўкі [аб сустрэчы інтэлігенцыі Гомеля з дзеячамі культуры / В. Танана // Гомельская праўда. – 1957. – 9 жн. – С. 2.
14. Григорьев, К. Святкаванне Першая [аб святкаванні Першая ў Мазыры] / К. Григорьев // Гомельская праўда. – 1961. – 4 мая. – С. 3.
15. Жукова, М. Эстафета свята [аб сустрэчах з артыстамі] / М.М. Жукова // Гомельская праўда. – 1965. – 12 студз. – С. 2.
16. Белкин, М. На радзіме «Рэчыцкай лірычнай» [аб сустрэчах з артыстамі] / М. Белкин // Гомельская праўда. – 1965. – 15 студз. – С. 2.
17. Кофман, Я. Коротка аб усім [аб дзейнасці клуба здароўя пры Калінкавіцкім ДК] / Я. Кофман // Гомельская праўда. – 1965. – 16 студз. – С. 4.
18. Белицкий, М. Універсітэт тэхнічных ведаў [аб дзейнасці школы тэхнічных ведаў на Гомельскім дрэваапрацоўчым камбінаце] / М. Белицкий // Гомельская праўда. – 1965. – 25 жн. – С. 2.
19. Шевченко, Д. Вечар, прысвечаны літаратуры [аб выступленнях гомельскіх паэтаў Ф. Кураца, М. Полешука, М. Буткевіча у гомельскай абласной бібліятэцы] / Д. Шевченко // Гомельская праўда. – 1965. – 3 сак. – С. 4.
20. Госці гамяльчан [аб сустрэчы з прафесарам Д.А. Арловым] // Гомельская праўда. – 1965. – 4 сак. – С. 4.
21. Василенко, К. Сустрэча з вучонымі [аб сустрэчы гомельскіх педагогаў з навукоўцамі / К. Василенко // Гомельская праўда. – 1975. – 4 ліст. – С. 4.

Скрытый смысл в повести Ю. Семёнова «ТАСС уполномочен заявить...»

А.Н. КОСТЮЧКОВ

Рассмотрена проблема борьбы за власть в СССР во 2-й половине 1970-х гг. и отражение этой борьбы в повести Ю. Семёнова «ТАСС уполномочен заявить...». Выявлена «невидимая» часть повести, которая являет собою подтекст, содержащий скрытый смысл. Повесть рассмотрена в контексте политической ситуации того времени. Сделан вывод о том, что повесть представляет собою декларацию намерений Андропова в случае прихода к власти.

Ключевые слова: Андропов, Брежнев, КГБ, Ю. Семёнов.

The problem of the struggle for power in the USSR in the 2nd half of the 1970s is considered and the reflection of this struggle in the story by Y. Semenov «TASS is authorized to declare...» is analyzed. The «invisible» part of the story, which is a subtext that contains a hidden meaning, is revealed. The story is considered in the context of the political situation of that time. It is concluded that the story is a declaration of intentions of Andropov in case of coming to power.

Keywords: Andropov, Brezhnev, KGB, Yu. Semenov.

Борьба за политическую власть нередко становится «красной нитью» в сюжетах художественных произведений. В некоторых авторы прямо указывают на тех, кто осуществлял борьбу за власть, в иных – маскируют имена. Это, как правило, иносказательные произведения, в которых субъекты борьбы были замаскированы, как была скрыта от народных масс и сама борьба. По сути, эти произведения включают в себя две составляющие: видимую и невидимую. Видимая часть есть сюжетные линии, которые развиваются на протяжении всего произведения. Невидимая часть являет собою подтекст, содержащий скрытый смысл. Смыслом невидимой части в произведениях политической направленности выступает борьба с политическими оппонентами.

В данной статье автор рассматривает скрытый смысл в повести советского писателя Ю. Семёнова (1931–1993) «ТАСС уполномочен заявить...» (1979) в контексте борьбы за власть между руководителями СССР во 2-й половине 1970-х гг. В повести есть моменты, которые в русле политической ситуации того времени выглядят довольно интересно и даже необычно. Сегодня мы можем только предполагать, какие мотивы и стимулы двигали писателем при создании данного произведения, что он желал (и желал ли вообще) отразить в повести, кроме противоборства советской контрразведки и иностранной разведки. Однако есть веские основания предполагать, что автор повести умышленно вложил в своё произведение определённый подтекст, который сможет уловить и прочесть умный читатель.

Целью статьи выступает поиск и суммирование недостатков советской системы того времени, которые упомянуты в повести, и которым в свою очередь противопоставлены положительные черты системы госбезопасности в целом и отдельных сотрудников КГБ. Объектом исследования выступает повесть как историко-литературное произведение. Предметом исследования являются суждения автора повести о политической, экономической, социальной ситуациях того времени, о проблемах, существовавших в этих сферах жизни советского общества, а также о внешней политике. Материалом исследования служит текст повести, а именно авторский текст и высказывания персонажей. Методами выступают исторический метод и метод контент-анализа.

Повесть впервые была опубликована в 1979 г. в журнале «Дружба народов» [1]. Автор статьи рассматривает текст по первому книжному варианту 1980 г. [2]. В повести две сюжетных линии – поиск иностранного шпиона в Москве советскими контрразведчиками из КГБ¹ на фоне попытки американского ЦРУ² совершить государственный переворот в одной из африканских стран, дружественной СССР. Одновременно в повесть вплетены моменты, связанные с оценкой политической, экономической, социальной ситуаций в СССР, с оценкой

¹Комитет государственной безопасности СССР, включавший органы контрразведки.

²Центральное разведывательное управление США.

эффективности государственных органов, а, значит, и с борьбой за власть. По воспоминаниям современников, эта борьба шла между двумя членами Политбюро ЦК КПСС – Генеральным секретарём ЦК КПСС и Председателем Верховного Совета СССР Л.И. Брежневым (1906–1982) и Председателем КГБ СССР Ю.В. Андроповым (1914–1984).

Л.И. Брежнев был членом Политбюро с 29.06.1957 г. по 10.11.1982 г. В 1964 г. он возглавил КПСС сначала в должности Первого секретаря, а с 1966 – Генерального секретаря ЦК КПСС, т. е. стал фактическим главой страны³, так как ведущая роль КПСС была неоспорима и позднее даже была закреплена юридически⁴, а 16.06.1977 г. он стал ещё и формальным главой Советского государства, заняв пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР⁴.

Ю.В. Андропов являлся членом Политбюро с 27.04.1973 г. по 09.02.1984 г., а с 18.05.1967 г. по 26.05.1982 г. занимал должность главы КГБ СССР.

То, что борьба за власть между этими лидерами шла, писали как их современники, так и современные нам историки. Например, А. Шевякин прямо заявляет, что Андропов был врагом Брежнева и желал его смерти [3, с. 251–254]. Борьбу за власть подтверждает и В. Крючков, руководитель Первого Главного Управления (внешняя разведка) КГБ (1974–1988) и глава КГБ (1988–1991), ближайший сподвижник Андропова. Он пишет, что «по мере ухудшения состояния здоровья Брежнева к концу 1974 г. пришли в движение, активизировались те члены высшего советского руководства, которые до тех пор ничем особенным себя не проявляли... Каждый старался «набирать очки»... В результате к концу 70-х – началу 80-х гг. расстановка сил в высшем эшелоне власти более или менее определилась» [4, с. 98–99].

Об этом же пишут В. Соловьёв и Е. Клепикова в книге «Юрий Андропов: Тайный ход в Кремль». Эта книга впервые была издана (за рубежом) ещё при жизни Андропова в 1983 г., а впоследствии неоднократно переиздавалась. Авторы считают, что стареющий Брежнев постоянно терял власть, а Андропов прибирал её к рукам. И если до 1977 г. Брежнев диктовал Андропову, кого казнить, кого миловать, то после 1977 уже Андропов подсказывает Брежневу, кто из его соратников внушает подозрение [5, с. 194]. По мнению авторов книги, до 1979 г. страной управлял триумvirат Брежнев – Косыгин – Андропов. Но в 1979 г. Косыгин тяжело заболел, и триумvirат превратился в дуумvirат [5, с. 198]. С этого года и началась последняя фаза борьбы за власть между Брежневым и Андроповым, а точнее между политическими группировками, которые они возглавляли. К этому же году относятся и первое издание повести.

Уже через месяц после назначения на пост главы КГБ Андропов 21.06.1967 г. был избран кандидатом в члены Политбюро. В течение 6 лет, до 1973 г. его положение в партии и государстве не меняется. А вот с 1973 г. оно регулярно укрепляется, о чём свидетельствуют 4 факта. Однако эти факты надо рассматривать в контексте контроля КПСС над силовыми структурами в СССР – возвышать руководителей нескольких структур одновременно, параллельно друг другу, стимулируя конкуренцию между ними.

1) 27.04.1973. Андропов стал в советской истории вторым из руководителей органов госбезопасности, являвшимся одновременно членом Политбюро (27.04.1973, избрание в Политбюро – 26.05.1982, уход с поста главы КГБ). Первым был Л.П. Берия, совмещавший с 5 марта по 26 июня 1953 г. посты члена ПБ и главы МВД, которое с 15 марта 1953 г. было объединено с МГБ. С 1973 г. это стало обычной практикой в высшем советском руководстве. В.М. Чебриков и В.А. Крючков, становясь руководителями КГБ, через некоторое время избирались членами Политбюро.

Одновременно был возвышен и руководитель вооружённых сил. В один день с Андроповым членом ПБ становится А.А. Гречко, ставший министром обороны 12.04.1967, на 1 месяц раньше прихода Андропова на пост главы КГБ. Это первый после отставки Г.К. Жукова (1957) министр обороны и член ПБ одновременно. Д.Ф. Устинов пришёл на пост министра обороны (1976) будучи членом ПБ.

³Согласно ст. 6 Конституции СССР, принятой 7 октября 1977 г. КПСС являлась «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы», определяла «генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР».

⁴Согласно ст. 30 Конституции СССР 1936 г. и ст. 108 Конституции СССР 1977 г. Верховный Совет СССР являлся «высшим органом государственной власти СССР».

2) 17.12.1973. Андропову присвоено первое воинское звание – генерал-полковник, что свидетельствует о том, что в КГБ он пришёл «всерьёз и надолго».

Далее в биографии Ю.В. Андропова следует «дежурный» момент. 14.06.1974 г. ему «за большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством и в связи с шестидесятилетием со дня рождения» присвоено звание Героя Социалистического труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». Нужно учесть, что награждение к юбилею было обычной практикой того времени. Л.И. Брежнев получил в этот период три Звезды Героя Советского Союза (1976, 1978, 1981).

3) 10.09.1976. Андропову присвоено звание генерала армии (в этот день такое же звание было присвоено его оппоненту министру внутренних дел СССР Н.А. Щёлокову).

4) 05.07.1978. КГБ при Совете Министров СССР преобразуется из ведомства с правами министерства в полноценный государственный комитет – в КГБ СССР, что свидетельствует о повышении веса органов госбезопасности и государственного и политического веса самого Андропова.

Ю.В. Андропов несколько выделялся из состава Политбюро тем, что активно задействовал для реализации политики и достижения политических целей творческую интеллигенцию. Как пишет В. Касьянов, «много усилий со стороны Андропова было потрачено и на установление дружеских отношений с творческой интеллигенцией страны, чтобы с её помощью укреплять авторитет своего ведомства и более эффективно проводить идеологическую работу. Одним из представителей творческой интеллигенции был Юлиан Семёнов, которого до Перестройки в “кухонных” разговорах называли “Певцом КГБ” – за близость к ведомству Андропова» [6]. Кстати, Ю. Семёнов «воспевал» и работу милиции (например, известные повести «Петровка, 38» и «Огарёва, 6»).

И вот этот «певец КГБ» и, следовательно, «певец» его руководителя создаёт в конце 1970-х гг. повесть, в которой показаны многие проблемные стороны советской системы того времени. Как пишет литературный критик В. Кардин, «Следуя извечным тенденциям детектива... Ю. Семёнов старается включить в сюжет и проблемы нынешнего дня. Не только политические, но и бытовые, литературные, кинематографические, то есть почти все, с чем сталкивается современный человек, вовлечённый в общественную жизнь» [7, с. 122].

В повести её автор однозначно отдаёт предпочтение КГБ через идеализацию его образа. Он говорит о недостатках общества, которые замалчивались в речах с высоких трибун и в СМИ. В основном в произведении описаны недостатки «по партийной линии». КГБ же представлен исключительно в позитивном свете. Один из главных героев повести – генерал КГБ К.И. Константинов. Предположительно в его образе Ю. Семёнов вывел самого Андропова.

Нередко в повести противопоставляются КГБ и КПСС, КГБ и иные государственные структуры, например, МИД. Также в повести показано, что КГБ видит все названные недостатки и что он обладает ресурсами для их исправления. Положительный образ имеют и все его сотрудники, упомянутые в повести. Несмотря на то, что противники КГБ – люди хитрые и умные, чекисты всё равно выходят победителями. Повесть имеет две сюжетные линии, содержит немало суждений о жизни. Она рассчитана, скорее, на умных людей, интеллектуалов.

Реверансом в пользу интеллектуалов, указанием на трудности выезда из страны служат следующие слова научного работника Ольги Винтер: «Обидно, что наши институты не дают возможность молодым ученым не просто съездить в двухнедельную командировку (за границу – А.К.), это ерунда, а пожить, повкалывать там в поте лица – тогда только будут результаты...» [2, с. 71].

Рассмотрим подробнее проблемы советского общества того времени, которые затронул Ю. Семёнов. Автор статьи определяет эти проблемы по четырём группам: 1) политико-идеологические, 2) управленческие, 3) экономические, 4) социальные. Все высказывания о проблемах имеют одностороннюю направленность – персонажам, высказавшим эти мысли, оценочные суждения никто не возражает.

1) *Проблемы и недостатки в сфере политики и идеологии.* Автор повести указывает на излишнее вмешательство партийных органов в личную (частную) жизнь людей. Это происходит в форме партийных собраний. Например, советский инженер А. Зотов говорит: «Вспомните наши собрания, где моральный облик разбирают. Слава богу, стало полегче, а

ведь что раньше вытворяли? Грязное бельё наружу, аутодафе⁵ сплошное» [2, с. 148]. В уста академика В. Винтера вкладывается похожая фраза: «Ты же знаешь, как у нас любят ворошить чужое бельё» [2, с. 167]. Здесь уместно привести слова Л.В. Шебаршина, в 1989–1991 гг. – начальника Первого главного управления КГБ СССР, о работе советской резидентуры в Индии, где он работал в 1971–1977 гг. Вот что он пишет про свои отношения с партийными органами. «Отношения с партийной властью у меня складывались не вполне гладко, и не по каким-то высоким соображениям. Я был абсолютно лояльным членом КПСС, входил в состав парткома и никогда не подвергал сомнению целесообразность его существования. Сложности возникали по конкретным эпизодам жизни советских учреждений. У нас ведь как: коли возникли трения с парткомом, тем более сиди на его заседаниях – нудных, скучных, бесконечно длинных» [8, с. 82].

Также в повести указывается на то, что отсутствие у советского гражданина членства в КПСС не является препятствием для любви к Родине, для работы на пользу общества. И, следовательно, никакая политическая партия не может монополизировать патриотизм. Эта мысль вложена в уста заслуженного человека – ветерана войны, орденоносца, бывшего милиционера и строителя, а ныне пенсионера Сидоренко, потерявшего на войне жену и ребёнка. Он говорит, что академик Туполев хорошо как-то сказал на митинге: «Я хоть и беспартийный, но Родину тоже люблю» [2, с. 187].

В повести, по мнению автора статьи, есть намёки на литературные труды Брежнева и многочисленные издания партийной литературы, которые никто не читает. Генерал КГБ Константинов говорит, что «книгу отправят на макулатуру, но и это полбеда; главная беда в том, что может появиться некая девальвация литературной правды, а сие – тревожно» [2, с. 24].

2) *Недостатки в сфере системы управления.* Недостатки в сфере системы управления показаны через указания на бюрократизацию. Например, сотрудник КГБ в посольстве И. Дулов говорит, что «мы все браним – с разной только мерой громкости: и разгильдяйство наше, и перестраховку, и леность, и раздутые штаты, и бюрократство» [2, с. 29]. Об этом упоминает и работник торговли продавец продуктового магазина Цизин. Он говорит, что «в наше время всё решает не главный, а пятый» [2, с. 82]. Что немаловажно, никто из персонажей повести им не возражает.

Сказано и о том, что советское государство «дарит» деньги зарубежным странам, а по сути, разбазаривает их. Научный работник О. Винтер заявляет генералу КГБ Константинову: «Мы – щедрые, обидеть боимся, не требуем гарантий, верим, а дядя Сэм аккуратист, он без бумажки и векселя ни цента не даст, умеет считать деньги» [2, с. 71–72]. Об этом же советский торговый представитель за рубежом А. Зотов говорит полковнику КГБ Виталию Славину: «Портовые службы здесь нам задолжали пять миллионов... А мы совестимся их потребовать... А мы миндальничаем, боимся, что нас неверно поймут, обидятся, а нас во всех здешних газетах поливают, как хотят...» [2, с. 107–108]. То есть автор повести предлагает быть более твёрдыми и прагматичными в отстаивании экономических интересов страны за рубежом.

Писатель указывает и на то, что государство и партия часто заняты политической пропагандой вместо организации и совершенствования управления, вместо повышения качества товаров и увеличения их производства. Например, ювелир И.В. Абрамов говорит, что «это мы не бережём клиента и не думаем о преемственности симпатий, а им (капиталистам – А.К.) нельзя иначе, они живут рынком, а не собраниями политпросвета» [2, с. 140]. Похожее фрондирование можно найти в других произведениях Ю. Семёнова. Например, разговор милиционера Садчикова и портного Замирки в повести «Огарёва, 6» (1972). Портной говорит, что в Венгрии и Польше «тоже социализм, и ему не мешают портные, отдающие государству хорошие деньги в налоговые отчисления... попробуй-таки я шить (в частном порядке – А.К.), как меня сразу же тянут за хобот в ОБХСС⁶ и делают каким-то пособником классового врага» [9, с. 206].

Таким образом, писатель противопоставляет политической пропаганде и агитации если не рыночные отношения, то, по крайней мере, некоторую меру свободы производителя от государства и политических догм, ставит клиента/потребителя, а по сути простого человека во главу угла. Одновременно автор повести подсказывает выход из ситуации товарного дефицита.

⁵ Аутодафе – средневековая религиозная церемония суда над еретиками (вероотступниками), состоявшая из богослужения, выступлений обвинителей и обвиняемых, вынесения, как правило, смертных приговоров (обычно через сожжение на костре).

⁶ Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности – подразделение органов внутренних дел.

3) *Недостатки в экономической сфере.* Недостатки в сфере экономики включают описание дефицита товаров и их качества, проблемы в сфере производственного процесса и оплаты труда.

Дефицит товаров. Дефициту товаров, бичу не только 1970-х гг. советской власти, автор уделяет немало строк. В повести говорится, что даже тем, кто относится к элите общества, хорошее чешское пиво приобрести очень трудно. В Доме литераторов журналист-международник Д. Степанов говорит своему другу полковнику КГБ В. Славину, что «пльзенского пива не будет. И ростовских раков тоже» [2, с. 15]. Это же относится и к качественной минеральной воде. Работник торговли Цизин говорит сотруднику КГБ, представившемуся сотрудником киностудии: «Да, я её (минеральную воду «Славяновскую» – А.К.) прячу от валового покупателя» [2, с. 81].

Высокие цены на качественные продукты также не обойдены стороной. Даже генерал КГБ Константинов жалуется на цены. Он говорит своему начальнику П.Г. Фёдорову, что «мёд теперь на базаре куда как дорог» [2, с. 169].

Упоминается и магазин «Берёзка»⁷, в котором можно было за иностранную валюту приобрести дефицитные товары. Например, в авторской речи говорится, что в обычном магазине можно приобрести только батарейки для фонарика «элемент 437», а «остальные только в «Берёзке» и продают» [2, с. 209]. Ещё автор вкладывает в уста сотрудника КГБ Гмыри слова о качественных сигаретах «Аполло – Союз»: «Поди их достань... Только в «Берёзке» [2, с. 274].

Трудно приходится не только курильщикам, но и интеллектуалам. Очень высоки цены на книги. Например, по словам В. Славина, «Толковый словарь» В.И. Даля очень дорог: «на чёрном рынке каждый том стоит сто рублей»⁸ [2, с. 21]. С ним согласен сотрудник КГБ И. Дулов: «Все поняли, что в Москве хорошую книгу не найдёшь» [2, с. 30].

Константинов упоминает ещё об одном пороке советской системы – фарцовщиках [2, с. 263], лицах, которые занимались перепродажей дефицитных импортных товаров. Возникновение этой категории лиц стало возможно вследствие дефицита товаров на прилавках советских магазинов.

Качество товаров. Затронута и проблема качества советских товаров. Несколько раз утверждается, что качество товара на Западе выше, чем в СССР. В первую очередь это касается автомобилей. Например, И. Дулов говорит, что механик «поставил на «Волгу» Зотова карбюратор «Фиата» – теперь летает, как спутник, шёпотом даёт полтораста километров» [2, с. 28]. Опытный механик М.М. Парамонов, долгое время работавший за границей, советует Константинову: «Купите бошевский набор, отменная штукovina, умеют буржуи облегчать жизнь мастерскому человеку» [2, с. 87]. И сам Константинов говорит о качестве западного товара, но уже, так сказать, интеллектуального: «На Западе в кино работают умные люди; заметьте, как часто они приглашают писателя прописать диалоги, хорошего причём писателя» [2, с. 267]. Кстати, автором сценария фильма «ТАСС...» был сам писатель Ю. Семёнов, как и многих других фильмов по своим произведениям.

Производственный процесс. В повести говорится о том, что исполнения некоторых заказов на производство товаров нужно ожидать очень долго. Ирина, врач, хотела заказать дубовую раму, но «сказали, что заказ будет выполнен через год, в лучшем случае» [2, с. 252]. Здесь снова вспоминаются слова о капиталистах, которые «живут рынком, а не собраниями политпросвета» [2, с. 140].

Проблема достойной оплаты труда. Труд интеллектуалов, людей с высоким уровнем образования, нередко, по мнению писателя, не в полной мере оплачен государством. В повести говорится о том, что у них не столь высокая зарплата. Врач Ирина в письме своему близкому другу В. Славину пишет, что «с санитарками у нас очень плохо. Идут в уборщицы, работают в двух местах, сто восемьдесят рублей на руки, иначе и говорить не хотят. Я, стошестидесятирублёвый рентгенолог, смотрю на них снизу вверх» [2, с. 252]. То есть труд врача, высококвалифицированного специалиста, крайне недооценен.

4) *Социальные проблемы.* В качестве главной социальной проблемы называется проблема *пьянства и алкоголизма*. Она в повести поднимается несколько раз. Генерал Константинов на собственной кухне прямо заявляет своей супруге о широко распространённом на производстве пьянстве: «будь в каждом цеху только один пьяница, я бы в церкви свечки ста-

⁷Сеть розничных магазинов, реализовывавших продукты питания и промышленные товары за иностранную валюту.

⁸Средняя зарплата в СССР в 1979 г. составляла 148,74 рубля.

вил» [2, с. 24]. Описывается автором повести и торговля спиртным «из-под прилавка» под видом минеральной воды в продуктовом магазине [2, с. 102]. Немало слов сказано об алкоголизме отличного автомеханика Парамонова [2, с. 104–105]. А вот сотрудники КГБ не подвержены этой проблеме. Они не пьяницы и не алкоголики. Как сказал В. Славин, «водку я пью лишь в силу служебной необходимости» [2, с. 16].

А вот о работе органов КГБ и его сотрудников у Ю. Семёнова нашлись очень позитивные слова. Работа сотрудников КГБ преподносится в первую очередь как интеллектуальная. Генерал Константинов говорит, что «главный инструмент наш – голова, а никак не акробатические способности» [2, с. 120], «работа чекиста – это в первую очередь мысль» [2, с. 266]. И сам Константинов представлен интеллектуалом. Одна из его любимых книг – работа Льва Успенского (1900–1978), ленинградского писателя, лингвиста, переводчика [2, с. 142].

Также указывается и даже подчёркивается, что сотрудники КГБ соблюдают законность, говорят о том, что они ограничены Конституцией [2, с. 107], могут делать «лишь то, что не противоречит закону» [2, с. 142].

О моральных качествах и отношении к простым людям сотрудников КГБ говорится из уст Константинова. Его слова «поскольку я из КГБ, то честному слову приучен верить» [2, с. 132] говорят о том, что КГБ – это не организация, которая подозревает всех, а та, которая доверяет собственным согражданам. Кроме того, сотрудники КГБ – люди скромные. После выявления иностранных агентов и пресечения их деятельности, Константинов думает о том, что «всё-таки безымянность в чём-то даже приятна» [2, с. 301].

По мнению автора статьи, исходя из всего вышесказанного, повесть была задумана, по всей видимости, как ряд сообщений от органов госбезопасности и Андропова как руководителя КГБ к думающим и читающим людям, интеллектуалам того времени. Во-первых, КГБ – организация интеллектуальная, работает в первую очередь умом. Во-вторых, КГБ работает в сложных условиях в неблагоприятной обстановке, и, тем не менее, выходит победителем, защищая интересы государства и народа не на словах, а на деле. В-третьих, КГБ видит недостатки, существующие в обществе. И у КГБ есть желание их устранить. Кроме того, КГБ имеет ресурсы для их устранения (организационные, интеллектуальные, моральные). В-четвёртых, КГБ соблюдает законность, и беззаконие предшествующих десятилетий не повторится.

В целом, скрытый смысл повести – это не только перечисление недостатков советского общества, но и декларация намерений потенциального первого лица государства и партии Андропова в случае прихода к власти. Таким образом, повесть можно охарактеризовать как пропагандистское подкрепление претензий на власть со стороны Андропова в качестве представителя КГБ в условиях борьбы с политической группировкой Брежнева в конце 1970-х гг.

Литература

1. Семёнов, Ю. ТАСС уполномочен заявить... / Ю. Семёнов // Дружба народов. – 1979. – № 7. – С. 6–102 ; № 8. – С. 9–92.
2. Семёнов, Ю.С. ТАСС уполномочен заявить... / Ю.С. Семёнов. – М. : Советская Россия, 1980. – 304 с.
3. Шевякин, А.П. Юрий Андропов: реформатор или разрушитель? / А. Шевякин, О. Хлобустов. – М. : Алгоритм, 2014. – 320 с.
4. Крючков, В.А. Личное дело: в 2-х ч. / В.А. Крючков. – М. : Олимп; ТКО АСТ, 1996. – Ч. 1. – 448 с.
5. Соловьёв, В. Юрий Андропов: тайный ход в Кремль / В. Соловьёв, Е. Клепикова. – СПб. : Северин, 1995. – 333 с.
6. Касьянов, В. Юлиан Семёнов и КГБ / В. Касьянов // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.proza.ru/2017/02/05/497>. – Дата доступа : 04.06.2018.
7. Кардин, В. Секрет успеха / В. Кардин // Вопросы литературы. – 1986. – № 4. – С. 102–150.
8. Шебаршин, Л.В. Рука Москвы: записки начальника советской разведки / Л.В. Шебаршин. – М. : ТЕРРА, 1996. – 336 с.
9. Семёнов, Ю. Собрание сочинений : в 8-ми т. / Ю. Семёнов. – М. : МШК МАДПР, ДЭМ, 1994. – Т. 5. Повести. – 529 с.

УДК 94:323.1(476):159.922.4(=161.3:=162.1)"183/192"

Реакция белорусов на польскость как отражение особенностей их ментальности и показатель развития этнического самосознания (30-е годы XIX – начало 20-х годов XX в.)

А.М. КРОТОВ

Рассматривается реакция белорусов на польскость как отражение особенностей их ментальности и показатель развития этнического самосознания в 30-х годах XIX – начале 20-х годов XX в. Делается вывод, что в рассматриваемый период белорусы стали избавляться от инертности и пассивной апатии, сформировавшихся за период польского доминирования в Беларуси и начали выходить из состояния этнического инфантилизма. В результате роста этнического самосознания белорусов стало меняться их отношение к полякам и польскости от пассивно негативного до открыто враждебного.

Ключевые слова: белорусы, ментальность, этническое самосознание, поляки, польскость.

The reaction of Belarusians to Polishness as a reflection of features of their mentality and an indicator of the development of ethnic self-awareness in the 30s of the XIX – beginning of the 20s of the 20 century is discussed. It is concluded that in the period under review, the Belarusians began to get rid of the inertia and the passionate apathy that had been formed during the period of Polish domination in Belarus and began to emerge from the state of ethnic infantilism. As a result of the growth of the ethnic identity of the Belarusians, their attitude towards the Poles and Polishness changed from passively negative to openly hostile.

Keywords: Belarusians, mentality, ethnic self-consciousness, Poles, Polishness.

Люди, как правило, имеют ментальность и психический склад того этноса, к которому принадлежат. Это активно проявляется в их деятельности и поведении, что нельзя не учитывать при изучении процесса общественно-исторического развития.

В «Новой философской энциклопедии» (М., 2001 г.) ментальность (менталитет) определяется как «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определённым образом» [1]. Проще говоря, ментальность – это социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать. Она неразрывно связана с психическим складом этноса. А этот склад является неповторимым в своей индивидуальности сочетанием свойств, образующих устойчивое единство и отражающих то общее, что есть у каждой этнической общности: этнический менталитет, этнический склад ума, этнический темперамент и характер, этнические стереотипы, этнические чувства, интересы и ориентации, традиции и обычаи, этническое самосознание» [2].

Белорусы и поляки не являются исключением. Вряд ли сегодня стоит сомневаться в том, что поляки имеют весьма развитое национальное самосознание и национальный характер, закалённый в многочисленных войнах с внешними врагами и в национально-освободительных восстаниях. Они имеют богатую национальную мифологию, утверждающую в польской национальной среде патриотические и культуртрегерские идеи, а также убеждение в своей национальной и культурной исключительности. Взятые в комплексе признаки, характеризующие как отдельно взятого поляка, так и поляков в целом, у самих поляков ассоциируется с польскостью. В большом «Словаре польского языка» Витольда Дорошевского она определяется как «польский характер чего-то, комплекс польских признаков» [3].

Так уж исторически сложилось, что для белорусов поляки и польскость не являются чем-то незнакомым, абсолютно непонятным и чуждым. Этнокультурная диффузия, которая происходила в Беларуси на протяжении многих веков, привела к сближению белорусов и поляков, зарождению того, что психологи называют «эмоциональной связью». Белорусско-литовские кресы стали местом, о котором многие польские авторы (прежде всего уроженцы

самих кресов) писали с умилением. В польском искусстве, художественной литературе и публицистике XIX – начала XX в. они неизменно предстают в романтическом пасторальном образе. Особым было и отношение поляков к местным жителям.

Как известно, в генезисе национального сознания белорусов XIX – начало XX в. занимают особое место. В результате потрясений рубежа XVIII–XIX вв. сложились условия, благоприятствовавшие выходу их культурной жизни за пределы того формата, в котором она существовала ранее. При этом очевидно, что белорусское национально-культурное возрождение, восходящее корнями к началу XIX в., помимо своего генерального, сугубо культурного аспекта, имело также и политическую составляющую, хотя выражена она была чрезвычайно слабо. Зарождающееся национальное движение белорусов изначально имело антиполонизаторскую направленность, а после подавления российским царизмом польских национально-освободительных восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. приобрело также и направленность антирусификаторскую. При этом необходимо подчеркнуть, что речь идёт именно об антиполонизаторской и антирусификаторской, а не об антипольской и антирусской направленности.

Что касается антирусификаторской направленности, значение её не стоит преувеличивать – в Беларуси не было сил (за исключением поляков), которые могли бы этой тенденции придать хоть какую-нибудь силу. Всё ограничивалось пассивным неприятием белорусским обывателем русского образа жизни, русских нравов и морали. Трудно было ожидать от белорусов, чьё этническое самосознание находилось в зачаточном состоянии и проявляло себя только в противопоставлении с представителями более низких по статусу, а точнее – более дискриминируемых групп, открыто негативного восприятия представителей господствующих этносов – поляков или русских.

В этих условиях царизму удавалось довольно успешно реализовывать в Беларуси программу-минимум своей национальной политики, суть которой сводилась к отторжению белорусов от польскости. Программу-максимум – полную русификацию края – никто с повестки дня, конечно же, не снимал, но реализация её откладывалась на перспективу. На практике с середины 60-х гг. XIX в. вплоть до начала Первой мировой войны процесс белорусского национального возрождения практически полностью перешёл в русло культурно-просветительной работы, развивавшейся под русским административным и идеологическим контролем.

Несомненные успехи царизма в деле интеграции белорусских земель в организм Российской империи объясняется несколькими причинами, в числе которых, без всякого сомнения, был этнический инфантилизм белорусов, усугублявшийся синдромом относительной депривации (депривация – сокращение либо полное лишение возможности удовлетворять основные психофизиологические либо социальные потребности – А.К.).

Относительная депривация представляет собой субъективно воспринимаемое и болезненно переживаемое несовпадение «ценностных ожиданий» (т. е. благ и условий жизни, которых, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и «ценностных возможностей» (т. е. тех благ и условий жизни, которые люди, по их представлению, могут получить в реальности) [4]. В основе синдрома относительной депривации лежит механизм социального сравнения. Индивиды, принадлежащие к одному этносу, могут сравнивать своё положение и положение представителей других этнических групп (либо свои возможности в прошлом и в настоящем) или же они обнаруживают резкое несоответствие между тем, во что они верят, что является должным, и тем, что они знают о реальности, тем, как она им открывается. Социальное сравнение содержит в себе значительную ценностную нагрузку и поэтому приводит людей к мысли о несправедливости обнаруженных несоответствий.

Относительная депривация описывается в научной литературе как феномен, имеющий важное социальное значение. Накопленная неудовлетворённость и острое переживание несправедливости существующего положения имеют тенденцию распространяться в социальной среде, вызывать социальное беспокойство и диффузную агрессию, что в итоге приводит к росту социальной напряжённости. Считается, что относительная депривация является важным условием разных форм коллективного действия – от бунтов и революций до протестного поведения и социальных движений.

Будучи лишёнными возможности чувствовать себя хозяевами на своей собственной земле, вынужденными приспособляться к выживанию в условиях польского, а затем российского доминирования и господства белорусы чувствовали себя ущемлёнными; их достаток, а, следовательно, и жизненный уровень были чрезвычайно невысоки; шёл процесс депривации жизненных стандартов, суть которого прекрасно передаёт латинское выражение «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». При этом никакой реакции на доминирование и господство чужаков на практике белорусы не выказывали. Однако это вовсе не означает, что самой реакции не было – белорусы приспособлялись терпеть и ждать положительных для себя изменений, которые должны были произойти как бы сами собой. Но эта реакция для белорусов, как этносоциального организма, не могла пройти бесследно, без трансформирующих последствий.

С точки зрения социобиологии и медицины, в «цивилизованном» социуме наиболее частым вариантом выхода-выплеска агрессии, которая является врождённым инстинктом, являются в первую очередь соматические болезни. Если в обществе, по понятным причинам, человек лишён возможности безнаказанно выплеснуть агрессию наружу, лишён средств, позволяющих временно заглушить приступы агрессии, либо его моральные устои не позволяют ему их использовать, то агрессия направится вовнутрь, вызовет изменения, которые, в свою очередь, приведут к т. н. «психосоматическим» заболеваниям, за которыми идут более серьёзные болезни, в том числе и опасные для жизни.

В принципе, подобные симптомы без труда можно распознать в белорусах. Прежде всего, это их подавленный, депрессивный вид, и такое же состояние души, что предполагает, исходя из изложенного выше, раздражительность и агрессивность, которые, однако, белорусам приходилось разными способами в себе подавлять. Конечно, это сказывалось на них самым негативным образом и выражалось во впечатлении, которое они неизменно производили на чужаков.

Например, в «Живописном альбоме. Народы России», изданном в 1877 г., мы читаем: «В 40–50 лет, белорус выглядит совершенным стариком, особенно женщины, которые стареют весьма рано... Между взрослыми мужчинами... почти невозможно встретить ту осанность, русскую крепость и красоту, про которую говорят: «кровь с молоком» и которую во все не редкость встретить среди населения великорусских губерний или ту, как бы железную крепость, которая отличает сухого и смуглого малороса» [5, с. 46]. Однако главную проблему авторы увидели не в быстром старении белорусов и не в их телесном тщедушии, а в характере: «Но не в одной бедности, беспечности и страсти к вину оставили после себя следы тяжкие невзгоды, которые переносил в былые годы белорусский народ. Они испортили его нрав, забили, принизили его. Привыкши в течение долгого времени терпеть гнёт со всех сторон, изгибаться, коленопреклоняться, лгать и подличать для своей безопасности не только перед паном помещиком, но и подпанком – экономом (управляющим) и паном арендарем (евреем, арендующим корчму), белорус и до сих пор остаётся лукавым, двоедушным, недоверчивым, скрытным со всяким, кто сколько-нибудь похож на пана, будет ли то чиновник, писарь или совсем посторонний человек. Раболепство же его и унижение перед всеми, кто выше его, подчас преступают всякую меру» [5, с. 51]. Отсутствие у белорусов жизненной энергии и их приспособленчество отмечали практически все российские исследователи, которые занимались народописанием [5, с. 43–57], [6, с. 240–250], [7, с. 277–284].

И не только исследователи – образ белоруса, вызывающий глубокое сочувствие и скорбь, вывел Н. Некрасов в своём стихотворении «Железная дорога»: «...Волосом рус, / Видишь, стоит, изможден лихорадкою, / Высокослый большой белорус: / Губы бескровные, веки упавшие, / Язвы на тощих руках, / Вечно в воде по колено стоявшие / Ноги опухли; колтун в волосах; / Ямою грудь, что на заступ старательно / Изо дня в день налегала весь век... / Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно: / Трудно свой хлеб добывал человек! / Не разогнул свою спину горбатую / Он и теперь ещё: тупо молчит / И механически ржавой лопатою / Мерзлую землю долбит!» [8].

В другом своём произведении – «Кому на Руси жить хорошо» (Глава 4. Счастливые) – Н. Некрасов вновь показывает читателю типичного белоруса с охарактеризованными выше чертами его национального характера: «Желтоволосый, сторбленный, / Подкрался робко к странникам / Крестьянин – белорус, / Туда же к водке тянется: / – Налей и мне маненичко, / Я счастлив! – говорит. / «А ты не лезь с ручищами! / Докладывай, доказывай / Сперва, чем счастлив ты?» / – А счастье наше – в хлебушке: / Я дома в Белоруссии / С мякиною, с кост-

рикою / Ячменный хлеб жевал; / Бывало, вопишь голосом, / Как роженица корчишься, / Как схватит животы. / А ныне, милость божия! – / Досыта у Губонина / Дают ржаного хлебушка, / Жую – не нажуюсь!» [9].

Учитывая сказанное о белорусах российскими этнографами, писателями и поэтами, можно не сомневаться в том, что смирение белорусов, их молчание, было способом мимикрии, приспособления к обстоятельствам жизни. А о том, что было у них на душе, красноречиво говорят белорусские народные песни, наполненные безысходной грустью и печалью.

Как считается, полностью механизмы депривации-фрустрации-агрессии и у социального индивидуума, и той этнической группы, к которой он принадлежит, могут быть исключены только при приведении в соответствие имеющихся «жизненных» установок с реально сложившимся «жизненным» положением [4].

Своими силами в рассматриваемый период, впрочем, как и ранее, белорусы эту проблему были не способны решить. По причине неразвитости этнического самосознания они чувствовали очень слабую связь с представителями собственной этнической группы, что чрезвычайно сильно ослабляло их сопротивленческий потенциал, способность к противодействию внешнему давлению. Да и что касается «жизненных» установок, тут тоже были очень серьёзные проблемы. Как известно, жизненные установки напрямую связаны с потребностями, потребности – с уровнем образования и культуры. Если следовать по этой логической цепи в обратном направлении, проблемы начинаются сразу же – уровень образования и культуры белорусов оставал желать лучшего. Тот, кто должен был заниматься их повышением – представители белорусской элиты – став когда-то на путь полонизации и ренегатства, бросили свой народ на произвол судьбы. В состав Российской империи белорусы вошли уже без этой элиты. В жизни же простонародья всё сводилось к элементарному выживанию – не более того. Хотя это, конечно же, не исключало существования традиционной народной культуры на бытовом уровне.

Таким образом, в XIX в. у белорусов не было оснований и поводов для завышения собственной самооценки, зато имевшие место быть чётко осознаваемый невысокий культурный уровень, отсутствие «маяков» в лице представителей собственной национальной элиты, очень низкая пассионарность и т.п. порождали комплекс этнической неполноценности, которая проявлялась при пробировании её, в частности, польской «лакмусовой бумажкой». Пожалуй, это сравнение является наиболее показательным, поскольку большего несоответствия уровней этнического самосознания, этнических (что касается поляков – национальных) амбиций и т. п. трудно найти. В то время, когда поляки были буквально одержимы своей национальной исключительностью (защитники европейской цивилизации и цитадели католицизма на востоке Европы, прирождённые демократы и в этом своём качестве – последовательные борцы с тираниями и деспотиями), белорусы вообще имели большие затруднения с этической самоидентификацией.

Но национальные их качества, как уже было сказано, оказались в фокусе внимания этнографов – сначала российских, а затем уже и польских. Оценивались они по-разному – в зависимости от обстоятельств и от мотивации оценивающего – и как достоинства белорусов, и как их недостатки.

В наши дни эта тенденция продолжает сохраняться. Так, например, в своей книге «Таямніцы народнай душы», Э.С. Дубенецкий [10] продемонстрировал идеалистический подход к анализу особенностей белорусского национального характера («народной души») и представил, по сути дела, белорусский автостереотип со всеми его позитивными чертами и качествами. Однако все они, как правило, совсем иначе интерпретировались (и интерпретируются) зарубежными, в первую очередь, российскими и польскими исследователями. В этой связи вполне уместно будет привести следующий афоризм: «Любое человеческое качество – это монета, где достоинство и порок – аверс и реверс».

Этнический инфантилизм белорусов, их инертность и пассионарная вялость давали повод и полякам, и русским видеть в них податливый для ассимиляционного воздействия демографический материал.

Отмечая указанные качества белорусов вообще и в преддверии их национально-культурного возрождения в частности, представляется необходимым сказать, что роль катализатора, значительно ускорившего этот процесс, выполнили представители кресовой поль-

скости. В реалиях российского политического преобладания кресовые поляки, стремясь предотвратить русификацию Беларуси, грозившую потерей всех результатов польской «культурной» работы на кресах, оказали большое содействие не только развитию белорусской национальной культуры, но и развитию этно-политического сознания белорусов [11]. Деятельность «филологических подстрекателей» из числа кресовых поляков привлекла к культурной работе этнических белорусов, в скором времени начавших доминировать и перенаправивших это развитие в иное русло, ведущее совсем не туда, куда по замыслам пионеров белорусского национально-культурного возрождения оно должно было вывести – к отрыву Беларуси от такого мощного центра притяжения и генератора чуждых польскости влияний, каким являлась Россия [11, с. 60].

Однако, как показало дальнейшее развитие событий, и русификаторская работа в Беларуси не дала желаемого идеального результата. Российские власти довольно быстро поняли, что процесс национально-культурного возрождения белорусов можно использовать в антипольских целях и после восстания 1863–1864 гг. пытались доказать в рамках принятой на идеологическое вооружение «теории западнорусизма», что белорусы являются самобытным ответвлением русского этноса, а их этнографические отличия являются результатом польских влияний.

Интерес к белорусам, проявленный поляками и русскими в рамках идеологического противостояния между собой, без всякого сомнения, сыграл положительную роль в деле конструирования белорусской этничности, за которую сознательно взялись пассионарии из новоформирующейся белорусской интеллигенции. Они не только открыто заявили о праве белорусского народа на свою собственную культуру, но и сделали многое для того, чтобы превратить «тутэйшага» в «белоруса» – человека, который имел собственное представление о себе, о своеобразии той национальной общности, к которой принадлежал, и о внешнем мире. Хотя Ф. Богушевич и Я. Купала начинали писать по-польски, а Я. Колас и М. Богданович – по-русски, все они сознательно, намеренно пришли к творчеству на белорусском языке и помогли эту метаморфозу осуществить.

Придать рыхлому этническому самосознанию белорусов новое качество и вывести их из оцепенения в специфических условиях второй половины XIX – начала XX в. было очень сложно. Однако общая ситуация, сложившаяся в европейской культурной и общественно-политической мысли того времени, этому способствовала – накануне и во время Первой мировой войны активизировался процесс пробуждения национального самосознания неполитических народов Европы, в том числе и белорусского. Более того, на фоне развала Российской, Австро-Венгерской и Германской империй многие из них взялись за формирование собственных государств.

Факт создания Белорусской Народной Республики показывает, что и белорусы не стали исключением. Однако если сравнивать государственно-строительный процесс, начавшийся в Беларуси, и борьбу за сохранение БНР, с подобными же процессами, происходившими в других странах Восточной Европы, очевидно, что это дело не стало делом всех белорусов. Подавляющее их большинство не проявило никакой заинтересованности в создании БНР и её защите, и привычно старалось стоять в стороне от бурных событий этого беспокойного времени, проявляя одно из всегда высоко ценившихся в белорусах качеств – трезвомыслие.

Однако политической пассивностью основной массы белорусов, отсутствием национальной элиты, которая смогла бы убедить эту массу пойти за собой и своей решительностью придать ей энтузиазм, воспользовались поляки, развернувшие борьбу за возвращение «восставшей из пепла» Польше «своих кресов» [12]. Пожалуй, впервые поляки предстали перед белорусами в роли враждебной внешней силы. Жизнь показала, что со времени разделов Речи Посполитой в отношении белорусов к полякам многое переменялось. Интуитивно ранее осознаваемая белорусами собственная отчуждённость от поляков, которую они ранее не решались выказывать, по мере развития в белорусах собственного этнического самосознания, в общественно-культурной жизни XIX – начала XX в., модерируемой российскими властями, стала проявлять себя открыто. Расчёты поляков на то, что белорусский народ – «тёмный, несознательный, неграмотный, который не имел понятия, что такое «национальность», «национальная борьба», «национальное сознание», ...который заботится только о

том, чтобы хорошо жить, потреблять и потому не думает ни о каком другом деле» [13], останется и в текущий исторический момент, как это было не раз в прошлом, в стороне от решения судьбы своего отечества и своей собственной, не оправдались.

Поляки довольно трезво оценивали государственно-строительный потенциал белорусов. Так, например, «Dziennik Poznański», в августе 1918 г., имея в виду пассивность и малую значимость белорусов в устройстве кресов, заявлял: «В Беларуси имеются условия для жизни, однако благодаря иным национальностям, которые её населяют» [13]. Однако поляков не покидали опасения, что в борьбе за возвращение кресов им придётся столкнуться с русским противодействием, для которого белорусское национальное движение и белорусская государственность станут лишь прикрытием.

Белорусские политики не воспринимались представителями польского истеблишмента всерьёз. Для этого не надо было давать и особых поводов. Они исходили из стереотипного представления о белорусах. Однако и белорусские политики своей риторикой, своими действиями это представление зачастую подтверждали, демонстрируя политический инфантилизм. Проявилось это, прежде всего, в наивном их расчёте, что поляки, позиционировавшие себя борцами «на нашу и вашу волю», возрождая независимое польское государство, окажут и белорусам помощь в деле строительства их собственного государства. Но с этими иллюзиями вскоре пришлось расстаться. Выходившая в Вильно газета «Гоман», с горечью констатировала: «Польский народ относится к нам... как «волк» к «овце». И если теперь Польша, в значительной мере силами наших людей, добыла свободу..., то вместо благодарности не только не попыталась помочь, но, ещё даже не успев организовать, как следует, желает прибрать наш край под своё шляхетское господство. Этим она предала не только этот край, но и шумно воспетый польский демократизм – «за нашу и вашу волю» [14].

В отношении белорусов к полякам и польскости как таковой в конце 10-х – начале 20-х гг. XX в. произошли большие перемены. Появилась эмоционально-психологическая основа для их негативного и даже враждебного восприятия. Но, как известно, внешняя опасность интегрирует этническую общность. В развитии национального самосознания белорусов произошёл скачок, превративший их из этнографической фикции в народ, демонстрировавший свои амбиции. Движило ими, как сказал Я. Купала в своём стихотворении «А кто там идёт?» – презренными, слепыми и глухими» – обида и желание «называться людьми» [15].

Литература

1. Визгин, В.П. Ментальность [Электронный ресурс] / В.П. Визгин // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. / под ред. В.С. Стёпина. – М. : Мысль, 2001. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/698/МЕНТАЛЬНОСТЬ / – Дата доступа : 14.03.2019.
2. Бафаев, М.М. Этнический менталитет как компонент психического склада этноса [Электронный ресурс] / М.М. Бафаев, Ш.Ш. Останов // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 2. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/etnicheskiy-mentalitet-kak-komponent-psichicheskogo-sklada-etnosa>. – Дата доступа : 14.03.2019.
3. Słownik języka polskiego [Elektronowy dokument]: w 11 t. / Red. nac. W. Doroszewski. – Warszawa: Wydaw. Nauk. PWN, 1996–1997. – Reżim dostępu : <https://sjp.pwn.pl/doroszewski/polskosc;5476593.html>. – Дата dostępu : 10.03.2019.
4. Климов, И.А. Депривация [Электронный ресурс] / И.А. Климов // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа : <https://bigenc.ru/sociology/text/1948445>. – Дата доступа : 07.03.2019.
5. Народы России. Живописный альбом. – СПб. : Типография товарищества «Общественная Польза», 1877. – 572 с.
6. Без-Корнилович, М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии / М.О. Без-Корнилович. – СПб. : Типография III Отд. Собст. Е.И.В. Канцелярии, 1855. – 355 с.
7. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: в 19-ти т. / под общ. ред. П.П. Семенова. – СПб.: Типография М.О. Вольфа, 1882. – Т.3. Ч.1. Литовское Полесье ; Ч. 2. Белорусское Полесье. – 490 с., VI с.: 23 л. ил.
8. Некрасов, Н. Железная дорога [Электронный ресурс] / Н. Некрасов. – Режим доступа : <http://www.stihi-rus.ru/1/Nekrasov/30.htm>. – Дата доступа : 10.03.2019.

9. Некрасов, Н. Кому на Руси жить хорошо [Электронный ресурс] / Н. Некрасов. – Режим доступа : <https://ilibrary.ru/text/13/index.html>. – Дата доступа : 02.03.2019.
10. Дубянецкі, Э.С. Таямніцы народнай душы: кн. для вучняў : для сярэд. і ст. шк. узросту / Э.С. Дубянецкі. – Мн. : Нар. Асвета, 1995. – 47 с.
11. Кротов, А.М. О трансформации национально-политического сознания поляков Беларуси в 1795–1921 гг. / А.М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2012. – № 4 (73). – С. 58–64.
12. Кротов, А.М. Достояние культурной работы целых веков гибнет в пламени огня: об анатомии белорусско-польского конфликта 1918 г. / А.М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2011. – № 5 (68). – С. 41–47.
13. Białoruś, jej prądy i nadzieje // Dziennik Poznański. – 1918. – 4 sierpnia // Archiwum Akt Nowych (Polska, Warszawa). – Plik 100. – Dział L.B.U. II. 1 с, 1.382.
14. Antypolska agitacja «Homana», wyątek z gazety «Naprzód», bez daty // Archiwum Akt Nowych (Polska, Warszawa). – Plik 100. – Dział L.B.U. II. 2a, 1.439/2.
15. Купала, Я. А хто там ідзе? [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Вершы беларускіх паэтаў. Нацыянальны паэтычны партал. – Рэжым доступу : <http://vershy.ru/content/khto-tam-idze>. – Дата доступу : 29.01.2019.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 17.03.2019

УДК 272:94(476.5)

Парафія Святой Тройцы ў Росіцы у XX–XXI стст.

К.В. ЛАЎРЫНЕНКА

Разглядаецца гісторыя парафіі Святой Тройцы ў Росіцы у XX–XXI стст. адной з найбольш знаных сярод усіх парафій Рыма-каталіцкага Касцёла ў Беларусі. Парафія паўстала ў XVIII ст., калі быў пабудаваны першы драўляны касцёл. Новы каменны касцёл быў пабудаваны ў 1912 г. Найбольш трагічныя старонкі сваёй гісторыі парафія перажыла ў XX ст. Усе святары, якія служылі ў касцёле ў міжваенны перыяд, былі арыштаваны і расстраляны. У часе другой сусветнай вайны парафія адраділа сваю дзейнасць. Аднак у лютым 1943 г. пры правядзенні карнай акцыі касцёл быў пераўтвораны ў пункт сарціроўкі, а разам са сваёй паствай пакутніцкую смерць у агні прынялі святары-марыяне Антоні Ляшчэвіч і Юры Кашыра. У пасляваенны час мясцовыя вернікі спрабавалі вярнуць свой касцёл. Аднак адраджэнне парафіі адбылося толькі ў 1988 г. Зараз касцёл Святой Тройцы у Росіцы з’яўляецца санктуарыем у гонар марыянскіх пакутнікаў – святароў Антонія Ляшчэвіча і Юрыя Кашыры, куды прыбывае вялікая колькасць паломнікаў з Беларусі і замежжа.

Ключавыя словы: касцёл, ксёндз, пакутнік за веру, парафія Росіца, ксёндз Антоні Ляшчэвіч, ксёндз Юры Кашыра.

The history of the parish of Holy Trinity in Rositsa in XX–XXI centuries is discussed. It was one of the most famous of all the parishes of the Roman Catholic Church in Belarus. The parish originated in the XVIII century, when the first wooden church was built. A new stone church was built in 1912. The most tragic pages of its history, the parish has experienced in the XX century. All the priests who served in the temple during the interwar period were arrested and shot. During the World War II, the parish has revived its activities. However, in February 1943, during the punitive action, the church was converted to a sorting point. Mariana priests Anton Lyashchevich and Yuri Kashira together with their flock were martyred in the fire. After the war, local believers tried to regain their temple. However parish revival occurred only in 1988. Now the Church of Holy Trinity in Rositsa is the Sanctuary in honor of Mariana martyrs – priests Anthony Lyashchvich and Yuri Kashira, where a large number of pilgrims come from Belarus and abroad.

Keywords: church, priest, martyr for the faith, parish of Rositsa, priest Anton Lyashchevich, priest Yuri Kashira.

Невялікая вёска Росіца, якая знаходзіцца ў Верхнядзвінскім раёне Віцебскай вобласці на самай мяжы з Латвіяй, на сённяшні момант з’яўляецца адной з найбольш знаных сярод усіх парафій Рыма-каталіцкага Касцёла ў Беларусі. Яна з’яўляецца месцам, дзе асаблівым чынам ушаноўваецца памяць святароў-марыянаў – бласлаўленых ксяндза Антонія Ляшчэвіча і ксяндза Юрыя Кашыры, якія разам са сваёй паствай панеслі пакутніцкую смерць у лютым 1943 г. з рук нямецка-фашысцкіх захопнікаў. На працягу года ў Росіцу прыязджаюць паломнікі з усёй Беларусі і замежжа, а два разы на год у росіцкім касцёле адбываюцца шматлюдныя ўрачыстасці ў гонар пакутнікаў.

Мэта артыкула – разгледзець гісторыю парафіі Святой Тройцы ў Росіцы ў XX–XXI стст.

Матэрыялы і метады. Даследаванне пабудавана на выкарыстанні шырокага кола дакументаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці і крыніцаў, выдазеных Рыма-каталіцкім Касцёлам, а таксама навуковых публікацый, што дазволіла разгледзець гісторыю парафіі Святой Тройцы ў Росіцы ў XX–XXI стст.

Метадалагічную аснову публікацыі склалі прынцыпы гістарызму і аб’ектыўнасці. У даследаванні выкарыстоўваліся як агульнанавуковыя, так і спецыяльна-гістарычныя метады.

Першая каталіцкая святыня ў Росіцы, пра якую маюцца дакладныя звесткі, паўстала дзякуючы Мікалаю Лапацінскаму, берасцейскаму ваяводу, які ў 1753 г. набыў Росіцу разам з Сар’яй у Сапегаў. Перад сваёй смерцю ў 1778 г. ён фундаваў будаўніцтва касцёла. Далей пабудовай касцёла займаўся яго сын Тамаш-Ігнацы. Драўляны касцёл быў кансэкраваны ў 1792 г. у імя Святой Тройцы, Святога Юзафа і Сэрца Езуса родным братам Тамаша – суфраганам Камоіцкім і біскупам Трыпалітанскім Юзафам Лапацінскім. Дарэчы, пасля сваёй смерці ў 1803 г. ён быў пахаваны ў падмуркавых скляпеннях драўлянага касцёла.

З цягам часу драўляны касцёл не мог задаволіць патрэбы росіцкай парафіі, якая напрыканцы XIX ст. налічвала 6000 чалавек, а на пачатку XX ст. – у 1901 г. ужо 7382 [1, с. 197] і была найвялікшай у Віцебскай губерні. Дарэчы, пасля выдання ўказа аб верацярпімасці ў 1905–1908 гг. у Дрысенскім павеце Віцебскай губерні, на тэрыторыі якога знаходзілася Росіцкая парафія, у каталіцтва з праваслаўя перайшло 2393 чалавек, што складала 62,7 % ад усіх канвертытаў па губерні [2, с. 113–114].

14 чэрвеня 1905 г. Магілёўская Рыма-каталіцкая Духоўная Кансісторыя дала дазвол на пабудову новага росіцкага касцёла. У 1906 г. быў асвечаны закладны камень, і пробашч ксёндз Тодар Кулікоўскі (1874–1898–?) распачаў будаўніцтва новага каменнага касцёла, аднак у пачатку 1911 г. святар быў пераведзены ў парафію Ула. Яго наступнікам у 1911 г. стаў ксёндз Антоній Казлоўскі (1866–1894–?), аднак у верасні 1912 г. ксёндз Тодар Кулікоўскі вярнуўся ў Росіцу. Наступным пробашчам парафіі ў 1914 г. стаў ксёндз Юліян Бандзо (1863–1887–?).

20 снежня 1911 г. новы каменны касцёл у Росіцы быў кансэкраваны ў гонар Сэрца Езуса і святога Антонія Падуанскага. Ён быў пабудаваны побач са старым, драўляным, які неўзабаве быў разабраны. На той час, паводле дадзеных 1912 г., у парафіі налічвалася 8203 вернікі [3, с. 180], практычна не змянілася гэтая лічба і на 1917 г. – 8300 [4, с. 167].

Нялёгкае жыццё парафія пасля змены ўлады ў выніку рэвалюцыйных падзей 1917 г. У 1919 г. адміністратарам парафіі стаў ксёндз Пётр-Бярнард Капуста (14.03.1886 ці 1891–1917–1.11.1937, ст. Мядзвежая Гара, Сандармох Карэльская АССР), урадженец Дрысенскага павета [5, с. 209]. У той час, калі многія вернікі і святары лічылі сябе палякамі, ксёндз Капуста тлумачыў сваім парафіянам на беларускай мове, што яны не палякі, а каталікі беларусы [6, ф. 10061, оп. 1, д. 873, л. 17].

У 1927 г. парафію меўся візітаваць біскуп Баляслаў Слосканс, аднак улады затрымалі яго ў Полацку, не дазволіўшы ехаць далей, паколькі гэта была памежная зона. Для сустрэчы біскупа ўздоўж дарогі на працягу 7 вёрст вернікі выставілі больш за 2 тысячы бярозак і выткалі дыван на 2 вярсты. Пасля забароны ўладаў біскуп Слоскансу ехаць у Росіцу спатрэбіліся войскі, каб разagnaць вернікаў, якія сабраліся на сустрэчу з іерархам [6, ф. 10061, оп. 1, д. 873, л. 15].

У 1930 г. пробашчам касцёла ў Росіцы стаў ксёндз Эдвард Вайцяховіч (22.01.1884–1907–1935, Мінск, турма НКУС). 28 чэрвеня 1934 г. святар быў арыштаваны і 3 лютага 1935 г. асуджаны «асобай нарадай» пры НКУС за «антысавецкую контррэвалюцыйную дзейнасць» да вышэйшай меры пакарання і расстраляны [5, с. 77]. Прадбачыўшы свой арышт, ксёндз Вайцяховіч замураваў у сцяне сакрыстыі каштоўнае касцельнае начынне ды крыж. Праз сем гадоў ягоны схоў адшукалі ксяндзы марыяне і гэтая падзея стала вялікай радасцю ў Росіцы на святы Божага Нараджэння першага года вайны.

Пасля арышту святара росіцкая парафія афіцыйна спыніла сваё існаванне, аднак вернікі змагаліся за свой касцёл. У 1937 г. браты Блажэвіч збіралі сярод вернікаў подпісы за адкрыццё касцёла [6, ф. 10063, оп. 1, д. 62, л. 14]. Аднак ва ўмовах рэпрэсій і паўсюднага застрашвання праз некаторы час улады здолелі «зламаць» сумленне мясцовага насельніцтва – 7 сакавіка 1939 г. Аргкамітэт Прэзідыўма Вярхоўнага Савета БССР па Віцебскай вобласці разглядаў хадаўніцтва 900 грамадзянаў Росіцкага сельсавета (усяго на тэрыторыі сельсавета налічвалася 1119 чалавек), а таксама Прэзідыўма Росіцкага сельсавета і Дрысенскага РВК аб закрыцці Росіцкага касцёла, «які знаходзіўся ў безгаспадарчым стане з 1934 г.» Зразумела, што гэтае хадаўніцтва людзі падпісалі ў выніку пагрозаў. Паколькі была прынята пастанова перадаць касцёл пад «культурныя патрэбы», таму Дрысенскі РВК быў абавязаны яго адрамантаваць і прыстасаваць пад Дом культуры [6, ф. 1966, оп. 12, д. 3, л. 255]. У 1940 г. пры пераабсталяванні касцёла пад сельскі клуб з яго былі знятыя вежы. Сярод іншага ў гэтым клубе размяшчалася хата-чытальня, а сам ён функцыянаваў да канца чэрвеня 1941 г.

З пачаткам Вялікай Айчыннай вайны, хоць і абмежавана, стала магчымым частковае адраджэнне рэлігійнага жыцця ў росіцкай парафіі. Пасля працяглага перапынку 15 жніўня 1941 г. ксёндз Юзаф Гайлевіч, які прыехаў з Латвіі, цэлебраваў у росіцкім касцёле першую Імшу пасля доўгага перапынку. Таксама з другой паловы 1941 г. на тэрыторыі парафій Росіца і Сар'я некаторы час неслі душпастырскае служэнне ксёндз Баляслаў Грамза і ксёндз Лявон Лаўцэвіч.

Аднак паколькі вернікі жадалі мець у парафіі сталага душпастыра, яны запрасілі святароў з Друйскага кляштара марыянаў, дзе на той момант знаходзілася пяць ксяндзоў. (Марыяне – паточная назва Кангрэгацыі Беззаганнага Зачацця Найсвяцейшай Панны Марыі, манаскай супольнасці, заснаваная ў 1673 г. айцом Станіславам Папчыньскім у Польшчы, адноўленай і рэфармаванай у 1909 г. літоўскім святаром, затым біскупам Віленскім, бласлаўлёным Юрыем Матулевічам).

Кіраўніком рэлігійнай місіі быў прызначаны ксёндз Антоні Ляшчэвіч (30.09.1890–13.04.1914–17.02.1943). Гэта быў святар з вялікім жыццёвым і душпастырскім досведам. Нарадзіўся ён у Абрамаўшчыне, на тэрыторыі парафіі Войстам. Скончыў Духоўную семінарыю Магілеўскай архідыяцэзіі ў Пецяўбургу, дзе і атрымаў святарскія пасвячэнні. Пасля гэтага амаль 25 гадоў ён нес душпастырскае служэнне на Далекім Усходзе – у Іркуцку, Чыце і Харбіне. У 1937 г. праз Токію і Рым вярнуўся ў Польшчу, дзе ў 1938 г. уступіў у Кангрэгацыю ксяндзоў марыянаў. У жніўні 1939 г. святар быў накіраваны ў Друйскі кляштар марыянаў, дзе яго і застала Другая сусветная вайна [7, с. 13–19].

Атрымаўшы прызначэнне кіраўніком місіі, ксёндз Ляшчэвіч выехаў за Дзвіну, каб распазнаць там магчымасць правядзення місіянерскай працы. Цэнтрам місіі быў абраны парафіяльны касцёл у Росіцы, які знаходзіўся прыкладна ў 30 кіламетраў на поўнач ад Друі. Разам са святаром для місійнай дзейнасці выехалі манахіні з Кангрэгацыі Служак Езуса ў Эўхарыстыі (так званыя эўхарыстыкі). Гэта былі Апалонія Пяткун, Альжбета Варонька, Марыя Ясінская, Юзэфа Лоўкіс, Альбіна Прытыцкая, Адэля Мароз, Кацярына Угарэнка, Ядвіга Трубіла, Ядвіга Віршута.

Напрыканцы кастрычніка ў парафіі адбыўся шматлюдны фэст на ўрачыстасць Хрыста Валадара Сусвету, на які ксёндз Антоні Ляшчэвіч запрасіў святароў з суседніх парафій. У лістападзе ксёндз Ляшчэвіч застаўся ў Росіцы на стала. У першай палове снежня да ксяндза Ляшчэвіча далучыліся іншыя марыяне: ксёндз Фэлікс Чачот, ксёндз Уладзіслаў Лашэўскі і клерык Генрык Тамашэўскі [8, s. 13]. Ксёндз Ляшчэвіч ездзіў па наваколлі, закладаў новыя пункты і засноўваў капліцы, дзе манахіні вучылі катэхізісу, а ў нядзелю прыязджаў святар, які цэлебраваў Імшу і ўдзяляў сакрамэнты. Апрача Росіцы, айцы марыяне праводзілі місіянерскую дзейнасць і ў навакольных парафіях, сярод іншага ў такіх населеных пунктах як Зашчырына, Замошша, Асвея, Баліны і іншыя. Пасля арышту пробашча ў Дрысе (цяпер Верхнядзвінск), ксёндз Ляшчэвіч пачаў даязджаць туды для выканання душпастырскіх абавязкаў нядзелю. Частка гэтых парафій знаходзілася ў зоне дзейнасці партызанаў (Асвея, Замошша), іншыя – акупантаў (Дрыса, Бігосава), аднак ксяндзу Ляшчэвічу, які актыўна праводзіў місіянерскую дзейнасць у наваколлі, перашкодаў не чынілі ні акупацыйныя ўлады, ні партызаны [7, s. 35]. Праз некалькі месяцаў у Росіцы адбыліся змены. Паколькі, апрача ксяндза Антонія Ляшчэвіча, іншае духавенства ведала толькі польскую мову, і ў выніку мела праблемы як з акупацыйнымі ўладамі, так і партызанамі, таму яны былі вымушаны пакінуць Росіцу. Ксёндз Лашэўскі выехаў у Зашчырына, каб выконваць там абавязкі пробашча. У чэрвені ксёндз Чачот, які дагэтуль займаўся рамонтам касцёла ў Росіцы і дапамагаў у душпастырскай працы, вярнуўся ў Друю. У чэрвені 1942 г. ксёндз Ляшчэвіч адаслаў у Друю клерыка Тамашэўскага, а 22 ліпеня, вяртаючыся ў Росіцу пасля некалькідзённага побыту ў Друі, забраў з сабой ксяндза Юрыя Кашыру МІС (4.04.1904–20.06.1935–18.02.1943). Ксёндз Юрый Кашыра нарадзіўся на тэрыторыі сучаснага Міёрскага раёна Віцебскай вобласці ў в. Аляксандраўка. У той жа дзень быў ахрышчаны ў праваслаўнай царкве ў в. Чэрэсы. У 1907 г. ягоная маці, чыя сям’я паходзіла з уніятаў, перайшла ў каталіцтва. 22 кастрычніка 1922 г. у каталіцтва перайшоў і сам Юрый. З 1924 г. ён быў звязаны з Друйскім кляштарам марыянаў, дзе скончыў гімназію і прайшоў навіцыят. У 1929 г. ён выехаў на вучобу ў Рым, адкуль вярнуўся ў 1931 г. у Вільню, дзе ў 1935 г. атрымаў святарскія пасвячэнні. Затым ксёндз Юрый Кашыра служыў у Вільні, Друі і Расне. Пасля распачацця Другой сусветнай вайны кароткі час знаходзіўся ў Польшчы, потым на Літве. У ліпені ксёндз Юрый Кашыра прыехаў у Друю [9, s. 13–20].

Выбар ксяндза Ляшчэвіча быў прадыктаваны не ў апошнюю чаргу тым, што ксёндз Юрый Кашыра добра ведаў беларускую і рускую мовы, што дапамагло абодвум святарам лягчэй праводзіць душпастырскую дзейнасць сярод мясцовага насельніцтва. У Росіцы ксёндз Кашыра працаваў на месцы, ксёндз Антоні Ляшчэвіч выязджаў для душпастырскай паслугі ў навакольныя пункты [9, s. 21].

Летам 1942 г. партызаны актывізавалі сваю дзейнасць у наваколлі. У снежні, перад святам Божага Нараджэння ксёндз Антоні Ляшчэвіч быў папярэджаны, што неўзабаве тут адбудзецца карная акцыя супраць партызанаў і мясцовага насельніцтва, якое іх падтрымлівала. У выніку ксяндзы выехалі ў Друю, дзе было вырашана, што святары і манахіні самі павінны вырашыць пытанне аб сваім далейшым знаходжанні на гэтай тэрыторыі – застацца вырашылі ўсе. На пачатку лютага 1943 г. чуткі аб планаваанай карнай акцыі акупантаў у наваколлі сталі распаўсюджвацца з новай сілай. 14 лютага, у нядзелю, клерык Генрых Тамашэўскі выехаў у Дрысу, каб папярэдзіць ксяндза Ляшчэвіча аб небяспецы, просячы не вяртацца ў Росіцу. Але святар адказаў, што павінен вярнуцца, бо не можа пакінуць свайго сабрата ў святарстве, вернікаў, і самае галоўнае – Найсвяцейшы Сакрамэнт [10, с. 30].

Карная аперацыя нямецка-фашысцкіх захопінікаў супраць партызан Расонска-Асвейскай партызанскай зоны і цывільнага насельніцтва ў трохвугольніку Себеж – Асвея – Полацк пад назвай «Зімовае чараўніцтва» распачалася 14 лютага 1943 г. [11, с. 448]. 3 16 лютага у в. Росіца на працягу некалькіх дзён у касцёл сганялі жыхароў навакольных вёсак, праводзячы іх «сарціроўку». Маладых і моцных адпраўлялі ў канцлагеры, старых, саслабелых і малых дзяцей палілі жыўцом у хатах і стайнях. Валянціна Марцінкевіч успамінала: *«Мы тады жылі ў вёсцы Клагішы, за Ворзава... Пры нас гарэлі Крывасельцы, Бандзелі, Межальы. Мой дзядзька казаў, што трэба пакідаць веску, бо тады ўжо засталася толькі наша вёска і яшчэ там далей адна. Мы і сабраліся адыходзіць у лес, у Латвію. Некаторыя засталіся, бо былі старыя і нямоглыя, а іхнія дзеці бацькоў таксама не пакідалі. Але мы паспелі падысці толькі да рэчкі, там была вёска Гейжанавы, як убачылі калоны ў белых маскхалатах. З сабакамі, нават танкі ззаду шлі. Яны нас абкружылі, сабралі і пагналі ў вёску Кулакова. Загналі нас у вялікі дом. Потым прыйшоў немец з перакладчыкам, які загадаў выходзіць па два чалавекі, “на допыт”. Але як хто ні пойдзе, ніхто не вяртаўся. Вечарам, амаль на захадзе, прыйшлі і па нас. Бачым, мужчын заганяюць у сарай, а жанчын з дзецьмі – у школу. Я якраз у тую школу ў першы клас хадзіла. У школе было поўна народу. Нас пасадзілі, мы і сядзелі на падлозе. Потым зноў прыйшоў немец з перакладчыкам, аб нечым доўга гаварылі і, нарэшце, паказалі на нашыя тры сям’і і загадалі выходзіць. Выйшлі мы з мамай і сястрой, майго дзядзькі жонка з дзіцём і наша суседка з двума дачкамі. Пасадзілі нас на сані. Мы ад’ехалі можа метраў з дваццаць, як успыхнула школа. Потым застрачылі кулямёты. Мы закрычалі, заплакалі голасна. Да нас падскочыў паліцай з плёткай і закрычаў, што калі мы не супакоімся, то таксама апынемся ў тым полі. Але мы ўсю дарогу плакалі, толькі ціха, каб не было чутна. А нас прывезлі ў Бігосавы, пагрузілі ў таварныя вагоны і навезлі ў Саласпіл» [12].*

Сям’я католікаў Ракіцкіх у росіцкім касцёле правяла двое сутак. На той час яны пражывалі ў в. Леснікова, за Сар’яй. Гаспадар дому перад вайной быў высланы ў Сібір, дзе і загінуў. Старэйшы сын Віктар, які на той час знаходзіўся ў партызанах, угаворваў маці сысці з малодшымі дзецьмі ў багну, каб выратавацца перад пагрозай. Аднак жанчына адмовілася, паколькі мела траіх малых дзяцей. *«Сядзелі мы ў хаце, і раптам наляцелі... Выгналі нас на снег паўраспанутых і пагналі якраз тым трактам, якім мы хадзілі ў росіцкі касцёл. Перад Сар’яй у в. Хаміно босымі нагамі гналі нас уброд праз рэчку. У в. Абухава пачалі сарціроўку. Каго направа, каго ўлева. Проста на вачах у пазасталых людзей, літаральна ў некалькіх кроках, спалілі групу з малымі дзецьмі. Мой маленькі брацік Алік, якому было чатыры годзікі, пачаў плакаць, бо хацеў дадому, быў галодны. Жанчынам дазволілі раскапаць бульбу ў бурце і напячы яе для дзяцей. У гэтай вёсцы мы і заначавалі. Раніцай нас прыгналі ў росіцкі касцёл, у якім ужо было шмат людзей»,* – так апісвае тыя падзеі Юлія Бабок. Паводле яе ўспамінаў, злева ад галоўнага алтара ў касцёле быў абраз Маці Божай, перад якім людзі плакалі і маліліся [13].

Увесь гэты час у росіцкім касцёле святары выконвалі душпастырскую паслугу – хрысцілі, спавадалі, вячалі, суцяшалі. Сярод тых, каго зганялі ў касцёл, было шмат праваслаўных, якія перад небяспекай смерці, каб мець магчымасць споведзі, прымалі каталіцтва [10, с. 33]. Карнікі прапанавалі святарам свабоду, але тыя не згадзіліся пакінуць вернікаў. Аднак з дазволу нямецкіх афіцэраў святары маглі свабодна заходзіць і выходзіць з касцёла, чым яны і карысталіся, стараючыся палегчыць стан людзей, якія знаходзіліся у святыні. Манахіні па просьбе святароў бесперапынна пяклі хлеб, прыносячы яго затым у касцёл, каб па меры магчымасці накарміць людзей. Для дзяцей знаходзілі малако [10, с. 33] Дарэчы, першапачаткова манахіні таксама былі запэртыя ў касцёле разам з іншымі вернікамі, але па просьбе святароў яны былі вызваленыя. Ксёндз Антоні Ляшчэвіч, які ведаў нямецкую

мову, прасіў нямецкіх афіцераў, каб манахінь адвезлі ў Друю. Пасля сканчэння карнай акцыі, афіцэр адвёз іх на санях да галоўнай дарогі, а потым на машыне ў Друю, дзе перадаў Генеральнай Маці Юзэфе Жук [10, с. 38].

17 лютага пакутніцкую смерць прыняў ксёндз Антоні Ляшчэвіч. Ён быў вывезены сярод адной з першых партый людзей на санях у бок Дзвіны, дзе затым усе былі спаленыя ў стайні [8, с. 14]. Па другой версіі, паводле сведчанняў Ганны Жураўлевай, якая разам з маці і малодшым братам 16 лютага апынуўся ў касцёле, ксёндз Антоні Ляшчэвіч быў расстраляны [10, с. 32]. 18 лютага загінуў ксёндз Юрый Кашыра. Яго забралі каля 10-й раніцы, загадаўшы сесці ў сані разам з іншымі. Афіцэры раілі святару ўзяць з сабой на ўсялякі выпадак трохі ежы, паколькі паводле іх словаў, яго павінны былі накіраваць у лагер [9, с. 42]. Аднак, выехаўшы на ўгорак, фурманкі з людзьмі павярнулі ўправа, а не бок чыгункі, а праз хвіліну выбухнуў агонь і запалала ўся хата, якая стаяла ў тым баку [10, с. 38]. У гэтай хаце, якая належала сям’і Хадзюк, ксёндз Кашыра быў спалены разам з групай каля 30 чалавек. Праз некаторы час мясцовыя жыхары пахавалі целы спаленых у падвале гэтай хаты [14, с. 29].

У выніку карнай акцыі ўся вёска была спалена, ацалеў толькі касцёл. Росіцкая парафія зноў спыніла сваё існаванне. Праз два тыдні пасля трагедыі некалькі сяспёр эўхарыстак, сярод якіх была Ядвіга Віршута, прыехалі ў Росіцу, каб паспрабаваць знайсці астанкі ксяндза Юрыя Кашыры. На месцы вогнішча, сярод іншых астанкаў людзей, яны ўбачылі руку ад локця, не кранутую агнём, у якой быў заціснуты ружанец [10, с. 38].

Пасля правядзення карнай акцыі, з 1943 г. росіцкі касцёл выкарыстоўваўся акупантамі пад канюшно. Адразу пасля вызвалення Беларусі некаторы час у касцёле жылі мясцовыя жыхары [15]. Затым да 1951 г. касцёл быў заняты «Райнарзерне». У 1956 г. будынак касцёла быў перададзены мясцоваму саўгасу «Росіца». Пачаўшы выкарыстоўваць касцёл пад склад збожжа, у далейшым кіраўніцтва саўгаса меркавала лепш прыстасаваць яго для гэтых мэтаў – пабудаваць тры ярусы, што паводле іх планаў, дазвалялі бы размясціць там да 2 ½ тыс. тон збожжа, а ў падвале пабудаваць электрастанцыю [6, ф. 4029, воп. 1, спр. 7, арк. 22].

Тым часам мясцовыя вернікі пачалі змаганне за вяртанне сваёй святыні. 30 жніўня 1956 г. на імя ўпаўнаважанага Савета ў справах рэлігійных культаў пры Віцебскім аблвыканкаме паступілі 3 групавыя заявы ад вернікаў Дрысенскага раёна з просьбамі аднавіць дзейнасць святыні ў в. Росіца, якія падпісалі 225 чалавек (в. Ворзава – 92, в. Крывасельцы – 83, в. Сандоры – 50). Ва ўсіх трох заявах падкрэслівалася, што вернікі просяць вярнуць ім касцёл як памяць аб забітых і замучаных гітлераўцамі людзей [6, ф. 4029, воп. 1, спр. 7, арк. 19–22].

12 верасня таго ж года ўпаўнаважаны выехаў у Росіцу, каб разабрацца на месцы з гэтай праблемай. Паводле ягонага меркавання, стан касцёла быў незадавальняючым: «Дах жалезны патрабуе рамонт. Рамы вокнаў і дзвярэй старыя, прагнілыя, шкла ў рамах няма. Унутры ніякага касцельнага начыння няма» [6, ф. 4029, воп. 1, спр. 7, арк. 22]. Таксама ўпаўнаважаны выявіў, хто арганізаваў збор подпісаў аб вяртанні касцёла – імі аказаліся Подзя Лаўрыновіч з в. Ворзава і Эдвард Мамай з в. Сандоры. Подзя Лаўрыновіч распавяла, што подпісы аб адкрыцці касцёла яна збірала па прапанове Марціяны Урбан з в. Росіца, а апошняя патлумачыла, што да яе з’явіўся невядомы мужчына і прасіў яе арганізаваць падачу заявы аб адкрыцці росіцкага касцёла, пры гэтым даўшы адрас, на які трэба накіраваць заяву. Пры гэтым мужчына нагадаў ёй, што калі ў аблвыканкаме ў просьбе вернікам адмовяць, то трэба арганізоўваць хадайніцтва ў Маскву. Марціяна Урбан меркавала, што невядомы ёй мужчына з’яўляўся ксяндзом альбо арганістам з в. Пустыннікі Латвійскай ССР, у 10 км ад Росіцы [6, ф. 4029, воп. 1, спр. 7, арк. 23]. Таксама Подзя Лаўрыновіч і яе снаха распавялі, што восенню 1955 г. у Росіцу прыезджалі два ксяндзы, адзін з якіх служыў у в. Индра Латвійскай ССР. Яны прапаноўвалі вернікам распачаць хадайніцтва аб адкрыцці касцёла, але тады вернікі падпісваць заявы баяліся. Аднак ужо ў 1956 г. вернікі заявы падпісалі 15 жніўня 1956 г. на фэсце ў мястэчку Асулы ў Латвіі, якое знаходзілася ў 15 кіламетрах ад Росіцы, адзін ксёндз падчас казання паведаміў: «Нас, ксяндзоў, прыехала з месцаў пазбаўлення волі дзесяць чалавек і мы будзем дабівацца адкрыцця касцёлаў, у тым ліку росіцкага і дрысенскага» [6, ф. 4029, воп. 1, спр. 7, арк. 23]. Праз некалькі дзён у в. Росіца з’явіўся невядомы чалавек і праз Марціяну Урбан здолеў 22 жніўня арганізаваць збор подпісаў з 3-х вёсак аб адкрыцці росіцкага касцёла.

Упаўнаважаны з гэтага імкнуўся зрабіць вывады, што ініцыятыва збору подпісаў зыходзіць не ад вяскоўцаў: «Характэрным з'яўляецца тое, што былы касцёл знаходзіцца ў в. Росіца, але ніводнага подпісу ў заявах з гэтай вёскі няма. Гэта трэба патлумачыць тым, што ў в. Росіца маюцца партыйная і камсамольская арганізацыя, налічваецца 7 камуністаў і 17 камсамольцаў. Маецца хата-чытальня. У гэтай вёсцы жыве ізбач, якім зроблена 6 дакладаў на розныя тэмы, паказана 8 кінакарцін, 5 канцэртаў самадзейнасці, праводзіцца чытка газет у хаце-чытальні і г. д. А ў вв. Ворзава, Крывасельцы і Сандоры ... амаль ніякай палітыка-масавай работы не праводзіцца». Акрамя гэтага, з пункту гледжання ўпаўнаважанага, людзі, што падавалі подпісы, не заслугоўвалі аніякага даверу: «У Ворзаве ніхто ў партызанах не быў. Падчас акупацыі частка насельніцтва пайшла да немцаў у Бігосава, а частка ў паліцэйскія атрады. З раней асуджаных ужо вярнуліся дадому чатыры чалавекі, і яны падпісалі заявы. У в. Крывасельцы больш за ўсе жыве латышоў, якія прыехалі з Латвіі, частка з іх высланыя. У в. Сандоры карэнных жыхароў мала, большасць з іх прыехалі з іншых абласцей і рэспублік» [6, ф. 4029, воп. 2, спр. 7, арк. 23–24].

Пра заявы вернікаў і вынікі праверкі было заяўлена кіраўніцтву аблвыканкама і абкама партыі, якія палічылі немэтазгодным адкрыццё былога росіцкага касцёла [6, ф. 4029, воп. 1, спр. 22, арк. 18]. Таксама даючы справаздачу ў вышэйстаячыя інстанцыі аб разглядзе заяваў аб вяртанні вернікам касцёла, упаўнаважаны ссылаўся на адсутнасць абсалютна фармальных рэчаў: «“Двацаткі” з ліку вернікаў і выканаўчага органа няма... Рамантаваць памяшканне былога касцёла ў в. Росіца вернікі не могуць, бо не маюць грашовых сродкаў і матэрыялаў. Матэрыяльна адказных за захаванне памяшкання і правядзенне рамонту не аказалася. Улічваючы вышэйпералічанае і прымаючы да ўвагі адсутнасць “двацаткі” ў вернікаў былога Росіцкага касцёла, лічу са свайго боку немэтазгодным адкрыццё былога Росіцкага касцёла», – пісаў упаўнаважаны [6, ф. 4029, воп. 1, спр. 7, арк. 24–25].

21 верасня 1956 г. упаўнаважаны накіраваў вернікам адказ, што аблвыканкам разглядзеў заяву аб адкрыцці касцёла ў Росіцы і адмовіў ім у гэтым [6, ф. 4029, воп. 1, спр. 7, арк. 15]. Каб вокава захаваць законнасць, было адмоўлена нібыта ў сувязі з тым, што будынак у дрэнным стане, а жыхары не здолеюць яго адрамантаваць.

Але на гэтым справа не скончылася. 28 студзеня 1958 г. да ўпаўнаважанага на прыём прыехаў ксёндз Вінцэнты Варша (1892–1970), ураджэнец суседняй з Росіцай парафіяй Асвея, якая спыніла свае існаванне яшчэ ў 1930-я гг. У свой час, 6 красавіка 1950 г. святар быў арыштаваны ў парафіі Празарокі і асуджаны на 25 гадоў пазбаўлення волі паводле артыкулу 72-6 Крымінальнага кодэксу БССР. У 1954 г. ксёндз Варша быў вызвалены як інвалід. Вярнуўшыся ў Празарокі, святар распачаў намаганні аб рэгістрацыі яго ў парафіі, але згоды на гэта не атрымаў. У выніку ён быў вымушаны выехаць на Украіну, але і там рэгістрацыі ў якой-небудзь парафіі не атрымаў, пасля чаго вярнуўся ў Беларусь. Беспаспяхова святар спрабаваў атрымаць рэгістрацыю на святарскае служэнне ў некалькіх па чарзе парафіях, а не атрымаўшы яе, стаў святаром-місіянерам, праводзячы нелегальную душпастырскую дзейнасць на тэрыторыі Беларусі, Украіны і ў Сібіры [16, s. 619–621].

Да ўпаўнаважанага святар звярнуўся з просьбай аб згодзе на правядзенне службы каля касцёла. Ён таксама нагадаў, што ў росіцкім касцёле трэба ўшаноўваць памяць аб загінулых. Ксёндз Варш сказаў: «Нямецкія фашысты забілі ў Дрысенскім раёне шмат савецкіх людзей. Выявы гэтых, ні ў чым не павінных людзей трэба размясціць на сценах касцёла, і няхай людзі прыходзяць у Росіцу і шануюць памяць загінуўшых. Гэта будзе лепш, чым тое, што каталікі ходзяць маліцца ў Латвію». Аднак упаўнаважаны саслаўся на тое, што касцёл не дзейнічае, патрабуе вялікага капітальнага рамонту і загадаў святару неадкладна пакінуць межы Віцебскай вобласці, ахарактарызаваўшы яго ў справаздачы з прыёму як «хітруна» [6, ф. 4029, воп. 2, спр. 8, арк. 65–66]. Ажыўленне рэлігійнага жыцця ў Росіцы абсалютна не ўваходзіла ў планы ўладаў.

Тым часам, не маючы сваёй святыні, вернікі былой Росіцкай парафіі наведвалі касцёлы ў Латвіі. Таксама яны неаднаразова збіраліся на малітвы разам, без святара.

Увесь час ацалелыя падчас карнай аперацыі 1943 г. вернікі Росіцкай парафіі захоўвалі памяць пра пакутніцкую смерць святароў-марыянаў і мясцовых жыхароў. Тыя, хто вярнуўся ў родныя мясціны з канцлагероў, упарадкавалі ўмоўную магілу загінуўшых і прыходзілі сюды на малітву. Аднак рэлігійны культ быў абсалютна непрымальным для мясцовых уладаў.

Толькі ў 1987 г. каля галоўнай дарогі ў Росіцы была ўсталявана табліца з надпісам, што ў часе вайны тут загінула 1428 мірных жыхароў – гэта афіцыйная лічба загінулых.

Дзякуючы зменам у грамадстве напрыканцы 1980-х гг. парафія у Росіцы зноў адрадзілася. У 1988 г. ксёндз Антоній Лось МІС (старэйшы) распачаў ў Росіцы душпастырскую дзейнасць. Ён жа, прыехаўшы сюды, упершыню адслужыў Імшу на месцы гібелі ахвяраў карнай экспедыцыі. Разам з ім была толькі сястра Ядвіга Віршута, еўхарыстка, сведка падзей лютага 1943 г. і шафёр.

Першапачаткова вернікі маліліся ў прыстасаваным падвале пад касцёлам. Даючы заключэнні аб стане касцёла 3 мая 1989 г. упаўнаважаны Савета пры Віцебскім аблвыканкаме адзначаў, што «характарызаваць яго аварыйным нельга, аднак на ягонае аднаўленне патрэбны значныя сродкі» [6, ф. 1439, воп. 3, спр. 125, арк. 5]. У 1991 г. парафіяне атрымалі дазвол на рамонт касцёла. Гэта патрабавала вялікіх высілкаў, тым больш, што ў будынку знаходзілася вялікая колькасць смецця.

29 мая 1992 г. парафія была зарэгістравана.

26 студзеня 1992 г. у Влацлаўку, у Польшчы быў распачаты беатыфікацыйны працэс пакутнікаў Другой сусветнай вайны – святароў, кансэкраваных асобаў і свецкіх, сярод якіх знаходзіліся і святары марыяне з Росіцы. У сувязі з гэтым у верасні 1992 г. у Росіцу прыбыў кананізацыйны трыбунал з мэтай візітацыі месцаў казні і магілаў спаленых святароў. У выніку на месцы стайні, дзе была спалена вялікая колькасць людзей, была ўпарадкавана тэрыторыя і ўстаноўлены вялізны драўляны крыж. Ва ўрачыстасць Усіх Святых у 1992 г. яго асвяціў ксёндз Антоні Лось МІС, прызначаны арцыбіскупскім дэлегатам да пашырэння культуры Пакутнікаў з Росіцы [14, с. 30].

13 чэрвеня 1999 г. у Варшаве, падчас свайго сёмага апостальскага візіту ў Польшчу, Папа Ян Павел II прылічыў да ліку бласлаўлёных 108 пакутнікаў часоў Другой сусветнай вайны, сярод якіх знаходзіліся ксёндз Антоні Ляшчэвіч і ксёндз Юрый Кашыра. З таго часу штогод у Росіцы адбываюцца ўрачыстасці з нагоды гэтай падзеі, якія аднак, пераносяцца на жнівень.

У першую гадавіну гэтай падзеі 19 жніўня 2000 г. у Росіцы біскуп Віцебскі Уладзіслаў рэкансэкраваў касцёл Святой Троіцы.

Таксама кожны год вернікі збіраюцца на ўрачыстасці і напрыканцы лютага, у чарговую гадавіну смерці Росіцкіх пакутнікаў.

Пасля аднаўлення святыні тут служылі: да 16 верасня 2001 г. ксёндз Антоній Лось МІС (малодшы), з верасня 2001 г. да жніўня 2002 г. ксёндз Пётр Бярнацкі МІС, ад жніўня 2002 г. да жніўня 2005 г. ксёндз Пётр Срока МІС, ксёндз Вячаслаў Пялінак МІС, ад жніўня 2005 г. да верасня 2007 г. ксёндз Аляксандр Шамрыцкі МІС. Ад жніўня 2001 г. у Росіцу як вікарый служыў ксёндз Генрык Кулеша МІС, які затым ад жніўня 2005 г. да жніўня 2013 г. выконваў абавязкі пробашча. У жніўні 2013 г. пробашчам парафіі стаў ксёндз Чэслаў Курэчка МІС, які дагэтуль, з 1 верасня 2007 г. служыў тут у якасці вікарыя.

Менавіта ксёндз Чэслаў Курэчка МІС пераўтварыў тэрыторыю каля касцёла і на месцы пакутніцкай смерці Росіцкіх пакутнікаў у квітнеючы сад, пасадзіўшы тут вялікую колькасць кветак. У 2015 г. ксяндзу Чэславу Курэчку была прысуджана прэмія Прэзідэнта Беларусі Аляксандра Лукашэнкі «За духоўнае адраджэнне» – за важны ўнесак у захаванне міжканфесійнага міру і нацыянальнай згоды, а таксама за актыўны ўдзел у духоўна-асветніцкай дзейнасці Беларусі і прапаганду здаровага ладу жыцця [17].

Літаратура

1. Directorium divini officii et missarum pro archodioecesi Mohiloviensi nec non pro dioecesi Minscensi in annum Domini 1901. – Vilnae : Typis Juseph Zawadzski, 1900. – 268 s.
2. Канфесіі на Беларусі (к. ХУІІІ–ХХ стст.) / В.В. Грыгор’ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава ; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мн. : ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.
3. Directorium divini officii et missarum pro archodioecesi Mohiloviensi nec non pro dioecesi Minscensi in annum Domini bissexstitem 1912. – С-Петербургская Губернская Типография. – 172 s.
4. Directorium divini officii et missarum pro archodioecesi Mohiloviensi nec non pro dioecesi Minscensi in annum Domini 1917. – Druk: Tow. Akc. Sztuki drukarskiej w Piotrogradzie. – 181 s.

5. Маракоў, Л. Рэпрэсаваныя каталіцкія духоўныя, кансэраваныя і свецкія асобы Беларусі 1917–1964 / Л. Маракоў. – Мн. : Смэлтак, 2009. – 776 с.
6. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДаВв).
7. Bukowicz, Jan MIC, ks. Błogosławiony ksiądz Antoni Leszczewicz / Jan Bukowicz. – Włocławek : Wydawnictwo duszpasterstwa rolników, 2001. – 55 s.
8. Bukowicz, Jan MIC, ks. Świadkowie wiary. Marianie prześladowani przez hitleryzm i komunizm / Jan Bukowicz. – Warszawa : Wydawnictwo księży marianów, 2001. – 339 s.
9. Bukowicz, Jan MIC, ks. Błogosławiony ksiądz Jerzy Kaszyra / Jan Bukowicz. – Włocławek : Wydawnictwo duszpasterstwa rolników, 2001. – 55 s.
10. Пялінак, Вячаслаў МІС. Росіцкія мучанікі / Уклад., ад аўтара, паслясл. В. Пялінка. – Росіца : касцёл Св. Тройцы, 1999. – 48 с.
11. Зімовае чараўніцтва // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэдкал. : Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш]. – Мн. : БелЭн, 1996. – Т. 3. Гімназіі – Кадэнцыя. – 527 с.
12. Інтэрв’ю з Валянцінай Баляславаўнай Марцінкевіч (Маслоўскай), 1934 г. н. Росіца, 4 жніўня 2012 г. і 16 лютага 2013 г.
13. Інтэрв’ю з Юліяй Бабок (Ракіцкай) 1931 г. н. Росіца, 16 лютага 2013 г.
14. Męczennicy Mariańscy z Rosicy beatyfikowani przez Papieża Jana Pawła II w Warszawie 13 czerwca 1999 roku / Jan Bukowicz. – Warszawa : Wydawnictwo księży marianów, 1999. – 32 s.
15. Інтэрв’ю з Ядзвігай Станіславаўнай Бараноўскай (Урбан), 1934 г. н. Росіца, 3 жніўня 2012 г.
16. Dzwonkowski, Roman SAC. Leksykon duchowieństwa polskiego represjonowanego w ZSRS 1939-1988 / Roman Dzwonkowski. – Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2003. – 851 s.
17. Айцу Чэславу Курэчку прысуджана прэмія Прэзідэнта «За духоўнае адраджэнне» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : www.catholic.by. 31.12.2015. – Дата доступу : 01.06.2019.

Люблинский католический
университет Иоанна Павла II

Поступила в редакцию 27.05.2019

УДК 341.43«1939–1941»(438)(476)

Влияние внешнеполитических шагов СССР в Европе в сентябре 1939 – июне 1941 гг. на социально-экономическую ситуацию в стране (на примере Гомельщины)

Д.М. Толочко

Рассматривается роль влияния внешнеполитических шагов СССР в Европе в сентябре 1939 – июне 1941 гг. на социально-экономическую ситуацию в стране. Автор приходит к выводу, что вступление СССР во Вторую мировую войну осенью 1939 г. вызвало в стране определенные социально-экономические трудности. Они носили закономерный характер и были вызваны в первую очередь частичным переводом экономики страны на военное производство, увеличением численности Красной Армии.

Ключевые слова: внешняя политика, война, мобилизация, продовольствие, Красная Армия.

The role of the influence of the USSR foreign policy steps in Europe in September 1939 – June 1941 on the socio-economic situation in the country is discussed. The author comes to the conclusion that the entry of the USSR into the Second World War in the autumn of 1939 caused certain socio-economic difficulties in the country. They were of natural nature, and were caused primarily by the partial transfer of the country's economy to military production, an increase in the number of the Red Army.

Keywords: foreign policy, war, mobilization, food, Red Army.

Вступление войск Красной Армии в Западную Украину и Беларусь, Прибалтику и, особенно советско-финская война – значительно обострили социально-экономическую ситуацию в СССР. В этой связи весьма любопытным, на наш взгляд, является иллюстрация указанного явления на примере Гомельского региона.

В начале сентября в СССР начинается активная подготовка к операции в Польшу. 3 сентября нарком обороны К. Ворошилов приказал Военным Советам семи округов – Киевского особого, Белорусского особого, Харьковского, Орловского, Калининского, Ленинградского, Ленинградского и Московского – провести ряд мер по улучшению боевой готовности войск, а также задержать на один месяц увольнение в запас красноармейцев старшего года службы, вызвать из отпусков командиров, политработников, начальников войсковых частей и учреждений, привести войсковые части в положение боевой готовности, для чего проверить вооружение, обмундирование, технику и т. д.

6 сентября около 23–24 часов в семи военных округах (в том числе БОВО) была получена директива № 14650 наркома обороны СССР К. Ворошилова, в которой предписывалось со следующего дня всем войсковым частям и учреждениям начать частичную мобилизацию резервистов [1, с. 283–284].

Проведение мобилизации в стране не могло оставить равнодушным жителей БССР. Непосредственно после начала данной акции значительная часть населения БССР, опасаясь втягивания страны в войну, и, как следствие, наступления голода, бросилась скупать хлеб, соль, сахар и другие продукты и промтовары, которые практически сразу исчезли с прилавков магазинов. Например, если обычная продажа муки и соли в г. Минске колебалась в пределах 8–9 тонн в день, то только 8 сентября было продано 26 тонн муки и 27 тонн соли, 12 сентября муки уже было продано 38 тонн. Неудивительно, что в течение нескольких дней, с 8 по 12 сентября 1939 г. запасы продовольствия в г. Минске и других городах БССР практически были исчерпаны [2, л. 78–79]. Аналогичная ситуация наблюдалась и на Гомельщине. Например, в магазин № 3 г. Мозыря 9 сентября 1939 г. было завезено 300 кг. соли, которая была продана за 1 час, впоследствии в этом магазине в продаже соль отсутствовала [3, л. 49].

В сводке первому секретарю ЦК КП(б)Б П.Пономаренко «О состоянии торговли и некоторых фактах создания запасов продуктов питания населением БССР» от начальника

управления рабоче-крестьянской милиции НКВД БССР Гордеева указывалось следующее: «В связи со сложившейся международной обстановкой, начиная с 8 сентября, по БССР наблюдались большие очереди у продовольственных магазинов за покупкой сахара, муки, крупы, соли, керосина и других продуктов. Спрос на продукты был увеличен настолько, что все продукты, выбрасываемые товары моментально, в течение нескольких часов раскупались... Отмечено снижение снабжения магазинов мукой... снабжение хлебом резко снизилось... Сахар, папиросы в магазины поступали с большими перебоями, а махорка вовсе не поступает...» [2, л. 79–88]. «За последнее время, особенно с первых чисел сентября, повысился спрос на все виды продуктов питания по всем районам Полесской области... В Наровлянском и Хойникском районе крупа совершенно отсутствует... Сахар, папиросы, махорка отсутствуют на базах и в продаже по всей области. Отсутствует также хозяйственное мыло. Увеличился спрос на кондитерские изделия. Кондитерских изделий по городу Мозырю осталось незначительное количество, и то в узком ассортименте. За керосином за последнее время появились большие очереди», – указывалось в спецсообщении первому секретарю Полесского обкома Маркину от областного управления НКВД [4, л. 34]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в сельской местности [4, л. 60].

Для устранения массовой закупки населением товаров Экономический совет при Совнаркомом СССР постановлением от 9 сентября 1939 г. установил ограничения отпуска в одни руки следующих товаров: махорки не более двух пачек, спичек не более 5 коробок, керосина 2 литра, мыло туалетное – 1 кусок, кондитерские товары – 1 кг, соль – 1 кг, чулки-носки – 2 пары, белье мужское и женское – 1 пара, верхний и нижний трикотаж – 1 пара [5, л. 189].

Одновременно органы НКВД БССР усилили борьбу с теми, кто закупал продукты и промтовары «про запас». Так, начиная с 15 сентября 1939 г., в документах партийных и советских органов начинают появляться материалы такого рода. Например, в донесении прокурору Гомельской области от прокурора Речицкого района читаем следующее: «Сегодня в Прокуратуру поступило сообщение, что гражданка А.А. Твардовская систематически закупает продукты и создает запасы. Проведенным обыском на квартире у Твардовской было найдено: 230 метров разной мануфактуры, 87 катушек ниток, 28 фунтов сахару и другие вещи... Твардовская арестована» [6, л. 43].

Перебои в снабжении городов и деревень БССР продуктами питания и промтоварами вызвали панические настроения. Приведем в этой связи характерные высказывания жителей региона, которые отмечали органы НКВД. Продащица одного из магазинов г. Мозыря: «Всех берут на войну, все пропадем и мы умрем с голода, ведь в магазинах нет никаких продуктов и все люди будут пропадать с голода». Жена прораба г. Пхова распространяла слухи, что в Мозыре со всех магазинов и баз забрали все сорта муки и больше ее не будет. Единичник Мозырского района среди односельчан заявлял: «Должна быть всемирная война, так что уже к этому подходит, вот хлеб в кооперации уменьшился и другие продукты» [4, л. 31].

После окончания операции Красной Армии в Польше социально-экономическая ситуация еще больше обострилась. Зима 1939–1940 гг. была апогеем кризиса. Если перебои в снабжении продуктами питания и промышленными товарами в начале сентября 1939 г. можно объяснить субъективным фактором: население, боясь приближающейся войны, лихорадочно скупало продовольствие, то ситуация в течение последующего времени, вплоть до июня 1941 г., являлась следствием резкого уменьшения количества товаров (как промышленных, так и продовольственных), отпущенных для реализации населению. Это было связано с необходимостью кормить возросшую армию. Несмотря на то, что осенью 1939 г. карточная система официально не вводилась, фактически страна перешла на нормированное снабжение.

В этой связи в спецсводках НКВД, датированных 22 декабря 1939 г., читаем следующее: «Фонды хлеба, предназначенные для реализации в декабре месяце уменьшены, против фондов, отпущенных в ноябре 1939... Наличие больших очередей приводит к тому, что в магазинах выбивают стекла, ломают прилавки и двери...». На протяжении декабря 1939 – января 1940 гг. руководство обкомов и райкомов БССР направляет в высшие партийные инстанции десятки докладных, содержание которых практически идентично: просьба увеличить отпуск регионам товары первой необходимости [7, л. 141].

Особенно тяжело приходилось населению сельских регионов. Из-за нехватки ресурсов 1 декабря 1939 г. правительство запрещает свободную продажу муки и печеного хлеба в сельской местности. Многие крестьянские семьи, спасаясь от голода, стремятся переселиться в город, правдами и неправдами преодолевая всевозможные препятствия, чинимые властями [8, л. 2].

Реакция населения региона на исчезновение из торговли промышленных и продовольственных товаров была неоднозначна. Первоначально сквозит недоумение: «Большой войны не ведем, куда же подевалось продовольствие?». В качестве примера хотелось бы привести выдержки из письма, посланного гомельским школьником Морозовым на имя заместителя председателя СНК А.И. Микояна.

Б.И. Морозов – А.И. Микояну.

Дорогой Анастас Иванович!

Вот уже несколько раз перечитывал я Вашу речь на XVIII съезде ВКП(б)... Иногда я прямо таки восхищался. Уж так, ну как Вам сказать, бьете Вы в самую точку. Ну разве не воскликнул я «правильно», когда читал об «универмагах, крупнейших, чем в Америке», которые в данный момент действительно не подходят. Разве не вырвалось из моих уст – «Ах, вот как!», когда я узнал, что недостаток товаров текстильной промышленности является результатом отставания некоторых ее областей. Кто посмеет отрицать факт о «холостых выстрелах», который Вы так правильно подметили, который я сам наблюдал в своей школьной жизни, но он не доходил до моего сознания. (В своей речи на съезде Микоян сказал о необходимости «иметь больше мелких и средних магазинов», а не увлекаться созданием крупных универмагов. Говоря о подборе кадров и проверке исполнения, он сравнил хорошее решение, необеспеченное выполнением, с холостым выстрелом – Д.Т.)

Ваша речь послужила кладом для моих знаний. Если бы было время, я рассказал бы Вам о моей жизни, о том, как бросил меня отец, о том, как я учился, как начал читать книги и как роднили они меня с миром... Написал бы Вам о том, как много и часто приходилось мне рассказывать неграмотным соседям о международном положении нашей страны, о войне в Абиссинии, Испании, Китае и Хасане, о конфликте в районе озера Буир-Нур в МНР, об англо-франко-советских переговорах, договоре о ненападении с Германией, о пактах взаимопомощи с Прибалтийскими странами, о II мировой войне и вообще об империалистических войнах, о надеях (так в тексте – Д.Т) в Финляндии и о пр.

Что заставило меня написать письмо? На этот вопрос я отвечу так – безобразие, которое творится в нашей стране. Ответ не очень-то приятный, но я считаю его правильным. Дело в том. Когда не было крупы, я говорил маме, «крупка будет», когда не стало сахара я сказал маме – «сахар будет. Не должно быть, чтобы в нашей стране не было сахара!» Дальше. Придя один раз из очереди за мануфактурой, мама начала обижаться, что нет мануфактуры, рассказывая как много было ее раньше. Я сказал, что мануфактуры нет, потому что наша страна переживает разруху, нанесенную ей империалистической и гражданской войнами. К тому же, и царская Россия была не очень-то развитой. В ответ на это она сказала: «Не развитая, да зато мануфактуры было сколько хочешь, а очереди даже не знали!». Я сослался на возросшую потребность, на широкого потребителя. Но сам подумал: «А и вправду в царской России индустрии совсем не было, сейчас мы ее построили. Текстильная ж промышленность была, а все-таки она не удовлетворяет нашего потребителя. Виною этому я считал малое внимание ЦК ВКП(б) и СНК. Почему бы, например, не поставить текстильную промышленность наряду с черной металлургией и не заботится о ее росте. Но это я уже здорово отвлекся.

Да, в конце разговора я сказал матери, что не дождемся мы в конце 2-й пятилетки, как будет у нас мануфактура сколько хочешь. Но вот прошла 2-ая пятилетка, началась третья, а мои предсказания не оправдались – мануфактуры не было и нет. Привезут ее иногда – народ давится. Почему ж нет рыбы, дык (так) я сам не придумаю. Моря у нас есть и остались те же, какие были прежде, но тогда ее было сколько хочешь и какой хочешь, а сейчас я даже представление потерял, какая она на вид. Наконец, где же девался хлеб? Кажется и собрали мы 6 млрд. пудов зерна. Посчитаешь по 35 с лишним на каждого человека. Войны затяжной не было, а хлеба уже 2 месяца нет. Или это безобразие творится только по Гомельской области,

или по всей стране. А мы еще хотим построить коммунистическое общество, главным принципом которого будет «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». Дальше, в газетах пишут, что во Франции, Англии, Германии буржуазия уводит карточную систему, которой недоволен пролетариат. А у нас в стране, где победил пролетариат, в стране, на полях которой проливали кровь наши отцы и матери, сейчас вводится настоящая карточная система – железнодорожники и станционные рабочие (грузчики и другие) выписывают (хлеб) из Гомеля, получают его по карточкам, посылая ко всем чертям посторонних, педагоги получают хлеб из своего буфета и пр. (Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 декабря 1939 г. «О торговле и общественном питании в системе «Союзтранторгпит» была введена закрытая торговля для рабочих и служащих железнодорожного транспорта – Д.Т.). И кто им только давал право позорить страну! Мы еще хотим победить в грядущих боях, когда столкнутся две системы – социалистическая и коммунистическая. Нет, при таких порядках и при таких недостатках никогда нам не победить, никогда нам не построить коммунизм!

Прошу Вас, дорогой Анастас Иванович, ответьте мне на все вопросы: почему нет макулатуры, крупы, рыбы, обуви, сахара, конфет, спичек, почему не стало хлеба? С нетерпением жду ответа. Морозов. Мой адрес – БССР Гомельская область, ст. Буда-Кошелевская, Сталинская школа № 1, уч. 9-го класса «А» Морозову Борису Ивановичу [9, с. 5–6, 21–22].

Начальник отдела торговли продтоварами СССР Мосин отослал копию этого письма назад в Гомель с сопроводительной запиской следующего содержания: «В письме Морозова явно сквозит не советское отношение по отдельным моментам («японцам сдаем моря, что-бы...»), его фраза о карточной системе, о построении коммунизма «при таких порядках» и т. д.). По этому письму можно предполагать, что ученик Морозов находится под влиянием враждебных настроений к Советской власти, среде. Прошу Вас поручить специальному работнику личной беседой с учеником Морозовым разрешить интересующие его вопросы и выяснить обстановку, вызвавшую враждебно настроенное письмо на имя т. Микояна. О результатах сообщите в Наркромторг СССР». Последствия не трудно представить. Этим письмом школьник «подставил под удар» своих родственников и, видимо, учителей [9, с. 22].

В Российском государственном архиве экономики подобных писем, датированных ноябрем 1939 – мартом 1940 гг., десятки, со всех регионов СССР. В них указывается на бедственное положение населения в связи с невозможностью купить самые необходимые продукты питания, одежду и т. д. Однако, хотя их авторы критикуют и даже порой ругают существовавшие порядки, тем не менее, они обращаются к власти как к «своей народной», которая бездействует либо по незнанию, либо от недооценки сложившейся ситуации.

В начале января 1940 г. и вплоть до 1941 г. ситуация коренным образом изменилась. Органы НКВД фиксируют теперь уже рост антисоветских настроений среди отдельных категорий населения региона, прежде всего жителей сельской местности. Можно привести некоторые примеры. Так, в докладной секретарю Полесского обкома Маркину, датированной 9 января 1940 г., «Об итогах выборов в местные Советы депутатов трудящихся по районам Полесской области» органы НКВД сообщали: по области отказались от голосования 246 человека, «которые являются антисоветски настроенными против партии и Советской власти». Рабочая завода «Звезда» Петриковского района, в частности, заявила агитатору: «За что же голосовать, если в Советском Союзе люди голодные и голые, ничего нигде нет» [10, л. 5]. Колхозница колхоза дер. Дубровица сказала: «Эту бездну никогда не заполнишь, несмотря на то, что люди возят зерно десятками и сотнями тонн. Все равно в нашей стране остаются без куса хлеба. Советская власть хотя и пишет в газетах, что в Германии продают хлеб по карточкам, но там люди гораздо лучше живут, чем при советской власти, и не сидят голодными как в России» [11, л. 190].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Вступление СССР во Вторую мировую войну осенью 1939 г. вызвало в стране определенные социально-экономические трудности. Они носили закономерный характер и были вызваны в первую очередь частичным переводом экономики страны на военное производство, увеличением численности Красной Армии и др.

Литература

1. Мельтюхов, М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. / М.И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2001. – 464 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1713. Оперативные сводки НКВД БССР (сентябрь–декабрь 1939 г.).
3. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 79. Оперативные сводки НКВД (сентябрь–декабрь 1939 г.).
4. ГАООГО. – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 64. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), постановления и выписки из постановлений Экономсовета при СНК СССР (январь 1939 – декабрь 1939 г.).
5. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1486. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), постановления и выписки из постановлений Экономсовета при СНК СССР (январь 1939 – декабрь 1939 г.).
6. ГАООГО. – Фонд 451. – Оп. 3а. – Д. 72. Постановления и материалы к ним Речицкого райкома КП(б)Б (сентябрь–декабрь 1939 г.).
7. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1937. Постановления Экономического совета СССР (1939 г.).
8. Выцлан, М. Разрешите нам покончить свою жизнь / М. Выцлан // Наука и жизнь. – 1996. – № 6. – С. 2–7.
9. Кризис снабжения 1939–1941 гг. в письмах советских людей (вступительная статья Е.А. Осокиной) // Вопросы истории. – 1996. – № 1. – С. 3–23.
10. ГАООГО. – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 126. Спецсообщения и докладные записки обкому КП(б)Б от областного управления НКВД УРКМ БССР и облпрокуратуры (январь 1940 г. – апрель 1940 г.).
11. ГАООГО. – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 128. Спецсообщения и докладные записки обкому КП(б)Б от областного управления НКВД УРКМ БССР и облпрокуратуры (октябрь 1940 г. – январь 1940 г.).

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 17.03.2019

УДК 94(476)

Деятельность руководства рабоче-крестьянской милиции БССР по повышению уровня профессиональной подготовки работников милиции в 1931–1941 гг. (по материалам газеты «На варце Кастрычніка»)

А.Н. Тютюнков

Рассматривается деятельность руководства рабоче-крестьянской милиции БССР по вопросам повышения качества профессиональной подготовки работников милиции в 1931–1941 гг. Обосновывается тезис о понимании профессиональной подготовки как важного элемента успешной служебной деятельности милиции, принципиальной позиции руководства органов милиции не скрывать недостатки и принимать действенные меры по улучшению работы в данном направлении, значительное внимание развитию оборонной работы, для подготовки работников милиции к защите страны от внешнего врага.

Ключевые слова: рабоче-крестьянская милиция, профессиональная подготовка, оборонная работа, «На варце Кастрычніка».

The activities of the leadership of the workers 'and peasants' militia of the BSSR on the issues of improving the quality of police training in 1931–1941 are discussed. It substantiates the thesis about the understanding of professional training as an important element of successful police performance, the principled position of the police leadership not to hide shortcomings and take effective measures to improve the work in this area, pay considerable attention to the development of defense work, to prepare police officers to defend the country from an external enemy.

Keywords: Workers 'and Peasants' Militia, vocational training, defense work, «On guard of October».

Газета «На варце Кастрычніка» рассматривалась руководством рабоче-крестьянской милиции (далее – РКМ) как инструмент донесения до каждого работника милиции информации, необходимой для качественного исполнения им своих должностных обязанностей. То, что газета являлась органом политотдела, прямо указывает на важность печатного органа в политико-воспитательной работе и реализации государственной политики в милиции.

К сожалению, номеров газеты «На варце Кастрычніка» сохранилось немного [1]. Можно с уверенностью утверждать, что в период с 12 ноября 1931 г. (первый номер) и до 29 марта 1941 г. (последний известный номер) вышло в свет 312 номеров газеты [2, с. 1]. Всего известно 82 номера (26,28 %).

Небольшое количество сохранившихся номеров сильно ограничивает возможности для исследования, но все же способно дать общее представление об актуальности данной проблемы с точки зрения руководства РКМ БССР.

Из 1594 публикаций в сохранившихся номерах, посвященные исследуемой тематике составляют 113 (7,08 %).

Под профессиональной подготовкой мы понимаем изучение учебных дисциплин и усвоение их программ, которые непосредственно влияют на качество исполнения каждым работником РКМ своих функций. Однако, исходя из анализа материалов, следует отметить, что не имелось четкого разделения профессиональной подготовки и оборонной работы. Практически все мероприятия, проводимые среди работников милиции, рассматривались как подготовка не только к качественному выполнению непосредственных служебных обязанностей, но и как подготовка работников милиции к защите независимости страны от внешнего врага.

Под оборонной подготовкой мы понимаем изучение дисциплин и овладение практическими навыками, имеющими значение в общевойсковом бою.

В разрезе по годам ситуация отражена в таблице 1.

Таблица 1 – Освещение вопросов профессиональной и оборонной подготовки (анализ по годам)

Год	Количество публикаций по вопросам профессиональной подготовки	% от всех публикаций	Сохранилось номеров
1932	1	3,12 %	2
1933	8	7,20 %	6
1937	4	26,66 %	1
1938	17	9,65 %	10
1939	62	6,22 %	52
1940	1	0,84 %	6
1941	21	16,53 %	5
Всего	115	7,21 %	82

Итоговые данные выдают относительно небольшой процент (7,08 %) публикаций по вопросам профессиональной подготовки и оборонной работы.

На первый взгляд, при сравнении данного показателя, например, с количеством публикаций по основным вопросам внутренней и внешней политики (30,55 % от общего числа публикаций), их число невелико. Но это и неудивительно для официального печатного издания политотдела Главного управления РКМ НКВД БССР.

Но, если провести более глубокий анализ, картина выглядит иначе, что отражено в таблицах 2–5.

Отдельно надо отметить, что данные таблицы указывают на усиление внимания к вопросам профессиональной и оборонной подготовки в 1938, 1939, 1941 гг. и спад интереса в 1940 г.

Таблица 2 – Динамика публикаций по вопросам профессиональной и оборонной подготовки по годам

Год	Количество публикаций по вопросам профессиональной подготовки	Сохранилось номеров	Количество номеров с публикациями по вопросам профессиональной подготовки	% номеров с публикациями по вопросам профессиональной подготовки
1932	1	2	1	50 %
1933	8	6	4	66,6 %
1937	4	1	1	100 %
1938	17	10	6	60 %
1939	62	52	30	57,7 %
1940	1	6	1	16,6 %
1941	21	5	5	100 %
Всего	115	82		

Таблица 3 – Дополнительный анализ по 1938, 1939, 1941 по месяцам количества публикаций

Месяц 1938 года	Количество публикаций по вопросам профессиональной подготовки	Количество сохранившихся номеров за месяц	% от всех публикаций за год
июнь	2	2	11,7 %
июль	9	4	52,9 %
август	6	3	35,2 %
октябрь	-	1	
Всего	17		

Таблица 4 – Освещение вопросов профессиональной и оборонной подготовки в 1939 г.

Месяц 1939 года	Количество публикаций по вопросам профессиональной подготовки	Количество сохранившихся номеров за месяц	% от всех публикаций за год
январь	2	3	3,2 %
февраль	1	4	1,6 %
март	2	6	3,2 %
апрель	3	4	4,9 %
май	10	5	16,3 %
июнь	17	4	27,8 %
июль	12	4	19,6 %
август	5	5	8,1 %

Окончание таблицы 4

сентябрь	4	4	6,5 %
октябрь	3	4	4,9 %
ноябрь	2	4	3,2 %
декабрь	-	4	-
Всего	61		

Таблица 5 – Освещение вопросов профессиональной и оборонной подготовки в 1941 г.

Месяц 1941 года	Количество публикаций по вопросам профессиональной подготовки	Количество сохранившихся номеров за месяц	% от всех публикаций за год
февраль	3	1	14,2 %
март	18	4	85,7 %
Всего	21		

Изучение материалов показало, что в разрезе по годам количество номеров с изучаемой нами проблематикой не опускалось ниже показателя 16,6 % в 1941 г., что уже не так мало. В 1938 г. этот показатель составил 60 %, в 1939 г. – 57,7 %, в 1941 г. – 100 %.

Анализ количественных показателей в разрезе размещения в номерах публикаций по данной тематике по месяцам 1938, 1939, 1941 гг. (в связи с наличием достаточно большого количества номеров) показал, что материалы по профессиональной и оборонной подготовке выходили в свет практически ежемесячно. Так, в 1938 г. из материалов за 4 месяца отсутствуют публикации только в номере, вышедшем в свет в октябре (10 % из 10 сохранившихся за год номеров), в 1939 г. из номеров всех 12 месяцев данные публикации отсутствуют только в декабре, в 1941 г. во все номера включены указанные материалы.

На наш взгляд, это показывает постоянное внимание руководства РКМ к вопросам профессиональной и оборонной подготовки работников РКМ, стремлению популяризировать данную работу и эффективно ею управлять.

Содержание статей разнообразно.

По своему содержанию их можно разделить на несколько групп. Однако такое деление не является жестким, так как авторы старались наполнить свои публикации максимально возможным количеством информации, зачастую акцентируя внимание на самом важном, но не забывая вкратце описать состояние дел по всем направлениям профессиональной подготовки. Мы постарались разделить их на группы по наиболее важному содержанию в каждой статье.

Первая – это материалы, отражающие официальную позицию ведомства по различным аспектам профессиональной подготовки, в них ставятся задачи подразделениям, подвергаются критике отстающие.

Такие материалы размещены уже в первом номере 1932 г. от 9 ноября под названием: «Задачи баявой падрыхтоўкі на надыходзячы навучальны год». В материале ставятся конкретные задачи отделам боевой подготовки к началу нового учебного года и периода зимней учебы. Это:

- заранее продумать и расставить силы для учебной работы, что позволит каждому исполнителю качественно подготовиться и не допустить недостатков прошлого учебного года;
- всесторонне продумать вопросы материального обеспечения, в том числе изучить наличие достаточного количества учебных пособий;
- обеспечить оборудование ленинских уголков и наличие ящиков с песком (на случай плохой для занятий погоды в зимний период);
- все мероприятия осуществить в соответствии с конкретным рабочим планом.

Особо подчеркивалось, что хорошая подготовка к новому учебному году будет верным залогом высококачественного исполнения планов боевой подготовки [3, с. 1].

В номере от 31 января 1933 г. опубликована статья, посвященная началу работы ячейки «Динамо» в Гомельском гарнизоне милиции. Сообщается, что в ячейке состоит 52 человека, создано бюро, которое организует всю работу. Интересно перечисление созданных секций, которое отражает наиболее актуальные на тот момент прикладные виды спорта: стрелковая, вело-мотосекция, конно-спортивная, обще-физкультурный кружок. Также ячейка ставит перед собой задачу вовлечения всех работников РКМ в сдачу норм ГТО до 1 мая 1933 г.

Автор публикации (Падліпскі) особое внимание обращает на необходимость проведения физической подготовки в каждом подразделении, так как она тесно связана с войсковой боевой подготовкой.

Конечной целью такой работы, по мнению автора, должна быть подготовка бойца, способного в любой момент выступить на защиту пролетарского государства [4, с. 3].

А уже 12 марта 1933 г. вышла в свет статья «Задачи дынамаўскай арганізацыі ва ўмовах РСМ на даны перыяд», в которой рекомендуется «дынамаўскай арганізацыі ў кожным падраздзяленьні РСМ, – скарыстаць зімовы час на разгортваньне ўсіх відаў фізкультуры, ўзяўшы асноўны ўпор на ўцягненьне ўсяго міліцэйскага складу ў зімовыя віды спорту і здачу норм па ўсіх відах зімспорту» [5, с. 3].

К этой же группе статей можно отнести материалы о деятельности Минской школы рабоче-крестьянской милиции, различных курсов.

В номере от 3 августа 1939 г. опубликована большая статья о победе стрелковой команды РКМ Минска во всебелорусских стрелковых соревнованиях имени Ордена Ленина спортивного общества «Динамо». Состав команды: сержант милиции Азаренко (капитан команды), сержант милиции Каган, сержант милиции Кожев (Минская школа РКМ), милиционер особого дивизиона Лопатнев, сержант милиции Котов (УРКМ). Трех из пяти членов команды (Азаренко, Каган, Кожев) уже в июле 1941 г. пришлось применить своих навыки в стрельбе в боевых условиях, защищая Могилев от немецко-фашистских захватчиков в составе сводного батальона милиции под командованием лейтенанта милиции К.Г. Владимирова [6, с. 172–177].

Вторая группа материалов – это статьи, содержащие конкретные методические рекомендации по организации и проведению занятий по различным видам профессиональной подготовки.

Так, 31 января 1933 г. опубликована статья «Вынікі і недахопы пройдзеных стрэльбішч». В ней рассмотрены недостатки организации проведения учебных стрельб из винтовки. Материал интересен тем, что в нем одновременно разъясняются цели и задачи стрелковой подготовки «Навучыць з найменшай затратай патрон, з найменшым рыскам для сябе і свайго таварыша, бяз промаху паражаць ворага», подробно расписан порядок проведения стрельб, даны методические рекомендации, проанализированы недостатки подразделений при проведении учебных занятий как организационного, так и методического характера. Например, «Арганізацыя стрэльбішч праходзіла зусім проста, загадам “на заўтра”» прызначаліся стрэльбы, бяз усякай падрыхтоўкі і прапрацоўкі, – адстралялі адно практыкаваньне, а каб не хадзіць другі раз, заадно выканалі і наступнае практыкаваньне», «Памылкі стралкоў не ўлічваліся. Таварышы ня выканаўшы першага заданьня, дапускаліся да наступнага, замест таго, каб даручыць малодшаму камандзіру, альбо лепшаму стралку апрацаваць яго».

Не избежали критики и конкретные руководители: «Застаецца запытацца ў сіроцінскага райкіраўніцтва, ці нельга было-б за адзін дзень скончыць с усім курсам стрэльбішч, было б «эканомна і безкарысна», «начальнікі горацкай і мсціслаўскай міліцыі да гэтага часу не атрымалі патронаў на вучэбныя мэты» [7, с. 4].

Третья группа материалов – статьи, пропагандирующие развитие оборонной работы, в целях подготовки работников РКМ для защиты страны от внешнего врага.

25 июня 1938 г. в номере 20 опубликована статья «Разгортваем абаронную работу». В ней приведены данные о процентном охвате милиционеров одной из частей членством общественных организаций Осовиахим (87 % всего личного состава) и «Динамо» (95 % всего личного состава), приведен конкретный пример – систематические занятия по стрельбе из малокалиберной винтовки [8, с. 4].

Не скрывались и недостатки в данной работе. В номере 22 от 4 июля 1938 г. подвергнуто критике 1 отделение г. Минска. В статье «Больш увагі абароннай рабоце»: «Работнікі РСМ жадаюць паступіць у Асовіахім і актыўна ўдзельнічаць у яе рабоце, але гэтай работы ніхто не арганізуе» [9, с. 4].

В номере от 7 мая 1939 г. приведены интересные цифры, отражающие деятельность «Динамо» в период подготовки к XVIII съезду ВКП(б): «20 февраля проведены были стрелковые соревнования команд УРКМ и подразделений. Участвовало 10 команд. 24 февраля

наша женская команда в системе «Динамо» г. Минска заняла 2-е место. 5 марта был проведен военизированный переход на 35 км., из них 1 км. в противогазах. В переходе участвовало 232 чел. За март сдали зимние нормы на лыжах 221 чел.», «7–8 марта работники УРКМ, частей и подразделений РКМ г. Минска приняли участие в соревнованиях по гранатометанию», «24 апреля начсостав подразделений и сотрудники УРКМ провели переход в противогазах по городу с оркестром на дистанцию 6 км. В переходе участвовало 175 чел. В настоящее время проходит тренировка стрелков и водителей мотоциклов» [10, с. 4].

Руководством поощрялось даже занятие летным делом. Так, 20 июня 1939 г. опубликована статья библиотекаря УРКМ Сидорова, которому были созданы условия для занятий в Минском аэроклубе имени Молотова [11, с. 4].

Пропагандировалась инициатива в повышении качества оборонной работы. В номере от 29 июня 1939 г. опубликован материал о внеурочном занятии по инициативе командира 1 взвода сводного дивизиона летнего лагеря РКМ на тему «Марш и его охранение». Из описания событий следует, что речь идет об элементах общевойскового боя с применением винтовок и пулеметов [12, с. 3].

Четвертая группа материалов посвящена деятельности летних милицейских лагерей, которые организовывались для повышения уровня профессиональной подготовки личного состава РКМ.

23 июня 1933 г. в номере размещена статья «Міліцэйскі лягер зароботаў (Віцебскі апэрсэктар)», в которой четко обозначены задачи таких лагерей: «каб з лягеру вышаў міліцэйскі работнік, поўнасьцю аўладаўшы міліцэйскімі і вайсковымі ведамі, каб прыехаўшы ў сваю часць, ён здолеў стаць лепшым змагаром за генэральную лінію партыі і выкананьне важнейшых палітычных задач» [13, с. 2].

В этом же номере объявлено об организации конкурса на лучшую организацию лагерного сбора РКМ среди межрайонных Могилевского, Витебского и Гомельского секторов.

Основой конкурса стало выполнение контрольных цифр боевой и политической подготовки РКМ на 1933 г. Ряд работников (начальник оперсектора, командный и политический состав лагерного сбора, отдельные бойцы) получили возможность получить персональную премию Главного руководства РКМ БССР в размере 1500 рублей [14, с. 4].

Указывались и недостатки. Так, в № 20 от 19 июня 1938 г. вышла заметка «Павысіць якасьць вучобы», которая критиковала качество организации учебного процесса в летнем лагере Минской школы милиции и указывала конкретных должностных лиц, которые несут за это ответственность. Отдельно отмечено, что «Вельмі мала зварачваецца ўвагі пытаньням вывучэння вайсковых дысцыплін» [15, с. 4].

20 июля 1938 г. в статье «Што дала лагерная падрыхтоўка» подведены итоги работы лагеря школы милиции и дана, в целом, положительная оценка: «Курсанты навучыліся добра ўладаць зброяй, метка страляць з вінтоўкі і нагана. Сярод курсантаў-выпускнікоў налічваецца 21 выдатны стралок» [16, с. 4]

Исходя из всего вышесказанного можно утверждать:

- руководство РКМ уделяло значительное внимание качеству профессиональной подготовки, в том числе и оборонной, работников милиции;
- руководство РКМ активно использовало возможности пропаганды среди личного состава осознанного повышения качества своей профессиональной подготовки;
- лидеры в деле организации профессиональной подготовки поощрялись как морально, так и материально. Недостатки не скрывались, а наоборот становились известны всем работникам милиции и были своеобразным напоминанием о том, что пробелы в работе никто не намерен скрывать;
- значительное внимание уделялось развитию оборонной работы как средства воспитания работников милиции в духе патриотизма, так и средства подготовки обученного резерва на случай нападения внешнего врага.

Основная масса таких материалов опубликована в 1938, 1939 и 1941 гг., в то время как в 1940 г. эта тематика не являлась актуальной.

Литература

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mvd.gov.by/ru/>. – Дата доступа : 11.01.2019.
2. На варце Кастрычніка – 1941. – 29 сакавіка. – С. 1.
3. Уладзіміраў. Задачы баявой падрыхтоўкі на надыходзячы навучальны год / Уладзіміраў // На варце Кастрычніка. – 1932. – 9 лістапада. – С. 1.
4. Падліпскі. Разгарнулася праца «Дынамо» / Падліпскі // На варце Кастрычніка. – 1933. – 31 студзеня. – С. 3.
5. Магідзін. Вынікі і недахопы пройдзенных стрэльбішч / Магідзін // На варце Кастрычніка. – 1933. – 31 студзеня. – С. 4.
6. Тютюнкoв, А.Н. Новые имена милиционеров-участников обороны Могилева в 1941 г. / А.Н. Тютюнкoв // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Могилев, 2018. – С. 172–177.
7. Межоны. Вынікі і недахопы пройдзенных стрэльбішч / Межоны // На варце Кастрычніка. – 1933. – 31 студзеня. – С. 4.
8. Салавей. Разгортваем абаронную работу / Салавей // На варце Кастрычніка. – 1938. – 25 чэрвеня. – С. 4.
9. Гамзюк. Больш увагі абароннай рабоце / Гамзюк // На варце Кастрычніка. – 1938. – 25 чэрвеня. – С. 4.
10. Радзюк. Некоторые итоги работы совета «Динамо» / Радзюк // На варце Кастрычніка. – 1939. – 7 мая. – С. 4.
11. Сидоров. Овладаваю летным делом / Сидоров // На варце Кастрычніка. – 1939. – 20 июня. – С. 4.
12. Радзюк. Тактическая подготовка / Радзюк // На варце Кастрычніка. – 1939. – 29 июня. – С. 3.
13. Элкомэ. Міліцэйскі лягер зароботаў (Віцебскі апэрсэктар) / Элкомэ // На варце Кастрычніка. – 1933. – 31 студзеня. – С. 2.
14. Флэксэр. Нач. міжраённых сэктароў: Магілёўскага, Віцебскага и Гомельскага / Флэксэр // На варце Кастрычніка. – 1933. – 31 студзеня. – С. 4.
15. Карнышоў. Павысіць якасьць вучобы / Карнышоў // На варце Кастрычніка. – 1938. – 19 чэрвеня. – С. 4.
16. Ігнаценка. Што дала лагерная падрыхтоўка / Ігнаценка // На варце Кастрычніка. – 1938. – 20 ліпеня. – С. 4.

Могилевский институт Министерства
внутренних дел Республики Беларусь

Поступила в редакцию 02.03.2019

УДК 94 (476+474,5)

Эволюция системы воинских знаков отличия в армии Великого княжества Литовского в XVIII – начале XIX вв.

С.А. ЧЕРЕПКО

Исследуется процесс формирования собственной системы воинских знаков различия в период становления регулярной армии Великого княжества Литовского. В результате проведенного исследования установлено, что в литовской армии была сформирована собственная система знаков различия, которая исчезла с ликвидацией литовской армии в ходе наполеоновских войн. Наибольшее влияние на эволюцию литовских воинских знаков различия оказали процессы, происходившие в польской, а также саксонской, а позже и французской армиях.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, воинские знаки различия, армия, пехота, кавалерия, артиллерия.

The process of forming own system of military insignia in the period of the formation of the regular army of the Grand Duchy of Lithuania is explored. As a result of the study, it was established that the Lithuanian army formed its own system of insignia, which disappeared with the liquidation of the Lithuanian army during the Napoleonic wars. The processes that took place in the Polish, as well as the Saxon, and later the French armies had the greatest influence on the evolution of the Lithuanian military insignia.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, military insignia, army, infantry, cavalry, artillery.

История Беларуси отличается чрезвычайной яркостью и насыщенностью, но в то же время драматизмом, что в значительной мере обусловлено её географическим положением на стыке двух цивилизационных пространств. Такое геополитическое расположение естественным образом влияло на экономическое развитие, социальную структуру общества, его культурно-религиозную жизнь и зачастую приводило к глубинным конфликтам, которые проявлялись не только в виде внутривосточных кризисов, но и серьёзно влияли на внешнеполитическое положение тех государственных образований, частью которых в определённый момент истории являлись земли современной Беларуси. В полной мере это утверждение относится к периоду заката Речи Посполитой и аннексии её земель соседними государствами. XVIII в. стал весьма противоречивым периодом отечественной истории и проявился практически во всех сферах жизни общества и государства, в том числе и военной сфере. В это время система обороны Речи Посполитой была как никогда ослабленной, она требовала немедленного реформирования, однако полноценно реализовать этот процесс в условиях глубочайшего внутривосточного кризиса в стране было крайне затруднительно. Тем не менее, именно в этот период начался процесс формирования регулярных армий как в Короне, так и в Литве. По сравнению с соседними странами этот процесс начался в Речи Посполитой начался достаточно поздно, но, тем не менее, он давал польско-литовской федерации шанс на спасение от хищнических планов соседей.

Целью данной статьи является отражение одного из аспектов истории военного дела Беларуси – зарождения и эволюции знаков отличия в армии Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского (ВКЛ), который начался в XVIII в. и закончился, как это ни странно, не с исчезновением Речи Посполитой в 1795 г., а с ликвидацией последних подразделений литовской армии, которая на короткий срок смогла возродиться в 1812 г. Заметим, что употребляемые в данной статье термины «Литва», «литовский» либо их производные формы не следует отождествлять с современным пониманием этих слов, т. е. чем-то относящиеся только к Литовской Республике либо к современному литовскому народу. В XVIII–XIX вв. термин «Литва» имел иное смысловое значение и в географическом плане охватывал преимущественно западную и центральную части современной Беларуси, а также восточную часть современной Литвы. В политическом же смысле термином «Литва» обозначалась территория современных Беларуси и Литвы. Таким образом, в данном исследовании под термином «литовский» подразумевается нечто относящееся не только к литовской, но и белорус-

ской истории. В частности, на примере исследования этноконфессиональной структуры Полка пешей гвардии и 1-го пешего полка Булавы польной, где в период с 1736 по 1754 гг. 63 % рядового состава, 39 % унтер-офицерского состава, 30 % штаб-офицеров и не менее половины обер-офицеров являлись уроженцами земель современной Беларуси, можно сделать заключение, что литовская армия XVIII–XIX вв. – это не только, и даже не столько литовская в современном понимании, сколько белорусская в этническом плане армия [1].

Несмотря на наличие определённого задела, вопрос об эволюции системы литовских воинских знаков различия всё ещё довольно скудно освещён в историографии [2]–[9]. Однако наличие источникового материала как письменного, так и вещественного характера позволяет восполнить этот пробел [10]–[19].

Одной из специфических особенностей существования вооружённых сил Речи Посполитой являлось наличие в этом государственном образовании двух самостоятельных армий с отдельным командованием, что являлось проекцией государственного устройства польско-литовской федерации на военное дело. Однако несмотря на это обстоятельство, тенденции развития военного дела в стране носили общий для обеих структур характер.

Северная война 1700–1721 гг., значительная часть которой проходила на территории Речи Посполитой, показали полную неспособность ни польской, ни литовской армий защитить страну от внешнего агрессора. Страна нуждалась в мощной армии, что, с одной стороны, сулило увеличение государственных расходов на содержание этого важного инструмента государственной машины, а, с другой стороны, могло привести к резкому усилению позиций королевской власти, которая с момента принятия Генриховых артикулов была серьёзно ограничена. В условиях господства в Речи Посполитой режима магнатской олигархии, несмотря на очевидную угрозу для государства со стороны соседей, создание полноценной армии представлялось делом фактически невыполнимым. Это стало очевидно после обострения противостояния между королём и феодальным обществом в 1716–1717 гг.

Тем не менее, согласно решениям «немного сейма» 1717 г. король Август II Сильный смог добиться определённых уступок со стороны шляхетской оппозиции в вопросе реформирования вооружённых сил. Для Польши и Литвы создавались постоянно действующие войска с чётко определённым количеством «порций» для содержания личного состава. На содержание солдат литовской армии выделялось 6 тыс. порций, что, с учётом выделения на офицеров более одной порции, позволяло постоянно содержать 4–4,5 тыс. военнослужащих. Основой армии оставалась кавалерия, в рамках которой планировалось создать 6 гусарских хоругвей общей численностью 400 лошадей, 25 хоругвей более легкой кавалерии, которые бы насчитывали 1160 лошадей, 12 татарских полков численностью 460 лошадей, 8 казачьих полков численностью 240 лошадей. Вместе с тем, большее внимание уделялось пехоте, количество которой значительно увеличилось. Планировалось организовать 4 драгунских полка общей численностью 1500 лошадей, 3 пехотных полка с личным составом в 1850 человек, полк янычар количеством 230 человек, а также отдельную артиллерийскую роту (роту), которая бы насчитывала 150 человек [10, s. 19], [2].

Создание регулярной армии способствовало унификации формы солдат и офицеров армии ВКЛ, а также формированию знаков отличия военнослужащих. Униформа инфантерии ВКЛ напоминала форму саксонской армии, что, на наш взгляд, было непосредственно связано союзническими отношениями между Саксонией и Речью Посполитой во время правления Августа II Сильного и его преемника, а также сильными немецкими традициями в пехоте [20]. Пехотинцы получили красные мундиры, белые брюки и красные галстуки на шею. Головными уборами литовских пехотинцев стали бикорны (двууголки). В армии ВКЛ строго регламентировалась причёска солдат. Волосы должны были быть заплетены сзади в косичку и напудрены.

Драгунские подразделения, которые представляли симбиоз инфантерии и кавалерии, так называемая «конная пехота», также получили единую униформу. Она состояла из красного мундира, как в обычных пехотных полках, жилета и брюк, цвет которых зависел от конкретного полка, а также высоких сапог и шляпы. В качестве вооружения драгуны получали карабин со штыком, 1–2 пистолета и палаш.

Гвардейская кавалерия также получила свою особую униформу, которая состояла из красного мундира, светло-гранатовых жилета и брюк [10, с. 20]. Иначе складывалась ситуация в полевых кавалерийских подразделениях. Солдаты этих хоругвей, в отличие от воинов пехотных и драгунских полков, долгое время не имели единого обмундирования. Только в 1746 г. была введена единая униформа для отдельных видов полевой кавалерии, однако её внедрение в войска оказалось довольно длительным процессом.

Вместе с появлением единой военной формы стала вырабатываться система знаков различия унтер-офицерского и офицерского состава армии ВКЛ. Одним из таких знаков отличия был головной убор. Например, в инфантерии офицеры, в отличие от рядовых, в качестве головных уборов носили не бикорны, а широкополые черные шляпы. Знаком отличия офицера являлись также серебристого цвета шарфы и ринграфы (бляхи) – металлические пластинки с изображением герба, который офицеры носили на груди. В частности, на ринграфе офицера Полка литовской гвардии пешей был изображён герб «Погоня» серебристого цвета на красном поле в золотистом обрамлении флагов и короны. Основное поле ринграфа было серебристого цвета [15]. В совокупности эти вещи (шляпа, шарфы и ринграфы) выполняли функцию знаков отличия. Знаком отличия офицера в кавалерии, как и в пехоте, выступал серебристого цвета шарф. В артиллерии, в отличие от пехоты и кавалерии, офицерский шарф был золотистого цвета.

Во второй половине XVIII в., несмотря на внутривосточные проблемы и вопреки внешнеполитической слабости, процесс реформирования вооружённых сил Речи Посполитой, в том числе и литовской армии, продолжился. На конвокационном сейме 7 мая 1764 г. было принято решение о создании «раз и навсегда *Consilium bellicum*» (Военной комиссии) для коронной армии, которая должна была стать катализатором реформ в армии [11, с. 39, 83]. На коронационном сейме 3 декабря 1764 г. было объявлено о создании Военной комиссии для ВКЛ [13, с. 170]. Целью Комиссии, которая расположилась в Гродно, стало всестороннее изучение положения армии ВКЛ и искоренение основных проблем в военной системе страны. По мнению Б. Твардовского, Комиссия сумела сделать довольно много, в частности «... установила порядок в организации, повысила ослабленную субординацию и дисциплину, повысила уровень образования в высших военных, и в конце концов создала армию, которая не уступала ни одной тогдашней европейской ...» армии [10, р. 20].

На сейме 1773–1775 гг., несмотря на трагические события 1768–1772 гг., реформирование армии было продолжено. Было принято решение о повышении количества армии ВКЛ с 6 до 8 тысяч человек, а всей армии Речи Посполитой с 24 до 30 тыс. солдат. В литовской армии предусматривалось увеличение количества пехотных подразделений за счет сокращения некоторых кавалерийских частей, а также упорядочение организации конницы. В частности, вместо прежнего деления кавалерии на гусар, пятигорцев и казацко-татарских легких хоругвей вводилось деление на тяжелую Национальную кавалерию и более легкие подразделения Передней стражи.

Комплектование новых подразделений осуществлялось преимущественно за счет реорганизации ранее существующих. Так 1-я бригада Национальной кавалерии комплектовалась в основном за счет существовавших гусарских хоругвей, поэтому сохранила неформальное название «гусарской». Вторая бригада была основана на базе хоругвей пяцигорцев, поэтому еще долго называлась «пяцигорской». Вновь созданные бригады Национальной кавалерии делились на 6 эскадронов по 4 хоругви в каждом. Полки Передней стражи, в свою очередь, оформлялись на базе татарских и казацких хоругвей и позже получили неофициальное название уланских полков.

Большие изменения произошли в отношении пехоты. Драгунские полки сокращались. Лейб-регімент драгун королевских ВКЛ превращался в Полк карабинеров гвардии конной. Три остальные драгунских полка спешивались и превращались в пехотные полки [14, с. 403]. Так, драгунский Полк конный Булавы великой стал основой 2-го пешего полка Булавы великой; драгунский Полк конный Булавы польной превратился в 4-й пеший полк Булавы польной; Полк драгун королевича был преобразован в 5-й пехотный полк ВКЛ. Таким образом, количество пехотных подразделений значительно увеличилось, что соответствовало необходимым для того времени тенденциям в военном деле.

В результате реформы армия ВКЛ выглядела следующим образом. Кавалерия состояла из двух бригад Национальной кавалерии (1-я гусарская и 2-я пятигорская), Полка карабинеров гвардии конной литовской и пяти полков Передней стражи (4-й и 5-й полки были преимущественно татарскими). Пехота ВКЛ состояла из семи полков и включала в себя Полк пеший гвардии литовской и шесть полков пеших, а также две янычарские хоругви (Булавы великой и польной) [14, с. 403].

Отдельное, но очень незначительное место в литовской армии занимал Корпус артиллерии, который фактически состоял из одной роты (фрайкампании). Также военизированным подразделением была Хоругвь венгерской пехоты Главного Трибунала ВКЛ, которая, однако, в штат армии официально не входила.

Одновременно с проведением реформ в литовской армии, проходила дальнейшая эволюция знаков различия. Для более очевидного различия статуса военнослужащих использовались эполеты на плечах, а также ринграфы, галуны воротников и обшлаги рукавов [16], [17]. Причем в армии Великого княжества, в отличие от польской армии, цвет галунов был золотистый, а не серебряный. Основное смысловое значение стали носить серебристые эполеты, по форме которых, количеству нашивок либо звездочек на них можно было определить воинское звание их обладателя.

Высшим воинским званием в ВКЛ было звание генерал-лейтенанта. Знаком отличия его обладателя являлось наличие двух вытянутой формы эполетов и двойная нашивка на них. В отличие от генерал-лейтенанта генерал-майор носил один эполет с одной нашивкой соответственно. Шефы полка имели на эполете четыре полосы, полковники – три, подполковники – две, а майоры – одну полосу на эполете [18].

Для определения званий обер-офицеров использовались звездочки. Капитан на эполете имел четыре звездочки, поручик – три, подпоручик – две, а хорунжий – одну звездочку. Обозначением званий унтер-офицеров выступали золотистые галуны на обшлагах рукавов и воротнике.

С последним разделом Речи Посполитой армия ВКЛ исчезла, но, как показало время, ненадолго. Наполеоновские войны, которые потрясли всю Европу, дали шанс ВКЛ на возрождение государственности, что привело к возрождению литовской армии, командирский корпус которой был сформирован из кадровых офицеров прежней армии Великого княжества.

Образцом для униформы воинов литовской армии в 1812 г. была форма армии Варшавского герцогства, которая кардинально отличалась от прежнего убранства. 3-й литовский легкоконный полк носил форму подобную форме солдат 1-го гвардейского уланского полка Варшавского герцогства. Они имели синие куртки с малиновым воротником, белыми лацканами и обшлагами. На копье был закреплен малиново-белый флажок.

Пехотинцы были одеты в синюю куртку, белые летом или синие зимой брюки. Уланы были обмундированы в синие брюки и куртку с красными обшлагами и воротником, а также черного цвета конфедератку с золотой бляхой с номером полка, над которым было серебристое изображение орла с гербом «Погоня» на груди [19]. Солдаты егерских подразделений армии ВКЛ были одеты в зеленую сермягу, суконные штаны, кожаные сапоги и шапку. Татарские уланы носили темно-зеленую рубашку, красную куртку, темно-зеленые брюки. На черном кивере находилась латунная бляха в виде шести- или пятиконечной звезды и полумесяца. На копье крепился флажок красно-белого или темно-зеленого цвета [21, с. 106–108]. Униформа жандармов состояла из синих брюк и мундира, черного кивера и синего плаща.

После возрождения литовской армии в 1812 г. принципиально изменилась система воинских знаков различия. Это было связано с влиянием на литовскую армию армии соседнего Варшавского герцогства, где уже была принята новая система.

В 1812 г. знаками различия генералов выступали округлой формы эполеты с густой бахромой. В частности, на эполеты дивизионного генерала (бывший генерал-майор) располагались три звезды, бригадный генерал имел две звездочки. Штаб-офицеры также носили эполеты, но уже не с такой густой бахромой. Полковник имел эполеты без звезд. У подполковника были похожие эполеты с одной полоской, у майора – с двумя. Обер-офицеры носили эполеты без бахромы. Капитан имел эполеты без полосок, поручик имел одну полосу, подпоручик – две.

Знаки отличия подофицеров располагались на рукавах. Фурьер имел один галун в виде треугольника. Фельдфебель отличался двумя галунами золотистого цвета на рукаве, а сержант – одним галуном. У капрала знаком отличия выступали две полосы на рукаве.

С поражением Наполеона процесс возрождения государственности ВКЛ остановился, что привело к исчезновению литовской армии, хотя определённый её реликт остался в виде Литовского отдельного корпуса Российской армии, который просуществовал до 1831 г. Кроме того, многие солдаты и офицеры литовской армии 1812 г. продолжили службу в войсках Царства Польского, а в дальнейшем приняли активное участие в Ноябрьском восстании 1830 г.

Таким образом, на протяжении XVIII–XIX вв. в войске Великого княжества Литовского, как и в других европейских армиях, проходил процесс зарождения и эволюции системы воинских знаков различия. Большое влияние на этот процесс оказал пример соседних армий, прежде польской, а также саксонской, а позже французской. В результате этого процесса была сформирована собственная система знаков различия, которая ушла в историю с исчезновением литовской армии в ходе наполеоновских войн.

Литература

1. Чаропка, С.А. Этнаканфесійны стан пяхоты арміі ВКЛ у першай палове XVIII ст. / С.А. Чаропка // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. – 2014. – № 4. – С. 105–110.
2. Górski, K. *Historia piechoty polskiej* / K. Górski. – Kraków : nakładem księgarni polskiej spółki wydawniczej, 1893. – 274 s.
3. Górski, K. *Historia jazdy polskiej* / K. Górski. – Kraków : nakładem księgarni polskiej spółki wydawniczej, 1894. – 366 s.
4. Kukiel, M. *Zarys historii wojskowości w Polsce* / M. Kukiel. – Kraków : nakładem Krakowskiej spółki wydawniczej, 1929. – 356 s.
5. Rostafiński, N. *Zarys historii rozwoju wojskowości w Polsce (992–1792)* / N. Rostafiński. – Poznań : Nakł. księgarni Fr. Gutowskiego, 1922. – 164 s.
6. Nowak, T.M. *Historia oręża Polskiego 963–1795* / T.M. Nowak, J. Wimmer. – Warszawa : Wiedza powszechna, 1981. – 700 s.
7. Wimmer, J. *Historia piechoty polskiej do roku 1864* / J. Wimmer. – Warszawa : MON, 1978. – 615 s.
8. *Żołnierz polski od 1697 do 1794 roku*. – Warszawa : Wyd. Min. Obrony Narodowej, 1962. – 504 s.
9. Чаропка, С. Станаўленне сістэмы знакаў адрознення ў арміі ВКЛ / С. Чаропка // Актуальные проблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук (дисциплин): сб. научн. ст. и материалов по итогам III (третьей) Международной научной конференции, г. Витебск, 30 ноября – 1 декабря 2012 г. / редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2012. – 706 с.
10. Twardowski, B. *Wojsko polskie Kościuszki w roku 1794* / B. Twardowski. – Poznań : Nakł. Księgarni katolickiej, 1894. – 90 s.
11. *Volumina Legum*. – Petersburg, nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – 340, VII s.
12. *Konfederacya Generalna omnium Ordinum Regni et Magni Ducatum Luthuaniae na konwokacyi Głowney Warszawskiej uchwalona* // *Volumina Legum*. – Petersburg, nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VII. – S. 7–55.
13. *Konstytucye Seymu walnego koronacyi krola IMCI 1764 r.* // *Volumina Legum*. – Petersburg, nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VII. – S. 138–169.
14. *Konstytucye Wielkiego Xięstwa Litowskiego 1775 r.* // *Volumina Legum*. – Petersburg, nakł. i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VIII. – S. 389–590.
15. Ринграф офицера гвардии пешей литовской // *Muzeum Wojska Polskiego (MWP)*.
16. Офицерский шарф 1775–1794 гг. // *MWP*.
17. Офицерский ринграф 1775–1794 гг. // *MWP*.
18. Офицерские погоны 1775–1794 гг. // *MWP*.
19. Шапка и мундир офицера 17-го полка уланов литовских // *MWP*.
20. Müller, R. *Die Armee Augusts des Starken. Das sächsische Heer von 1730 bis 1733* / R. Müller. – Berlin : Militärverlag der DDR, 1984. – 116 s.
21. Швед, В. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў. 1805–1815 гады / В. Швед, С. Данскіх. – Гродна, 2006. – 252 с.

УДК 811.161.1'37'367.623'367.625.43

Субстантивация прилагательных и причастий: семантический аспект

В.В. АВЕРЬЯНОВА

Анализируются семантические отношения между существительными адъективного склонения и прилагательными (причастиями), которые совпадают по звуковому оформлению и частично по значению. Выделяются наиболее многочисленные тематические группы субстантивированных прилагательных и причастий в белорусском языке и типичные для них семантические взаимоотношения производной и производящей лексических единиц.

Ключевые слова: субстантивация прилагательных и причастий, существительные адъективного склонения, семантика, функциональные омонимы.

The semantic relations between nouns of adjectival declension and adjectives (participles) which are identical in phonetic image and partially identical in meaning are analyzed. The most numerous thematic groups of substantive adjectives and participles in the Belarusian language and their typical semantic relations between the derivative and the producing lexical units are distinguished.

Keywords: adjectives and participles substantivization, nouns of adjectival declension, semantics, functional homonyms.

Субстантивация – это переход слов других частей речи в разряд существительных. Результат субстантивации прилагательного и причастия традиционно называют существительным адъективного (прилагательного) склонения [1, с. 274–276], [2]. Целью данной работы является определить статус таких существительных по отношению к соответствующим прилагательным и причастиям, охарактеризовать закономерности образования субстантивированных прилагательных и причастий в белорусском языке с точки зрения семантики в синхроническом аспекте. Анализируются группы существительных адъективного склонения, наиболее широко представленные в толковых словарях белорусского литературного языка.

В современном языкознании четко не определен статус существительных адъективного склонения по отношению к тождественным им по звуковому оформлению прилагательным и причастиям. Дискуссионным является вопрос о том, считать такие слова омонимами или значениями многозначного слова. В пользу омонимии склоняется большинство исследователей [2, с. 209], [3, с. 11], [4, с. 200–204], [5, с. 25], [6]. При этом отмечается, что в данном случае представлен особый тип омонимии, когда слова одинаково звучат и имеют много общего в смысловом плане, но отличаются частеречной принадлежностью и, как следствие, категориальным значением, формами словоизменения и синтаксической функцией. Такие омонимы называют грамматическими [3, с. 11] или функциональными [7, с. 234], [4, с. 200–204], [5, с. 25]. При этом В.В. Бабайцева отмечает, что в научной литературе существуют значительные противоречия в вопросе о том, как квалифицировать прилагательное и образованное от него существительное адъективного склонения, считать их разными словами (омонимами) или лексико-семантическими вариантами. С.М. Кравцов и А.Ю. Голубева считают, что такие слова не могут быть лексическими омонимами, т.к. признаком подобных омонимов является отсутствие общих элементов смысла [8, с. 55]. В.И. Абаев предлагает все подобные случаи субстантивации квалифицировать в рамках полисемии и обращает внимание на очень непоследовательную фиксацию существительных адъективного склонения в словарях [9]. На непоследовательность отражения субстантивированных прилагательных и причастий в словарях русского языка также обращают внимание Г.И. Михалев [6], С.Я. Сулейманова [10, с. 9–

10], М.Г. Милютин [11], Д.А. Романов [12, с. 58–59]. В толковых словарях белорусского языка в отдельных случаях такие слова подаются как омонимы (*рабочы, гардэробная, пярэдня*), но, как правило, они приведены в рамках одной словарной статьи как одно из значений или оттенок значения исходного прилагательного или причастия. При этом приведенные значения сопровождаются в словаре пометой «в значении существительного». Такая лексикографическая интерпретация присутствует как в многотомном толковом словаре белорусского языка 1977–1984 годов издания [13], так и в толковом словаре белорусского литературного языка 2002 года издания [14].

Учитывая приведенные точки зрения, необходимо отметить, что отношения лексических единиц при субстантивации имеют признаки как омонимии, так и многозначности. Это своеобразный тип отношений, который неслучайно определяется как особая разновидность омонимии (функциональные, грамматические омонимы – см. выше). То есть, это не омонимы в их классическом понимании, здесь очень ярко выражена общность лексического значения на фоне тождества формальных показателей. Подтверждением этому является неоднозначность интерпретации этих слов в научной литературе, а также непоследовательность в представлении таких слов в толковых словарях как белорусского, так и русского языков. Некоторые исследователи считают правильной подачу существительных адъективного склонения в словарях в качестве отдельных слов, в отдельной словарной статье [6], [10, с. 9–10]. Однако, с другой стороны, лексикографическая практика отражает определенные закономерности, фиксирует процессы, происходящие в нашем мышлении. А мышление, стремясь найти логику и взаимосвязь в окружающей действительности, отказывается воспринимать подобные слова как омонимы в лексическом понимании. В результате подавляющее большинство существительных адъективного склонения подается в словаре в качестве значений или оттенков значений соответствующих прилагательных и причастий. Таким образом, нам представляется логичным отражать существительные адъективного склонения в словарях согласно закрепившейся лексикографической практике – в качестве значения соответствующего прилагательного (причастия), при этом квалифицируя подобные существительные по отношению к соответствующим им по звуковому оформлению и частично по семантике прилагательным и причастиям как функциональные (но не лексические) омонимы. С целью сохранения единообразия таким же образом необходимо оформить в толковых словарях белорусского языка некоторые существительные (например, *рабочы, гардэробная, пярэдня*), которые на данный момент подаются в отдельных словарных статьях.

Наиболее частотными существительными адъективного склонения в белорусском и русском языках являются лексические единицы со значением лица, названия помещений, термины для обозначения объектов растительного и животного мира, слова с отвлеченным и вещественным значением [15, с. 12–13], [16, с. 87–88].

Существительные адъективного склонения со значением лица составляют самую многочисленную группу. При образовании слов этой группы в белорусском языке прослеживаются некоторые семантические закономерности как в тематическом плане, так и в плане способов образования. Субстантивированные прилагательные и причастия этой группы чаще всего обозначают:

1) возраст человека. Эти слова образованы преимущественно от качественных прилагательных, мотивирующим словом является непосредственно прилагательное (*малы, маленькі, малады, дарослы, вялікія, старэйшыя, старшы, састарэлы, стары, старэнькі*). Такие существительные также могут образовываться сложением основ (*непаўналетні, нованароджаны*);

2) черты характера, особенности поведения, физиологическое состояние (*непаслухмяны, нецярплівы, нягодны, хлуслівы, хцівы, храбры, цікаўны, сыты, галодны, п'яны, цвярозы, сонны, санлівы, стомлены*). Также образованы, чаще всего, от качественных прилагательных;

3) характеристику человека с точки зрения отношений между людьми (*мілы, нямілы, каханы, любімы, нялюбы, родны, радзімы, сардэчны, бліжні, дарагі, знаёмы, незнаёмы, неаглядны, паважаны, шануюны*). Такие слова образованы от качественных прилагательных и часто употребляются в обращениях, что обусловлено их функцией передачи взаимоотноше-

ний: *Мілая, ну, глянь, хоць разік глянь!* (Я. Колас); *Сустракай, радзімая, Мёдам, пірагамі* (П. Броўка); *Што ж гэта ты такая сумная, нявестачка? Замардавалася, родная?* (І. Мележ); *Жаць трэба, жаць, сардэчныя, Жаць грамадой адзінаю* (А. Куляшоў); *Вачамі паўзлі да калючага дроту, Якім нас хацелі навек раздзяліць, Мы рвалі яго, звалі вас на падмогу, – вы, дарагія, пачулі, прыйшлі* (М. Танк); *Крык разбудзіў нечакана: – Гэй, уставайце, шаноўныя!* (А. Куляшоў); *Дык вось, шаноўны, – зноў пачаў Шарон (Даўней блізкіх шаноўнымі зваў ён)* (М. Танк) [13]. Некоторые из подобных субстантивированных прилагательных теряют присущую им изначально положительную коннотацию и приобретают значение презрения, иронии: *Вось што я вам скажу, паважаны* [13]. На слова *дорогой, родной, милый, уважаемый* с подобным отрицательным значением в русском языке обращает внимание Д.А. Романов, называя их субстантивами с семантическим опустошением [12, с. 57];

4) особенности внешности. Предыдущие три типа субстантивированных слов образуются преимущественно от качественных прилагательных, то есть мотивирующим словом для них, как с точки зрения формы, так и значения, является соответствующее качественное прилагательное. Мотивация же существительных адъективного склонения, совпадающих по структуре с относительными прилагательными и причастиями, имеет две стороны. Структурно подобные существительные совпадают с соответствующими относительными прилагательными и причастиями, однако семантически и существительное, и относительное прилагательное (причастие) мотивированы теми существительными или глаголами, которые лежат в их основе. То есть, существительное адъективного склонения и соответствующее относительное прилагательное (причастие) связаны между собой через значение производящего существительного или глагола. На такую опосредованную связь обращали внимание В.В. Лопатин [2, с. 221], А.Р. Гелегаева [17, с. 141–143], Д.А. Оксильбекова [18, с. 21]. С точки зрения лексического значения интерес представляет установление типов семантических связей между, например, существительным адъективного склонения *барадаты* и словом *барарада*, которое является для него семантически мотивирующим.

Существительные адъективного склонения, обозначающие особенности внешности, часто образуются от наименований частей тела человека, то есть отношения между семантически мотивирующим и мотивированным словами могут быть охарактеризованы как **отношения «часть-целое»**. Причем в белорусском языке типичными являются образования такого типа с суффиксом *-ат-*: *трыбухаты* < *трыбух*, *барадаты* < *барарада*, *вусаты* < *вусы*, *гарбаты* < *горб*. В ряде случаев для описания внешности «привлекается» не только часть тела, но и качественное прилагательное, характеризующее ее, и тогда для обозначения человека используются сложные слова: *доўгагаловы* < *доўгая* + *галава*, *сінявокі* < *сінія* + *вочы*, *таўстабрухі* < *тоўстае* + *бруха*, *шыракаскулы* < *шырокія* + *скулы*, *чырванаскуры* < *чырвоная* + *скура*;

5) нездоровых и умерших людей. При этом субстантиваты образуются разными способами: от качественных прилагательных, простых и сложных (*хворы, цяжкахворы, псіхічнахворы, шалёны, юродзівы*), от существительных-названий болезней и симптомов (*туберкулёзны* < *туберкулёз*, *тыфозны* < *тыф*, *сухотны* < *сухоты*, *прыпадачны* < *прыпадак*), от глаголов, приобретая значение **‘подвергшийся соответствующему действию’** (*скалечаны, паранены, павешаны, забіты*);

6) профессии. Здесь обращают на себя внимание несколько больших тематических подгрупп существительных.

Наибольшее количество субстантиватов, имеющих отношение к профессии и отраженных в толковых словарях белорусского языка, связаны с военным делом (*ваенны, штацкі, палонны, патрульны, фланговы, батарэйны, правафланговы, сувязны, штабны, камандуючы, стараслужачы, дэмабілізаваны, радавы, ротны*). Все они образованы от существительных или глаголов. Лексические единицы, от которых образованы существительные адъективного склонения, очень часто обозначает **место** прохождения службы или **местонахождение** человека во время маневров и военных действий (*патрульны* < *патруль*, *фланговы* < *фланг*, *батарэйны* < *батарэя*, *правафланговы* < *правы*+*фланг*, *штабны* < *штаб*, *радавы* < *рад*).

Многие названия профессий также связаны со службой на флоте (*флоцкі, шкотаваы, штурвальны, рулявы, стырнавы*). Такие названия, как правило, образуются от существительных-обозначений орудий труда (*рулявы* < *руль*, *штурвальны* < *штурвал*, *шкотаваы* <

шкот ‘снасть, которая служит для растягивания парусов и управления ими во время движения судна’, *стырnavы* ‘человек, который управляет рулем (бел. *стырном*) на судне’ < *стырно* ‘руль’). Отношения субстантивата и семантически мотивирующего существительного можно охарактеризовать как **отношения «субъект (человек) – объект (орудие труда)»**.

Значительное количество субстантиватов в белорусском языке связано с судебным процессом. Причем названия профессий здесь представлены (*судзейскі, участковы, следчы*), но не в таком большом количестве, как названия людей, привлеченных к ответственности или подозреваемых в совершении преступления;

7) названия людей, привлеченных к ответственности или подозреваемых в совершении преступления. Образуются чаще всего от глаголов и имеют значение **‘подвергшийся соответствующему действию’** (*прыгавораны, заняволены, асуджаны, арыштаваны, абвінавачаны*), иногда – от существительных и качественных прилагательных (*падсудны, астрожны, палітычны, вінаваты, падазроны*);

8) названия подчиненных, помощников, ассистентов. Эта группа довольно многочисленная, существительные адъективного склонения образованы от глаголов и существительных: *суправаджаючы, пасыльны, прыгнечаны, прыдворны, прыгонны*. Очень распространены лексемы с приставкой *пад-*(*спад-*): *падначалены, падсобны, падручны, спадручны, падапечны*;

9) названия людей исходя из их политических, религиозных и др. убеждений (*партыйны, спачуваючы, умераны, праваслаўны, прававерны, веруючы*). Особая группа субстантиватов этого типа образована от качественных прилагательных (*правыя, левыя, белыя, чырвоныя, зяленыя*) и является результатом ассоциативных связей, символизма, переосмысления на основе исторических фактов.

Кроме приведенных типов субстантиватов, обозначающих человека, существуют другие, менее многочисленные группы: названия человека по способу перемещения (*пешы, прыезджы, прахожы*), по положению в пространстве (*сядзячы, ляжачы*) и др.

Широко представлены в языке также существительные адъективного склонения, которые называют помещения. Как правило, это помещения, связанные с профессиональной деятельностью. Особенностью названий таких помещений является их связь с действием (профессиональной деятельностью). То есть, такие существительные адъективного склонения семантически мотивированы либо глаголом, обозначающим действие, либо существительными, обозначающими субъект или объект (результат) действия, профессиональной деятельности.

Чаще всего названия помещений мотивированы существительными. Мотивирующее существительное может обозначать субъект профессиональной деятельности (**субъект действия**), то есть лицо, которое выполняет работу в соответствующем помещении: *настаўніцкая* < *настаўнік*, *лабаранцкая* < *лабарант*, *швейцарская* < *швейцар*, *аператарская* < *аператар*, *прафесарская* < *прафесар*, *празектарская* < *празектар*, то есть здесь отражены **отношения «место действия – субъект действия»**. **Объект (результат)** профессиональной деятельности положен в основу следующих названий: *чарцёжная* < *чарцёж*, *мадэльная* < *мадэль*, *табельная* < *табель*, *інструментальная* < *інструмент*, – которые иллюстрируют **отношения «место действия – объект (результат) действия»**.

Непосредственно **действие**, которое осуществляется в помещении, отражено в названиях: *перавязачная* < *перавязачь*, *фасовачная* < *фасоваць*, *праходная* < *праходзіць*, *прэпаровачная* < *прэпараваць*, *прыёмная* < *прыём*, *прымаць*, *аперацыйная* < *аперацыя*, *працэдураная* < *працэдура*, *наборная* < *набор*, *набіраць*.

Иногда названия комнат мотивируются существительными **по схеме «часть – целое»**: *душавая* < *душ*, *буфетная* < *буфет*, *ванная* < *ванна*.

Многие существительные адъективного склонения называют единицы классификации объектов животного и растительного мира. Для наименования семейств растений, как правило, используются названия типичных представителей данного семейства, которые приобретают форму адъективного склонения: *ліпавыя* < *ліпа*, *макавыя* < *мак*, *яблыневыя* < *яблыня*, *пальмавыя* < *пальма*, *перцавыя* < *перац*, *рутавыя* < *рута*, *сасновыя* < *сасна*, *хвашчовыя* < *хвошч*, *барбарысавыя* < *барбарыс*, *букавыя* < *бук*, *вязаыя* < *вяз*, *цісавыя* < *ціс*.

Таким образом, здесь представлены **родо-видовые отношения** между производной и производящей лексическими единицами.

Подобные родо-видовые отношения отражены и в названиях единиц классификации животных, насекомых, птиц: *цюленевья, аленевья, тараканавья, удодавья, фазанавья, ястрабіны*. Однако значительно чаще названия семейств, отрядов, классов животных образуются на основе такой характеристики животных, как наличие/отсутствие определенных частей тела: *хобатныя, хордавыя, сумчатая, лускаватая, беспазваночныя*. То есть отношения, семантически мотивирующего и мотивированного слов можно определить как **отношения «часть – целое»**. Большое количество названий объектов животного мира отражают в своей семантической структуре не только отношения «часть – целое», но и содержат идентифицирующую характеристику части тела животного: *пустарогія < пустыя рогі, перапончатакрылыя < перапончатая крылы, двухкрылыя < два крылы, даўгакрылыя < доўгія крылы, перыстакрылыя < перыстыя крылы*.

Вообще, сложные слова очень часто употребляются для наименования единиц классификации животных. Они могут содержать указание на различные объективные характеристики класса, семейства животных, например, наличие частей тела определенной формы (см. выше), способ питания (*машкаедныя, насякомаедныя*). Специфический способ наименования семейств животных – использование метафорических ассоциаций. Часто в этом случае сложное слово содержит компонент *-падобны*: *мышападобныя, траскападобныя, павукападобныя, ракападобныя*. Метафорическая модель лежит в основе сложных слов *сабакагаловыя* ‘общее название крупных наземных обезьян подсемейства мартышковых, у которых голова похожа на собачью’ < *голова, как у собаки, скалазубыя* ‘семейство морских рыб с толстым, коротким, иногда шароподобным телом и вытянутыми напоподобие клюва челюстями’ < *зубы, как скалы*.

Среди существительных адъективного склонения значительное место занимают существительные с отвлеченным значением. Отвлеченные существительные, как правило, образованы от качественных прилагательных: *пустое, новае, смешнае, асабістае, вялікае, добрае, найлепшае, неспазнанае*. Очень много наименований с отвлеченной семантикой обозначают время, прошлое, настоящее или будущее, причем подавляющее большинство субстантиватов употребляется для указания на прошлое: *аджылае, пройдзенае, папярэдняе, мінулае, даўнейшае, былое, учарашняе, старое, пражытае, цяперашняе, сучаснае, наступнае*.

Существительные адъективного склонения с вещественным значением ‘еда, питье’, чаще всего семантически мотивируются существительными и глаголами. Слова, образованные от существительных, содержат указание на главный компонент блюда, т. е. образованы **по схеме «часть – целое»**: *малочнае < малако, мучное < мука, мясное < мяса, спіртное < спірт*. Лексические единицы, семантически мотивированные глаголами, реже качественными прилагательными, обозначают еду **по способу ее приготовления**: *смажанае < смажыць, печанае < пяхы, паранае < парыць, варанае < варыць, заліўное < заліваць, марожанае < марозіць, сырое, халоднае*.

В данной статье были проанализированы существительные адъективного склонения, которые имеют в белорусском языке эквивалентные по звуковому оформлению прилагательные и причастия. Это явление называют неполной или частичной субстантивацией, в отличие от полной субстантивации, когда исходное слово (прилагательное или причастие) утрачено на данном этапе существования языка. Были исследованы отношения между существительным адъективного склонения и соответствующим ему по звуковому оформлению и частично по семантике прилагательным или причастием. Данные отношения являются своеобразными и чаще всего квалифицируются как функциональная омонимия. Это особый тип омонимии, который, на наш взгляд, не исключает отражение подобных омонимичных единиц в одной словарной статье в толковых словарях подобно значениям многозначного слова вследствие значительной семантической общности и тождества звукового оформления.

При анализе семантических связей между существительными адъективного склонения и соответствующими им по структуре прилагательными (причастиями) были выявлены некоторые закономерности. Субстантиваты, образованные от качественных прилагательных,

мотивируются соответствующими прилагательными и в структурном, и в семантическом плане, конкретизируя и опредмечивая их признаковое значение (*малады, хлуслівы, смешнае*). Иная картина наблюдается при анализе отношений между существительными адъективного склонения и соответствующими им по звуковому оформлению относительными прилагательными и причастиями. В сущности, и относительное прилагательное, и соответствующее ему по формальным показателям существительное адъективного склонения семантически мотивированы тем существительным, от которого образовано прилагательное (*гарбаты* 'который имеет горб' (прилагательное) < *горб* и *гарбаты* 'в значении существительного – горбун' < *горб*) и семантически связаны, соответственно, через значение этого производящего исходного существительного (*горб*). Интерес представляет изучение наиболее часто встречающихся взаимоотношений между семантически производящим словом (существительным) и производным (существительным адъективного склонения), т. е. в приведенном примере – между существительными *гарбаты* и *горб*.

Наиболее часто встречается связь по схеме «часть – целое», она представлена в названиях людей по характерной внешней особенности (*барадаты* < *барада, сінявокі* < *сіня + вочы*), названиях помещений (*буфетная* < *буфет*), названиях единиц классификации животного мира (*хобатныя* < *хобат, перыстакрылыя* < *перыстыя крылы*), названиях блюд (*мясное* < *мяса*). Такие наименования часто образуются способом сложения основ и содержат дополнительную характеристику. Очень распространена связь производящего и производного существительных, включающая указание на место. В наименованиях военных профессий это связь по схеме «место работы – человек» (*штабны* < *штаб*). В названиях помещений реализуются схемы «место действия – субъект действия» (*прафесарская* < *прафесар*), «место действия – объект (результат) действия» (*чарцёжная* < *чарцёж*), «действие – место действия» (*працэдурная* < *працэдура*).

Указанные выше типы связи производящего и производного существительных «часть – целое», «действие – место действия» и др. можно сравнить с типами связей значений многозначных существительных. Например, можно провести аналогию с синекдой, которая квалифицируется как связь «часть – целое», и метонимией, основанной на смежности реальных в пространстве и времени. Родо-видовые отношения между словами-названиями семейств животных и растений и производящим существительным (*букавыя* < *бук, цюленевыя* < *цюлень*) – аналог гипонимических отношений между значениями многозначного слова. Аналог метафоры – отдельные сложные слова, обозначающие единицы классификации объектов животного мира (*мышанадобныя* < *падобныя да мышы, сабакагаловыя* < *галава, як у сабакі*).

Существительные адъективного склонения – неоднозначное, переходное явление, порождающее трудности в его квалификации с учетом совокупности структурных и семантических признаков. Такие существительные могут быть образованы непосредственно от качественных прилагательных, тождественных по звуковому составу. А могут быть связаны с соответствующим относительным прилагательным или причастием посредством исходной производящей лексической единицы – существительного или глагола. Эта исходная лексическая единица выступает в качестве семантического звена, связывающего относительное прилагательное (причастие) с субстантиватом.

Литература

1. Бірыла, М.В. Беларуская граматыка: у 2 ч. / М.В. Бірыла, П.П. Шуба (рэд.). – Мінск : Навука і техника, 1985. – Ч. 1. – 431 с.
2. Лопатин, В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке / В.В. Лопатин // Русский язык. Грамматические исследования. – М. : Наука, 1967. – С. 205–233.
3. Ван, Ян Субстантивация как способ языковой компрессии: функциональный аспект : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01/ Ян Ван ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2017. – 22 с.
4. Бабайцева, В.В. Явления переходности в грамматике русского языка / В.В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с.

5. Макарова, Е.А. Субстантивация прилагательных: когнитивный аспект / Е.А. Макарова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 10. – С. 22–25.
6. Михалев, Г.И. Субстантивация прилагательных русского языка как предмет лексикографического описания / Г.И. Михалев // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 62. – С. 5–16.
7. Жеребило, Т.М. Словарь лингвистических терминов / Т.М. Жеребило. – Назрань : Издательство ООО «Пилигрим». – 487 с.
8. Кравцов, С.М. Конверсия в словообразовании: узус иokkaзиональность : монография / С.М. Кравцов, А.Ю. Голубева ; Южный федеральный университет. – Ростов-на Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2016. – 170 с.
9. Абаев, В.И. О подаче омонимов в словаре / В.И. Абаев // Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. – С. 31–43.
10. Сулейманова, С.Я. Субстантивация в современном русском языке и ее отражение в толковых и двуязычных словарях : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01/ С.Я. Сулейманова ; Ин-т русского языка АН СССР. – М., 1991. – 22 с.
11. Милютинa, М.Г. Субстантивация прилагательных в превосходной степени сравнения в современном русском языке / М.Г. Милютинa // Вестник Удмуртского университета. Сер. ист. и филол. – 2016. – Т. 26, вып. 5. – С. 21–28.
12. Романов, Д.А. Семантические трансформации субстантивированных прилагательных / Д.А. Романов // Русский язык в школе. – 2013. – № 8. – С. 55–60.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Пад агульнай рэд. К.К. Атраховіча. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 1–5.
14. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – Мінск : БелЭН, 2002. – 784 с.
15. Редькина, О.В. Субстантивация как семантическое явление (языковой и функциональный аспекты) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01/ О.В. Редькина ; Вятский гос. гуманитар. ун-т. – Нижний Новгород, 2003. – 22 с.
16. Рудая, С.Н. Конверсия «прилагательное ↔ существительное» в английском, немецком и белорусском языках / С.Н. Рудая // IV чтения, посвященные 70-летию со дня рождения профессора В.А. Карпова : сб. науч. ст. : в 2 ч. / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2010. – Ч. 2. – С. 85–89.
17. Гелегаева, А.Р. К вопросу о субстантивации как способе синхронного словообразования / А.Р. Гелегаева // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – Вып. 3. – С. 139–144.
18. Оксильбекова, Д.А. Суффиксальные существительные адъективного типа склонения / Д.А. Оксильбекова // Русский язык в школе. – 2017. – № 8. – С. 21–23.

УДК 821.161.3.82-4+821.112.2.82-1

Роля нямецкіх тэарэтыка-эстэтычных канцэпцый канца XVIII – пачатку XIX стагоддзяў у станаўленні рамантычнай плыні літаратуры Беларусі

А.Л. БАТУРЫНА

Даследуецца ўплыў тэарэтыка-эстэтычных канцэпцый нямецкага перадрамантызму і рамантызму на станаўленне рамантычнага прынцыпу адлюстравання рэчаіснасці ў літаратуры Беларусі пачатку XIX ст. На прыкладзе тэарэтычных твораў А. Міцкевіча і Й.Г. Гердэра вылучана агульнае і адметнае ў падыходах да праблемы нацыянальнага ў літаратуры.

Ключавыя словы: рамантызм, канцэпт нацыі, нацыянальная літаратура, гістарызм, рамантычная паэзія.

The influence of theoretical and aesthetic concepts of German pre-romanticism and romanticism on the establishment of the romantic principles for reality representation in the literature of Belarus in the early nineteenth century is investigated. The theoretical works by J.G. Herder and A. Mickiewicz are analyzed and universal and specific ideas in their approach to the problem of national features in literature are revealed.

Keywords: romanticism, concept of a nation, national literature, historicism, romantic poetry.

Нямецкі рамантызм у сваім развіцці прайшоў некалькі этапаў, кожны з якіх з’яўляўся адначасова працягам і адмаўленнем, пераадоленнем папярэдняга. Ранні, «йенскі» рамантызм – гэта культура сцвярджэння жыцця як творчасці, культура аптымізму, імкнення да яднання індывідуума з усім існым. Чалавек у раннім рамантызме раўнаважлікі сусвету, ён – творца жыцця. Адпраўнай кропкай раннерамантычнага энтузіязму безумоўна была Французская рэвалюцыя, якая зруйнавала шматвекавыя бастыёны грамадскіх, рэлігійных і, як следства, мастацкіх абмежаванняў. Напалеон пэўны час з’яўляўся персаніфікацыяй новага тыпу рамантычнага індывідуума, для якога не існавала немагчымага. Нават акупацыю нямецкіх зямель французскім войскам значная частка немцаў успрыняла як вызваленне ад феадальных кайданоў. Але хутка рэальнасць радыкальна змяніла сістэму рамантычнага светаўспрымання. Напалеон замест свабоды прынёс бясконцыя войны, якія немцы павінны былі аплочваць не толькі грашыма, але і жыццём сваіх салдат, а пасля паражэння Прусіі і Аўстрыі ўзнікла пагроза існаванню нямецкай дзяржаўнасці. Індывідуум, які дагэтуль лічыў сябе творцам жыцця, апынуўся ў абставінах, перад якімі ён быў безабаронны; ён адчуў сваё бяссілле перад быццём.

Крызіс раннерамантычнага светаўспрымання нарадзіў дзве новыя тэндэнцыі: з аднаго боку, радыкальнае адмаўленне раннерамантычнага аптымізму і нарастанне культу містычнага і падсвядомага, а з другога – пераадоўванне індывідуалізму пры захаванні аптымістычнага светаўспрымання і пошук апоры ў традыцыі. Яны рэалізаваліся ў двух новых мастацка-філасофскіх напрамках – так званым «познім рамантызме», які дасягне свайго росквіту ў 1810–1820 гг. і найбольш ярка выявіцца ў творчасці Э.Т.А. Гофмана, і «гейдэльбергскім рамантызме» (заснавальнікі – А. фон Арнім, К. Брэнтана). Гейдэльбергскі рамантызм фармальна звязаны з так званай гейдэльбергскай суполкай інтэлектуалаў 1805–1808 гг., да якой акрамя Брэнтана і Арніма былі блізкія браты Грым, юрыст К.Ф. Савіні, малады Й. Айхендорф. Але ідэалогія Гейдэльберга не знікла пасля распаду суполкі. З 1809 г. значная частка «гейдэльбергцаў» жыве ў прускай сталіцы Берліне, дзе на фоне росту антынапалеонаўскага настрою іх ідэі набываюць надзвычайную папулярнасць. Адбітак апошніх характарызуе творчасць позняга Кляйста і так званай «швабскай школы».

Расчараваныя немагчымасцю асобнага індывіда тварыць жыццё, выконваць ролю суб’екта гісторыі, гейдэльбергскія інтэлектуалы робяць суб’ектам гісторыі нацыю. Менавіта апазіцыя «індывідуум» – «нацыя» адлюстроўвае асноўную сутнасць супрацьлегласці ранняга і гейдэльбергскага тыпаў рамантызму. Ранні нямецкі рамантызм не клапаціўся этнічна-нацыянальным, для яго мінулае мела хутчэй абстрактна-касмапалітычны, а не канкрэтна-гістарычны характар. Касмапалітызмам пазначаны артыкулы Ф. Шлегеля парыжскага перыяду і ягоны трактат «Аб мове і мудрасці індусаў» (1808), тэорыі перакладу

Шляермахера. «Рамантыкі высветлілі глыбокія духоўныя і маральныя адрозненні паміж культурамі і нават паміж індывідуумаў, але цанілі ўсіх людзей, нягледзячы на гэта, ці нават па прычыне гэтых адрозненняў» [1, с. 18]. Касмапалітызм нямецкай філасофскай думкі і літаратуры адзначаў і А. Міцкевіч: «Дух, які жывіць немцаў, касмапалітычны, ён аднолькавы не толькі ў адной якой краіне ці ў народзе, але і ва ўсім чалавецтве» [2, с. 117].

Канцэпты нацыі былі ў пэўнай ступені народжаны рэвалюцыяй і паслярэвалюцыйнымі падзеямі. Адзін з заснавальнікаў Якабінскага клуба Э. Сіейес сфармуляваў нацыю як яднанне людзей, якія жывуць згодна агульнаму закону [3, с. 165]. У далейшым з гэтай ідэяй развіўся так званы французскі канцэпт нацыі, які вылучаў вольную супольнасць індывідуумаў, аб'яднаных хутчэй агульнымі каштоўнасцямі, чым крывёю альбо мовай.

Так званы нямецкі канцэпт нацыі як супольнасці на аснове агульнага этнічнага паходжання, агульнай мовы і культуры народжаны рамантычнай культурай, якая апынулася ў новай гістарычнай і палітычнай сітуацыі. Ён – вынік катастрофы Напалеонаўскай акупацыі, разбурэння рэштак Свяшчэннай рымскай Імперыі германскай нацыі, што пагражала самому існаванню нямецкай дзяржаўнасці; усё гэта перанесла акцэнт з індывідуальнага на супольнае. «Раннерамантычны богачалавек дэзавуіраваў сябе як дэміург, дэзавуіраваў праз сваю няздольнасць супрацьстаяць сусветным падзеям і тым больш пабудаваць гарманічную рэальнасць, менавіта таму Гейдэльберг ускладае творчыя функцыі на народ, на нацыю» [4, с. 70]. Згодна са светабачаннем гейдэльбергскіх рамантыкаў, нацыя з'яўляецца носьбітам вечнага бессмяротнага духу, а кожнае пакаленне актуалізуе нацыянальны духоўны патэнцыял.

Вялікую ролю ў выпрацоўцы нямецкага канцэпту нацыі адыгралі ідэя Гердэра аб роўнай вартасці культурнай спадчыны розных народаў. «*Nur ein und dieselbe Gattung ist das Menschengeschlecht auf*» 'Увесь род чалавечы належыць да адзінай пароды' [5, с. 77] (тут і далей даслоўны пераклад наш. – А.Б.), – адзначаў ён. Розны знешні выгляд, нацыянальны характар і традыцыі народаў ёсць вынік уздзеяння кліматычных і іншых прыродных фактараў: «*Und so wird die Menschengeschichte zuletzt ein Schauplatz von Verwandlungen, den nur Der übersieht, der selbst alle diese Gebilde durchhaucht und sich in ihnen allen freuet und fühlet. Er führet auf und zerstöret, verfeint Gestalten und ändert sie ab, nachdem er die Welt um sie her verwandelt*» 'Так гісторыя чалавецтва робіцца сцэнай для пераўтварэнняў, якія цалкам можа ўбачыць толькі Той, чым дыханнем прасягнуты ўсе гэтыя тварэнні і хто радуецца і чую сябе ў іх. Ён будзе і разбурае, удасканальвае формы і мяняе іх, змяняючы сусвет вакол іх' [5, с. 76]. Культуры народаў раўнаватасныя і розныя, яны непарыўна звязаныя са знешнімі ўмовамі жыцця народаў і дэтэрмінаваныя традыцыяй: «*Jeder Nation ist ihre Vorstellungsart um so tiefer eingepägt, weil sie ihr eigen, mit ihrem Himmel und ihrer Erde verwandt, aus ihrer Lebensart entsprossen, von Vätern und Urvätern auf sie vererbt ist*» 'Асабліваасці ўяўленняў кожнай нацыі глыбока захаваныя ў ёй, паколькі яны ўласцівыя ёй, яны пародненыя з яе зямлёй і яе небам, яны ўзніклі з яе ладу жыцця і ўспадкаваныя ёю ад бацькоў і дзядоў' [5, с. 148].

Гердэр вылучыў ідэю аб тым, што культура і гісторыя розных народаў не развіваюцца аднолькава, іх асабліваасці абумоўлены шэрагам аб'ектыўна існуючых знешніх фактараў; гісторыя чалавецтва складаецца з мноства нацыянальных гісторый. У культуры не існуе застылага, універсальнага для ўсіх антычнага ідэалу, а «той ці іншы нацыянальны культурны сусвет і ёсць пэўны якасны стан нацыі; змена культурных сусветаў ёсць, натуральна, змена якасных станаў» [4, с. 71]. Галоўнай высновай з тэорыі Гердэра быў прынцып гістарызму – неабходнасці разгляду і ацэнкі падзей і з'яў культуры ў іх гістарычных умовах. Творы Гердэра былі добра вядомыя ў славянскіх землях і адыгралі значную ролю ў абуджэнні цікавасці да старажытнай культурнай спадчыны славянскіх народаў, тым больш і сам Гердэр з вялікай шчырасцю і павагай ставіўся да славян [6].

Гейдэльбергскія рамантыкі ўслед за Гердэрам адверглі лінейны прынцып развіцця грамадства часоў Асветніцтва, заявілі аб магчымасці звароту ў мінулае для паляпшэння сучаснага становішча. Яны звярнуліся да гісторыі і культуры германскага мінулага, фальклору, рэлігіі. У іх арыгінальнай творчасці непрыманне філістэрства, мяшчанства, улады грошай спалучалася з ідэалізацыяй патрыярхальнага ўкладу і ідэяй рэлігійнага адраджэння.

Галоўнай крыніцай творчых пошукаў зрабілася эпоха Сярэднявечча, а таксама фальклор, які лепш за ўсё захаваў у сабе адбітак мінулых часоў. Сярэднявечча і народная спадчына не разглядаліся гейдэльбергскімі рамантыкамі выключна з мастацка-філасофскай

пазіцыі, яны пачалі навуковыя даследаванні гісторыі і мовы. А. фон Арнім і К. Брэнтана выдаюць зборнік нямецкіх песень і паданняў «*Des Knaben Wunderhorn*» ‘Чароўны рог хлопчыка’. Браты Грым робяцца вядомымі не толькі праз славу казкі, але і за сістэмныя даследаванні мовы. Якаб Грым фактычна заснаваў германістыку як навуку, займаўся гісторыяй і граматыкай нямецкай мовы, складаў лексікон.

Сувязь ранняга рамантызму ў літаратуры Беларусі з канцэпцыямі Гердэра і, як вынік, блізкасць да ідэалогіі гайдэльбергскага рамантызму добра прасочваецца пры аналізе артыкула А. Міцкевіча «Пра рамантычную паэзію», які з’явіўся ў 1822 г. як прадмова да яго першай кнігі. Пры даследаванні асаблівасцей ранняга рамантызму ў літаратуры Беларусі гэты тэкст надзвычай цікавы, бо дазваляе ўбачыць нацыянальную рамантычную паэзію вачыма яе стваральніка і яго філамацка-філарэцкага асяроддзя. У артыкуле Міцкевіч характарызуе антычную, сярэднявечную паэзію, паэзію Французскага Асветніцтва, сучаснай Велікабрытаніі і Германіі. Мэта артыкула – паказаць так званую «рамантычную паэзію» «ў яе сапраўдным выглядзе» [2, с. 106], даказаць натуральнасць яе паходжання і сувязі з папярэднімі перыядамі развіцця еўрапейскай культуры.

Міцкевіч упэўнены, што паэзія можа быць жыццязольнай толькі пры ўмове сувязі з народам: пакуль грэцкі паэт ствараў песні для народа, выказваў яго спрадвечныя памкненні, грэцкая паэзія заставалася на недасягальнай вышыні; калі народ быў выключаны з грамадзянскага жыцця, а паэты пачалі абслугоўваць уладу, паэзія заняпала. У адсутнасці сувязі з шырокімі народнымі масамі была прычына слабасці старарымскай паэзіі. Пасля гібелі Рымскай імперыі яе тэрыторыю засялілі варварскія «паўночныя народы», і ў Раннім Сярэднявеччы ў Еўропе сярод тых, хто размаўляў на раманскай мове – «мешаніне паўночных і рымскай моваў» [2, с. 111], нарадзілася рамантычная паэзія, якая спалучала рыцарскі дух, народныя паданні – новыя ў параўнанні да антычнага свету – з больш ці менш класічнымі формамі.

Міцкевіч палемізаваў з прыхільнікамі французскай класіцыстычнай традыцыі: яна была няздольная адрадыць антычную моц і гармонію, бо пераймала не сутнасць антычнай паэзіі, а яе вонкавыя формы. У французскай паэзіі часоў Людовіка XIV панаваў прыдворны дух; у адрозненні ад антычнай ці рыцарскай паэзіі, якія звярталіся да ўсяго вольнага народа, класіцыстычная паэзія імкнулася пацешыць вузкае кола прыдворнай інтэлектуальнай эліты. Таму распаўсюджванні ненатуральных класіцыстычных нормаў як адзіна магчымых толькі шкодзіла нацыянальным літаратурам; паэтычныя нормы «павінны падлягаць зменам у сувязі са зменамі ў разумовых настроях і характары мастацтва» [2, с. 119], даказваў Міцкевіч на прыкладзе новых літаратур Велікабрытаніі і Германіі.

Структурна артыкул Міцкевіча нагадвае эсэ Гердэра «*Über die Wirkung der Dichtkunst auf die Sitten der Völker in alten und neuen Zeiten*» ‘Аб ўздзеянні паэтычнага мастацтва на норавы народаў у старыя і новыя часы’ [7]. Гердэр таксама выказвае думку аб тым, што пры ўсіх высокіх вартасцях грэцкай антычнай паэзіі яе вонкавыя формы, прыстасаваныя класіцызмам да літаратуры новага часу, не маюць ніякага ўздзеяння на народныя масы. Ён падкрэслівае сілу ўздзеяння песень і паэзіі бардаў і скальдаў на старажытныя «паўночныя» народы, але завяршае эсэ канстатацыяй крызісу нямецкай літаратуры (эсэ напісана ў 1778 г.): «*Unsre Barden sind verloren, die Minnesinger lagen auf der Pariser Bibliothek ruhig; die mittlere Zeit hindurch ward Deutschland immer außer Deutschland geschleppt oder mit andern Völkern überschwemmt, bekam also nicht Zeit, sich zu sammeln und auf die Stimme seiner eignen Dichtkunst zu merken*» ‘Нашы барды згубіліся, мінэзінгеры ціха ляжалі ў Парыжскай бібліятэцы; на працягу ўсяго часу Германія то цягнулася за межы Германіі, то яе паланілі іншаземныя народы, у яе не было часу сабрацца і звярнуць увагу на голас сваёй уласнай паэзіі’.

Калі Гердэр у свой час толькі шукаў шлях пераадолення крызісу ў літаратуры, то Міцкевіч, засвоіўшы вопыт папярэднікаў, ужо ішоў гэтым шляхам – шляхам рамантычнай паэзіі, сугучнай з народным духам. Ён падкрэсліваў, што калі ў духу, характары розных народаў з часоў Сярэднявечча захаваўся шэраг характэрных рыс, якія адрозніваюць іх ад іншых, то сучасная рамантычная паэзія, якая адлюстроўвае дух і светапогляд Сярэднявечча і працягвае былыя рамантычныя традыцыі, ёсць паэзія натуральная (у адрозненні ад ненатуральнай класіцыстычнай традыцыі).

Філаматы і філарэты добра ведалі творы Гердэра [8, с. 308], але няма сведчанняў, што пры падрыхтоўцы прадмовы да сваёй першай кнігі Міцкевіч карыстаўся менавіта трактатам «Аб ўздзеянні паэтычнага мастацтва на норавы народаў у старыя і новыя часы». Але як бы там ні

было, у 1820-я гг. сфармуляваныя сорок гадоў таму ідэі Гердэра зрабіліся неад’емнай часткай рамантычнага дыскурсу. Напрыклад, гейдэльбергскі рамантык А. фон Арнім у аповесці «Изабэла Египетская» (1812 г.) крытыкуе прыхільнікаў класіцызму, якія, на яго думку, няздольныя на жывое мастацтва: «*Oh ihr kunstschwanzenden Menschen, die ihr in alles sinnige Treiben unserer eigentümlichen Natur mit ewig leerem Widerhall von griechischen Bildung hineinschreit, euch muss ich, der Erzähler, hier anreden... Von euch ist nichts übergegangen zu den Göttern und von den Göttern nichts zu euch. Euch sind die kunstlebendigen Bilder Golems. ... Leugnet ihr das? Auf, so schafft etwas Eigenes, das ihr zu jenen stellen könnt, ohne dass ihr selbst darüber lacht – aber eure Hände sind stets arm an Werken und euer Mund voll von Worten*» ‘О, бездапаможныя балбатуны пра мастацтва, тыя, хто вечна заглушае пустымі перапеўкамі грэцкай культуры глыбокае жыццё нашай уласнай своеасаблівай прыроды, да вас я, апавядальнік, тут звяртаюся. ... Ад вас нічога не перайшло да багоў і ад багоў – да вас. Для вас мастацка-жывыя статуі багоў – тыя ж Големы. ... Будзеце вы адмаўляць гэта? Добра! Тады стварыце што-небудзь сваё, такое, каб можна было б паставіць гэта ў адзін шэраг з тымі статуямі, не выклікаўшы вашага ж уласнага смеху. Але не! Вашы рукі бедныя творчасцю, а вашыя вусны багатыя словамі’ [9, с. 156].

Увогуле дзякуючы руху *Sturm und Drang* (‘Бура і націск’), ідэалагам якога быў Гердэр, на першае месца ў літаратурнай творчасці выйшаў індывід з яго непаўторнымі пачуццямі і перажываннямі. Менавіта штурмеры пачалі будаваць свае тэксты, руйнуючы застарэлыя літаратурныя правілы; яны стваралі вобразы герояў, якія не баяцца супрацьстаяць існуючым грамадскім нормам і ісці насуперак сям’і, уладам і нават нябесным законам. У больш сталым узросце самыя значныя штурмеры – Гётэ, Шьлер, Гердэр – адышлі ад яраснага «бунту супраць усіх» сваіх юнацкіх гадоў і стварылі адно з найвышэйшых дасягненняў нямецкай культуры – Веймарскую класіку. Але, нягледзячы на тое, што яны вельмі неадназначна ацэньвалі ранніх рамантыкаў, іх уплыў на мастацкія погляды апошніх відавочны. Аб гэтым ускосна сведчыць тое, што за межамі Германіі іх нярэдка ўспрымалі менавіта як прадстаўнікоў рамантызму (у Расіі так здарылася з Шьлерам у перакладах Жукоўскага). На гэты конт Міцкевіч трапна заўважыў, што нельга «ўсіх пісьменнікаў аднаго племені, напрыклад немцаў» «запісваць у рамантыкі» [2, с. 118]. Сярод імёнаў немцаў, якія ўзгаданыя ў артыкуле Міцкевіча, толькі Шлегель сапраўды належыць да рамантыкаў. Астатнія – Клапшток, Віланд, Бюргер, Шьлер, Гётэ – папярэднікі рамантызму, чые мастацкія дасягненні былі засвоеныя Міцкевічам і іншымі паэтамі-філаматамі, што спрыяла ўзнікненню ў іх асяроддзі руху ў напрамку нацыянальнага рамантызму гейдэльбергскага тыпу.

Літаратура

1. Forster, M. Die Aktualität der Romantik : in 2 bänden / M. Forster, K. Vieweg. – Band 1. – Berlin : Lit Verlag Dr. W. Hopf, 2012. – 319 s.
2. Міцкевіч, А. Пра рамантычную паэзію / А. Міцкевіч // Філаматы і філарэты : зборнік. – Мінск : МФ Беларускае кнігазбор, 1998. – 400 с.
3. Желтов, В.В. Политическая социология / В.В. Желтов, М.В. Желтов. – 2-е изд., доп. и испр. – М. : Академический Проект, 2009. – 668 с.
4. Федоров, Ф.П. Художественный мир немецкого романтизма: структура и семантика / Ф.П. Федоров. – М. : МИК, 2004. – 368 с.
5. Herder, J.G.v. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit : in 4 bänden / J.G.v. Herder. – Riga und Leipzig : bei Johann Friedrich Hartknoch, 1785. – Bd. 2. – 344 s.
6. Жукова, Е.П. Гердер и славянство / Е.П. Жукова // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 6 (25). – С. 17–19.
7. Herder, J.G.v. Über die Wirkung der Dichtkunst auf die Sitten der Völker in alten und neuen Zeiten / J.G.v. Herder // Gesammelte Abhandlungen, Aufsätze, Beurteilungen und Vorreden aus der Weimarer Zeit // Projekt Gutenberg [Digitale Bibliothek]. – Das Regime des Zuganges : <http://gutenberg.spiegel.de/buch/gesammelte-abhandlungen-aufsätze-beurteilungen-und-vorreden-aus-der-weimarer-zeit-6505/2>. – Abgerufen : 31.01.2019.
8. Чачот, Я. Выбраныя творы / Я. Чачот. – Мінск : МФ Беларускае кнігазбор, 1996. – 374 с.
9. Arnim, L.A.v. Isabella von Ägypten, Kaiser Karls des Großen erste Jugendliebe, eine Erzählung u.a. / L.A.v. Arnim. – Berlin : in der Realschulbuchhandlung, 1812. – 390 s.

Тэкставасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак

Я.Я. ІВАНОЎ

Разглядаецца тэкставы характар афарыстычных адзінак на матэрыяле беларускай і рускай, а таксама польскай і англійскай моў. Здольнасць афарызма стварацца, існаваць і ўжывацца ў маўленні ў выглядзе асобнага (самастойнага) тэксту кваліфікавана як яго катэгарыяльная якасць – тэкставасць. Тэкставасць з’яўляецца факультатыўнай прыметай і не адносіцца да катэгарыяльна значных (вызначальных) прымет афарызма як лінгвістычнай адзінкі, аднак набывае ў ім адметны характар. Устаноўлена, што тэкставасць афарызма мае дзве ступені праяўлення – абсалютную (асобны тэкст) і адносную (тэкст у тэксце). Найбольш прадуктыўнай формай існавання і ўжывання афарызма з’яўляецца «тэкст у тэксце». Прэцэдэнтныя афарызмы здольны ўжывацца як тэкст у тэксце ў імпліцытным выглядзе. Аказіянальныя афарызмы здольны вылучацца з аўтарскага маўлення ў выглядзе асобнага тэксту, аднак іх першапачатковы змест не абавязкова захоўваецца, а іх форма можа набываць варыятыўнасць.

Ключавыя словы: афарыстычная адзінка, лінгвістычная катэгорыя, катэгарыяльная прымета, тэкставасць, тэкст у тэксце.

The article deals with the textual character of aphoristic units on the material of Belarusian and Russian, as well as Polish and English. The ability of an aphorism to be created, to exist and be used in speech in the form of a separate (independent) text is qualified as its categorical quality – textuality. Textuality is an optional feature and does not refer to categorically significant (defining) signs of aphorism as a linguistic unit, but it acquires a distinctive character. It is established that the textuality of aphorism has two degrees of manifestation – absolute (separate text) and relative (text in text). The most productive form of existence and application of aphorism is the «text in text». Precedent aphorisms can be used as text in text in implicit manner. Occasional aphorisms are able to stand out from the author's speech in the form of a separate text, but their original content is not necessarily preserved, and their form may become varied.

Keywords: aphoristic unit, linguistic category, categorical sign, textuality, text in text.

Уводзіны. У сучасным мовазнаўстве афарызмы вывучаюцца як аб’ект лінгвістыкі тэксту, стылістыкі, фразеалогіі, парэміялогіі, лінгвакраіназнаўства [1], ствараюцца шырокія комплексныя лінгвістычныя апісанні афарызма як фразавога тэксту (у рускай мове [2], украінскай мове [3]), як маўленчай і моўнай адзінкі (на матэрыяле беларускай мовы [4], рускай, польскай, англійскай, нямецкай моў [5], [6], [7]). Разам з тым агульнапрынятага лінгвістычнага разумення афарызма не сфарміравалася. Найбольш спрэчнымі з’яўляюцца спробы акрэсліць яго прыметы. Так, у вызначэнні афарызма выкарыстоўваюцца паняцці «лаканічны», «арыгінальны», «глыбокі», «дасканалы», «яскаравы», «трапны» і да т. п., якія не з’яўляюцца ўласна мовазнаўчымі [4, с. 28]. У апошні час акрэслілася тэндэнцыя да пошуку адной вызначальнай уласцівасці (прыметы) афарызма, на падставе якой можна было б аб’яднаць усе тыя разнастайныя паводле зместу і формы выразы, якія звычайна называюцца «афарызмы», у адну катэгорыю адзінак. У якасці такой прыметы прапануецца ідыяматычнасць [8], «выслоўнасць» (прыналежнасць да маўленчага жанру выслоўяў) [9], «канцэптуальнасць» (адлюстраванне набольш актуальных для носьбітаў мовы паняццяў-«канцэптаў») [2, с. 27], пашпартызаванасць (вядомасць носьбітам мовы яго аўтара) [2, с. 29–30], узнаўляльнасць [10] ці інш. Аднак усе названыя прыметы ўласцівы не толькі афарызмам, але і многім іншым відам выказванняў, што не звужае паняцце афарызма да асобнай лінгвістычнай катэгорыі, а наадварот, пашырае яго да любога выказвання, якое з’яўляецца ідыяматычным, пашпартызаваным, узнаўляльным і г. д.

Неакрэсленасць лінгвістычнага паняцця афарызма абумоўлівае яго вызначэнне ad hoc, калі даследчык разумее афарызм так, як гэта больш адпавядае індывідуальнай парадыгме лінгвістычных і філалагічных ведаў, а таксама таму моўнаму матэрыялу, які ў дадзеным выпадку аналізуецца. Зразумела, што гэта прама ўплывае не толькі на рэпрэзентацыйнасць, але і на ступень верыфікаванасці вынікаў мовазнаўчага вывучэння афарызма. Таму найбольш актуальнай праблемай лінгвістыкі афарызма з’яўляецца вызначэнне і апісанне яго катэгарыяльных прымет як аб’екта мовазнаўства.

У папярэднім даследаванні [11] быў прапанаваны і ў агульных рысах абгрунтаваны шэраг уласна лінгвістычных прымет афарызма як спецыфічнай катэгорыі звышслоўных адзінак. Адною з такіх прымет мэтазгодна лічыць тэкставасць, якая ў дачыненні да афарызма патрабуе асобнага вывучэння свайго праяўлення.

Мэта даследавання – вызначыць і апісаць спецыфічныя характарыстыкі тэкставасці як уласна лінгвістычнай прыметы афарызма ў аспекце яго разумення як асобнай катэгорыі звышслоўных адзінак.

Матэрыялы і метады. Метадалагічнай асновай вызначэння і апісання лінгвістычных прымет афарызма з’яўляецца яго разуменне, па-першае, як асобнай катэгорыі звышслоўных адзінак, па другое, як складанага аб’екта, што на падставе ўласцівых яму розных прымет можа ўтвараць больш аднаго мноства з іншымі блізкімі яму па сваіх структурных і функцыянальных уласцівасцях аб’ектамі (прыказкамі, крылатымі выразамі, літаратурнымі выслоўямі, спантанымі выказваннямі ў гутарковай мове, тэкстамі масавай камунікацыі і інш.). Пры вызначэнні і апісанні прымет афарызма як асобнай катэгорыі лінгвістычных адзінак мэтазгодна выкарыстоўваць камбінаваныя дэдуктыўны і індуктыўны метады, сінтэз і аналіз лінгвістычных фактаў (на матэрыяле розных моў і разнастайных форм іх існавання) [4, с. 7]. Пры апісанні тэкставасці як катэгарыяльнай прыметы афарызма выкарыстаны прыёмы лінгвістычнага аналізу тэксту, кантэкстнага аналізу.

Фактычны матэрыял даследавання складаюць афарыстычныя адзінкі беларускай, рускай, польскай і англійскай моў, атрыманыя паводле выбаркі з літаратурных тэкстаў, жывой гутарковай мовы, лексікаграфічных крыніц (усяго больш за 12000 адзінак, амаль прапарцыянальна прадстаўленыя ў чатырох мовах), адлюстраваныя ў падрыхтаваных аўтарам слоўніках [12], [13], [14], [15], [16] і слоўнікавых матэрыялах [17], [18], а таксама ў шэрагу іншых афараграфічных крыніц [19], [20].

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Да лінгвістычна рэlevantных прымет афарызма (г. зн. такіх, што характарызуюць яго як прадукт маўленча-мысленчай дзейнасці) мэтазгодна адносіць звышслоўнасць, аднафразавасць, абагульненасць, намінацыйнасць, дыскурсіўную самастойнасць, тэкставасць (ужыванне як асобнага тэксту), узнаўляльнасць, устойлівасць, ідыяматычнасць [11]. Названыя прыметы можна размежаваць на аблігаторныя (што ўласцівы ўсім афарызмам) і факультатыўныя (што ўласцівы афарызмам толькі пэўных разнавіднасцей [4, с. 82]), катэгарыяльна вызначальныя (што ўласцівы толькі афарызмам) і катэгарыяльна агульныя (што ўласцівы як афарызмам, так і іншым катэгорыям звышслоўных адзінак). На падставе акрэсленых прымет афарызма можна вызначыць паняцце афарыстычных адзінак як лінгвістычнай катэгорыі. Афарыстычныя адзінкі (афарызмы) ва ўласна лінгвістычным разуменні – гэта аднафразавыя, намінацыйныя, дыскурсіўна самастойныя, пераважна звышслоўныя, узнаўляльныя, устойлівыя адзінкі, якім могуць быць уласцівы ідыяматычнасць і ўжыванне як асобнага тэксту, і якія адрозніваюцца ад усіх іншых звышслоўных адзінак катэгарыяльна вызначальнай прыметай – адметнай (універсальнай) абагульненасцю зместу [11, с. 84].

У выніку даследавання ўстаноўлена, што здольнасць афарызма стварацца, існаваць і ўжывацца ў выглядзе асобнага тэксту мэтазгодна разглядаць у межах адной якасці – тэкставасці. З гэтай здольнасці афарызма вынікаюць яшчэ дзве яго ўласцівасці, па-першае, ужывацца як тэкст у тэксце ў форме структурна і сэнсава аўтаномнай рэплікі (або цытаты), а па-другое, вылучацца з кантэксту ў форме асобнага тэксту. Тэкставасць як прымета афарызмаў маніфестуе іх уласцівасць ужывацца ў нейтральнай пазіцыі, якую можна размежаваць на абсалютна нейтральную (незалежную ад маўлення цалкам) і на адносна нейтральную (зместава і структурна незалежную ў маўленні). У адпаведнасці з гэтым тэкставасць як прымета афарызма мае дзве ступені праяўлення – абсалютную і адносную.

Стварэнне і існаванне афарызма ў выглядзе асобнага тэксту (абсалютнае праяўленне прыметы тэкставасці) з’яўляюцца яго найбольш раннімі вядомымі формамі функцыянавання ў пісьмовым маўленні. Адзін з першых пісьмовых прававых помнікаў «*Кодэкс Хамурані*» (фр. «*Code de Hammurabi*») у Старажытным Вавілоне (збор законаў, высечаны каля 1750 да н. э. на базальтавым слупе) складаўся з 282 кароткіх абагульненых выслоўяў. Еўрапейская даантычная філасофія VII–VI ст. да н. э. выкладалася пераважна ў форме афарыстычных фраз (напрыклад, гномы перадфіласофскай традыцыі Старажытнай Грэцыі) і інш.

Найвышэйшы росквіт афарызм як асобны тэкст набыў у еўрапейскай публіцыстычнай і мастацкай літаратуры, пачынаючы з першай класічнай кнігі афарызмаў «*Oraculo Manual, y Arte de Prudencia. Sacada de los Aforismos Quese Discurre En las obras de Lorenzo Gracian*» (1647) Б. Грасіяна і заканчваючы сусветна вядомымі кнігамі афарызмаў «*Myśli nieuczesane*» (1957) і «*Nowe myśli nieuczesane*» (1966) С.Е. Леца. Стварэнне і існаванне афарызмаў у форме асобных тэкстаў застаецца актуальным да сённяшняга дня ў большасці функцыянальна-стылістычных разнавіднасцей літаратурнай мовы, аднак страціла ў цяперашні час свой элітарны характар і ўсё больш рэалізуецца ў гутарковай мове праз пісьмовую электронную камунікацыю (у сацыяльных сетках, на форумах, у чатах, блогах, групках і г. д.).

Ужыванне як тэксту ў тэксце (адноснае праяўленне прыметы тэкставасці) у форме структурна і сэнсава аўтаномнай рэплікі (цытаты) вельмі прадуктыўны спосаб функцыянавання афарызмаў, які вядомы з самых першых пісьмовых помнікаў, рэалізуецца на ўсіх узроўнях будовы пісьмовага тэксту, ва ўсіх разнавіднасцях і большасці жанраў вуснага маўлення, а таксама ў вусна-пісьмовых тэкстах (у сферы інтэрнэт-камунікацыі). У пісьмовых тэкстах ужыванне афарызмаў як тэксту ў тэксце размяжоўваецца на два тыпы: знешнеструктурны (загалолак, эпіграф, уводная фраза, апошняя фраза) і ўнутранаструктурны (функцыянальна незамацаваная фраза). У вусным маўленні ўжыванне афарызма як тэксту ў тэксце дыферэнцыруецца таксама на два тыпы: як асобная рэпліка ў дыялогу і як функцыянальна незамацаваная фраза ў маналогу. Фармальнымі паказчыкамі ўжывання афарызма як тэксту ў тэксце ў выглядзе функцыянальна незамацаванай фразы з'яўляецца акрамя яе структурнай і сэнсавай аўтаномнасці яшчэ і мова арыгіналу (іншамоўныя ўкрапіны), дыскурсіўныя маркеры інтэртэксту (уводныя словы ці згадкі ў тэксце, якія змяшчаюць інфармацыю пра паходжанне і/або аўтара афарызма як асобнага тэксту), а ў пісьмовым тэксце афармленне афарызма як дакладнай цытаты, выкарыстанне розных параграфемных (пераважна супраграфемных і тапаграфемных) сродкаў увядзення афарызма ў кантэкст і г. д. Напр.: «**Апетыт прыходзіць у час яды**». *А ў мяне вельмі часта думанне пачынаецца над паперай. Вучыся пісаць, як калісьці пісаў, – для сябе.* (Я. Брыль); Мужчыны ўсе тут загудзелі, Ды дружна так яны населі, Што Ганна тройчы прыгубіла І чарку ўсю перакуліла. – Ну, во гэтак, малайчына, Хай будзе ж добрая часіна! – Ой, буду п'яна – ашаломіць. – **Касцей гарэлка не паломіць!** – Крычыць Базыль. (Я. Колас); руск. Береги честь смолоду (пословица) (эпіграф да аповесці А.С. Пушкіна «Капитанская дочка»); Логические требования голого ума непременно так или иначе достигают своих, в данную минуту крайних, пределов и непременно поэтому укладываются в известные формы, известные теории. Прилагаемые к быстротекущей жизни, формы эти оказываются несостоятельными чуть что не в самую минуту своего рождения, потому что ведь они сами в сущности суть не что иное, как результаты сознанный, т. е. прошедшей жизни, и к ним как нельзя более прилагается глубокий стих из глубокого стихотворения Тютчева «*Silentium!*» – **Мысль изреченная есть ложь...** (А.А. Григорьев); Эта деятельность, сколько я мог судить по фактам, была не бесплодна, по крайней мере, отрицательно; и я ни за что ее не брошу, потому что – черт ее знает – может быть, она принесет на основании пословицы «*gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo*» (авось либо хоть этой старой пословицы переводить не надо?) и своего рода положительную пользу. (А.А. Григорьев); польск. *Powiedział Heraklit: «Panta rhei»*. Rzekł Kowalskides: «Cholera!» Zauważył krytyk: «Konkurowali ze sobą w zwięzłości epigramatycznej». (S.J. Lec); англ. *All's Well That Ends Well* (W. Shakespeare) (назва п'есы); *Measure for Measure* (W. Shakespeare) (назва п'есы); *A delivery boy was trying to enter a yard with some bundles but stopped at the gate because of a vicious, barking dog on the other side. «Oh, come on in,» encouraged the owner from a window. «You know the old proverb: 'A barking dog never bites'...» «Yeah, I know the proverb,» admitted the boy, «and you know the proverb. But what worries me is, does the dog know the proverb?»* (E. Esar) і да т. п.

Ужыванне афарызма як тэксту ў тэксце можа быць і імпліцытным, але толькі ў тых выпадках, калі афарызм як асобны тэкст з'яўляецца прэцэдэнтным (паводле Ю.М. Каравулава), г. зн. вядомым удзельнікам маўленчага акту і шырокаму колу носьбітаў мовы, уключаючы папярэднікаў і сучаснікаў, дзякуючы сваёй хрэстаматычнасці,

пазнавальнай актуальнасці і запатрабаванасці, узнаўляльнасці і г. д. Пры імпліцытным ужыванні афарызма як прэцэдэнтнага тэксту ў маўленні актуалізуецца яго структурны кампанент (прэцэдэнтны феномен), які адсылае слухача (чытача) да арыгіналу. У якасці прэцэдэнтных феноменаў звычайна выкарыстоўваюцца пачатковыя структурныя часткі або першыя па парадку словы афарызма, а таксама асобныя словы ці спалучэнні слоў з яго лексічнага складу, якія з'яўляюцца найбольш запамінальнымі, адлюстроўваюць асноўныя яго (ключавыя) паняцці ці вобразы, утвараюць сталыя асацыяцыі ў фонавых ведах моўнікаў, напр.: – *А людзям нашым няважна жылося да рэвалюцыі. Рэвалюцыя была вельмі патрэбна. Цар Мікалай – ён быў дурны, дурнейшы яшчэ за Хрушчова... – Такі vox populi – увосень шэсцьдзесят трэцяга. (Я. Брыль) – лац. Vox populi – vox dei (афарызм англасаксонскага багаслова Флака Альбіна Алкуіна, каля 732–804); руск. Обратились к древнему миру; к его искусству чувствовалась симпатия; хотели усвоить его зодчество, ясное, открытое, как чело юноши, гармоничное, «как остывшая музыка». (А.И. Герцен) – Архитектура – застывшая музыка (И.В. Гёте); польск. Co może powstać z niczego? Prowokacja (S.J. Lec) – Nic nie powstaje z niczego (Lukrecjusz, «O naturze wszechrzeczy», I, 265–266); англ. There are good excuses, particularly good bogus excuses, for the «never,» but there is seldom an acceptable one for the «late.» (G.J. Nathan) – Better late than never (proverb) і да т. п.*

Пры ўжыванні афарызма як тэксту ў тэксце трэба асобна адрозніваць выкарыстанне афарыстычнай фразы як неабходнага элемента структуры і кампазіцыі малых літаратурных і фальклорных жанравых форм – апафегмы, хрыі, велерызма, анекдота і г. д., калі змест афарызма з'яўляецца неад'емнай часткай зместу такіх малых тэкстаў, іх сэнсавым цэнтрам, без якога гэтыя малыя тэксты не могуць існаваць. Такую разнавіднасць ужывання афарызма як тэксту ў тэксце можна кваліфікаваць як жанрава дэтэрмінаваную.

Вылучацца з маўлення ў форме асобнага тэксту (адноснае праяўленне прыметы тэкставасці) можа любы афарызм – як той, што спараджаецца, так і той, што рэгулярна ўзнаўляецца ў маўленні, як дыскурсіўна адасоблены, так і структурна і сэнсава зменены (мадыфікаваны) у кантэксце, як зместава аўтаномны, так і з кантэкстуальна абумоўленым сэнсам. Менавіта дзякуючы гэтаму складаюцца зборнікі літаратурных афарызмаў, прыказак, дзе маўленчыя і моўныя адзінкі штучна зафіксаваны ў выглядзе асобных тэкстаў. Адным з першых вядомых пісьмовых зборнікаў літаратурных афарызмаў з'яўляюцца «*Menandri sententiae*» – зборнік вершаваных выслоўяў, выбраных Менандрам (каля 343 – каля 291 да н. э.) з твораў старажытнагрэчаскіх драматургаў V–IV стст. да н. э. (зборнік карыстаўся вялікай папулярнасцю ў антычным свеце і сярэднявечнай Еўропе, быў перакладзены ў свой час і на стараславянскую мову).

Пры вылучэнні з маўлення ў выглядзе асобнага тэксту ўстойлівых ці сэнсава кантэкстуальна абумоўленых афарызмаў іх сэнс можа даволі істотна адрознівацца ад пачатковага. Гэта не супярэчыць як самой магчымасці, так і рэпрэзентатыўнасці такога вылучэння, паколькі змяненні сэнсу хоць і могуць быць дастаткова істотнымі, але не ўплываюць на прамы змест вылучаных з маўлення афарызмаў, які застаецца нязменным. Напр.: *Пан не мае спагадання* (вылучаны з аўтарскага кантэксту афарызм захоўвае свой агульны змест, але набывае значна шырэйшы сэнс, чым у тэксце-крыніцы – ‘Пан не мае спагадання ўвогуле да ўсіх залежных ад яго людзей, а не толькі да тых, хто на яго працуе’), параўн.: *Няўжо ж і век прабыць слугою І чуць пагрозу над сабою, Што пан у кожную хвіліну Цябе пагоніць, як скаціну? Пагоніць вон без разважання, Бо пан не мае спагадання, Што трэба жыць з сям'ёй на свеце, Што ты, як рыба тая ў сеці, Не маеш волі, ні разгону, Што ты не чуеш жыцця звону, Што гэты свет табе завязан І шлях прасторны твой заказан. (Я. Колас). Або: руск. Мысль изреченная есть ложь* (вылучаны з аўтарскага кантэксту афарызм захоўвае свой агульны змест, але супярэчыць здароваму сэнсу, што нейтралізуецца ў тэксце-крыніцы, дзе паведамляецца пра немагчымасць выказаць словамі багаты свет пачуццяў і думак асобы), параўн.: *Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь. (Ф.И. Тютчев)* і да т. п. Пры вылучэнні з аўтарскага кантэксту афарызмаў з пераноснай матывіроўкай агульнага зместу ці зместу асобных кампанентаў такія афарызмы патрабуюць спецыяльнага тлумачэння або сталай

асацыяцыі з тэкстам-крыніцай, без чаго ўспрымаюцца або ў зусім іншым сэнсе, або як увогуле бессэнсоўныя. Напр.: *Падатак кожнай дай часіне* (вылучаны з аўтарскага кантэксту афарызм са словазлучэннем у пераносным значэнні *падатак даць*, набывае іншы агульны сэнс, чым у тэксце-крыніцы, дзе *падатак даць* азначае ‘быць гатовым на ўсё’, паводле наступнай пасля афарызма фразы), параўн.: *Ну, што ж, Антось, здароў будзь, браце! Няхай дае бог лад у хаце, Добра, прыбытку прыспарае, Каб у хляве ды ўсё пладзілась, Каб жыта ў полі каласілась, Няхай раяцца добра пчолы, І самі будзем мы вясёлы; За год дай божа дачакаць Здаровым новы год спаткаць. – Дай божа! – дзядзька адазваўся І сам з прамовай зварачаўся, П’ючы цяпер да гаспадыні, – **Падатак кожнай дай часіне, На ўсё гатовы ў кожным часе.** (Я. Колас). Або: руск. *Дважды два – стеариновая свечка* (вылучаны з аўтарскага кантэксту афарызм, які набыў крылатасць [21, с. 95], мае парадаксальны прамы сэнс і для разумення свайго пераноснага значэння ‘У жанчын адсутнічае лагічнасць мыслення’, павінен устойліва асацыявацца са зместам тэксту-крыніцы), параўн.: *Мужчина может, например, сказать, что дважды два не четыре, а пять или три с половиною; а женщина скажет, что **дважды два – стеариновая свечка.*** (И.С. Тургенев) і да т. п.*

Трэба адзначыць, што змяненні сэнсу прыказак пры іх вылучэнні з маўлення як асобных тэкстаў могуць быць не менш істотнымі, чым змяненні сэнсу літаратурных афарызмаў пры вылучэнні з індывідуальна-аўтарскага кантэксту. Напр.: *Будзе (Прыйдзе) і на крапіву мароз* – прыказка зафіксавана ў бескантэкставых парэміяграфічных крыніцах [22, s. 152], [23, с. 138], у якіх успрымаецца ў пераносным сэнсе (паколькі ў прамым не выяўляе эмпірычнай каштоўнасці), аднак у маўленні рэгулярна ўжываецца як у пераносным сэнсе (‘Дачакаецца хто-н. пакарання; кажуць з упэўненасцю пра непазбежнасць адплаты, пакарання’ [24, с. 100]), так і ў прамым значэнні (разам з іншымі народнымі выслоўямі пра крапіву-жыгучку), параўн.: *Пра тую нязвычайную расліну Марыля ўжо забылася. Урэшце яна такі выскачыла на дарожку. – Ой, настрыкала, ой, пачэ! Ды жаліцца няма каму. Тым больш, што і гневацца няма на каго: сама запрапанавала зняць панчохі. Сымон пажартаваў: – Колькі разоў табе казалі: **ад жыгучкі трымай далей ручкі!..** – Нічога, Марылька! – пашкадаваў яе Адам. – **«Прыйдзе і на крапіву мароз!»** (У. Дубоўка) і да т. п.*

Пры вылучэнні з маўлення ў якасці асобных тэкстаў тых афарызмаў, якія структурна і сэнсава зменены, мадыфікаваны ў кантэксце, рэканструкцыя іх нейтральнай формы нярэдка можа быць варыятыўнай (што не заўсёды дазваляе абсалютна адназначна аднавіць форму афарызма па-за кантэкстам, але не супярэчыць магчымасці рэканструкцыі нейтральнай формы тых афарызмаў, якія структурна і сэнсава зменены, мадыфікаваны ў кантэксце). Напр.: *Геніі і таленты не вельмі часта нараджаюцца сярод людзей* або *Геніі і таленты сярод людзей нараджаюцца не вельмі часта* або *Не вельмі часта сярод людзей нараджаюцца геніі і таленты* або *Не вельмі часта геніі і таленты нараджаюцца сярод людзей* або *Сярод людзей не вельмі часта нараджаюцца геніі і таленты* або *Сярод людзей геніі і таленты нараджаюцца не вельмі часта* і г. д. (вылучаны з аўтарскага кантэксту афарызм можна аднолькава паспяхова рэканструяваць у некалькіх варыянтах), параўн.: *То ж гэтакія Лэдзі **нараджаюцца не вельмі часта сярод сабак, як геніі і таленты сярод людзей*** (М. Гарэцкі). Або: руск. *<Если (Когда) жить нечем, и сну будешь рад* або *И сну будешь рад, если (когда) жить нечем* і г. д. (вылучаны з аўтарскага кантэксту афарызм можна аднолькава паспяхова рэканструяваць у некалькіх варыянтах), параўн.: *Фёкла Степановна зазевала, закрывая рот большой работающей рукой: – А я... век свой прожила. Мужика у меня убили на царской войне, **жить нечем, и сну будешь рада*** (А.П. Платонов) і да т. п.

Якасць тэкставасці (здольнасці ўжывацца ў выглядзе асобнага тэксту) уласціва не ўсім афарыстычным адзінкам, паколькі многія аказіянальныя афарызмы, якія спараджаюцца ў маўленні, а не ствараюцца як асобныя тэксты, немагчыма вылучыць з аўтарскага кантэксту без істотнага змянення іх сэнсу (пры гэтым такія афарызмы не страчваюць сваёй самастойнасці, здольны і разумецца, і ўжывацца як незалежна ад іншых фраз у аўтарскім кантэксце, так і увогуле па-за ім). Таму тэкставасць афарызма адносіцца да яго факультатыўных лінгвістычных прымет.

Уласцівая афарызму якасць тэкставасці абумоўлена яго дыскурсіўнай самастойнасцю – здольнасцю захоўваць пры ўжыванні ў любых відах дыскурсу нязменнасць формы і зместу, а таксама функцыянальную незалежнасць ад кантэксту ў структурным і зместавым плане.

У сувязі з вызначэннем тэкставасці (ужывальнасці ў выглядзе асобнага тэксту) як адной з прымет афарызма паўстаюць праблемы яго суадносін з іншымі малымі тэкставымі формамі, а таксама апісання семантычнай спецыфікі афарызма, яго структуры ў маўленні і яго функцый як лінгвістычнай адзінкі, што з’яўляецца прадметам далейшых даследаванняў.

Заклучэнне. Здольнасць афарызма стварацца, існаваць і ўжывацца ў выглядзе асобнага тэксту можна кваліфікаваць як тэкставасць. Тэкставасць мэтазгодна разглядаць як уласна лінгвістычную ўласцівасць афарызма, што з’яўляецца яго факультатыўнай прыметай як катэгорыі звышслоўных адзінак і прама і непасрэдна абумоўлена такой аблігаторнай прыметай афарыстычных адзінак, як дыскурсіўная самастойнасць. Тэкставасць не адносіцца да катэгарыяльна значных (вызначальных) прымет афарызма, аднак набывае ў ім адметны характар.

Уласцівая афарызму якасць тэкставасці дэтэрмінуе яго ўласцівасць ужывацца ў нейтральнай пазіцыі, якую можна размежаваць на абсалютна нейтральную (незалежную ад маўлення цалкам) і на адносна нейтральную (зместава і структурна незалежную ў маўленні). У адпаведнасці з гэтым тэкставасць як прымета афарызма мае дзве ступені праяўлення – абсалютную і адносную. Стварэнне і існаванне афарызма ў выглядзе асобнага тэксту (абсалютнае праяўленне прыметы тэкставасці) з’яўляецца яго найбольш ранняй вядомай формай функцыянавання ў пісьмовым маўленні, якая ў наш час захавала сваю актуальнасць, але страціла элітарны (літаратурна-мастацкі) характар. Ужыванне афарызма як тэксту ў тэксце (адноснае праяўленне прыметы тэкставасці) у форме структурна і сэнсава аўтаномнай рэплікі (цытаты) з’яўляецца сёння найбольш прадуктыўнай формай яго існавання. Ужыванне афарызма як тэксту ў тэксце можа быць і імпліцытным, але толькі ў выпадках, калі афарызм з’яўляецца прэцэдэнтным тэкстам. Вылучацца з маўлення ў форме асобнага тэксту (адноснае праяўленне прыметы тэкставасці) можа любы афарызм – як той, што спараджаецца, так і той, што рэгулярна ўзнаўляецца ў маўленні, як дыскурсіўна адасоблены, так і структурна і сэнсава зменены (мадыфікаваны) у кантэксце, як зместава аўтаномны, так і з кантэкстуальна абумоўленым сэнсам. Пры вылучэнні з маўлення змест і форма афарыстычных адзінак можа істотна адрознівацца ў кантэксце і па-за яго межамі, набываць варыятыўны характар, што аднак не абмяжоўвае магчымасці існавання афарызма ў выглядзе асобнага тэксту.

Літаратура

1. Иванов, Е.Е. Лингвистика афоризма / Е.Е. Иванов. – Минск : Вышэйшая школа, 2018. – 304 с.
2. Королькова, А.В. Русская афористика / А.В. Королькова. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 344 с.
3. Шарманова, Н.М. Українська афористика: структурно-семантичний та функціональний аспекти : дис ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Н.М. Шарманова. – Кривой Рог, 2005. – 217 с.
4. Іваноў, Я.Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове / Я.Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2017. – 208 с.
5. Иванов, Е.Е. Лингвистика афоризма / Е.Е. Иванов. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2016. – 156 с.
6. Іваноў, Я.Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма / Я.Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2004. – 160 с.
7. Іваноў, Я.Я. Праблемы лінгвістычнага вивучэння афарызма / Я.Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2003. – 194 с.
8. Леванюк, А.Я. Лексіка-граматычныя і семантыка-стылістычныя асаблівасці беларускага паэтычнага афарызма : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / А.Я. Леванюк ; Беларускі дзярж. ун-т. – Мінск, 2002. – 19 с.
9. Назаранка, Ю.В. Выслоўе ў мове твораў Якуба Коласа : камунікацыйна-маўленчы статус, класіфікацыя, моўна-стылістычныя асаблівасці : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Ю.В. Назаранка ; Беларускі дзярж. ун-т. – Мінск, 2003. – 21 с.
10. Мечковская, Н.Б. Жанры афористики и градация высказываний по степени идиоматичности / Н.Б. Мечковская // Жанры речи. – 2009. – Вып. 6. – С. 79–111.
11. Іваноў, Я.Я. Лінгвістычныя прыметы афарыстычных адзінак / Я.Я. Іваноў // Ученые записки ВГУ им. П.М. Машерова. – 2018. – Т. 27. – С. 78–84.

12. Іваноў, Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я.Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2011. – 164 с.
13. Словарь афоризмов и цитат из польской литературы XVI–XX веков = Słownik aforyzmów a cytatów z literatury polskiej od XVI do XX wieku / под ред. Е.Е. Иванова. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. – 104 с.
14. Иванов, Е.Е. Русско-белорусский паремиологический словарь / Е.Е. Иванов, В.М. Мокиенко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2007. – 242 с.
15. Іваноў, Я.Я. Польшка-беларускі парэміялагічны слоўнік = Polsko-białoruski słownik paremiologiczny / Я.Я. Іваноў, С.Ф. Иванова ; прад. і ўступ. арт. Я.Я. Иванова. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. – 192 с.
16. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік = English-Belarusian Paremiological Dictionary / пад рэд. Я.Я. Иванова. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2009. – 240 с.
17. Іваноў, Я.Я. Афарыстыка мовы мастацкага твора. Паэма Якуба Коласа «Новая зямля»: лексікаграфічны аспект / Я.Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2004. – 84 с.
18. Иванов, Е.Е. Английские пословицы: из литературы и в литературе: этимология, функционирование, варианты = English Proverbs: from Literary Texts, in Literary Texts: Etymology, Usage, Variability / Е.Е. Иванов, Ю.А. Петрушевская. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2016. – 76 с.
19. Гаўрош, Н.В. Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў / Н.В. Гаўрош, Н.М. Някловіч. – Мінск : Вышэйшая школа, 2012. – 638 с.
20. Леванюк, А.Я. Майстры кажучь...: беларускія літаратурныя афарыстычныя выслоўі : слоўнік афарызмаў / А.Я. Леванюк. – Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2010. – 161 с.
21. Ашукин, Н.С. Крылатые слова / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – 4-е изд., доп. – М. : Худ. литература, 1987. – 528 с.
22. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej : materiały do etnografji słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 : I–IV т. / M. Federowski. – Warszawa : Towarzystwo naukowe Warszawskie, 1935. – Т. IV. – XVIII, 490 s.
23. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / склад. М.Я. Грынблат. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 559 с.
24. Лепешаў, І.Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы, 2011. – 695 с.

Взаимодействие социального мифа и повседневности в раскрытии социологической оппозиции «свой – чужой»

М.М. ИОСКЕВИЧ

В художественном тексте социальный миф взаимодействует с повседневностью на уровне композиции, в раскрытии социологической оппозиции «свой – чужой», которая проявляется прежде всего через противопоставление в системе персонажей. Данная оппозиция обуславливает композиционное построение романов революционной тематики, которые повествуют о подвигах героев-революционеров и обладают глубоким мифологическим подтекстом. Цель данной статьи – в результате анализа полюсов оппозиции «свой – чужой» выявить смысловое содержание социального мифа советской эпохи через составляющие повседневности.

Ключевые слова: социальный миф, повседневность, «На развилках» Я. Коласа, «Сокі ціліны» Т. Гартного, «Сын» Р. Мурашко, «Віленскія камунары» М. Горецкого.

The interaction of social myth and everyday life is considered. In a literary text, social myth interacts with everyday life at the level of composition, in disclosure of the sociological opposition «friend – foe», which is manifested primarily through opposition in the system of characters. This opposition determines composition of the novels of revolutionary theme, which tells about the exploits of revolutionary heroes and have deep mythological subtexts. The aim of this article is to reveal the semantic content of social myth of the Soviet era through the components of everyday life as a result of the analysis of poles of the opposition «friend – foe».

Keywords: social myth, everyday life, opposition «friend – foe», «At Crossroads» by J. Kolas, «Virgin Soil Juice» by Ts. Hartny, «Son» by R. Murashko, «Vilna Communards» by M. Harecky.

Введение. Как утверждает П.С. Гуревич, социальный миф – это «особого вида духовная деятельность по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно вырабатываемых правящей элитой для воздействия на массы. Социальные мифы освящают вечные вопросы власти и подчинения, зависимости и свободы, несправедливости и равенства» [1, с. 9]. В исторической реальности социальный миф находит свое отражение в повседневности, обуславливает ее, ведь, по словам французского историка Ф. Броделя, идеологические конструкты, попадая в профанный мир, «отливаются» массами («низми») в определенные, а именно – упрощенные, примитивные формы [2].

Подобное происходит и в художественных произведениях, которые выступают одним из основных средств трансляции социального мифа в читательское сознание. Как мы полагаем, под *повседневностью в художественном тексте* необходимо понимать изображение устойчивых, регулярно повторяющихся (возобновляемых) жизненных практик персонажа либо группы персонажей (социальной группы, общности, нации и т. д.), локализуемых в определенном времени и пространстве. Повседневность предстает как составляющая художественного мира произведения, ответственная за реалистическое воспроизведение вымышленной реальности. Понятие «повседневность» неразрывно связано с системой персонажей художественного произведения.

Жизненный мир персонажа или, иначе, я-повседневность состоит из личного и социального пространств. Социальное пространство определяется обязанностями перед государством и включает в себя общественную и профессиональную деятельность. Личное пространство – это пространство остальных форм жизнедеятельности, помимо общественной и профессиональной, к которым относятся, например, отношения с семьей и друзьями.

В социальном пространстве художественного текста персонаж так же, как и в личном пространстве, обладает определенными характеристиками внешней и внутренней телесности. Телесность предстает как единство тела, души и духа – «результат деятельности триединой природы человека» [3, с. 71]. На уровне телесности персонаж представлен в совокупности своих ментальных, поведенческих и коммуникативных практик [4].

Как мы полагаем, *социальный миф взаимодействует с повседневностью на уровне построения или композиции художественного текста, в раскрытии социологической оппозиции «свой – чужой»*, которая проявляется прежде всего в противопоставлении внутри систе-

мы персонажей, их точек зрения и систем ценностей. Российский исследователь В.Д. Лелеко указывает, что на современном этапе изучения повседневности особенно важно обращение к ментальному уровню – идеалам, стереотипам сознания, ценностным ориентациям, выявление их проявлений в повседневной жизни [5].

Оппозиция «свой – чужой» имеет архаический аналог – оппозицию «мы – они» как противопоставление Добра и Зла. В свою очередь, пишет М.Л. Петрова, область повседневной жизни понимается как освоенное человеком пространство, естественная среда его обитания, не требующая от него усилий, т. е. «свое», «внутреннее» пространство, которое противостоит внешнему, чужому, неизвестному, враждебному. Именно поэтому область повседневного является наилучшим материалом для изучения эволюции концепта «свой – чужой» в различных культурах и для конструирования модели «чужого», в том числе средствами публицистики и художественной литературы [6].

Данная оппозиция обуславливает композиционное построение романов революционной тематики, которые повествуют о подвигах героев-революционеров и обладают глубоким мифологическим подтекстом. Появление этих произведений припадает на первые послереволюционные десятилетия, оно продиктовано необходимостью оправдать создание первого рабочего государства, свершение «акта творения» – Великой Октябрьской социалистической революции, «открывшей новую эру в истории человечества», до которой были «мрак и несчастья трудящихся» [7]. Таким образом, цель данной статьи – в результате анализа полюсов оппозиции «свой – чужой» выявить смысловое содержание социального мифа советской эпохи через составляющие повседневности. Материалом послужила трилогия «На ростанях» Я. Коласа, а также романы «Сокі цаліны» Т. Гартного, «Сын» Р. Мурашко, «Віленскія камунары» М. Горецкого.

Основная часть. Главный герой романов революционной тематики обладает чертами «чужого» по отношению к окружающим. «Чуждость» героя определяется, прежде всего, социальным положением. Так, у Игната в романе «Сын» нет отца, а мать Агафья живет случайными заработками. Положение незаконнорожденного выделяет мальчика из общества сверстников, он подвергается насмешкам, издевательствам, чему способствует также фактор телесности – рыжие волосы. Между тем, этот цвет соотносится с соляной символикой. Мальчику кажется, что он рожден от солнца, что отсылает читателя к архаической идее богоизбранности героев. К рыжим всегда относились с предубеждением, ведь, как гласит поговорка, «рыжий да красный – человек опасный». «Рыжий» соотносится с «красным» как названием политических сил, волосы Игната сравниваются с пожаром, что может быть сопоставлено с метафорой «пожара революции».

Главный герой романа «Сокі цаліны», рабочий-пролетарий, выделяется из массы односельчан своим внешним видом, что подчеркивает идею «чуждости», а также существующий разрыв между городом и деревней. Если раньше, работая по найму, Рыгор «заўсёды хадзіў чорным і брудным, цяжка і многа працаваў, і на падзёншчыне, і за балагола. А цяпер – не пазнаць: чысценькі, беленькі, у новым гарнітуры, у чорным капелюшы, у манішцы. Прычэсаны, прыладжаны, госцінны, далікатны! Не той, зусім не той!» [8, с. 45]. Рабочий, таким образом, стоит на более высокой социальной ступени, чем крестьянин, что отражено в его внешнем виде.

В трилогии «На ростанях» учитель Лобанович является, по сути, «чужим» как для крестьян, так и для волостной интеллигенции, которые, ощущая эту инаковость, чуждость, прозывают его «манахом», «пустэльнікам», «ідэалістам», «святым». Первой «странность» молодого человека замечает бабка Марья, упрекая Лобановича в том, что он проводит целые дни за книгой, которая «сушыць» или, говоря иначе, убивает. Все же учителю удается завоевать уважение полешуков, он никогда не забывает, что сам из крестьян, и запрещает называть себя паничем. Однако по словам Лобановича, «пад паняцце “пан” у мужыка часта падыходзіць кожны, хто носіць цэшку або чорнае паліто» [9, с. 29]. Статус учителя, его образованность ставят его над крестьянским сословием. Крестьяне – люди векового уклада, практикующие охоту, бортничество и различные ремесла, не воспринимают слова учителя о лучшей жизни, ведь для них это «чужое слово», не несущее материально-практической смысловой нагрузки. Неверную позицию занимает Лобанович и в ссоре двух крестьян, пытаясь разрешить ее деньгами. В результате ссора перерастает в попытку убийства. Лобанович корит себя за ошибку, за то, что, будучи из крестьян, не смог разобраться в психологии полешуков.

Статус учителя делает Лобановича «чужим» и в собственной семье: его не допускают до крестьянских дел, мотивируя это тем, что «раўняцца з намі табе няма чаго. Не на тое ж ты вучыўся, каб капацца ў гэтым смецці і брудзе» [9, с. 226]. Мать готовит особую еду для сына, братья и сестры держатся отчужденно, и постепенно Лобанович «пагадзіўся з роляю адгароджанага ад сям’і чалавека» [9, с. 226]. Когда проект Лобановича о построении гати не находит поддержки ни у крестьян, ни у друзей-учителей, он действительно чувствует себя изгнанником.

Оппозиция «свой – чужой» реализуется через сознание и систему ценностей главных героев путем раскрытия точек зрения по поводу происходящих в стране событий. «Свои» – это, в первую очередь, политические единомышленники. Как утверждает Арон в романе «Сын», «соцыял-дэмакраты – гэта людзі, такія-ж, як і я з табою. Ты не ведаеш яшчэ іх, Ігнась, але калі толькі пазнаёмішся з іх вучэннем, з тым, чаго яны дамагаюцца, – ты будзеш такім-жа, як і яны» [10, с. 62]. В романе «Сокі цаліны» участники забастовки предстают для героини как «дзiesiąткі, сотні і тысячы блізкіх, родных, прыемных людзей» [8, с. 487].

Для героев «чужими» являются те люди, которые не разделяют их взглядов и убеждений. Так, в трилогии «На ростанях» таким «чужим» становится Турсевич, друг и наставник Лобановича, который предпочитает не революционный, а эволюционный путь развития, и собирается поступать в учительский институт. Лобанович же убежден, что этот путь чиновника от образования обязательно убьет в друге живую душу.

Также разбивается дружба с Болотичем, доказывающим Лобановичу, что он идет по неверному пути – «завядзе цябе не туды, куды ты хочаш» [9, с. 636]. Потеря друзей и родных, обладающих иной системой ценностей, перекликается с христианским убеждением отказать от всего, что мешает служению Богу: «и враги человеку – домашние его» (Мф., 38 зач., 10, 32–36; 11, 1). Между тем, писарь Дулеба предупреждает Лобановича: «той, за каго ты распінаешся сёння, прадасць цябе заўтра» [9, с. 317]. Эта фраза наполнена библейским подтекстом и является в судьбе Лобановича свершившимся пророчеством.

Особое место в третьей части романа «Сокі цаліны» занимает изображение событий Первой мировой войны. Повседневная жизнь города изменяется – появляются комитеты помощи беженцам, санитарные поезда и лазареты, печатные издания меняют свою тематику. Становится иным и мироощущение героев, что формирует очередную ценностную оппозицию романа. Многие товарищи Рыгора занимают противоположные точки зрения: одни стоят на позиции защитников отечества (оборонцы), другие выступают за поражение царизма (пораженцы). Рыгор выступает против войны, в которой он видит прежде всего людское горе, причем как с одной, так и с другой воюющей стороны. Различные точки зрения приводят к разрыву героя с некоторыми из его товарищей.

«Чужими» по отношению к главным героям становятся политические противники, чьи образы зачастую обладают мифологическим подтекстом, формируя негативное читательское восприятие. В романах революционной тематики особое внимание уделяется деятельности белорусских националистов, которую авторы были обязаны представить в негативном ключе. Так, политические взгляды влияют на отношения Игната и Любы в романе «Сын». Приверженность Игната идеям социал-демократов, его критика Белорусской социалистической громады охлаждает чувства Любы: «знікла заўсёдашня пры сустрэчах і развітаннях з ім сяброўская пяшчотнасць, і сонечны погляд пацьмянеў ад набегшай раптам хмаркі крыўды» [10, с. 118]. Со своей стороны, «што з ёю зрабілася – узвальваў на яе ўсе грахі апошняга Ігнась, такім парадкам апраўдваючы цалкам сябе» [10, с. 133]. Его единственный друг детства утрачивает основополагающий признак «своего» – общую приверженность политическим идеям. Люба сразу будто бы отдалилась от парня, «стала менш знаёмай і больш чужой» [10, с. 102].

В романе «Віленскія камунары» «чужим» для героя становится отец, который проявил себя ярким противником большевиков и заядлым меньшевиком. Для сына этот факт стал «нечаканай прыкрасцю... Спачатку было незразумела – думаў я, што гэта як бы нейкія жарты, што скоро ён пераменіцца, загаворыць па-сур’ёзнаму. А потым зрабілася мне вельмі прыкра» [11, с. 387]. В свою очередь, и сын становится «чужим» для отца: «ён адразу ўзяў манеру з усяго майго іранічна падсмейвацца, пра ўсё маё гаварыць сваімі бясспрэчнымі ісцінамі, усякую маю думку загадзя прымаць з паказною нісходлівасцю, як недарэчнасць», «толькі меньшавікі-інтэрнацыяналісты былі ў яго ідэальнымі людзьмі, ад якіх зазьяе шчаслівае святло над усім светам» [11, с. 388]. Как утверждает рассказчик, «мне было так брыдка, што я

нават меркаваў з'ехаць з Юзю на другую кватэру» [11, с. 404]. Напротив, большевичка Анна Дробович кажется герою близким и родным человеком: «гаварыла яна, як гаворыць свой блізкі са сваімі блізкімі. Вось быццам прыехала са свету дамоў дзяўчына і апавядае, як там дзе людзям жывецца» [11, с. 376].

В романе связь с националистами предстает более серьезным преступлением, чем принадлежность к партии меньшевиков. Отцу Матей, перешедшему в компартию, удастся эмигрировать и устроиться в Минске на кожевенном заводе. Свое знание о судьбе бывших друзей и соратников в Советской России рассказчик сопровождает словом «казалі», передавая слухи, что заставляет задуматься проницательного читателя. Возможно, автор, отбывая срок в ссылке, надеялся, что читатель будет в состоянии представить истинную судьбу тех, кому удалось вырваться из панской Польши.

Оппозиция «свой – чужой» взаимодействует с социальным мифом через мифологему «правда», соотнося с понятием «правды» сторону «своих» – приверженцев идей социал-демократов.

Мифологема «правда» возникает в произведениях при разборе программ различных политических партий, выбор между которыми в трилогии стремятся сделать Лобанович и Тукала. Турсевич стоит за партию кадетов, в которой «сабраны лепшы цвет рускай інтэлігенцыі – прафесары, адвакаты, дактары, інжынеры» [9, с. 431]. Партия эсеров делает упор на крестьянство как на самый многочисленный класс в России. Именно оно пополняет ряды рабочих на фабриках и заводах, дает солдат в царскую армию. Марксисты же ставят на рабочий класс как на единственный последовательно революционный в государстве, способный стать во главе революционного движения и руководить им. На нелегальном собрании представителей разных подпольных организаций перед друзьями раскрываются разные точки зрения. Больше всего друзей привлекает позиция марксиста Кастогины: «У ім самім і ў яго словах адчувалася ўнутраная сіла і праўда» [9, с. 538].

Убежденность в исключительной правоте партии социал-демократов также присуща героям в романе «Сын». В программе Белорусской социалистической громады, с точки зрения Игната, «цмяна ўсе, накідана, накручана і больш нічога» [10, с. 118]. Выступление громадовца Иванецкого не нравится главному герою: «Не падабалася яму нешта ў прамоўцы Іваніцкага. І вялікае жаданне, і самаахвярнасць за народ, а нешта вась не падабаецца. Гаварыў ён шчыра, гэта відаць было з прамовы, словы выліваліся проста з сэрца, а фальшывае штосьці» [10, с. 113]. Игнат выступает с речью, обличающей неверную позицию белорусской национальной партии. В словах Игната Люба «адчувала драбочкі праўды, і гэтыя, здавалася ёй, драбочкі б'юць вельмі моцна на праграме Грамады» [10, с. 116]. Между тем, местоимения «штосьці», «нешта» выдают субъективность восприятия героев, не подтвержденную конкретными фактами.

Чем именно мнение социал-демократов выигрывает против других, не поясняется. Естественно, марксистская точка зрения не нуждалась в доказательствах и могла быть представлена во времена создания данных произведений как исключительно верная. В качестве доказательства «правды» могла быть применена и физическая сила: «Даводзіў яму, даводзіў, хіба давядзеш? Яму страляй у лоб – усе адно. Дык пад канец я не выцерпеў ды пляшкай з-пад піва! Увесь нос расквасіў» [10, с. 136].

На «правильный» путь, по мнению рассказчика в романе «Віленскія камунары», способна вывести исключительно Социал-демократическая партия (большевик) Литвы, к которой примыкают Матей и его друзья. Рассказчик не останавливается ни на основных положениях программы большевиков, ни на причинах, по которым рабочим следует идти за данной партией. Автор не видел необходимости в подобном разъяснении, поскольку ко времени создания романа данные факты уже стали основополагающей доктриной. Между тем, большевики в романе вовсе не предстают непогрешимыми. На одном из митингов выступает «хударлявы панок», который рассказывает о том, что за принадлежность к польской нации «яго арыштавалі, мучылі ў чразвычайцы», «калі бальшавікі разбівалі яго двор, дык перапалохалі дужа яго дачку-дзяўчынку, і яна захварэла, зрабілася як памешаная...» [11, с. 401].

Польская партия христиан-демократов, пользуясь бедственным положением рабочих, заманивает их в свои ряды вяленой рыбой, стаканом дешевого прокисшего повидла. Материальные потребности, таким образом, зачастую определяют политическую направленность. По мнению рассказчика, масса несознательных рабочих отдает голоса за тех, кто дает пропитание. Фактор телесности, таким образом, определяет направление ментальности.

С приходом немцев виленским рабочим удается основать собственный клуб на Вороньей улице, где начинает работать столовая в помощь голодающим, проходят рабочие семейные вечеринки, занимаются драмкружок и хор. Этот клуб впоследствии становится центром большевистских сил. К слову, работа столовой в клубе аналогична деятельности христиан-демократов по снабжению рабочих продовольствием. Однако рассказчик этого не замечает. Все, что не связано с партией большевиков, изображается в негативном ключе.

Таким образом, мифологема «правда» соотносится с новым социальным мифом о построении справедливого социального устройства, которому противопоставлена мифологема «ложь», связанная со старым миропорядком. Новая «правда», ради которой готов пострадать герой, представлена в произведениях в виде аксиомы, не нуждающейся в доказательстве. Так, Лобанович полагает, что станет врагом народа (формулировка 1920–30-х гг.), если будет продолжать «убіваць праз школу ў дзіцячыя галовы гэтыя казённыя ідэі» [9, с. 294]. С другой стороны, на вопрос Тукалы о том, что такое правда, Лобанович отвечает: «Праўда, гэта, брат, тое, у што ты веруеш так, што і другіх прымусяш паверыць». В этих словах заявляет о себе авторская точка зрения: нет правды как таковой, а есть только интерпретация событий, которая представлена как «правда».

Заключение. Выявлено следующее смысловое наполнение советского социального мифа в белорусских романах революционной тематики: «свои» принадлежат исключительно партии большевиков, несущей «правду», и это разделение разбивает семьи и разводит друзей. «Чуждость» или «принадлежность к своим» раскрываются через такие составляющие повседневности как телесность, коммуникативные практики, система ценностей. С одной стороны, подчиняясь требованиям цензуры, романы утверждают социальный миф, рассматривая события с точки зрения главного героя-революционера, выступающего в качестве «своего» для нового общественного порядка, что обуславливает необходимое идеологическое воздействие на читательское восприятие. Однако герой-революционер сам оказывается «чужим» для основной массы населения царской империи, не желающей понимать его стремление к борьбе за народное счастье. Широко представлена противоположная точка зрения «чужих», которая заставляет проницательного читателя задуматься и объективно подойти к рассмотрению изображенных событий.

Литература

1. Гуревич, П.С. Социальная мифология / П.С. Гуревич. – М. : Мысль, 1983. – 175 с.
2. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв. : в 3 т. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1986. – Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://demoscope.ru/weekly/knigi/brodel/brodel.pdf>. – Дата доступа : 21.02.2019.
3. Корецкая, Л.Ф. Телесность человека как объект социогуманитарного познания / Л.Ф. Корецкая // Известия Байкальского гос. ун-та. – 2006. – № 1 (46). – С. 69–74.
4. Немцова, А.В. Человек и его телесность: социально-философский аспект / А.В. Немцова // Вестник ОГУ. – 2013. – № 7 (156). – С. 60–63.
5. Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре [Электронный ресурс]: монография / В.Д. Лелеко. – Режим доступа : <http://refdb.ru/look/2937078.html>. – Дата доступа : 11.02.2019.
6. Петрова, М.Л. Концепт «свой/чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже XX–XXI вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / М.Л. Петрова. – М., 2006. – 28 с.
7. Эдельман, О. Легенды и мифы Советского Союза [Электронный ресурс] / О. Эдельман. – Режим доступа : http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_15.htm. – Дата доступа : 02.09.2017.
8. Гартны, Ц. Сокі цаліны : раман у чатырох квадрах (квадры першая і другая). – Мінск : Юнацтва, 1993. – Ч. 1, 2. – 446 с.
9. Колас, Я. На ростанях : трылогія / Я. Колас. – Мінск : Нар. асвета, 1972. – 696 с.
10. Мурашка, Р. Сын : раман / Р. Мурашка. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1957. – 492 с.
11. Гарэцкі, М. Выбраныя творы : у 2 т. / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1973. – Т. 2. – 480 с.

Эталогія чалавека і мова

Ю.А. КАПЦОВА

Моўны этас даследуецца ў кантэксце эталогіі – паводзін чалавека. Раскрываецца парадаксальная сутнасць эталагічных аплікацый, характар іх маніфестацыі ў слове і яго невербальных аналагах. У сувязі з інстанцыяй назіральніка разглядаецца фундаментальная для ўвасаблення моўнага этасу катэгорыя выяўленчасці, а таксама падставовы для феноменалогіі прынцып відавочнасці. Праводзіцца размежаванне імпрэсіўнага (выяўленага) аспекту і экспрэсіўнага (выражанага) плану мовы і маўленчай дзейнасці. Асобная ўвага ў артыкуле надаецца тлумачэнню і азначэнню паняцця «вербальныя паводзіны».

Ключавыя словы: моўная эталогія, паводзіны і дзейнасць, негатыя, феноменалогія паводзін.

Language ethos is investigated in the context of ethology – the behavior of a man. The paradox essence of ethologic applications is being discovered as well as the character of their manifestation in the word and its non-verbal analogues. In accordance with the state of the observer there has been considered the fundamental for the language ethos reflection category of depiction, as well as basic principle for phenomenology evidence. The division of the impressive aspect and the expressive one as well as language activity has been performed. Special attention in the article has been paid to the explanation and the definition of the notion «verbal behavior».

Keywords: language ethology, behavior and activity, negation, phenomenology of behavior.

Уводзіны. Тэрмінам *эталогія* (ад грэч. *ethos* – прывычка, характар, душэўны склад, манера паводзіць сябе і *logos* – вучэнне) абазначаецца дысцыпліна, якая вывучае паводзіны ўсяго жывога, у тым ліку і чалавека. У XVIII ст. эталогія была раўназначная этыцы. У 1843 г. Дж. Міль назваў эталогіяй прапанаваны ім раздзел псіхалогіі, які вывучае чалавечы характар [1, с. 37]. Эталогія чалавека зыходзіць з уяўленняў, выпрацаваных у ходзе знаёмства з паводзінамі ў жывёльным свеце, і знаходзіцца ў цеснай сувязі з гуманітарнымі дысцыплінамі, – перш за ўсё з псіхалогіяй, мовазнаўствам і літаратуразнаўствам. Эталагічны падыход у мовазнаўстве выяўляе надзвычай важны і на сённяшні дзень амаль некрануты пласт мовы – увасабленне ў слове этасу чалавечага жыцця. З поўным правам можна сцвярджаць існаванне моўнай эталогіі – мовазнаўчай дысцыпліны, прадметам якой з’яўляецца даследаванне вербальных паводзін і вербалізацыі паводзін чалавека ў мове.

Асноўная частка. Паводзіны выяўляюцца ў штодзённасці і складаюць неад’емны спосаб жыцця чалавека – яго *modus vivendi*. Пад штодзённасцю разумеецца рэальнасць, якая пражываецца і перажываецца непасрэдна і відавочна. У штодзённасці не паўстаюць актуальныя праблемы, аднак узнікаюць надзённыя пытанні. «Чалавек, які выходзіць за межы штодзённасці, фактычна ніколі не пераадольвае гэтыя межы. Да пары да часу гэтая рэальнасць аказваецца для чалавека непраблематычнай» [2, с. 92]. Штодзённая неадчужальнасць паводзін для чалавека заўважаецца ў тым, што не бывае *чалавека паводзін* – ёсць *чалавек* (якіх?) *паводзін* (*бездакорных, стрыманых* і г. д.). Паводле паводзін не ідэнтыфікуецца асоба, але выяўляецца аўтэнтычнасць чалавека і яго характар.

Слова *паводзіны*, як і шэраг іншых слоў, што называюць жыццёвыя феномены, не мае дакладнай навуковай акрэсленасці. Наяўнасць шматлікіх азначэнняў паводзін у псіхалогіі, па сутнасці, сведчыць аб немагчымасці іх адназначнай канцэптуалізацыі і, урэшце, неразуменні таго, што такое паводзіны. Аднак, несумненна, кожны чалавек знаёмы з тым, што гэтым словам называецца. Не ставячы перад сабой мэту акрэсліць паводзіны, паспрабуем разгледзець іх у святле феноменалогіі – высветліць сутнасць. «Фенаменалогія – гэта вывучэнне *сутнасцей*...» [3, с. 23].

Фенаменалогія чалавечых паводзін, у тым ліку і моўных, звязана з парадаксальнай, на першы погляд, высновай. **Паводзіны не ёсць дзейнасць.** Тое, што ўласціва дзейнасці, цалкам не характэрна для паводзін. Так, дзеянне мае прычыну. Аднак не існуе прычыны

паводзін – ёсць іх зачэпка («пवाद»)». Калі, напрыклад, гаворыцца пра моўныя паводзіны, то можна высветліць, што стала зачэпкой для лаянкі, грубага абыходжання, жарту і г. д. Акрамя таго, дзеясловы руху ўказваюць на дзеянні з уласцівымі ім мэтай і напрамкам. Такія дынамічныя прыкметы адсутнічаюць, напрыклад, у дзеяслове *варушыцца*, які мае дачыненне да ўсяго, што неяк выяўляе сябе, і якім характарызуецца паводзіны: *варушыцца* «ажыццаўляцца», «выяўляец ажыўленне»: «... не такі / бацька / ўжо і стары, **варушыўся яшчэ як мае быць**» (Скрыган) (ТСБМ, 1, 466). Дзейнасць разумеецца як працэс, накіраваны на канчатковы вынік. Аднак у выпадку з паводзінамі аказваецца важным не вынік, а ход іх. Выраз *паводзіць сябе* азначае спосаб самаажыццаўлення чалавека. Не будучы знешне прычынённымі, паводзіны выклікаюцца да жыцця ўнутранай інтуітыўнай сілай. У міфічнай свядомасці ёй супрацьпастаўляецца «нячыстая сіла», якая заклапочана пазбаўленнем чалавека аўтэнтчнасці – падбівае, падштурхоўвае, тузае яго і да т. п.

Дзейнасць вызначаецца як «праяўленая актыўнасць» [4, с. 47], параўн. англ. *activity* 'дзеянсць'. Любы род актыўнасці з'яўляецца дзейнасцю: *працоўная дзейнасць, вышэйшая нервовая дзейнасць, дзейнасць сэрца, нырак* і г. д. Аднак чалавек ніяк не праяўляе сябе ў паводзінах; у іх выяўляецца яго характар. Характэрным называецца ўсё, што стала заўважаецца за кімсьці, г. зн. прывычнае, параўн.: *уласціва* (каму?), аднак: *характэрна* (для каго?). Уласцівае што-небудзь каму-небудзь, для яго не характэрнае.

Элементарам паводзін выступае не дзеянне, а *ўчынак*. Паводле М. Бахціна, сутнасць учынку імперсанальная. У ім ёсць унутраны імпульс, аднак учынак пазбаўлены знешняга стымулу. Чалавек не выражае і не акрэслівае сябе ўчынкам. «Мая акрэсленасць (*я такі*) не ўваходзіць для мяне самога ў матывацыю ўчынку; у класіцызме ўчынак заўсёды матывуецца *характарам* героя» [5, с. 17]. Сукупнаць фізічных і метафізічных учынкаў кожнага чалавека і ўтварае тое, што называецца паводзінамі. Згодна з такім разуменнем, само жыццё ёсць паводзіны. Невыпадкова дзеяслоў *паводзіцца* ў беларускай мове выяўляе сэнс 'жывецца': *паводзіцца* «жыцца» (ТСБМ, 3, 477; *Нахлябовіч хацеў ужо ісці далей, але Пніцкі перапыніў яго: – Ну, як вам паводзіцца?* (Чорны).

Паводзіны чалавека – іманентны стан яго паступовага ажыццаўлення, у якім ён не выходзіць за межы свайго жыццёвага вопыту. Гэты стан Арыстоцель называў тэрмінам *энтэлехія* (грэч. *ἐντελέχεια* – «знаходжанне ў стане ажыццаўлення»). Дзеяслоў *знаходзіцца* літаральна азначае 'знаходзіць сябе'. Пошук сябе не звязаны з асабовасцю. Паводзіны не належаць да рэальнасці, у якой правяць інстытуты звычаю і закону. У сувязі з паводзінамі гаворыцца аб прывычцы: *павялося* – «стала прывычным» (ТСБМ, 3, 474). У адрозненне ад звычаю, прывычка неканвенцыянальна складваецца ў ходзе жыцця, напр.: *Тут ужо так павялося: даражыць гонарам калектыву* (Шахавец). Прывычнае не залежыць ад знешніх рэгламентацый: *Пётра падышоў да сцёрты і сказаў прывычнае «добры дзень»* (Пташнікаў). *Яго ўсе прывыклі зваць – Ладзімер Паляруш* (Чорны).

Паводзінам не ўласцівы напрамак, у іх выяўляецца вектарнае «дзе», напр.: *Букрэй разгаварыўся з Панасам, распытываў яго, як паводзілася ў палякаў, што ён чуў і бачыў* (Колас). Паводзячы сябе, чалавек нікуды не ідзе, а як бы вяртаецца назад – да свайго пачатку. У яго не дарога, якую выбіраюць, а, па сутнасці, шлях у нікуды. «Чалавек – “доўгая” істота, якая прабіраецца праз зараслі чужых уяўленняў да невядомай мэты (шчасця?), каб выявіць напрыканцы шляху – калі пашанцуе, – што гэта быў шлях да сябе. І што любы шлях – гэта шлях да сябе. І што да сябе можна і не дайсці» [6, с. 43].

Дзейнасць сімвалізуецца кругам: *круг* 'замкнуты ланцуг дзеянняў, спраў, працэсаў, якімі вычэрпваецца што-н.' *Круг дзейнасці* (ТСБМ, 2, 728). Кругавы рух не вітаецца этасам: *абвесці кругом пальца; кружыць галаву; бывае, што кругом мярзотнік вінаваты...* (Корбан). Прыметнік *круглы* ў спалучэнні са словам *дурань* абазначае: 'абсалютны, закончаны' (ТСБМ, 2, 731). Для круга ўласціва непрымальна для этасу абмежаванасць. Эталогія ўспрымае «кручанасць» як хваробу: *кручаны* 'хворы на шалёнства (пра жывёл)'. *Кручаны сабака; 'нясталых паводзін'* (пра чалавека). *Макар чырваней, згараў ад сораму і крыўды, кляўся, што ніколі не гляне на кручаную няверную Ядвісію* (Асіпенка). (ТСБМ, 1, 481). У антыноміі «круць-верць» (*хоць круць-верць, хоць верць-круць*) этычным кампанентам выступае «-верць»: *верціхвостка* (разм.) 'жанчына легкадумных паводзін' (ТСБМ, 1, 481).

Характар паводзін не працэсуальны, а рэфлексійны. На жыццёвым шляху мае сэнс не зварот (абарот), а *паварот* – рэфлекс (лац. *reflexio* ‘паварот’, *flexio* «выгін», «выгіб», «выгібанне», «дуга»). Працэс жа прадугледжвае абарот і ўласцівасць абарачальнасці: *абарачальныя працэсы, абарачальнасць хімічных рэакцый, грашовы абарот* і г. д. У самаажыццяўленні чалавек не абарочваецца, але паварочваецца, параўн.: *паварот у жыцці, паварот размовы* і г. д. Павороты не ўласцівы стратэгіі дзейнасці, але характэрныя для тактыкі паводзін. З павароту пачынаецца яшчэ няпрыйдзены этап і крок насустрач свежаму вопыту. Паварот арыентаваны на пачатак і перамены.

Дзякуючы рэфлексіі, чалавек не толькі нешта ведае аб прадмеце, але яшчэ і ведае пра свае веды. Паводзіны неад’емны ад **інстанцыі Другога** – гледача. Слова *інстанцыя* паходзіць ад лац. *instantia* – ‘непасрэдная блізкаць’. Чалавек ёсць інстанцыя ў тым сэнсе, што ўсё праходзіць у яго перад вачыма і рэфлексіўна маніфестуецца яго пачуццямі. Параметр блізкасці аказваецца рэлевантным для шматстайных этычных выяў. «Ступень блізкасці да нас чагосьці адпавядае ступені закранутасці нашых пачуццяў. Ступень жа аддаленасці, наадварот, паказвае ступень нашай аб’ектывуючай незалежнасці; аддаленае не кранае нас за жывое» [7, с. 230].

Сутнасць паводзін выяўляецца праз прысутнасць Другога. «Чалавек не можа дасягнуць цэласнасці сам, таму што цэласнаць знаходзіцца праз душу, а душа не ўяўляецца без другой палавіны, якая можа быць знойдзена толькі ў Другім» [8, с. 56]. Другі – адрасат. Напрыклад, калі нехта паводзіць сябе шумна (гучна гаворыць, жартуе, смяецца і г. д.), то гэтак «шумна» не з’яўляецца шумным «наогул», а ёсць для каго шумнае. Ніхто не ў стане пакінуць сваю абалонку і стаць для сябе гледачом. Другі (успрымальнік) не мае статусу сведкі; ён відавочнік. Прынцып відавочнасці аказваецца прынцыпам усіх прынцыпаў для таго, хто неяк выяўляе сябе ў паводзінах. Усе характарыстыкі паводзін заснаваны на рэцэпцыі і рэфлексіі гледача, параўн.: – **Паглядзім на твае паводзіны** (3 разм.). Не існуе, напрыклад, такой аб’ектыўнай якасці, як *непрыгляднасць*. Гэта рэфлексійная характарыстыка – погляд (меркаванне) Другога.

У сувязі з назіраннем А. Матуранай прапанавана эпістэмалагічна важнае паняцце распазнання. «Фундаментальнай аперацыяй, якую здольны ажыццяўляць назіральнік, з’яўляецца аперацыя распазнання – выяўленне сутнасці праз адсячэнне ад яе фону. Пры такой фармуліроўцы не ўзнікае пытання пра тое, што такое рэальнасць: гэта вобласць, якая ахопліваецца поглядам назіральніка» [9, с. 98.]. Назіранне не адбываецца як працэс па дзеяслову *сачыць*. Назіральнік не аператар, які прадстаўляе рэальнасць у выглядзе здымкаў. У сітуацыі назірання рэальнае выяўляецца рысамі, якія заўважаюцца ў ходзе распазнання, і сам рэфэрэнт знаходзіцца ў полі, для якога гэтыя рысы характэрныя. Рэальнасць успрымання – гэта пераломленая праз прызму чалавечага вопыту «для каго»-рэальнасць. «Ваганне паветра *само на сабе* не ёсць тое, што мы называем гукам: для таго, каб ваганні паветра зрабіліся гукам, *патрэбна вуха*, на якое падзейнічала гэтае ваганне. Рух хваляў *сам на сабе* не ёсць тое, што мы называем светам – гэта толькі механічны рух і нічога больш...» [10, с. 34].

Паводзіны – не арэна дзейнасці, якая складаецца з паслядоўных актаў, а сцэна. Сцэнарый жыццёвых паводзін – чарада папераменных непрафесійных выяўленняў чалавека, якія, не будучы актамі, не прыводзяць да лёсавызначальных змен і зрухаў, але спрыяюць нечаканым паваротам у жыцці, прыняццю неардынарных рашэнняў. Сцэнічнасці выяўлення спадарожнічае феномен святла – высвятленне (высвечванне), напр.: *адносіны высветліліся, з размовы высветлілася* і г. д.

Не будучы дзейнасцю, паводзіны не прадугледжваюць выяснення – указання прычыны і тлумачэння. Сутнасць паводзін адпавядае феноменалогіі іх успрымання. Грэчаскі выраз *φαινόμενον*, да якога ўзыходзіць тэрмін *феномен*, азначае, тое, што само сябе выяўляе – відавочнае; *φαίνω* мае карань *φα-* як *φῶς* ‘свет’. «Феномены – тое, што знаходзіцца на святле ці можа быць выведзена на свет, г. зн. высветлена» [11, с. 28]. На феноменальнае як бы праліваецца святло, і яно паўстае для кагосьці ў сваёй цэласнай выяўленай відавочнасці.

Высвятліць нешта не значыць выясніць (параўн.: *яснае і светлае*). Яснаму ўласціва экспрэсія: *праяснець* ‘зрабіцца ясным, выразна бачным’ (ТСБМ, 4, 394). У экспрэсіўным праяўленні адсутнічае імпрэсія выяўлення: *выявіць* ‘выкрыць’, ‘знайсці’, ‘адшукаць’, ‘заўважыць’, ‘высветліць’; *выявіцца* ‘стаць відавочным, наглядным’; *выяўны* ‘відавочны для ўсіх’ (*выяўны малюнак, выяўны гоман* – ТСБМ, 1, 597). Выяўленне аналагічна вызваленню з

палону, паўстанню з цемры, вырысоўванню з туману і г. д. Аналогія выяўленчасці заўважаецца, напрыклад, у стане паводле дзеяслова *світаць* (аб прыбліжэнні ўсходу сонца): **Світанне** доўга не магло адолець змроку (Мележ). *Над поплавам цадзілася, распаўзалася світанне* (М. Ткачоў); параўн.: **Світаць у думках пачало**: *Нашчадкі ўдзячныя ацэняць І шчодра лаўрамі ацэняць Яго халоднае чало* (Барадулін).

З выяўленнем звязаны фундаментальны для мастацтва феномен выяўленчасці. «У кожным камяні тоіцца выява. Трэба толькі, каб скульптар гэта заўважыў і дапамог ёй пазбавіцца ад усяго лішняга» [12]. Выяўленчасць характэрна для ўсіх аўтэнтычных аплікацый вербальных і невербальных паводзін чалавека – для погляду, усмешкі, слова, паўзы і г. д.

Парадаксальнасць усяго выяўленага вынікае з яго непраяўленай ірацыянальнай відавочнасці, характэрнай для непасрэдна прысутнай «вось»-рэальнасці. Слова *вось* ужываецца, калі нешта знаходзіцца блізка, праходзіць перад вачыма. Сітуацыя «вось»-выяўлення напамінае сцэну, з якой паступова спаўзае заслона, і вачам глядачоў паступова становіцца даступным усё, што схавана за ёй. Выяўленае маніфестуецца пачуццямі глядача і яго ўражваннямі. Рэцыпіент непасрэдна эмпатычна перажывае выявы, калі яны закранаюць яго, ці апісвае іх збоку як пабочны назіральнік.

У імпрэсіўнасці выяўлення няма апасродкаванай дэманстратыўнасці. Слова *«Вось глядзі...»* не маюць на мэце паказ (дэманстрацыю) нечага. Імі нешта прэзентуецца (прад'яўляецца) для глядача – робіцца непасрэдна даступным для яго вачэй. У адрозненні ад актуальнай праявы, выява – гэта не знешні выгляд, а вонкавы непаўторны абрыс (эйдас) нечага. У выяўленні адсутнічае момант адкрытасці. Адкрываецца тайнае, а ўсё схаванае і захаванае выяўляецца вонкава. Было б памылкай атаясамліваць відавочную выяўленасць з агалённасцю (параўн.: *голае*, але: *непакрытае*). Парадокс выяўленага ў тым, што яно не існуе, а непасрэдна ёсць ва ўспрыманні. У існаванні чагосьці мы можам быць перакананы, а ў тым, што ёсць, – упэўнены. Выяўляюцца не ўласцівасці, а непаўторныя рысы чагосьці (кагосьці). Калі з нейкай рысай рэцыпіент сустракаецца не адзін раз, то яна ўспрымаецца як характэрная.

У старажытна-грэчаскіх працах у лік азначэнняў тэрміна *этас* уваходзіла паняцце «настрой», дакладней – «душэўны настрой» як умова жыцця чалавека [13, с. 38]. З часоў антычных філосафаў *этас* разумеўся выключна метафізічна – зводзіўся да ўплыву на душу чалавека; яго інтэнцыя – вызваць ці стварыць адпаведны настрой (напр., *этас музыкі*). *Этас* заўважаецца там, дзе прысутнічае строй, – устроенасць і стройнасць; дзякуючы яму ствараецца ўражанне злажанасці і гармоніі (напр., *музычны строй, паэтычны строй, вобразны строй* і інш.). Строем называецца і душэўны стан чалавека, які выяўляецца, напрыклад, у характары пісьма і манеры гаварыць: – *У яе [Кацярыны Дзмітрыеўны], бачу, не той ужо **строй**: пра што не піша, дык неяк бегла, паспешліва, тое не дагаворыць, тое на паўслове абарве* (Ракітны).

Неад'емная прыкмета строю – непарушнасць (параўн.: *неруш, цэласнасць, нескранутасць*). Парушэнне цэласнасці і змены ў этычнай сферы ўспрымаецца як здрада ранейшаму стану (параўн. бел. *парушыць парадак, парушыць строй, парушыць дысцыпліну; парушыцца* 'страціць стройнасць, зладжанасць, парадак') (ТСБМ, 4, 62). Сутнасць паводзін у нязменнасці – стрыманасці і вытрымцы. Каштоўным для этыкі аказваецца не цяргенне, а трыванне: *трываць* 'захоўваць прыдатнасць, трымацца' (ТСБМ, 2, 530). Трыванню не ўласцівая асноўная якасць матэрыі – працягласць; яно не цягнецца, а нязменна доўжыцца.

Этычным аказваецца стан роўнасці (у сэнсе гладкасці, аднолькавасці), дзе «між намі ўсё роўна». *Этас* – спакойная характарыстыка рэальнасці. Пэўныя праявы напружваюць і трывожаць, напр.: *Нейкі час Хацяноўскі быў сам не свой – заблытала яго гэтая жахлівая і ганебная **праява, растрывожыла** душу* (Кулакоўскі). Напружанай, напрыклад, можа быць нерэлевантная для паводзін цішыня. Супрацьлеглая ёй этычная каштоўнасць – спакой: *На душы ў ... / Аркадзя Цімафеевіча / было **спакойна** і радасна* (Дуброўскі). Спакойны стан гаворыць пра ўпэўненасць: **Спакойныя крокі, спакойная, упэўненая гутарка** /Веры Шгнатаўны / *былі прыемныя Платону* (Пестрак).

Падставай бездакорных паводзін выступае паслухмянасць: – *Вярніся, **неслух!** – пачуў [Валодзька] дзедаў загал, але і не падумаў спыніцца* (Мележ). Рэальнасць, якая знаходзіцца за дзеясловам *слухаць* і яго вытворнымі, характарызуецца шматлікімі сэнсавымі вектарамі.

Мы заўважаем, напрыклад, што нехта «слушна гаворыць»; параўн.: *слушны* «разумны; абгрунтаваны; практычна карысны» (ТСБМ, 5, 211). Непаслухмянымі аказваюцца аблудныя думкі, якія «лезуць у галаву», не даючы спакою. *Паслушнікамі* называюць манастырскіх службаў, а іх абавязкі – *паслушэнствам*.

Этас па сутнасці сваёй спакойна-негатыўны (непраяўлены). Нярэдка адказ на пытанне «*Як усё прайшло*» – негатыя «*Нічога*» г. зн. роўна, гладка, спакойна; параўн.: *як па маслу, без шуму і пылу* і да т. п. Слова *нічога* арыентавана на спакойны стан. Этычна прымальнай аказваецца сітуацыя, калі «*ўсё абышлося, слава Богу*», «*нічога не здарылася*», але параўн.: *Не абышлося тут без скандалу*. Усё існае мае акрэсленасць, аднак мы здольны аднесціся да любой акрэсленасці з боку адмоўя і ўтрымліваць гэтую негатыўную пазіцыю. Не ведаючы «Што яно такое?», мы можам, аднак, ведаць тое, што ім не з'яўляецца; такім спосабам нам становіцца даступным непраяўленае. Апафатычны падыход этычна арыентаваны. «Тое, што нашай свядомасці здаецца *нічым*, і ёсць недасягальна Найвялікшае» [14, с. 93]. «Трэба шмат часу, каб зразумець *нішто*» (Э. Далберг); параўн.: – «*Жыццё?... А што такое жыццё?*» (А. Міхневіч).

Вербальным інструментам моўных паводзін выступае слова, якое гаворыцца вочна ці завочна – не ў прысутнасці; параўн.: *за вочы* (абгаварыць, абазваць, назваць і пад.) (ТСБМ, 1, 502). *І называлі ўсе яго і за вочы і ў вочы* – *Міхаіл Іванавіч* (Крапіва). Завочным феноменам размовы выступае мянушка, напрыклад, *Ліса, Заяц, Памідор* і г. д. Аднак, гавораць не толькі словы, але і шматстайныя невербальныя выявы, напр.: *Калі каханне – гавораць вочы Тугой і іччасцем выразней слоў* (Чарнушэвіч). *Але над усімі антыномамі дамінавала і звязвала іх у цэласны чалавечы характар ягоная / Калесніка / непаўторная мудрая, іранічна-мяккая ўсмешка, якая гаварыла пра яе ўладальніка больш і глыбей, чым усе напісаныя ім кнігі і сказаныя словы...* (Г. Праневіч).

Гаворка як мадэль вербальных паводзін не з'яўляецца працэсам. Тэрмін *працэс* асацыіруецца з судом (*судовы працэс*), са зменамі ў арганізме (*запальны працэс*), з вытворчасцю (*вытворчы працэс*) і г. д. Суразмоўцы не чыняць «скоры суд» над рэчаіснасцю. Размова не мае дыскурсіўнай уласцівасці – яна не акт і не акцыя. Па сутнасці, у гаворцы нічога не павінна абмяркоўвацца, а толькі абгаворваецца на вачах прысутных ці за вочы. Слова гаворыцца міжвольна: *Нешта яму не гаварылася* (Чорны). Гаворка характарызуецца «ходам» (*на ходу размовы, у ходзе размовы*); яна не вядзецца, а «па-водзіцца»: *Цяпер размовы навяліся Наконт паноў і палявання* (Колас). Праз гаворку выяўляецца характар чалавека: *У празмернай гаварлівасці краўца ўвесь яго характар: яго мітуслівасць, дзівацтва, багацце фантазіі* (Луфераў).

У гаворцы адсутнічае асноўная прыкмета працэсу – паслядоўнасць. Суразмоўцы не паслядоўнікі, а «староннікі». Нічога не даказваючы, кожны трымае сваю сторону («гне сваю лінію»), ці прымае сторону другога. Усякі працэс перакідае ў мінулае – ён «ужо пайшоў». Аднак у рэальнасці размовы не праяўляецца закончанае «ўжо». Суразмоўцы кожную хвіліну «яшчэ» гавораць. Гаворка ажыццяўляецца ў разавай «вось-яшчэ»-рэальнасці, якая характарызуецца прынцыповай незавершанасцю. Рэальнасць гаворкі аналагічна рэальнасці жыцця, параўн.: *раз жывем, яшчэ жывы, пакуль жывем* і да т. п. Модус жыцця – падставовая характарыстыка гаворкі і яе першаэлемента – слова: *жывая гаворка, жывая мова, жывы водгук, жывое слова*. Аднак жывасць успрымаецца не як рухомасць, а ў сэнсе непасрэднасці выяўлення, параўн. аналаг.: *жывы гук, жывая музыка* (не з пласцінкі). Аўтар, праз вусны якога праходзіць слова, не дзейная асоба, а ўсяго толькі інструмент: *Не я гавару, душа гаворыць* (3 разм.). *Гэта ваша маладосць гаворыць у вас* (Крапіва). *А мыслі і сэрца гавораць – Не вер яму, рыжаму, не!* (Колас).

Суразмоўцы гавораць папераменна – абменьваюцца паміж сабой словамі і думкамі. Размовы – гэта перагаворы: – *Дзе ж ты быў цэлы дзень?* – *запытала Марта мужа.* – *А табе цікава ведаць?* – *Вядома, што цікава!* – *Зоя нібы не чула гэтых перагавораў... цішком сядзела на лаве* (Гартны). Перагаворы не адбываюцца, а праходзяць – ажыццяўляюцца паводле ходу (*ход перагавораў, у ходзе перагавораў дасягнуты пагадненні* і г. д.). Здольнасць да перагавораў заўважаецца не толькі паміж людзьмі, напр.: *У гаі неўпрыкмет пацямнела: сюды апусцілася стая гракоў. Яны пачалі перагаворвацца, быццам раіліся, як лепей пачаць работу* (М. Лужанін). *Пачуўшы, што ходзяць па двары, падаў голас кабан, і куры пачалі ціха перагаворвацца ў сваёй загарадцы* (Федарэнка). Перагаворамі называецца рэфлексіўны перазоў па прынцыпу «зоў – водзів», «зваць – адзывацца».

Мадэль размовы не люстра, а рэха з характэрным для яго прынцыпам пераемнасці (утрымання). Калі люстра адлюстроўвае ўсё татальна і раўнадушна, то рэха жыва, імпульсіўна і неабьякава пераймае-падхоплівае і «інтэрпрэтуе». Іншы раз перайманне дапускае парадыванне (перадражнівае): *Нешта **дражніць** мяне: Кашляну, – і ў адказ кашляне І схваеца недзе...* (Куляшоў). Прынцып пераемнасці выяўляецца ў інтэнцыі таго, хто гаворыць «падхапіць» слова суразмоўцы і рэфлексіўна адгукнуцца на яго. У водгуку прысутнічае «цытатная» апеляцыя да папярэдне гаворанага («*Вось вы гаворыце...*»). Суразмоўцы сумесна доўжаць лінію вербальных паводзін, падрымліваючы і не даючы ёй згубіцца.

Моўныя паводзіны – гэта рэальнасць сустрэчы. Яны пачынаюцца з невербальнага рэфлексу – павароту твару; параўн. супрацлеглае: *павярнуцца спінай* да каго-чаго – выказаць абьякаваць (ТСБМ, 3, 489). Павярнуцца тварам (ці душой) да кагосьці-чагосці – значыць стаць на шлях недыскурсіўнага пазнання яго.

Важны элемент моўных паводзін – *погляд*. У сваёй невербальнай і вербальнай постаці погляд не працягвае камунікатыўнасці – нічога не паведамляе, але здольны гаварыць пра многае, асабліва калі ён жаночы: «спору няма, жанчына – гэта свет, *погляд*, зоў да шчасця, іншы раз слова» [15, с. 348]. Пераглядванне аналагічна перагаворванню, напр.: *Хлопцы пераглянуліся і зразумелі адзін аднаго без слоў* (Якімовіч). Сэнсоўна вектарны погляд – антытэза накіраванаму дзейснаму позірку: *Аксана паглядзела на Васіля. Той спакойна вытрымаў яе **позірк*** (Кавалёў). *Зірнуць* – камунікатыўны акт: ***Зірні, зірні: гара якая! На ёй і будка цагляная... Ото б адтуль зірнуць на горад! ... Але ж ізноў – зірнуць цікава, Як там з гары ўсё выглядае*** (Колас). Логас погляду – антыномія дыскурсіўнаму позірку.

Сутнасць вербальных паводзін, як і паводзін наогул, негатыўная. Ідэальны іх стан – спакойны: *спакойна пагаварыць, спакойна размаўляць, спакойная гаворка* і г. д. Другая назва для размовы – *негацыяцыя*. У негацыяцыях дагаворваюцца – прымаюцца ўмовы адзін аднаго, сумесна вырашаюцца надзённыя пытанні. Размоўны параметр «паміж» («паміж намі») арыентаваны на давер і сакрэтнасць.

Негацыя «нічога» імпліцытна прысутнічае ў самім дзеяслове *перагаварыць* (жарг. *перацярці*). Інтэнцыя сустрэчы – перагаварыць аб усім, нічога не пакідаючы на потым. Суразмоўцы стараюцца не дапускаць у размову нічога лішняга. Як лішняе ўспрымаецца ўсякая рухомасць, напрыклад, жэставыя рухі: *Спакойны, ураўнаважаны, без лішніх рухаў і жэстаў, настаўнік выклікаў давер'е* (Левановіч). Ідыяматычнае слова «нічога» – інтэнцыя назіральніка, які глядзіць, каб усё праходзіла роўна (– *Ты чаго? – Я нічога.* – 3 разм.). Сутнасць гаворкі селектыўная: *І тое, што далей гаварылася, ужо лёгка **прасейвалася** праз Сашкаву галаву* (Чорны).

Заклучэнне. У апісанні моўнай эталогіі аказваецца запатрабаваны прынцып антынамічнасці (іншая назва – апафатычнасць). Адпраўным пунктам лінгвістычнага вывучэння ўвасаблення эталогіі чалавека ў мове з'яўляецца тэзіс аб нядзейснай і негатыўнай – непраяўленай, але відавочна выяўленай – сутнасці паводзін. Падставовыя характарыстыкі эталогіі чалавека – вербальнасць, рэфлексійнасць, імпрэсіўнасць, негатыўнасць, неканвенцыянальнасць, інструментальнасць, сэнсоўнасць, творчасць, ірацыянальнасць, інстанцыянальнасць, відавочнасць і інш. Кожную хвіліну жыцця чалавек «паступае», і ў яго эвалюцыйных учынках выяўляецца феноменалагічная рэальнасць. Гэтая рэальнасць імпрэсіўна і творча пераймаецца рэцыпіентам. Падставай успрымання з'яўляецца крытэрыі блізкасці ці аддаленасці рэальнасці ад самой натуры – жыцця. Дамінуючым прынцыпам паводзін чалавека, у тым ліку і моўных, выступае вітальнасць. Метафара жывога слова, якое само гаворыць (паводле Ф.М. Янкоўскага), – найважнейшы аспект металінгвістычнага вывучэння моўных паводзін, зыходным пунктам якога выступае феноменалагічнае вучэнне.

Літаратура

1. Акімушкін, И.И. Проблемы этологии / И.И. Акімушкін. – М. : Молодая гвардия, 1985. – 192 с.
2. Анчел, Е. Этнос и история / Е. Анчел. – М. : Мысль, 1983. – 128 с.
3. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти ; пер. с французского; под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – СПб., 1999. – 217 с.

4. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии – СПб. : Питер, 2000. – 712 с.
5. Бахтин, М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники, ежегодник 1984–1985. – М. : Наука, 1986. – 130 с.
6. Мамардашвили, М.К. Психологическая топология пути / М.К. Мамардашвили. – СПб. : Мысль, 1999. – 230 с.
7. Ортег-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Искусство, 1991. – 588 с.
8. Юнг, К.Г. Психология бессознательного / К.Г. Юнг. – М. : АСТ : КАНОН+, 2001. – 400 с.
9. Матурана, У. Биология познания. Язык и интеллект / У. Матурана. – М. : Прогресс, 1996. – 142 с.
10. Соловьев, В. Чтения о богочеловечестве / В. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – Москва, 1989. – Т. 2. – С. 32–97.
11. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Академический Проект, 2011. – 460 с.
12. Выява ў камяні [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://gp.by>. – Дата доступу : 08.03.2019.
13. Герцман, Е.В. Византийское музыкознание / Е.В. Герцман. – Л. : Музыка, 1988. – 256 с.
14. Кузанский, Н. Сочинения : в 2 т. / Н. Кузанский. – М. : Мысль, 1979. – Т. 1. – 214 с.
15. Бодлер, Ш. Философское искусство / Ш. Бодлер. – М. : РИПОЛ-классик, 2017. – 400 с.

Крыніцы і іх скарачэнні

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977–1984.

Брестский государственный
университет им. А.С. Пушкина

Поступила в редакцию 18.03.2019

УДК 811.161.1'01'373.6:398.92

К происхождению древнерусского фразеологизма *ятися на воду*

В.И. КОВАЛЬ

Статья посвящена рассмотрению внутренней формы немотивированного устойчивого словосочетания *ятися на воду*, употребленного в одной из новгородских берестяных грамот, обнаруженной при раскопках в Великом Новгороде. Комментируется суть конфликтной ситуации и способ разрешения спора. Наряду с анализом собственно языкового материала приводятся сведения из сферы традиционной духовной культуры, имеющие отношение к «водяной» магии.

Ключевые слова: фразеологизм, *ятися на воду*, происхождение, новгородские берестяные грамоты, ритуальная практика, «водяная» магия.

The article is devoted to consideration of the inner form of the idiomatic set phrase «yatisya na vodu» used in one of the birch bark manuscripts, discovered during excavations in Veliky Novgorod. The author gives comments on the essence of the conflict situation and the method of resolving the dispute. Along with the analysis of the actual linguistic material, information is given from the sphere of traditional spiritual culture that is related to «water» magic.

Keywords: idioms, *yatisya na vodu*, origin, birch bark manuscripts from Novgorod, ritual practices, «water» magic.

Обращение к фразеологическому составу древнерусского языка позволяет не только выявить утраченные элементы некогда целостной архаичной картины мира, но и в определенной мере «реконструировать» характер внутренней формы ранее мотивированных, «живых» словосочетаний. Характерную особенность фразеологических единиц, заключающуюся в их способности «консервировать» различные фрагменты традиционной мировоззрения, отмечал Б.А. Ларин, подчеркивавший, что благодаря фразеологии «до наших дней доходят нередко только более или менее загадочные фрагменты древних речевых стереотипов» [1, с. 143]. Одним из важных и надежных источников изучения древнерусской фразеологии являются тексты (фрагменты текстов) новгородских берестяных грамот, которые «ценны прежде всего как документы древнейшего этапа письменной истории русского языка», поскольку они «обычно непосредственно отражают живой язык их составителей» [2, с. 218]. Цель данной работы заключается в установлении внутренней формы фразеологизма *ятися на воду*, использованного жителем древнего Новгорода в берестяной грамоте периода конца XI – начала XII вв.

Речь идет о грамоте № 238, имеющей условное название «Об испытании водой» и представляющей собой финальную часть письма-послания, завершающегося предложением о проведении ритуала, имеющего целью установить истину. Древнерусский текст, разделенный на отдельные слова, и его перевод на современный русский язык представлены на портале «Рукописные памятники Древней Руси. Древнерусские берестяные грамоты» в следующем виде:

несъдицеви польъ патѣ рѣза[нѣ : а] (мъ)нѣ еси въдале двѣ коунѣ цѣто же за м[ѣ](но)[ю] твориши [за] мною осмь коунѣ и гривна поиди же въ горо(дѣ) [мо]гоу сѣ съ тобою ати на воду. Перевод: [Ты дал (?)] Несдичу четыре с половиной резаны, а [мне] ты дал две куны. Что же ты утверждаешь, будто за мной восемь кун и гривна? Пойди же в город – могу вызваться с тобой на испытание водой [3].

Приведенный весьма лаконичный, но информационно насыщенный текст и синтаксически, и логически разделяется на три фрагмента. В первом предложении содержится информация, которая, по мнению автора берестяной грамоты (условно говоря, истица), соответствует реальному положению дел. Из содержания высказывания следует, что некто, к кому обращается истец, дал (вероятно, в долг) определенную денежную сумму двум лицам: некоему Несдичу – четыре с половиной резаны, а автору-истцу – две куны. Следующее (второе) предложение (*Что же ты утверждаешь, будто за мной восемь кун и гривна?*) представляет собой обращенный к «ответчику» вопрос, ставящий под сомнение такое его утверждение.

Для того чтобы понять причину несогласия истца с позицией ответчика, в данном случае важно учитывать реальную ценность древнерусских денежно-счетных единиц, обозначенных в рассматриваемом тексте нумизматическими терминами *гривна*, *куна* и *резана*. Новгородская гривна XI в., представлявшая собой длинную серебряную палочку весом около двухсот грамм, соответствовала 25-и кунам и 50-ти резанам, т. е. одна куня равнялась двум резанам [4, с. 15], [5, с. 60], [6, с. 34–35]. Основанные на этих данных несложные расчеты показывают, что четыре с половиной резаны, полученные от ответчика Несдичем, эквивалентны 2,25 куны, в то время как сам автор-«заявитель» получил, по его собственному утверждению, даже меньше – лишь две куны. Несложно в связи с этим представить возмущение истца, которому стало известно, что ответчик по неизвестной причине требует от него вернуть долг, более чем в 16 раз превосходящий реально полученную им сумму – восемь кун и гривну (1 гривна эквивалентна 25 кунам), т. е. 33 куны.

Наиболее загадочным, несомненно, является третий фрагмент анализируемого текста (*Пойди же в город – могу вызваться с тобой на испытание водой*), представляющий собой сложное бессоюзное предложение, вторая часть которого содержит обоснование того, о чем говорится в первой предикативной части. Авторы справочника «Новгородские грамоты на бересте» (М.: Изд-во АН СССР, 1963), поясняя конструкцию *пойди же в город*, считают, что слово *город* используется здесь для обозначения конкретного населенного пункта: «Городом назван, очевидно, Новгород» [4, с. 60]. По мнению историка-медиевиста Л.В. Черепнина, слово *город* в данном случае употребляется в значении ‘суд’: «Должник предлагает кредитору отправиться в город (очевидно, в суд), где и решить свой спор, прибегнув к испытанию водой» [8, с. 91]. Можно также предположить, что в рассматриваемом контексте словосочетание *пойти в город* употреблено в значении ‘пойти к горожанам (к людям, живущим в городе)’, что предполагает употребление слова *город* в переносном (метонимическом) значении ‘жители города’. Сравн.: *городь* ‘население города’. *И про отца духовнаго Федька сказаль, что отецъ его духовный воръ, а городъ весь ему недруги; И приидоша на него весь городъ царствующаго града, и предаша его смерти* [7, с. 91]. Истец, таким образом, будучи абсолютно уверенным в своей правоте и стремясь уличить ответчика в попытке оговора, предлагает ему для решения спорной ситуации обратиться к людям, то есть привлечь к разрешению спора свидетелей-горожан и пройти публичное испытание водой, иными словами, выражаясь современным языком, сдать «тест на правду». Такая «внутренняя логика» рассматриваемого фрагмента представляется вполне оправданной, поскольку подобный демократичный подход к решению спорной ситуации в полной мере соответствует демократичным традициям новгородской вечевой «республики».

Однако поскольку в этом (как и в других тяжбах) каждая из сторон стремится отстаивать свою точку зрения, истец решается на крайнюю меру, суть которой заключена в выражении [мо]гоу сѧ съ тобою ѧти на водоу, переведенном составителями интернет-портала «Рукописные памятники Древней Руси. Древнерусские берестяные грамоты» как *могу вызваться с тобой на испытание водой*. В справочнике «Новгородские грамоты на бересте» представлена версия, согласно которой автор данного текста имеет в виду речное путешествие, то есть прогулку на воде: «Нет оснований предполагать здесь судебное испытание водой. Речь идет о речном путешествии. В этом смысле выражение «на воду» употребляется и теперь» [4, с. 60]. Высказанная точка зрения представляется малоубедительной прежде всего из-за отсутствия какой-либо причины для приглашения к приятному времяпрепровождению – «речному путешествию» – ответчика, стремящегося представить автора новгородской берестяной грамоты № 238 как бесчестного человека, уклоняющегося от уплаты долга. Вполне понятно, что для торговцев и ремесленников (как и для каждого человека вообще) такие качества, как порядочность, имидж, деловая репутация являются весьма значимыми.

Соответствием для древнерусского устойчивого словосочетания *ятися (ся яти) на воду* (с кем-либо) может быть современное выражение *состязаться на воде* (с кем-либо). Сравн.: *ятися* ‘схватиться (в борьбе)’. *Володимеръ же приде въ товары, посла биричи по товаромъ, глаголя: нету ли такого мужа, иже бы сѧ ялъ с Печенежиномъ; Вскочиша два окаянная и ятася с нимъ, и князь поверже одного подь сѧ* [9, ст. 1671]; *ятся* с кем ‘схватиться борьбой, дракой’. *Где тебе ятся с ним, задора!* [10, с. 682].

Для того, чтобы ответить на вопрос о сущности состязания (схватки) на воде в древнем Новгороде, важно понять, почему вообще в подобных случаях люди обращались к воде. В традиционных славянских верованиях вода осмысливается как одна из первых стихий мироздания, источник жизни, средство магического очищения. С одной стороны, вода считалась средой обитания нечистой силы и душ умерших, а с другой – она наделялась апотропейной и продуцирующей семантикой, что позволяло широко использовать воду в ритуальных целях – в лечебной магии и в девичьих любовных гаданиях (подблюдные песни, пускание на воду венков, цветов и веток и др.) [11, с. 386–389]. Практика гаданий на воде – гидромантия – в полной мере отражает отношение к воде как к стихии, имеющей предсказывающую силу, что иллюстрируется фразеологизмом *как в воду глядел* ‘о человеке, предвидевшем, точно предсказавшем что-либо’: «Всматриваясь в отражение в озере, в реке, в сосуде с водой и произнося различные заклинания, знахари и колдуны по состоянию поверхности воды предсказывали будущее, чью-либо судьбу» [12, с. 105].

Рассматриваемый оборот может быть соотнесен с фразеологизмом *вывести на чистую воду*, ‘разоблачить кого-либо; поймать кого-либо на совершении чего-либо запретного’, происхождение которого связывается с известным многим народам жестоким обычаем «Божьего суда»: «Обвиняемого или подозреваемого бросали в реку, и если он всплывал, то считался виновным, если тонул – несправедливо обвиненным. Обычай, в свою очередь, основывается на древнем представлении о воде как чистой стихии» [Там же]. В.В. Мамотов следующим образом поясняет мотивы поведения человека, предлагающего «схватку на воде» своему сопернику: «При испытании «водой» невиновный человек свято верил в то, что Бог в сложившейся ситуации его не оставит, поэтому без всяких сомнений отдавал себя в Божьи руки, не сопротивляясь, ждал своей судьбы. Преступник же, находясь на грани психологического срыва, изо всех сил пытался не утонуть, остаться на поверхности воды. Но именно это и служило доказательством вины, так как считалось, что вода не принимает (в силу своей священности) только преступников и лжецов, нарушивших клятву» [13, с. 368]. Сравн. описание ритуального испытания водой в художественном тексте: *Человек был схвачен и подвергнут испытанию водой. Брошенный в озеро связанным, стал он тонуть, и все уж было подумали, что испытуемый, как и утверждал, невиновен, но через мгновение он показался над озерной рябью и плавал себе как ни в чем не бывало. Он кричал, что на поверхности его держит алкоголь, который легче воды, но все понимали, что держит его нечистая сила. И когда его вина явилась всем, он был подвергнут испытанию каленым железом, какового также не выдержал, потому что по характеру ожогов стало очевидно, что он лжет* (Е. Водолазкин. Лавр).

Применение испытания водой как способа решения спорных ситуаций предусматривалось в сборнике правовых норм Киевской Руси – «Русской правде». Согласно «Пространной редакции Русской правды» (по Троицкому списку второй половины XV в., ответчика, обвиняемого в убийстве без свидетелей, подвергали испытанию раскаленным железом. Такому же испытанию подвергался и обвинитель, если сумма иска составляла до полугривны золотом; если же сумма иска была меньшей (до двух гривен серебра), то обвинителя подвергали испытанию водой [14, с. 173]. Как видим, описанная в рассматриваемой новгородской грамоте ситуация в полной мере соответствует предусмотренной в «Русской правде» формулировке – об исках до двух гривен серебра, что указывает на осведомленность истца относительно существовавшей в то время судебной практики.

Таким образом, в основу внутренней формы древнерусского фразеологизма *ятися на воду* (*ся яти на воду*) с кем-либо ‘прибегнуть к публичному ритуальному испытанию водой’ положено представление о распространенном ранее судебном способе определения истины. Сказанное дает основание утверждать, что именно такой способ решения спорной ситуации был предложен истцом – автором новгородской берестяной грамоты № 238.

Литература

1. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) / Б.А. Ларин // История русского языка и общее языкознание (Избран. работы). – М.: Просвещение, 1977. – С. 125–149.

2. Зализняк, А.А. Значение берестяных грамот для истории русского языка / А.А. Зализняк // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Под общ. ред. акад. В.Л. Янина. – М. : Индрик, 2003. – С. 218–223.
3. Рукописные памятники Древней Руси. Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gramoty.ru/birchbark/document/novgorod>. – Дата доступа : 19.01.2019.
4. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Электронный ресурс] / Н.М. Карамзин. – Т. 2. От Великого князя Святополка до Великого князя Мстислава Изяславовича. – Режим доступа : <http://iknigi.net/avtor-nikolay-karamzin/61327-istoriya-gosudarstva-rossiyskogo-tom-2-nikolay-karamzin.html>. – Дата доступа : 03.02.2019.
5. Арциховский, А.В. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956–1957 гг.) / А.В. Арциховский, В.И. Борковский. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 327 с.
6. Зварич, В.В. Нумизматический словарь / В.В. Зварич. – Львов : Вища школа, 1979. – 338 с.
7. Словарь русского языка 11–17 вв. – М. : Наука, 1977. – Вып. 4 (Г–Д). – 403 с.
8. Черепнин, Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник / Л.В. Черепнин. – М. : Наука, 1969. – 440 с.
9. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И.И. Срезневского. – СПб. : Типогр. Имп. Академии наук, 1912. – Том третий. – 1684 ст.
10. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М. : Рус. язык, 1980. – 683 с.
11. Виноградова, Л.Н. Вода / Л.Н. Виноградова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 1995. – Т. 1. – С. 386–390.
12. Бирих, А.К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова ; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.
13. Момотов, В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. / В.В. Момотов. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2003. – 416 с.
14. Амплиева, Т.Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси : монография / Т.Ю. Амплиева. – М. : Юридич. ин-т МИИТа, 2005. – 228 с.

Реконструкция микросистемы **Gьrt-*

Р.М. КОЗЛОВА

Представлена реконструкция одной из ветвей праславянского **gher-*, (дериваты с t-детерминативом), лишь частично отраженная в Этимологическом словаре славянских языков (РАН, Москва) и SP (ПАН, Краков), чем способствовало включение в этимологический процесс собственных имён различных типов.

Ключевые слова: слово в системе, праславянский фонд, реконструкция, архетипы, дериваты.

Reconstruction of one of the branches of Proto-Slavic **gher-*, (derivatives with t-determinative) is presented, only partially reflected in Etymological Dictionary of Slavic Languages (RAS, Moscow) and SP (PAS, Krakow), which contributed to the inclusion in the etymological process of their own names of various types.

Keywords: word in the system, Proto-Slavic Lexical Stock, reconstruction, archetypes, derivatives.

Праславянская лексическая микросистема **Gьrt-* восстановлена лишь частично. Так, в ЭССЯ (вып. 7, с. 212) представлены глаголы **gьrtati*, **gьrtŋoti*, **gьrtbь* > **gьrstь*, **gьrtanь*, **gьtanь*. Всё остальное выброшено за борт названных авторитетных источников.

Лексическая микросистема **Gьrt-* начинается с **Gьrtь* м., **Gьрта* ж., **Gьрто* ср., которые характеризуются нами как производные с детерминативом *-t-* от и.-е. **ger-* 'сгребать; загребать'. Их континуанты широко отложились в различных типах собственных имён, в которых звуковой комплекс *ьr* реализовался в *op*, *эр* > *ep*, *ыр* > *up*, *ap*, *ур* [1, с. 15–30]. Из антропонимических продолжений следует назвать: бел. *Герм* (ТС 200), для которого исходным было *Гэрт* < *Гьрт*, а не фиксируемые на территории Литвы *Герцас*, *Герчис*, как полагали Н.В. Бирило и А. Ванагас [2, с. 18], *-гарт* в составе *Бернгарт* (А.А. Бернгарт – начальник партизанского отряда им. П.К. Пономаренко в годы ВОВ), хорв., *Horta*, словен. *Gorta* (ZSSP 172), в.-луж. *Hart*, н.-луж. *Hart*, словц. *Hort* (Moldanová 85), от которых неотделимы русск. *Гром*, укр. *Гарпа*, *Готра* (Чучка 140, 157), чеш. *Hrut*, претерпевшие разнообразие метатезы соответственно *op* > *po*, *ur* > *ru*, *pm* > *mp* (*Гарпа* > *Гарпа*, *Готра* > *Готра*), др.-польск. *Groth*, польск. *Gert*, *Giert*, *Gierta*, *Girt*, *Gort*, *Gorta*, *Gurt*, *Hart*, *Hert*, *Herta*, *Hirt*, *Hirte*, *Hort*, *Hurt* (SN III, 315, 343, 356, 449, 593; IV 62, 109, 122, 163, 191) – вокалически первичные, а также *Grat*, *Grata*, *Gret*, *Greta*, *Grit*, *Grot*, *Grota*, *Grote*, *Grotto*, *Groth*, *Grut*, *Gryt*, *Gryta* (SN III, 492, 506, 512, 527, 528, 529, 540, 554) – вокалически вторичные и др. В данную группу названий вписывается *Grota* – название кашубов по имени гусяра *Gróta*, умеющего извлекать чарующие звуки (Sychta I, 368).

Учитывая факт утраты князем Рюриком наследия своих предков в Шлезвиг-Голштинии по вине Дании и её союзников, следует обратить внимание на компонент *Гарпа* – в антропониме *Гартакнуд* – имя сына Кнута Великого – короля Дании (ЭС V), который правомерно включить в изучаемую микросистему.

Названные архетипы закрепились и в других классах собственных имён: русск. *Гартозеро* – озеро в Олонецком у. (Олон. 158), *Гарт*, *Соколов Гарт*, *Сосновый Гарт* в Пензенской губ. (Пенз. 91) – ойконимы, бел. *Гарты* – микропоним, название возвышенности (БА 74), *Гирто-* в составе *Гиртоголя*, *Гиртокольны* в Жемайтии, *Гиртоколь* (2 селения) в Россиенском у. Ковенской губ. (СК 511, 531), продолжающее *Гьрт-* < *Гьрт-*, *Гурты* в Донецкой области, теперь в составе Горловки, укр. *Герто-* в составе *Гертопаново*, *Горто-* в составе *Гортопаново*, *Гортопанова* в Елизаветградском у. Херсонской губ. (Херс. 86, 98), н.-луж. *Gorty* (Мука III, 141), *Hort*, *Hurt* в Затисье, которые возводятся Я. Станиславом к *chrьtь* [3, с. 13], словц. *Harta* (1289 г.) при Дунае – «*nejasneho povodu*» [3, с. 323], чеш. *Harta*, *Harty* в Моравии, которые генетически ориентируются на нем. *Hart* без указания на его этимологию (Hosák-Šramek I, 242–243), польск. *Garta*, *Gorty* на Шлёнске – ойконимы.

Столь же многочисленны показания славянской гидронимии: *Гурты* (вариант *Урты*, отражающий утрату анлаутного Г-) – п.п. Лугани на правом берегу Северского Донца (МаштДон 62), западнослав. *Harthe Bach* – приток Нысы Клодской (НО п. 52), *Hertha Zee* – приток Варты (НО п. 169), *Hertha Zee* – приток Пилявки в бассейне Одры (НО 210), *Harta* – л.п. Сана (НВ п. 203), *Herta Zee* – приток Ёлка (НВ 454), *Harta* – приток Drwęcy (НВ п. 654), *Harty* – озеро в бассейне Крутыни (НВ п. 511), *Herta (Herta Insel)* – остров на озере Вульпинском в Ольштынском пов. (Leyd. II, 207), *Herta (Herta Insel)* – полуостров на озере Сасэк Вельки в Щитенском пов. (Leyd. II, 338), а также многочисленные названия водные объектов, испытавших метатезы: *Alt Grottkauer Wasser* и *Grottkauer Wasser* в бассейне Нысы Клодской (НО 58), *Grotówka*, *Grottoflies* – реки в бассейне Noteci, *Grottow See*, *Grotowckie Jezioro* – озера в этом же регионе (НО п. 229) и др.

Для собственных названий обнаруживается достаточно солидная апеллятивная поддержка с аналогичной фонетикой и семантической многоплановостью. Ср. ст.-русс. *гарть* 'кирпичная печь особого устройства' (СлРЯ 4, 11), русск. *гарт* – металлургический термин – 'сплав свинца, сурмы, меди или железных опилок для отливки букв', *герт* 'очаг, под, горн', 'верстак, стан, станок для промывки руд' (Даль 1, 345, 349), диал. *гарт* 'шлак, остатки поташного производства, остатки будного производства – уголь, зола', *гурт* 'стадо', *гырт* 'возвышенность' (СРНГ 7, 253), *гарты* мн. 'ремни в хомуте, к которым прикрепляется шлея' (Кордашевский 224), *гарты* мн. 'шлея в хомуте', *грут* 'деревянный или железный стержень, скрепляющий планки бороны' (СДГ 1, 122), *гурт* 'кружок'; 'сборище' (Расторгуев 85), бел. *гарт* 'горнило', перен. 'искушение, несчастье' («чалавек покуль в *гарту* не побудзец, не знаец дабра») (Носович 110), *гарт* 'твердость металла, которая достигается *гартованьем*', 'свойство *загартованной* вещи', перен. 'стойкость, выносливость, приобретённые в борьбе с трудностями', 'сила воли', 'состояние высшего напряжения, возбуждения, волнения' (ТСБМ 1, 34), диал. *гарт* 'загартовка' (ТС 1, 196), *гарт* 'мощь, сила' (ЖС 38), *гарт* в пределах фразеологизма *даць гарту* 'строго выговорить, сделать предупреждение' (НС 139), *грáты* мн. 'жерди в сушке, на которые кладётся лён' (Сцяшк. 128), *гурт* 'большая куча', *гурта* 'совокупность людей, толпа', 'семья' (СБГ 1, 507), *гурт* 'стадо', 'стая птиц' (З НС 172), *грут* 'куча' (НС 177), *гурт* 'очаг; огнище' (Шаталава 46), *гурт* 'устойчивый ансамбль творчески равноправных певцов' (в белорусском музыкальном фольклоре) (БелСЭ 4, 90), диал. *грэта* 'мел, вапняк' (З НС 32), укр. *гарт* 'закал, закалка', *гарт* – типографский термин, *гурт* 'группа, компания', 'скопление людей, толпа', 'стадо' (УРС 138, 141), *гурт* – архитектурный термин, 'гурт, тяга', *грот* 'пещера', чеш. *hrot* 'куча из пяти снопов, в которую составляют хлеб в поле', *hruta* 'связка нескольких горстей льна' – «nejasne» (Machek 185), словц. *hrta*, диал. *orta* 'передняя, закривлённая часть саней' (SSN I, 632), *grata* 'кухонная padoba, riad', 'какая-либо вещь, приобретение', экспр. 'prešibanec, ničomnik', *grót* 'сделанный vyrez в дереве на vystuz или srájanie' (SSN I 508), польск. шлёнск. *hart* 'твёрдость, выдержка' (RospSNS II, 134), *grot* 'стрела, копьё', диал. *grat* 'старый инвентарь, имущество, старая домашняя утварь' и др. < праслав. **gьrtь*, **gьrta*.

На компоненты *горт*-, *гурт*- в составе многих ойконимов бассейна Камы обратил внимание В.А. Никонов: *Вильгорт*, *Камгорт*, *Мысагорт* в Чердынском, *Кужгорт* в Добрянском, *Вильгурт* в Куединском районах, *Дзельгорт*, *Ыб-горт*, *Позагорт*, *Пешнигорт*, *Чингорт*, *Гортлуд* в Коми-Пермяцком округе Пермской области. Не сопоставляя с приведенным нами материалом, исследователь склонен видеть в *горт* коми 'место, дом', в *гурт* – удмурт. 'деревня, дом' [4, с. 54–55].

Деминутивы от указанных архетипов:

- **Гьртца*: *Hertice* – поселение в регионе Опавы (Nosák-Šramek I, 251) и др.;
- **Гьртикъ*: бел. *Гáрцік* – микротопоним (водоём) в Гомельском районе (БМ 19, 113), укр. *Гуртики* в Александровском у. Херсонской губ. (Херс. 37), *Гáртик* – источник в Киево-Святошинском районе Киевской обл. (СмГУ 237), польск. *Hurcik* – став в верховье Одры (НО 21), *Hurtik* (SN IV, 191) – анторопоним и др. Ср. также апеллятивы: ст.-русс. *гротикъ* 'дротик, копьё', 'металлический наконечник древка знамени' (СлРЯ 4, 142);

– *Gьртъкъ, *Gьртъка, *Gьртъко: словц. *Hortek* (Moldanová 85), польск. *Gartek, Gartka, Gartke, Gartkewicz, Gartkowski, Gortek, Gurtkiewicz, Gutrkowski, Hartek, Hartka, Hartkiewicz, Hartkow, Hertka* (SN III, 266, 450, 593; 62, 109) – дониметатезные антропонимы, а также *Grotek, Gratka, Gratkiewicz, Gratko, Gratkowski, Gretka, Gretke, Gretko, Gretkiewicz, Gretkowski, Grotek, Grotka, Grotkiewicz, Grotkowski, Grutek, Grutka, Grytka* (SN III, 506, 527, 540, 554) – постметатезные антропонимы. Некоторые из них отражены иными типами онимов: польск. *Gartki* в Быдгощском воев. (SpisBydż 31), *Gratki* на Шлёнске, *Grotków* в Опольском пов. – ойконимы, *Gortek (Gartek Zee)* – озеро, теперь луга в Ольштынском пов. (Leyd. II, 204) и др. Сохранилась и их апеллятивная основа: бел. *гурток* 'кружок', укр. *гурток* 'громада во всех значениях', 'небольшое стадо коров' (Льв. 11), чеш. *hrotek* 'небольшой сосуд остроконечной формы', *gratek* 'старое имущество, старая утварь' и др.;

– *Gьртъсь: бел. *Грытчанка, Грытченко* (ТС 214) – антропонимы с мрогоступенчатой деривационной структурой: *Грытць* (из *Гьртць < Гьртць > Грытчаня > Грытчанка, Натрас* – поток при латорице на правом потисье (Stan. 393), не имеющее этимологического решения, и др.

К праслав. *Gьртъь правомерно отнести польск. *Gortaj, Gurtaj* (SN III, 449, 593) – антропонимы, воспринимающиеся как остаток группы дериватов с опорным *j* в суффиксации.

Производные с опорными *x/š* в суффиксах:

– *Gьртохъ, *Gьртошь: польск. *Hartoch, Hartosz* (RospSNŚ II, 134), *Girtosz, Grotoszewicz* (SN III, 348, 528) – антропонимы;

– *Gьртухъ, *Gьртушь: чеш. *Hartušov* в районе Габартова на западе Чехии (ČR D 2) – ойконим, польск. *Giertuszevska, Gotruch* (SN III, 343, 449) – антропонимы и др.;

– *Gьртухъ, *Gьртушь: укр. *Гартушук* – антропоним, *Гартушукова Гуца* – микротопоним (сенокос, расположенный за полем семьи *Гартушук*) (СММ 162), польск. *Gartych, Gertych, Giertych, Girtych, Gortych, Hartych* (SN III, 266, 315, 343, 356, 449, 450; IV, 63) – антропонимы и др.

Производные с опорными *k/č* в суффиксах:

– *Gьртакъ, *Gьртакъь > *Gьртаць: укр. *Гартрак, Готрак* (Чучка 140, 157), претерпевшие метатезу *pm > mp*, чеш. *Hrtáč* (Beneš 262), *Hurták* (Majtán-Rymut I, 29), польск. *Gartacz, Gortak, Gortakowski, Gurtakowska, Hartacz, Hartak, Hurtak* (SN III, 266, 450, 593; IV, 62, 191) – антропонимы. Из иных типов продолжений правомерно назвать русск. *Артакуль* – гидроним, *Артакуль* – ойконим в Бирском у. Уфимской губ. (Уф. 61) < *Артак-уль*, укр. *Артакова* в Херсонском у. (Херс. 14) – ойконимы, утратившие анлаутный *Г*, словц. *Hurtákov Potok* – п.п. *Menzdrowki, Hurtakovka* – ойконим и др.;

– *Gьртукъ: польск. *Hartuk, Hurtuk* (SN IV, 63, 191) – антропонимы;

– *Gьртукъ, *Gьртука, *Gьртуць: польск. *Giertyczka, Gortycz, Gortyk, Hartyk, Hartykowicz, Hertyk* (SN III, 344, 449, 450; IV 63, 109) – антропонимы.

Производные с опорным *l* в суффиксах:

– *Gьрталъ, *Gьрталъ: др.-русск. *Горталов*, род *Горталовых* (Веселовский 85) – антропоним, который генетически ориентирован на турецк. *gartal* 'орёл' [5, с. 78], польск. *Gortal, Gortalewicz, Gortal, Gortalewicz, Gortal, Gratal, Hartalska, Hertal* (SN III, 449, 450, 492, 593; IV 62, 109) – антропонимы, ст.-русск. *гортальный*: «два ушата *гортальные*» (СлРЯ 4, 96), др.-чеш. *hrtal* («otok *hrtalu*»), *hrtalek* – деминутив к *hrtal* (Gebauer I, 507) и др.;

– *Gьртель: русск. *Гертель* у Русинов Молдавии, бел. *Гертель* (*Т.В. Гертель* – мать-героиня) (БелСЭ 7, 104), чеш. *Hortel* (Moldanová 85), ст.-польск. *Hertel, Ortel*, польск. *Gartel, Gortel, Gratel, Grotel, Grotela, Hartel, Hertel, Hertely, Hortel* (SN III, 266, 450, 492, 527, 593; IV 62, 109, 163) – антропонимы, ст.-бел. *Гортельска дорога* (ПКОП II, 141), бел. *Гротели* (3 селения) в Вилкомирском у. Ковенской губ. (СК 89) < *Гортели*, польск. *Gartels* – владение в Растемборском пов. (SG III, 36) и др.;

– *Gьртоль: польск. *Gortol* (RospSNŚ II, 69; SN III, 449) – антропонимы, бел. *Гóрталь* м. в Ивацевичском районе Брестской обл. (РапБр 42) – ойконим, *Гортальскі Канал* – п.п. Хворощанского канала, который начинается у села *Горталь* (БКБ 133), отражающие аканье в

безударной позиции, диал. *гартоль* м. 'заострённый кол, вбитый в землю, для задержки плота' (НЛ 152), *гартоль* 'плотогон', 'приспособление для торможения плота', *гортволь* 'дубовый кол с суком, который выбрасывают на берег для задержки плота' (НС 253) и др.;

– **Gьrtulь*, **Gьrtulь*: русск. *Гартулы* – озеро в бассейне Самары (Семенов III, 678), польск. *Gertula*, *Gratulewicz*, *Grotula*, *Hartul* (RospSNŚ II, 93; SN III, 315, 593; IV, 63) – антропонимы, укр. диал. *гартулець* 'кол для привязывания плота к берегу';

– **Gьртль*: чеш. *Hortlik* (Moldanová 85), польск. *Gortler*, *Gurtler*, *Grotla*, *Grotlowska*, *Hartl*, *Hartlek*, *Hartlik*, *Hartliński*, *Hertl* (SN III, 528; IV, 62, 109) – антропонимы, польск. *Hartilowa* – приток Попада в бассейне Вислы (HW 107), *Gartlowo* – и др.;

– **Gьртуль*: *Grotyl* (RospSNŚ II, 93) – антропоним.

Производные с опорным *n* в суффиксах:

– **Gьртань*, **Gьртань*: русск. *Гортанов*, *Уртан*, отражающий утрату анлаутного *G*, словен. *Gortan* (ZSSP 172), чеш. *Hertan* (Beneš), польск. *Gortan* (NB 127), неверно ориентированный на *Gordianus* [5, с. 127], *Gurtanowska*, *Hartan*, *Hartanowicz* (SN III, 593; IV, 62), укр. *Гартаній* (Чучка 157) – дериват от *Гартан*, в котором отражена метатеза *рт > тр* (*Гартан > Гартан*) – антропонимы. Анализируемые архетипы стали достоянием иных ономастических типов. Ср. бел. *Гертаны* в Люцынском у. Витебской губ. (СпВит 243), Гританы в Двинском у. той же губ. (СпВит 136) < *Гьртаны* < *Гьртаны*, ст.-укр. *Натрану* в Закарпатье, который нами возводится к исконному *Hartanu*, *Гьртань* м. на территории Молдавии (ССУМ I, 268), *Гартан* – микропоним (лес) села Завидов Иваницевского района Волыни (СММ 162) и др. Из апеллятивов назовём др.-русс. *гортань* 'морской пролив' (СлРЯ 4, 97), укр. диал. *гиртан* 'кадык, головка дыхательного горла' (Гринч. 1, 283) и др.;

– **Gьртень*: *Hertenyes* (*Герменес*) – город на юго-западе Затисья в Темешском округе и др.;

– **Gьртонь*, **Gьртонь*: польск. *Garton*, *Gurtoński*, *Grotońska*, *Harton*, *Hartonowicz*, *Horton* (SN III, 266, 529, 593; IV, 63, 163) – антропонимы;

– **Gьртунь*: *Gratunik*, *Hartun*, *Hartuna* (SN III, 593; IV, 63) – антропонимы, бел. *Гритуны* (2 селения) в Новоалександровском у. Ковенской губ. (СК 199) < *Гиртуны* < *Гьртуны* < *Гьртуны* и др.;

– **Gьртунь*: бел. *Гартынскі* (*М. Гартынскі* перевёл из польского на русский части «Могилёвской хроники» Т. Сурты), ст.-укр. *Гортиняк* (1694 г.), укр. *Hartiniak* (Чучка 156), польск. *Gartyński*, *Gortynski*, *Grotynski*, *Hartyniuk*, *Hortynski*, *Hurtyński* (SN III, 266, 450, 528; IV, 63, 163, 191) – антропонимы, *Гортиничі* (вариант *Ортиничі*) в верховье Днестра (Купчинский 34), *Ortynce* в Самборском пов. (SG XV, 415), бел. *Гартынкова* ср. в Вороновском районе Гродненской обл. (РапГр 67), *Gortynia* в Македонии – ойконимы, для которых как основа собственных названий обнаруживается апеллятив *гартыня* 'свёрток, трубка обоев' на Смоленщине (Даль I, 345), и др.

Из субстантивных дериватов следует выделить *Гартва*, трудное для реконструкции ввиду несохранившихся апеллятивов, которое можно воспринимать как *собирательное* либо как *склонение на -у/-ьве*: бел. *Гартва*, *Гартвік* (ТС 200) – антропонимы, *Hartvis* – п.п. Шешувки на левобережье Вилии в Ковенской губ. (SG IV, 393), *Hortva*, *Horthva* (1240 г.) – название потока в бассейне Сланой, *Hortva* – поселение, *Hortva* – возвышенность – «je pejasne» [3, с. 354], чеш. *Hartvikovice* (ČR G13), *Hertvikovice* над рекой Упой (ČR B12) – ойконимы и др.

Адъективы от **Gьртъ*, **Gьрта*, **Gьрто*:

– **Gьртатъ* (-а,-о): польск. *Gartat*, *Gartatowicz*, *Gortat*, *Gortatewicz*, *Gortatowicz*, *Gortatowski*. *Gurtat*, *Gurtatowski*, а также отражающие метатезу *рт > тр* *Gotrat*, *Gotratowicz* (SN III, 266, 495, 593, 461) – антропонимы, *Gortaty* в Серпецком, *Gortaty* в Пултусском, *Gortatow* в Лэнчицком, *Gortatt* в Ключборском, *Gortatowo* в Бродницком, *Gortatowko* в Раевском поветах (SW II, 725), *Gortatowice* в Равском, *Gortaty* в Варшавском, *Gortatow* в Лодзском, *Gortatowo* в Быдгощском, *Gortatowo* в Познанском поветах (SpisPRL 381, 307), *Gortaty* на Мазовше (Zierhoffer 80) и др. – ойконимы;

– **Gьртинъ* (-а,-о): русск. *Гортиновка* – река в Богородском у. Московской губ., ныне не локализованная (Смолицкая 276), *Гротино* (3 селения) в Череповецком у. Новгородской губ.

(Новг. IX, 26) < *Гуртино* < *Гьртино* < *Гъртино*, укр. *Гортиничі*, вариант *Ортиничі* в Приднестровье, чеш. *Hartinkón* (ČR E 16), *Grytińska* на правом берегу Одры (DA 39), *Gartin* – озеро в бассейне Вислы (HW 511), древность которых могут удостоверить Γόρτινος – город на Крите, Γόρτινος – город в Аркадии, о которых см. у Гиндина [5, с. 65], и др.;

– **Gьrtovъ* (-a,-o): русск. *Большое Гертово* в Шлиссельбургском у. Санкт-Петербургской (СПб. 189), *Гартово* в Ярославском, *Гартово* в Рыбинском уу. Ярославской (Яросл. 36, 254) губерний, бел. *Гуртова* ср. в районе Витебской (РапВіц 117), *Негертава* ср. в Столбцовском районе Минской (РапМн 190) областей – ойконимы, укр. *Гуртова* – балка на правой стороне Берёзовой на правом берегу Кальмиуса, впадающего в Азовское море (СГУ 162), западнослав. *Gartow* – город славян-велетов на левом берегу Лабы (SSŚ II, 218), чеш. *Hrutov* (вариант *Hrotov*) на Мораве (Hosak-šramek I, 305), которые стремятся всё объяснить из немецкого, *Hortov* в регионе *Veličkov Brod* (ČR F11), *Hrotovice* – крупный город на западе Чехии (ČR G 13), *Hrutov* в области Ческих Будеёвиц (ČR H 8), *Hrutov* на юг от Иглавы (ČR G 11), польск. *Hartowiec* – ойконимы, *Hartowo* – озеро в бассейне реки Вель в бассейне Вислы (HW 236) и др. Из антропонимов следует назвать укр. *Гартований* (1649 г.) – казак Войска Запорожского, *Гартованець* на Бойковщине (Чучка 140), от которого нами не отделяется *Готрович* (Чучка 157), отражающий метатезу *pt* > *mp*, польск. *Gartowicz*, *Gartowski*, *Giartowicz*, *Giartowski*, *Gortowski*, *Gurtowski*, *Gratowski*, *Grotowicz*, *Grotowiecki*, *Grotowski*, *Grutów*, *Grutowski*, *Grytowska*; *Hartowicz*, *Hartowski*, *Hurtowski*, *Hurtów* (SN III, 266, 343, 450, 593, 492, 528, 540, 554; IV, 63, 191) – антропонимы, и др.

Апеллятивы представлены скромно: ст.-русс. *гартовый*: «...2 корыта *гартовых* из чего поливают *гарт...*» (Хозяйство боярина Морозова) (СлРЯ 4, 11), бел. *гартóўка* ‘обожженный кирпич’ (ТС 1, 196), *гуртóўшчык* ‘оптовый купец, продающий или покупающий большими партиями’, ‘надзиратель над ссыпным общинным хлебом’, ‘гонящий гурт скота’, *гуртóўшына* ‘‘ (Носович 125, 136), укр. буков. *гуртовиця* ‘общее поле для выпаса скота после сбора урожая’ (МСБГ I, 97) и др.;

– **Gьrtьskъ*(-a,-o): польск. *Gartska* – приток Сана в бассейне Вислы (HW 203), *Grotzki* – озеро возле селения Горчицы в Белостокском воеводстве (Leyd. II, 23) и др.;

– **Gьrtьнъ*(-a,-o): бел. *Гартны*, польск. *Gertnicz*, *Grotnik*, *Grotniak*, *Hartnik* (SN III, 315, 528; IV, 63) – антропонимы. В польском среневековье была даже профессия *grotniki* – воины, которые специализировались на производстве *grotow* (SSS II, 170), что нашло отражение в ойконимии – поселения *Gartniki*.

Литература

1. Козлова, Р.М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде: монография / Р.М. Козлова. – Гомель : Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 1997. – 412 с.
2. Бірыла М.В. Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы / М.В. Бірыла, А.П. Ванагас. – Мн. : Навука і тэхніка, 1968. – 99 с.
3. Stanislav, Ján. Slovenský juh v stredoveku / Ján Stanislav. – Bratislava : Národné literárne centrum, 1999. – I diel. – 664 s.
4. Никонов, В.А. Топонимы пермских языков / В.А. Никонов // Географические названия Прикамья. – Пермь, 1968. – С. 59–63.
5. Гиндин, Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевропейской ономастики / Л.А. Гиндин. – М. : Наука, 1967. – 207 с.

УДК 811.161.3`373:39(476.2+470.333)

Жывёльны свет ва ўяўленнях жыхароў Гомельска-Бранскага памежжа

В.С. НОВАК, А.А. КАСТРЫЦА

Разглядаюцца міфалагічныя ўяўленні жыхароў Гомельскага, Веткаўскага і Добрушкага раёнаў, звязаныя з жывёльным светам, адзначаюцца іх рэгіянальна-лакальныя асаблівасці, а таксама месца і значэнне ў традыцыйнай духоўнай культуры беларусаў.

Ключавыя словы: Гомельска-Бранскае памежжа, міфалагічныя ўяўленні, вобразы жывёл.

Mythological representations of residents of Gomel, Vetka and Dobrush districts associated with the animal world are considered, their regional and local characteristics, as well as the place and significance in the traditional spiritual culture of Belarusians are marked.

Keywords: Gomel-Bransk borderland, mythological representations, images of animals.

У апошнія дзесяцігоддзі па тэрыторыі Гомельска-Бранскага памежжа быў праведзены шэраг індывідуальных і калектыўных фальклорна-этнаграфічных экспедыцый, падчас якіх былі зафіксаваны цікавыя звесткі па звычаях, абрадах, вераваннях мясцовых жыхароў, аднак, адзначым, што фактычныя матэрыялы, запісаныя па міфалагізаваных вобразах жывёл нешматлікія. У нашым артыкуле звернемся да вобразаў прадстаўнікоў жывёльнага свету, якія найбольш прадстаўлены ў міфалагічнай традыцыі мясцовых жыхароў і ілюструюць яе рэгіянальна-лакальныя асаблівасці.

Сярод запісаных матэрыялаў прыцягваюць увагу звесткі пра мыш. Да ліку найбольш распаўсюджаных адносяцца тыя, што звязаны з выпадзеннем у дзіцяці малочных зубоў і ростам пастаянных. Паводле сведчанняў Макеевай Арыны Лаўрэнцьеўны, 1908 г.н., з в. Бярозкі Гомельскага р-на, калі «ў дзяцей выпадалі першыя малочныя зубы, выхадзілі на вуліцу, дзіця кідала зуб праз левае плячо і прыгаворвала: «Мышка, мышка, на табе зубік касцяны, а мне дай лубяны». Верылі, што дзякуючы гэтаму ў дзіця вырасце новы крэпкі зуб».

Выклікаюць цікавасць народныя вераванні, паводле якіх з'яўленне мышэй у хаце суадносілася з людскімі грахамі («Мышы ё ў тых людзей, хто грэша. Сколькі ў хаце грахоў, столькі ў хаце і мыш. Эта наказанне ад Бога, за тое, шчо мі грэшым усюдых» (запісана в. Дзям'янікі Добрушкага р-на ад Анамяковай Ніны Агееўны, 1930 г.н.)), а таксама са светам памерлых, з душами продкаў («Існуе павер'е, што ноччу ў вобразе мышы прыходзяць душы памерлых, каб даесці пакінутыя кусанкі хлеба» [1, с. 331]).

Адзначым, што недаедзеныя рэшткі ежы гаспадары імкнуліся прыбіраць са стала, тлумачачы гэта прыходам прадстаўнікоў «таго свету», якія іншым часам не спрыялі прадстаўнікам «гэтага свету»: «Нельга пакідаць на ноч нешта недаедзенае: ноччу могуць прыйсці духі памёрлых» (запісана ў в. Бярозкі Гомельскага р-на ад Макеевай Арыны Лаўрэнцьеўны, 1908 г.н.). Аднак у в. Цагельня Гомельскага р-на былі запісаны звесткі аб тым, што іншы раз пакідалі наўмысна на сталае рэшткі ежы для мышы, бо з ёю звязвалі і багацце ў хаце: «Але ж мыш сімвалізуе і багацце таго дома, дзе яна жыве. Гэта ж значыць, калі хазяіны астаўляюць яду на сталае, яны ведаюць, што ўсё з'есць мыш, але нічога не ўбіраюць. Ёй, гэтай мышы, астаўляюць» (запісана ад Гарэлікавай Надзеі Пятроўны, 1934 г.н.). Тым не менш, людзі баяліся, каб мышы не пагрызлі адзенне, бо «плахім знакам счыталася прагрызеная імі адзёжа» (запісана ў в. Церуха Гомельскага р-на ад Мірановіч Марыі Герасімаўны, 1935 г.н.), «калі пагрызучь чыё-небудзь адзенне, то гэты чалавек памрэ» (запісана ў в. Бярозкі Гомельскага р-на ад Макеевай Арыны Лаўрэнцьеўны, 1908 г.н.).

Мыш, у народзе лічылі «нячыстай сілай», менавіта таму імкнуліся пазбаўляцца ад іх, выконваючы пры гэтым пэўныя патрабаванні: «Калі ў хаце памерла мыш, то не трэба выкідваць яе на вуліцу абы-куды. Трэба спаліць яе ў грубцы, каб разам з гэтай мышкай і ўшла нячыстая сіла з гэтага дома» (запісана в. Цагельня Гомельскага ад Гарэлікавай Надзеі Пятроўны, 1934 г.н.).

Конь у славянскай міфалогіі – «адна з найбольш свяшчэнных жывёл», «атрыбут вышэйшых язычніцкіх багоў (і хрысціянскіх святых) і адначасова хтанічная істота, звязаная з культам урадлівасці і смерцю, замагільным светам, праваднік на “той свет”» [2, с. 228]. Той факт, што конь, паводле народных уяўленняў, святая жывёла, пацвярджаюць і запісы, зробленыя ад жыхароў в. Іванаўка Гомельскага р-на: «Конь – гэта святая жывёла. Бог даў каня чалавеку ў дапамогу, каб яму лягчэй было работаць» (запісана ад Платонавай Алесі Міхайлаўны, 1928 г.н.).

У міфалагічнай традыцыі беларусаў конь асэнсоўваецца як жывёла, якая з’яўляецца «добрым памочнікам чалавека» (запісана ў в. Цагельня Гомельскага р-на ад Гарэлікавай Надзеі Пятроўны, 1934 г.н.): «Конь з’явіўся даўно, каб памагаць чалавеку па гаспадарцы. Аднажды ішоў чалавек па полі, і тут з’явіўся конь і сказаў чалавеку, каб той узяў яго да сябе» (запісана ў в. Галавінцы ад Давыдавай Таццяны Іванаўны, 1913 г.н.). Аналагічны матыў дапамогі чалавеку ў працы гучыць і ў міфалагічным апавяданні, запісаным у в. Баршчоўка Добрушкага р-на, прычым у дадзеным мясцовым варыянце акцэнтуюцца ўвага на тым, што конь – тая жывёла, якая заўсёды хоча есці: «Ета было даўно. Вот ішоў па зямле Бог, перадзеты ў простага чалавека, дзядка. Ішоў ён па дарозе і да якой-та дзярэўні і бача, шчо збоку пасецца вол і конь. І вот падходзя ён да каня і гавора:

– Падвязі ты міне да дзярэўні, а то мне цяжало іці.

А конь атвечае:

– Ты шчо ета! Бачыш, шчо некалі мне! Шчас хазяін мой прыдзя і запражэ міне араць.

Дак мне і пад’есць нада!

А Бог нічога не атвечіў яму і падышоў да вала:

– Падвязі ты хоць міне да дзярэўні.

Вол атвечае:

– Паедзем, мне спяшыць некуды да і наесца шчэ ўспею!

Дак Бог тады і сказаў на каня:

– Шчо б ты ўсю жысць сваю еў і наесца не мог, а хватаў траву, як сабака..

Вот паэтаму шчас конь нікагда і не наедаецца, а вол паесць сабе трохі, ляжа і ляжыць» (запісана ад Цікаевай Пелагеі Ігнатаўны, 1923 г.н.).

З міфалагізаваным вобразам каня ў традыцыйнай культуры беларусаў звязаны некаторыя павер’і, змест якіх ілюструе амбівалентны характар мыслення нашых продкаў. Напрыклад, калі з расчэсваннем грывы каня звязвалі багацце («Калі расчэсвалі грыву каня, то гэта лічылася так, што будзе шмат грошай у хаце»), то знаходжанне конскага воласа ў хаце прагназавала хваробу («Шчэ гаварылі, што калі знойдзеш у сваёй хаце волас з конскага хваста, то захварэш і можаш паміраць») (запісана ў Цагельня Гомельскага р-на ад Гарэлікавай Надзеі Пятроўны, 1934 г.н. (прыехала з в. Новыя Дзятлавічы Гомельскага р-на). Зыходзячы са сведчанняў інфарманта, менавіта конь быў той жывёлай, якая магла чалавеку дапамагаць і ў няшчасці: «Калі на душы дрэнна, то зайдзі да сваяго каня і ён табе дапаможа. А яшчэ рабілі так, калі ў цябе няшчасце, падыдзі да правага вуха каня, а яно выляціць, гэта няшчасце, праз левае, і ўсё будзе добра. Вось такая жывёла» (запісана ў Цагельня Гомельскага р-на ад Гарэлікавай Надзеі Пятроўны, 1934 г.н. (прыехала з в. Новыя Дзятлавічы Гомельскага р-на).

Звернемся да тэкстаў павер’яў, звязаных з катом. Вядома, што «кот, котка, у міфалагічных уяўленнях беларусаў жывёла, звязаная з “нячыстай сілай”. Лічылася, што чорт можа набываць выгляд чорнага ката, у прыватнасці, ратуючыся ад Перуна» [1, с. 254]. Невыпадкова, як падкрэсліваюць жыхары, «у кожнай хаце павінен жыць кот, бо ён аберагае ад нячыстай сілы» (запісана ў Цагельня Гомельскага р-на ад Гарэлікавай Надзеі Пятроўны, 1934 г.н. (прыехала з в. Новыя Дзятлавічы Гомельскага р-на). Аднак трэба засцерагацца, калі дарогу перабяжыць кот чорнай масці: «Вось толькі чорны кот – гэта дрэнна. Вядома, што калі чорны кот перабяжыць праз дарогу, тады будзе няшчасце. А ўсе астальныя добрыя каты» (запісана ў Цагельня Гомельскага р-на ад Гарэлікавай Надзеі Пятроўны, 1934 г.н. (прыехала з в. Новыя Дзятлавічы Гомельскага р-на). Як адзначыла Мірановіч Марыя Герасімаўна, 1935 г.н., з в. Церуха Гомельскага р-на, воблік чорнага ката звычайна прымаюць ведзьмы: «У нас існавала такая легенда, што чорныя каты – гэта плахія людзі ці ведзьмы. Ведзьмы перакінуліся ў чорных кошак, каб каму-небудзь здзелаць плахое».

Паводле ўспамінаў Еўтушэнка Лізаветы Германаўны, 1914 г.н., з в. Цярэшкавічы Гомельскага р-на, асабліва шанаваныя адносіны людзей да ката і сабакі звязаны з адной даўнішняй гісторыяй: «Даўно калісь, калі ў людзей было шмат хлеба, былі добрыя ўраджаі, людзі перасталі цаніць гэта. Яны ламалі каласы жыта, не жалеючы аб гэтым. І Бог разазліўся. Ён паслаў на зямлю засуху. І ўсё пачало гінуць. Але сабака і кот пачалі прасіць Бога, штоб ён змялаваўся. І Бог паслухаў іх. З таго часу людзі пачалі любіць катой і сабак».

Узнікненне тэкстаў прыкмет, павер'яў, міфалагічных апавяданняў пра ката, сабаку невыпадковае, бо гэта свойская жывёла знаходзіцца побач з чалавекам. Адсюль і вялікая колькасць падобных тэкстаў, і іх тэматычна-функцыянальная разнастайнасць. Так, напрыклад, паводзіны коткі з'яўляюцца вызначальнымі ў прагнаванні надвор'я, пэўных жыццёвых сітуацый (гасцей, смерці і інш.): «Калі кошка пайшла з хаты, дзе хворы чалавек, значыць, ён хутка памрэ. Калі кошка скруцілася клубком – гэта к марозу. Кошка ляжыць на спіне – к цяплу. Кошка мыецца – будучь госці. Кошка дурэе – неспакой у сям'і» (запісана ў г. Ветка ад Максіменка Марыі Іванаўны, 1931 г.н.).

Сціплыя звесткі былі запісаны ў палявых экспедыцыях пра міфалагізаваны вобраз казы, прысутнасць маскі якой падчас калядных святкаванняў на тэрыторыі Гомельскага, Добрушкага і Веткаўскага раёнаў з'яўляецца абавязковай. «Каза, казёл – у народных уяўленнях і абрадах, звязаных з прадудыравальнай магіяй – сімвал і стымулятар урадлівасці. У той жа час лічыцца нячыстай жывёлай, якая мае дэманічную прыроду; выступае як іпастась нячыстай сілы і адначасова як абярэг ад яе» [3, с. 522]. У в. Іванаўка Гомельскага р-на запісаны звесткі пра знешняе падабенства казы да чорта: «Здзелаў Бог многа жывёл, красівых, добрых. Ubачыў гэта чорт і тожа захацеў сваю жывёлу здзелаць, але не атрымлівалася ў яго нічога. Таму раззлаваўся ён і кінуў сваю работу. А каза і да гэтага часу напамінае чорта сваімі рагамі» (запісана ад Платонавай Алесі Міхайлаўны, 1928 г.н.). Устойлівымі з'яўляюцца ў народнай міфалагічнай традыцыі асацыяцыі, звязаныя з чорнай масцю гэтай жывёлы. Лічылася, што знаходжанне на падвор'і казы чорнай масці можа прывесці да нейкіх непрыемнасцей: «Чорная каза – гэта тожэ плахое жывотнае. Што кошка, што каза – гэта роўнае. Калі ўжо каза ёсць, жыве ў гаспадара, то будзе небагапрыятнасць нейкая» (запісана ў в. Церуха Гомельскага р-на ад Мірановіч Марыі Герасімаўны, 1935 г.н.).

Нешматлікія прыкметы і павер'і, звязаныя з міфалагізаваным вобразам зайца, раскрываюць яго дэманічную прыроду, а таксама маюць шлюбную скіраванасць. «Прыкмета аб тым, што заяц, які перабег дарогу або якога сустрэлі на шляху, прадказвае спадарожніку няшчасце, адзначана ў славян паўсюдна» [3, с. 287]. Вышэйпрыведзены тэзіс пацвярджаюць звесткі, запісаныя ад жыхаркі в. Церуха Гомельскага р-на Мірановіч Марыі Герасімаўны, 1935 г.н.: «Заяц – звярок няўдачлівы. Еслі вы сабраліся ў дарогу і ўстрэлі зайца, то лучшэ вярніцеся. А еслі пры стройкі дома ён паявіцца, то дом, кажуць, згарыць». У славянскай міфалогіі выклікаюць цікавасць варыянты міфалагічных апавяданняў пра паходжанне мядзведзя. Увогуле «паходжанне мядзведзя звязваецца ў легендах з чалавекам. Чалавек быў ператвораны Богам у мядзведзя ў пакаранне за забойства бацькоў, за адмову падарожніку або манаху пераначаваць; за славалюбівае жаданне, каб усе людзі яго баяліся ...» [2, с. 255–256].

Змест апавяданняў, запісаных, напрыклад, у Добрушскім і Гомельскім раёнах, прысвечаных мядзведзю, таксама раскрывае розныя аспекты паходжання гэтага міфалагізаванага вобраза (па-першае, чалавек быў ператвораны ў мядзведзя, бо краў мёд; па-другое, напалохаў Хрыста): «мядзведзь – ета раньшэ быў чалавек, які очэнь любіў мёд. Ён лазіў увідзе і краў еты мёд. І ў людзей, і ў вулях, і ў дуплах. І вот Бог пабачыў ета, што ніхарашо ён дзелае і пераўтварыў яго ў мядзведзя» (запісана ў в. Дзям'янкi Добрушкага р-на ад Анамяковай Ніны Агееўны, 1930 г.н.); «Кажуць, што мядзведзь – гэта чалавек, якога пераўтварыў Бог за тое, што ён напужаў Хрыста, выйшаўшы да яго ў вывернутым кажусе» (запісана ў в. Бязозкі Гомельскага р-на ад Макеевай Арыны Лаўрэнцьеўны, 1908 г.н.).

Зыходзячы са зместу беларускіх легенд, «крот у часы стварэння свету ўступіў у канфлікт з Богам, адмовіўшыся будаваць дарогу (падкопваючы “райскія сады”), за што і быў асуджаны на падземны лад жыцця, слепату і смерць пры перасячэнні дарогі» [1, с. 258].

Вышэйназваны матыў канфліктных адносін паміж Богам і кратом прадстаўлены ў іншай інтэрпрэтацыі (прычына канфлікту – праца чалавека ў святочныя дні) у міфалагічным апавяданні, запісаным у в. Баршчоўка Добрушкага р-на: «Адзін чалавек очэнь любіў капаць зямлю. А было ета даўно. Тады шчэ Бог по зямле хадзіў. І вот еты чалавек так уўлэкса сваёй работай, шчо не замячаў ні аднаго дня. Капаў і капаў. Дажэ ў прызднікі капаў. І вот не панаравілася ета Богу, шчо не глядзіць ён прызднікаў, і сдзелаў яго Бог кратом» (запісана ад Шкедавай Любові Іванаўны, 1929 г.н.). Паводле сведчанняў Мірановіч Марыі Герасімаўны, 1935 г.н., з в. Церуха Гомельскага р-на, «крот – гэта звер, які тожэ няшчасці прадказвае. Знайце, еслі ён рые зямлю ў хаце, то там скоро хтосьці памрэ».

У міфалагічнай традыцыі беларусаў важнае месца займаюць прыкметы і павер'і пра пчалу. Як сцвярджаюць беларускія даследчыкі Л. Салавей і С. Санько, гэта «божая казурка, ад яе карысць і людзям (мёд), і Богу (воск на свечкі). Пра пчалу створаны шэраг міфалагічных сюжэтаў, у некаторых з іх паказваецца суперніцтва Бога з чортам у стварэнні жывых істотаў» [1, с. 399]. Можна выказаць меркаванне, што міфалагізаваны вобраз пчалы даволі шырока выкарыстоўваецца ў фальклорных творах (каляндарна-абрадавых песнях). Асноўныя матывы міфалагічных апавяданняў пра пчалу, запісаных у вёсках Гомельскага р-на, – стварэнне Богам «працавітай» істоты, стварэнне Богам пчалы, каб дапамагала чалавеку (калі будзе прыносіць яму боль – будзе паміраць): «У даўнія часы людзі вельмі шмат працавалі. У адной вёсцы жыў адзін чалавек, які працаваў больш за ўсіх. Адночы ён цяжка захварэў. Да яго прыходзілі розныя знахаркі, але ніхто не мог яму дапамагчы. У хуткім часе ён памёр. Калі Бог даведаўся пра гэтую гісторыю, ён вырашыў стварыць істоту, якая была б падобна на гэтага працавітага чалавека. Ён стварыў пчалу, якая таксама шмат працавала. Калі пчала жаліць, яна аддае сваё жыццё разам з жалам» (запісана ў п. Вішанкі Гомельскага р-на ад Кавалёвай Лідзіі Іванаўны, 1921 г.н.); «Бог здзелаў пчалу, каб яна памагала людзям, а яна стала іх жаліць. Таму Бог і сказаў, што кожны раз, як будзе яна прыносіць чалавеку боль, то будзе паміраць» (запісана ў в. Іванаўка Гомельскага р-на ад Платонавай Алесі Міхайлаўны, 1928 г.н.).

Найбольшая колькасць прыкмет і павер'яў, якія вядомы пра птушак, зафіксавана пра бусла, паходжанне якога ў народзе традыцыйна звязваюць таксама з чалавекам, прычым вельмі цікаўным. Як сцвярджае Антоненка Вольга Мінічна, 1927 г.н., з в. Даўгалессе Гомельскага р-на, «гаварылі раньшэ, што бусел быў чалавекам. І загадаў Гаспод пазбіраць яму ў мяшок гадзюкі, яшчарыцы – усё ета нехарошае: “І нясі, кінь у воду, і не развязвай яго, і не глядзі, што там е”. А ён паінцерасаваўся да развязаў. Яно павыскаківала з мяшка, і Гаспод сказаў: “Вот, будзеш хадзіць і ўсю жызнь сабіраць яго”».

Паводле сведчанняў іншых інфармантаў, калі белых буслоў шанавалі, то чорных буслоў баяліся: «Калі белы бусел прыносіць шчасце ў хату, на тым месцы, дзе робіць гнездо, то чорны бусел прынясе шмат гора ў хату. Чорны бусел – знак бяды, таму людзі ніколі не сябравалі з чорным буслом» (запісана ў п. Вішанкі Гомельскага р-на ад Кавалёвай Лідзіі Іванаўны, 1921 г.н.). Агульнавядомая прыкмета звязана з бусліным гнездом: «Калі бусел на хаце гнездо звіў, то будзе ў гэтым доме шчасце. І нельга гэта гнездо бурыць» (запісана ў в. Кругавец Добрушкага р-на ад Рымаравай Яны).

У славянскай традыцыі матыў паходжання «адной з найбольш міфалагізаваных птушак» [2, с. 236]. – зязюлі – звязаны з жанчынай. Гэта што пацвярджаецца і экспедыцыйнымі запісамі, зробленымі на тэрыторыі Гомельска-Бранскага памежжа: «Матка сваю дачку пракляла, преўрацілася у кукушку. Вот і кукуе, плача ўсю жызнь. Яна яйца нясе абы-каму» (запісана ў в. Лапаціна Гомельскага р-на ад Прыходзька Любові Сільвестраўны, 1933 г.н.); «Зязюля – праклятая дачка мацеры: “Ляці і кукуй, не прылятай”» (запісана ў в. Прыбар Гомельскага р-на ад Дамадзелавай Галіны Раманаўны, 1935 г.н.).

Зязюля – птушка, якая, так лічаць у народзе, прадказвае лёс: «Усе знаюць, што зязюля падказвае, каму скока жыць, трэба счытаць яе кукаванне» (запісана ў в. Церуха Гомельскага р-на ад Мірановіч Марыі Герасімаўны, 1935 г.н.). Паводле сведчанняў жыхароў Гомельскага р-на, зязюля прадказвае не толькі, колькі гадоў пражыве чалавек, але і ці будзе багатым (пры ўмове, калі ў чалавека падчас кукавання зязюлі «ў кармане ёсць грошы») (запісана ў

в. Мічурынская Гомельскага р-на ад Літвіненка Валянціны Мікалаеўны, 1940 г.н.). Жыхары в. Целяшы Гомельскага р-на лічылі зязюлю «таямнічай птушкай. Некалі яна была жанчынай, якая магла ўгадваць будучае. Дзяўчаты спрашвалі ў зязюлі: “За колька гадоў замуж выйду? ці “Сколька гадоў жыць буду?”» (запісана ад Шчадровай Зінаіды Аляксееўны, 1937 г.н.).

Варта адзначыць, што вядомы і павер’і, змест якіх звязаны з прадказаннем зязюляй смерці. «Так, калі зязюля пачынае кукаваць перад чыёй-небудзь хатай – да смерці каго-небудзь з гаспадароў» [4, с. 197].

Заслугоўвае ўвагі міфалагічнае апавяданне пра зязюлю, запісанае ў в. Агародня Добрушкага р-на. Асноўны матыў, звязаны з паходжаннем зязюлі, – ператварэнне Богам жанчыны, якая свядома кінула сваіх дзяцей, у гэту птушку: «І яна паехала з ім, а дзяцей тых кінула. Так яна ўжо прыехала туды, жыла, а там адумалася і гавора: “Госпадзі, што ж я здзелала, што ж я сваіх дзетак кінула. Як ба мне іх найсці? Калі б мяне Бог здзелал кукушкаю, я б паляцела, я б іх найшла”. Ну, Бог здзелал яе кукушкай. Паляцела яна дамоў, а дзяцей няма. І вот лятае яна па лесу і шукае сваіх дзетак: “Ку-ку, ку-ку, ку-ку” Кукуе» (запісана ад Хадзьковай Вольгі Восіпаўны, 1938 г.н.).

Прыведзеныя матэрыялы па міфалогіі жывёльнага свету пацвярджаюць тэзіс аб тым, што ў народнай заалогіі жывёлы выступаюць як міфалагізаваныя вобразы. Запісаныя ў палявых экспедыцыях звесткі раскрываюць іх пэўны сімвалічны сэнс, дэманструючы тым самым як агульнаславянскія рысы мыслення продкаў, так і адметнасці этнічнага светапогляду.

Выкарыстаны матэрыял фальклорнага архіва кафедры рускай і сусветнай літаратуры УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны».

Літаратура

1. Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. / С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімковіч. – 2-ое выд., дап. – Мн. : Беларусь, 2006. – 599 с.
2. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.
3. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5-ти т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1999. – Т. 2. Д–К (Крошки). – 704 с.
4. Міфалогія беларусаў: энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мн. : Беларусь, 2011. – 607 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 10.01.2019

УДК 811.161.1'373+811.161.3'373+811.11'373

Грамматические различия интернациональных фразеологических единиц русского, белорусского и английского языков

Ю.В. НОВОГРАН

Рассмотрены грамматические показатели, на основании которых осуществлено сопоставление фразеологических единиц. В ходе анализа установлено, что грамматические расхождения могут быть как синтаксическими, так и морфологическими и связаны с грамматическими системами языков. Самые многочисленные расхождения обусловлены способами передачи синтаксической связи и наличием либо отсутствием артикля. Научные выводы подтверждены фактическим материалом из русского, белорусского и английского языков, а также количественными показателями.

Ключевые слова: интернациональные фразеологизмы, фразеологические параллели, грамматические различия, система языка, синтаксические различия, морфологические различия.

Grammatical indicators, on the basis of which the comparison of phraseological units was carried out, are analyzed. The analysis showed that grammatical differences can be both syntactic and morphological. They are associated with grammatical systems of languages. The most numerous differences happen due to the ways of transmitting the syntactic connection and the presence or absence of the article. Scientific findings are confirmed by factual material from the Russian, Belarusian and English languages, as well as quantitative indicators.

Keywords: international phraseological units, phraseological parallels, grammatical differences, language system, syntactic differences, morphological differences.

Введение. Общие и специфические средства выражения, присущие грамматическому строю языков, находят отражение в интернациональном фонде фразеологии. Грамматические различия интернациональных фразеологических единиц русского, белорусского и английского языков связаны с системами языков. Как отмечает Э.М. Солодухо, в основе грамматических расхождений интернациональных фразеологических единиц лежат «особенности употребления грамматических форм и конструкций, свойственных языку или группе языков» [1, с. 63]. Лингвисты О.И. Блинова и Е.А. Юрина утверждают, что «грамматические отличия в межъязыковом сопоставлении соответствуют формальному отличию фразеологических единиц» [2, с. 62]. А.О. Жолобова подчеркивает, что «абсолютное совпадение структурно-грамматической организации фразеологических единиц в трех языках скорее исключение, чем правило» [3, с. 11].

Цель данной статьи – выявление грамматических различий между интернациональными фразеологическими единицами русского, белорусского и английского языков и причин таких расхождений. Материалом для анализа послужили 236 параллелей интернациональных фразеологических единиц с грамматическими расхождениями, выбранные из следующих фразеографических источников: «Фразеологический словарь русского языка» А.И. Молоткова [4], «Большой англо-русский фразеологический словарь» А.В. Кунина [5], «Словарь русской фразеологии» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой [6], «Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы ў 2-х тамах» И.Я. Лепешева [7], «Oxford dictionary of English idioms» («Оксфордском словаре английских идиом») [8], «Лепта біблейскай мудрости: біблейскія крылатыя выражэнні і афорызмы на руском, англійском, беларуском, немецком, словацком и украинском языках» Д. Балаковой, Х. Вальтера, Н.Ф. Венжинович, М.С. Гутовской, Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко [9], «Russian-English dictionary of idioms» («Русско-английский словарь фразеологизмов») С. Любенски [10].

Основная часть. Рассмотрим виды грамматических расхождений между интернациональными фразеологическими единицами русского, белорусского и английского языков.

Различия в способах передачи синтаксической связи. Одной из самых распространенных причин грамматических расхождений интернациональных фразеологических единиц

является различие в способах передачи синтаксических отношений и неодинаковая роль средств синтаксической связи в синтетических (русском, белорусском) и аналитическом (английском) языках. Обнаружено 211 параллелей фразеологических единиц с таким типом расхождений.

Например, для флективных белорусского и русского языков характерны три способа выражения подчинения: согласование, управление, примыкание. При этом первые два являются преобладающими. Флективные способы выражения связи между компонентами словосочетания (согласование и управление) не так продуктивны в английском языке, в котором основным приемом передачи синтаксической связи является примыкание. Например: согласование в рус. *золотая свадьба*, бел. *залатое вяселле* и примыкание в англ. *the golden wedding* (букв. золотая свадьба); согласование в рус. *серебряная свадьба*, бел. *сярэбранае вяселле* и примыкание в англ. *the silver wedding* (букв. серебряная свадьба).

Отсутствие объектного управления в английском языке в некоторых случаях компенсируется наличием в нем посессивных конструкций: рус. *подрезать крылья кому* – бел. *падрэзаць (абрэзаць) крылы каму* – англ. *clip smb's wings* (букв. подрезать чьи-то крылья).

Белорусским и русским интернациональным фразеологическим единицам причастноименной группы с согласованием с зависимым атрибутивным компонентом в препозиции либо постпозиции в английском языке соответствуют фразеологизмы-интернационализмы той же группы с зависимым компонентом в препозиции с примыканием, в котором зависимый компонент выражен причастием I либо II. Например: рус. *Фома неверующий* – бел. *Фама няверуючы* – англ. *doubting Thomas* (букв. неверующий Фома); рус. *ходячая энциклопедия* – бел. *хадзячая энцыклапедыя* – англ. *walking dictionary* (букв. ходящая энциклопедия); рус. *святая простота* – бел. *святая прастата* – англ. *blessed innocence* (букв. благословенная простота); рус. *земля обещанная* – бел. *абяцаная зямля* – англ. *the promised land* (букв. обещанная земля); рус. *запретный плод* – бел. *забаронены плод* – англ. *forbidden fruit* (букв. запрещенный плод).

В английском языке встречаются интернациональные фразеологические единицы атрибутивно-препозитивного типа с примыканием, в котором зависимый компонент выражен существительным. Данной группе английских фразеологизмов в белорусском и русском языках соответствует группа с согласованием с зависимым компонентом-прилагательным: рус. *судный день* – бел. *судны дзень* – англ. *judgment day* (букв. судный день); рус. *пушечное мясо* – бел. *гарматнае мяса* – англ. *cannon fodder* (букв. пушечное мясо); рус. *крокодиловы слезы* – бел. *кракадзілавы слезы* – англ. *crocodile tears* (букв. крокодиловы слезы).

В русском и белорусском языках фразеологизмы с управлением могут иметь зависимый компонент, который располагается после главного слова и выражен существительным в форме родительного падежа. В английском языке таким фразеологизмам соответствуют идиомы с примыканием при наличии предлога *of*. В английском языке конструкция «существительное + предлог *of* + существительное» имеет широкое распространение. Данное расхождение вызвано отсутствием развитой падежной системы в грамматике английского языка в отличие от русского и белорусского. Зависимый член конструкции в английском языке передает различные признаки, свойства, особенности, атрибутивные и некоторые другие отношения. Была выявлена 81 параллель интернациональных фразеологизмов с таким расхождением. Например, рус. *песня песней* – бел. *песня песняў* – англ. *the Song of Songs* (букв. песня песней); рус. *соль земли* – бел. *соль зямлі* – англ. *the salt of the earth* (букв. соль земли); рус. *символ веры* – бел. *сімвал веры* – англ. *the Symbol of faith* (букв. символ веры); рус. *поцелуй Иуды* – бел. *пацалунак Юды* – англ. *kiss of Judas* (букв. Иудин поцелуй); рус. *золотое сердце* – бел. *залатое сэрца* – англ. *a heart of gold* (букв. золотое сердце); рус. *книга жизни* – бел. *кніга жыцця* – англ. *the book of life* (букв. книга жизни); рус. *дамоклов меч* – бел. *дамоклаў меч* – англ. *the sword of Damocles* (букв. меч Дамокла); рус. *слуга двух господ* – бел. *слуга двух паноў* – англ. *servant of two masters* (букв. слуга двух хозяев).

Различие в наличие конструкции со сложным дополнением в английском языке и отсутствии его в русском и белорусском языках. Характерными для английского языка являются инфинитивная и герундиальная конструкции, в которых десемантизированные глаголы

make, get, have употребляются со сложным дополнением. Выявлено 15 случаев расхождений. Например, в англ. *it makes the heart bleed* (букв. заставить сердце кровить) используется инфинитивная конструкция со сложным дополнением *the heart bleed* в сравнении с рус. *сердце кровью обливается* и бел. *сэрца крывёю абліваецца*; англ. *make someone's flesh creep* (букв. заставить чью-то плоть покрыться кристаллами) – рус. *мороз продурает (подирает) по коже* – бел. *мароз па скуры (на спіне, на целе) <прабягае, ходзіць, дзярэ>* у каго, каго, чыёй; англ. *make someone's hair stand on end* (букв. заставить чьи-то волосы стоять на дыбах) – рус. *волосы дыбом встали (встают)* – бел. *валасы сталі дыбам* у каго; англ. *make someone's mouth water* (букв. заставить чей-то рот стать мокрым) – рус. *слюнки текут* – бел. *слінка (-і) цячэ (цякла)* у каго; англ. *make someone's blood boil* (букв. заставить чью-то кровь кипеть) – рус. *кровь закипела* – бел. *кроў закінела ў каго*; англ. *have one's heart sink into one's boots* (букв. получить свое сердце утонувшим в своих сапогах) – рус. *душа ушла в пятки* – бел. *душа ў пяткі схавалася (ускочыла)*. В англ. *have smth hanging over one's head* (букв. иметь что-то висящее над своей головой) используется причастная конструкция со сложным дополнением в сравнении с рус. *висеть над головой* и бел. *вісець над галавой*.

Различие в наличии предложной абсолютной конструкции в английском и предложного распространенного оборота и деепричастного оборота в русском и белорусском языках. Интернациональные фразеологизмы, образованные по образцу предложных абсолютных конструкций, присущих английскому языку, в белорусском и русском языках имеют конструкции предложного распространенного оборота и деепричастного оборота. Например, фразеологизм англ. *with one's head high* (букв. с высоко поднятой головой) образован по образцу предложной абсолютной конструкции, в то время как рус. *с высоко поднятой головой* – бел. *з (высако) паднятай галавой* имеют структуру предложного развернутого оборота. Фразеологизм англ. *with one's hand upon one's heart* (букв. с рукой на сердце) построен по модели предложной абсолютной конструкции, в сопоставлении с рус. *положа руку на сердце* и бел. *палажыўшы руку на сэрца*, организованными по образцу деепричастного оборота.

Расхождение в наличии притяжательного местоимения и прилагательного own в английском и отсутствии в русском и белорусском языках. Одним из частых случаев частичных грамматических различий является притяжательное местоимение *one's* в английской фразеологии (140 фразеологических параллелей). Значение такого местоимения приближено к артиклю. В русском и белорусском языках оно отсутствует. Например, англ. *cock one's nose* (букв. поднять нос вверх) – рус. *задирать нос* – бел. *задзіраць нос*; англ. *suck in with one's mother's milk* (букв. всасывать с материнским молоком) – рус. *всасывать с молоком матери* – бел. *усмоктаць (усмактаць) з малаком маці*; англ. *cock one's ear (ears)* (букв. поднять уши) – рус. *наострить уши* – бел. *навастрыць вушы*; рус. *держат язык за зубами* – бел. *трымаць язык за зубамі* – англ. *keep one's tongue between one's teeth* (букв. держать язык между зубами).

Другим случаем частичных грамматических различий является наличие прилагательного *own* (букв. собственный) (24 фразеологические параллели) в составе некоторых фразеологических единиц английского языка. Прилагательному предшествует притяжательное местоимение или существительное в посесивном залоге: англ. *one's own flesh and blood* (букв. своя собственная плоть и кровь) – рус. *плоть и кровь* – бел. *плоць і кроў*; англ. *go (take) one's own way* (букв. идти своим собственным путем) – рус. *идти своей дорогой* – бел. *ісці сваёй дарогай*; англ. *take matters into your own hands* (букв. взять дела в свои собственные руки) – рус. *взять в <свои> руки* – бел. *убраць (прыбраць) у <свае> рукі*.

Различия в формах глагола. Расхождения интернациональных фразеологизмов русского, белорусского и английского языков могут быть вызваны грамматическими способами образной передачи обобщенности более конкретных исходных понятий [1, с. 66]. В русских и белорусских фразеологизмах используются обобщенно-личные предложения, в которых отсутствует местоимение второго лица единственного числа, значение которого передается главным членом (11 фразеологических параллелей). В английском языке частичные грамматические расхождения могут быть вызваны при использовании в таких фразеологизмах подлежащего *you* (букв. ты) либо *one* (букв. кто-то), обозначающего неопределенное лицо. Например, рус.

рубить сук, на котором сидишь – бел. *рубіць сук, на якім сядзіш* – англ. *to saw off the bough on which you are sitting* (букв. отпиливать сук, на котором ты сидишь); рус. *всем не угодишь* – бел. *усім не дагодзіш* – англ. *you can't win them all* (букв. ты не можешь завоевать их всех).

В фразеологизме бел. *на пальцах можна пералічыць* используется конструкция безличного предложения в сравнении с обобщенно-личным предложением в рус. *по пальцам пересчитаешь (сосчитаешь)* и безличным в англ. *you can count something on the fingers of one hand <on your fingers>* (букв. ты можешь пересчитать на пальцах своей руки).

Наличие / отсутствие артикля. К морфологическим расхождениям относится наличие или отсутствие артикля в составе фразеологизмов [11, с. 134]. Это отличие является результатом того, что в английском языке, по сравнению с русским и белорусским языками, существительные обладают категорией определенности / неопределенности, выражающейся оппозицией определенного и неопределенного артиклей: рус. *блудный сын* – бел. *блудны сын* – англ. *the prodigal son* (букв. блудный сын); рус. *соль земли* – бел. *соль зямлі* – англ. *the salt of the earth* (букв. соль земли); рус. *пригреть змею на груди* – бел. *выгадаваць гада за пазухай* – англ. *warm a snake in one's bosom* (букв. пригреть змею в груди); рус. *копать яму* – бел. *капаць яму каму* – англ. *dig a hole* (букв. копать дыру).

Различие в использовании предлогов. Различие в использовании предлогов (70 фразеологических параллелей) связано с употреблением неэквивалентных предлогов в интернациональных фразеологизмах, либо с отсутствием предлогов в одном языке, при наличии их в другом.

Приведем несколько примеров интернациональных фразеологизмов с различием в употреблении предлогов: рус. *пройти огонь и воду* – бел. *прайсці агонь і ваду* – англ. *go through fire and water* (букв. пройти сквозь огонь и воду); рус. *скакать под чью дудку* – бел. *скакаць пад чью дудку* – англ. *dance after (to) smb's pipe* (букв. скакать после (для) чьей-л. дудки); рус. *рвать на себе волосы* – бел. *рваць на сабе валасы* – англ. *tear one's hair out* (букв. рвать свои волосы с корнем); рус. *книга за семью печатями* – бел. *кніга за сямю пячаткамі* – англ. *book sealed with seven seals* (букв. книга, запечатанная с семью печатями); рус. *колосс на глиняных ногах* – бел. *калос на гліняных нагах* – англ. *colossus with feet of clay* (колосс с ногами из глины); рус. *быть при деньгах* – бел. *быць пры грашах* – англ. *be in the money* (букв. быть в деньгах); рус. *играть на руку кому* – бел. *іграць на руку каму* – англ. *play into someone's hands* (букв. играть в чьи-то руки); рус. *на седьмом небе* – бел. *на сямым небе* – англ. *in seventh heaven* (в седьмом небе).

Отличия в употреблении глаголов «быть» и «иметь». Европейские языки можно разделить на языки «иметь» и языки «быть». Такое различие находит место и в фразеологизмах, когда один язык предпочитает, как правило, по причине своей принадлежности к одной из данных групп глагол «иметь», а другой язык – глагол «быть» [12, с. 203]. Таких расхождений выявлено 7.

Так, русский фразеологизм *быть на примете*, который представляет собой оборот, образованный по интернациональной модели, имеет эквивалент с тождественным компонентным составом в белорусском языке: *<быць> на прымеце (на прыкмеце)*, но отличается по компонентному составу с английским: *have one's (an) eye on smb.* (букв. иметь свой глаз на ком-то). То же самое можно заметить и в англ. *have sticky fingers* (букв. иметь грязные пальцы) – рус. *нечистый на руку* – бел. *нячысты на руку*; рус. *нечего терять* – бел. *няма чаго губляць (траціць)* – англ. *to have nothing to lose* (букв. не иметь то, что можно потерять).

Данное языковое отличие может оказаться настолько существенным, что сопоставляемые фразеологические единицы уже нельзя будет называть полными интернациональными эквивалентами. Например, образ острого языка как символа резкого в выражениях, язвительного человека является интернациональным. Если в русском и белорусском языках этот образ присутствует во фразеологических единицах рус. *острый на язык* – бел. *востры на язык*, то в английском языке существует фразеологизм с иной конструкцией: англ. *have a sharp tongue* (букв. иметь острый язык). То же можно заметить в англ. *have sticky fingers* (букв. иметь грязные пальцы) – рус. *нечистый на руку* – бел. *нячысты на руку*.

Расхождения языков «быть» и «иметь» иногда могут быть тесно связаны с проблемой действительного и страдательного залога фразеологических единиц. С заменой глагола *быть*

на глагол *иметь* может быть связана замена залога целого сочетания. Например, русский фразеологизм *лед разбит* и белорусский *лёд паламаны (разбіты)* употребляются в пассивном залоге и имеют в английском эквивалент *the ice breaks* (букв. лед ломается) – в активном залоге.

Расхождение в наклонении глагола. В ходе анализа было выявлено 2 случая расхождений в типе наклонения. Это различие является редким для интернациональной фразеологии. Например, условное наклонение в англ. *wouldn't hurt a fly* (букв. не убил бы муху) и изъявительное в рус. *мухи не обидит* и бел. *мухі не пакрыўдзіць*.

Второй пример встречается в бранном фразеологизме, где желание сделать другому плохо, проклятие выражается либо в форме повелительного наклонения, например, англ. *the devil take it* (букв. дьявол возьмет это), либо в форме условного наклонения бел. *чорт бы яго (яе, іх, цябе, вас) узяў (пабраў)* и рус. *черт бы его побрал*.

Различие в наличии / отсутствии возвратной конструкции. Примеров фразеологизмов-интернационализмов с различиями в наличии и отсутствии возвратной конструкции обнаружено также немного – 10 фразеологических параллелей. Отличия на данном уровне вызваны особенностями грамматического строя сопоставляемых языков, и поэтому такие эквиваленты можно отнести к полным. К таким расхождениям относятся такие выражения, как рус. *сердце оборвалось* – бел. *сэрца абарвалася* – англ. *someone's heart sank* (букв. сердце утонуло); рус. *кататься (валяться) со смеху* – бел. *класціся, (кіснуць) са смеху* – англ. *to roll (rock, roar) with laughter* (букв. раскатываться со смехом).

Отличие в категории числа существительных. Часть фразеологических единиц характеризуется расхождениями в числе существительного – 54 фразеологические параллели. Примером служат такие выражения, как рус. *завеса упала с глаз чьих* – бел. *<нібы (як)> заслона спала з вачэй у каго, чьіх* с компонентами *завеса* и *заслона* в единственном числе в сопоставлении с англ. *the scales fell from someone's eyes* (букв. завесы упали с чьих-то глаз) с компонентом *scales* во множественном; рус. *бить себя в грудь* и бел. *біць сябе ў грудзі* (в единственном числе) – англ. *beat one's breast* (букв. бить свою грудь) (во множественном числе); англ. *separate the wheat from the chaff* (букв. отделять пшеницу от плевелы) и бел. *адвейваць зерне ад мякіны* (в единственном числе) – рус. *отделять плевелы от от зёрен* (во множественном числе); англ. *strike root* (букв. выстрелить корень) (в единственном числе) – рус. *пустить корни* и бел. *пусціць карані* (во множественном числе); англ. *take the bull by the horn* (букв. взять быка за рог) (в единственном числе) – рус. *взять быка за рога* и бел. *узяць быка за рогі* (во множественном числе); англ. *spring up like a mushroom* (букв. расти как гриб после дождя) (в единственном числе) – рус. *расти как грибы после дождя* и бел. *расці як грыбы пасля дажджу* (во множественном числе); англ. *from head to heel* (букв. с головы до пяты) (в единственном числе) – рус. *с головы до пят* и бел. *з галавы да пят* (во множественном числе).

В некоторых фразеологизмах категория числа может варьироваться в рамках одного языка. Например, рус. *подбирать ключ* – бел. *падбіраць ключык (ключы)* – англ. *fit a key* (букв. подбирать ключ); рус. *райские сады (райский сад)* – бел. *райскія (эдэмавы) сады; эдэмаў сад* – англ. *the Garden of Eden* (букв. сад Эдема); рус. *метать бисер <перед свиньями>* – бел. *сыпаць бісер (перлы) перад свіннямі* – англ. *throw <one's> pearls before swine* (букв. бросать жемчужины перед свиньями).

Пример фразеологизмов рус. *волосы (волоса) становятся (стали, встают, встали, поднимаются) дыбом* – англ. *someone's hair stand on end* (букв. волосы стоят на дыбах) – бел. *валасы становяцца (падымаюцца, падняліся, устаюць, усталі) дыбам* у каго, а также рус. *рвать на себе волосы* – бел. *рваць на сабе (на галаве) валасы* – англ. *to be tearing (pulling) one's hair <out>* (букв. вырывать свои волосы) хорошо иллюстрирует отличия, вызванные грамматической структурой языков и связанные с тем, что слово *hair* в английском языке чаще употребляется в единственном числе в таком значении. То же можно сказать и про фразеологизмы рус. *посыпать голову пеплом* – англ. *sprinkle ashes upon one's head* (букв. посыпать пепел на голову) – бел. *пасыпаць <сваю> галаву попелам*. В русском и белорусском фразеологизмах слова *пепел* и *попел* употребляются в единственном числе.

Отличие в порядке слов. В ряде случаев наблюдается несовпадение расположения компонентов во фразеологизмах – 51 фразеологическая параллель. Сравнительно большая свобода порядка слов в русском и белорусском языках обуславливает более частую перестройку грамматических схем в фразеологизмах этих языков [2, с. 78]. Такие фразеологизмы можно считать полными эквивалентами несмотря на данное отличие. Например, бел. *язык доўгі* в сравнении с рус. *длинный язык* и англ. *loose tongue* (букв. широкий язык); бел. *іскра божья* и рус. *божья искра* – англ. *divine spark* (букв. божья искра); рус. *Фома неверующий (неверный)* – бел. *Фама няверны (няверуючы)* – англ. *doubting Thomas* (букв. неверующий Фома); рус. *хлеб <наш> насущный* – англ. *<our> daily bread* (букв. <наш> ежедневный хлеб) – бел. *хлеб <наш> надзённы*. Данное расхождение связано с тем фактом, что английскому языку не свойственно наличие зависимого компонента атрибутивной конструкции в постпозиции. В русских и белорусских фразеологизмах рус. *поцелуй Иуды* – бел. *пацалунак Юды* и англ. *Judas kiss* (букв. иудин поцелуй) такой порядок слов может меняться: рус. *иудин поцелуй* – бел. *юдаў пацалунак* и англ. *the kiss of Judas* (букв. поцелуй Иуды).

Еще одним примером отличий во фразеологических эквивалентах на уровне порядка слов можно привести русское выражение *ни слуху ни духу*, с полным эквивалентом в бел. *ні слыху ні дыху*. В английском языке данный фразеологизм имеет эквивалент *neither sight nor sound of person* (букв. ни вида, ни звука человека). Английский фразеологизм *more dead than alive* (букв. более мертв, чем жив) при сопоставлении с рус. *ни живой не мертвый* и бел. *ні жывы ні мертвы*.

Фразеологизм с утвердительной конструкцией / фразеологизм с отрицательной конструкцией. Такое отношение встречается довольно редко. Всего были выявлено 4 фразеологические параллели. Примером служит английский фразеологизм *more dead than alive* (букв. более мертвый, чем живой) при сопоставлении с рус. *ни живой ни мертвый* и бел. *ні жывы ні мертвы*; англ. *get out of bed on the wrong side* (букв. встать с постели с ошибочной ноги) – рус. *встать не с той ноги* – бел. *устаць не з той нагі*; англ. *out of place* (букв. вне места) – рус. *не к месту* – бел. *не да месца*; англ. *have sticky fingers* (букв. иметь грязные пальцы) – рус. *нечистый на руку* – бел. *нячысты на руку*.

Эллипсис. Эллипсис, с точки зрения грамматики, встречается на уровне глагола-связки в именном составном сказуемом, а именно: нулевой связки в настоящем времени в русском и белорусском языках и наличии глагола-связки в английском языке. Выявлено 5 фразеологических параллелей с такими расхождениями. Например, рус. *дни сочтены чьи* – бел. *дні злічаны чые*, каго и их эквивалент в английском *someone's (something's) days are numbered* (букв. чьи-то дни есть сочтены); рус. *карта бита* – бел. *карта біта* чья, каго – англ. *one's ace has been trumped* (букв. чья-то карта была бита); рус. *руки связаны у кого* – бел. *рукі звязаны ў каго* – англ. *hands are tied* (букв. руки есть связаны).

Заключение. Грамматические расхождения между интернациональными фразеологизмами в рассматриваемых языках могут быть как синтаксическими, так и морфологическими. Более всего грамматические различия связаны с особенностями синтаксиса данных языков.

Чаще расхождения обусловлены способами передачи синтаксической связи, наличием либо отсутствием артикля, притяжательным местоимением, именной предложной конструкцией, использованием предлогов.

Менее часто проявляются отличия в виде числа существительных, в порядке слов и наличии конструкции со сложным дополнением в английском языке.

Немногочисленными оказываются случаи несовпадения в употреблении глаголов «быть» и «иметь», в формах глагола, присутствии возвратной конструкции, эллипсиса, наклонения, утвердительных и отрицательных конструкций.

Основные тенденции грамматических расхождений интернациональных фразеологизмов являются закономерными и связаны с грамматической спецификой языков. Несовпадения в плане выражения интернациональных фразеологизмов русского, английского и белорусского языков не влияют на план содержания, чаще всего не препятствуют интернациональности и не мешают идентификации.

Литература

1. Солодухо, Э.М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп) / Э.М. Солодухо. – Казань : Изд-во Казан. ун-та. – 1982. – 168 с.
2. Блинова, О.И. Фразеология в аспекте теории мотивации: на диахронном материале / О.И. Блинова, Е.А. Юрина // Фразеология и когнитивистика : материалы Первой Междунар. науч. конф., Белгород, 4–6 мая, 2008 г. : в 2 т. / Белгородский государственный университет ; редкол.: Н.Ф. Алефиренко (гл. ред.) [и др.]. – Белгород, 2008. – Т. 1. – С. 58–64.
3. Жолобова, А.О. Фразеологические единицы библейского происхождения в английском, испанском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А.О. Жолобова ; Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2005. – 18 с.
4. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков [и др.] ; под ред. А.И. Молоткова. – М. : Советская энциклопедия, 1968. – 544 с.
5. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – 944 с.
6. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
7. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2-х т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1. – 672 с. ; Т. 2. – 704 с.
8. Cowie, A.P. Oxford Dictionary of English Idioms / A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – V. 2. – 685 p.
9. Лепта библейской мудрости : библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Д. Балакова [и др.]. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2014. – 208 с.
10. Lubensky, S. Russian-English dictionary of idioms / S. Lubensky. – New Haven : Yale University Press, 2013. – 992 с.
11. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М. : Прогресс, 1974 – 448 с.
12. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.

Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 20.04.2019

УДК 811.111'37

Гісторыка-этымалагічны аналіз слоў лексіка-семантычнага мікраполя «прыгожы знешні выгляд» у англійскай мове

Г.В. ПЕТРАСЯН

Артыкул прысвечаны лексічнай структураванасці і семантычнай напоўненасці мікраполя «прыгожы знешні выгляд» у англійскай мове. На матэрыяле тлумачальных, этымалагічных слоўнікаў і слоўнікаў сінонімаў праводзіцца аналіз асноўных і дадатковых сем мікраполя. Асаблівая ўвага надаецца гістарычным пераўтварэнням лексем мікраполя «прыгожы знешні выгляд» у англійскай мове.

Ключавыя словы: лексічная адзінка, сема, лексіка-семантычнае поле, лексіка-семантычная група, лексіка-семантычнае мікраполе, ядро мікраполя, цэнтр мікраполя, перыферыя мікраполя.

The article is devoted to the structure and semantic content of the microfield «beautiful appearance» in the English language. The analysis of core and additional semes is carried out using the data from explanatory, etymological and synonymic dictionaries. Particular attention is paid to the historic transformation of the lexical units from microfield «beautiful appearance» in the English language.

Keywords: lexical unit, seme, lexical-semantic field, lexical-semantic group, lexical-semantic microfield, core center of microfield, microfield peripherals.

Тэрмін «семантычнае поле» пачаў актыўна ўжывацца пасля таго, як выйшлі ў свет працы Ё. Трыра і Г. Іпсэна. Палявое структураванне дазваляе раскрыць дыялектычныя сувязі паміж моўнымі з'явамі і пазамоўнай рэчаіснасцю, выявіць нацыянальна-спецыфічныя рысы моўнай свядомасці [1]. Лексіка-семантычнае поле (далей – ЛСП) – гэта сукупнасць слоў адной ці некалькіх часцін мовы на аснове агульнага сэнсавага кампанента (семы) у структуры іх значэння. Моўныя адзінкі складаюць іерархічна арганізаваную сукупнасць [2, с. 99].

Традыцыйна ў складзе ЛСП вылучаюць ядро, цэнтр (прыядзерную зону) і перыферыю. Ядро поля выражае агульнае значэнне – архісему. Цэнтр поля ўтвараюць словы з дыферэнцыйнымі семантычнымі прыметамі. Моўныя адзінкі, якія знаходзяцца на перыферыі, маюць складаны, спецыялізаваны змест і цесна ўзаемадзеюць з членамі сумежных палёў. Пераход ад ядра да перыферыі не мае выразных межаў, адбываецца паступова. Семантычныя палі могуць перасякацца ці цалкам уваходзіць адно ў другое. Значэнне слова выразна вызначаецца толькі ў тым выпадку, калі вядомы значэнні іншых слоў з таго самага поля.

Аналіз лексічных адзінак паказаў, што ЛСП «прыгажосць» – гэта складаная сістэма, якая ўключае ў сябе некалькі падсістэм з лексемамі, аб'яднанымі інтэгральнай семай «прагажосць». У яго ўваходзіць чатыры субпалі: 1) «прыемная ці прывабная рыса чаго-небудзь», 2) «прыгожая асоба ці рэч», 3) «выключная якасць у сваім класе», 4) «перавага». Кожнае субполе складаецца з мікрапалёў, якія распадаюцца на групы. Напрыклад, субполю «прыемная ці прывабная рыса чаго-небудзь» належаць мікрапалі «прыгожы знешні выгляд» і «якасці, што даюць пачуццёвае ці інтэлектуальнае задавальненне».

Лексіка-семантычнае мікраполе «прыгожы знешні выгляд» у англійскай мове складаюць 116 лексічных адзінак розных часцін мовы. Гэтыя словы былі выяўлены метадам мэтавай выбаркі з такіх слоўнікаў, як «Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English» А.С. Хорнбі [3]; «The American Heritage Dictionary of the English Languages» Вільяма Морыса [4]; «Cambridge Advanced Learner's Dictionary» [5]; «Chambers' Dictionary» [6]; «Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus» [7]; «Webster's New World College Dictionary» [8].

Мікраполе «прыгожы знешні выгляд» складаецца з 10 груп:

- 1) «элегантнасць»: *refinement* (зграбнасць), *elegant* (элегантны), *grace* (грацыя);
- 2) «зачараванне»: *fascination* (зачараванне); *congeniality* (кангеніяльнасць);

- 3) «прывабнасць»: *attractiveness* (прывабнасць), *catching* (спакуслівы), *clean* (ясны), *magnetic* (магнетычны);
- 4) «уражанне»: *impressive* (уражальны), *stark* (дасканалы);
- 5) «вытанчанасць»: *distinguished* (далікатны), *sophistication* (вытанчаны), *subtle* (пяшчотны);
- 6) «шарм»: *temptation* (спакуса), *charm* (шарм), *allure* (спакуса);
- 7) «сексуальнасць»: *fascination* (зачараванне), *sexiness* (сексуальнасць), *sex appeal* (сексуальнасць);
- 8) «асяпляльнасць»: *brilliant* (іскрысты), *radiant* (бліскучы), *bright* (яркі);
- 9) «асалода»: *delight* (прыемнасць), *enjoyment* (асалода), *pleasure* (задавальненне), *gratification* (радасць), *relish* (хараство);
- 10) «зладжанасць»: *regular* (правільны), *fine* (тонкі), *sharp* (выразны).

Гісторыка-этымалагічны аналіз блізкіх да ядра лексічных адзінак дазваляе вылучыць дадатковыя семы і прасачыць гістарычныя пераўтварэнні і асноўныя шляхі замацавання слоў са структуры мікраполя «прыгожы знешні выгляд» у англійскай мове.

Этымалагічныя слоўнікі згадваюць падабенства лексем заходнеўрапейскіх і славянскіх моў: старажытнаславянскі карань *крас-*, па адной з гіпотэз, мае агульнае паходжанне з лацінскім словам *gratia*, якое праз адну са сваіх формаў *gratus* збліжаецца з санскрыцкім *gurtas*, ад якога паходзіць слова *grateful*, што ў англійскай мове азначае 'ўдзячны; любы, прыемны, які дастаўляе задавальненне'. Гэты карань узыходзіць да старажытных індаіранскіх і балтыйскіх слоў, што абазначаюць 'усхваленне' [9, с. 1313]. Ён уяўляе сабою выражэнне эмацыйнай ацэнкі ўхвалы і захаплення і мае цесную сувязь з катэгорыяй прыгажосці. У дадзеным выпадку паняцце «прыгажосць» этымалагічна развіваецца па лініі: пэўнае дзеянне са станоўчай ацэнкай – агульная станоўчая ацэнка – эстэтычная станоўчая ацэнка.

Аналізуючы ядро мікраполя «прыгожы знешні выгляд» і блізкія да яго лексічныя адзінкі ў англійскай лінгвакультуры, варта адзначыць, што словы *beauty* і *beautiful* этымалагічна з'яўляюцца запазычаннямі з французскай мовы, а калі закрануць яшчэ больш «даўні» этымалагічны пласт, то можна пераканацца, што карані французскага слова ўзыходзяць да лацінскага *bellus*, якое, у сваю чаргу, узыходзіць да слова *bonum* (добры) [9, с. 237–238].

Такім чынам, у англійскай мове ідэя прыгажосці ўяўляе сабою канкрэтызацыю агульнай ацэначнай станоўчай прыметы. Сэнсавае збліжэнне агульнай і эстэтычнай станоўчай ацэнкі з'яўляецца натуральнай ацэначнай кваліфікацыяй аб'ектаў паводле прынцыпу «добрае – прыгожае».

Слова *beauty* было ўпершыню згадана ў пісьмовых крыніцах XIV ст. (*bealte*) і спачатку азначала вонкавую, фізічную прывабнасць (*physical attractiveness, also goodness, courtesy*). Гэтая адзінка паходзіць ад англа-нармандскага *beute* і раней ад старафранцузскага (XII ст.) *biauté* (прыгажосць, спакуслівасць, прыгожы чалавек) і мае сучасны французскі варыянт *beauté*. У ранніх крыніцах можна сустрэць іншую форму – *beltet* ад народна-лацінскага *bellitatem* (*bellitas*) (стан прыгажосці), што паходзіць ад лацінскага *bellus* (сімпатычны, чароўны). Паводле слоўніка, у класічнай лацінскай мове гэтае слова ўжываецца ў адносінах да жанчын і дзяцей або ў іранічным кантэксце з утоеным сарказмам выступае абразай асобы мужчынскага полу [10, с. 237–238].

Гэтая адзінка напрыканцы XIV ст. замяніла сабой стараанглійскае слова *wlite*, якое мела значэнне 'прывабная жанчына'.

У англійскай мове можна знайсці шмат фразеалагізмаў, крылатых выразаў, прыказак і прымавак са словам *beauty*, напрыклад, вядомы выраз *beauty sleep* (прыгожы сон) – 'сон перад поўначчу' (з'явіўся ў 1850 г.), а таксама *beauty spot* (прыгожая кропка) – 'радзімка, радзімы знак' (1650-я гг.). *Beauty parlor* (салон прыгажосці) датуецца 1894 г. Крыніцы 1866 г. зафіксавалі таксама лексему *beaut*, якая з'яўляецца скарачэннем ад *beauty* і абазначае прыгожую рэч ці чалавека [9, с. 237–238].

У этымалагічных слоўніках можна знайсці спецыфічнае сэнсавае адценне прыгажосці, сутнасць якога суадносіцца з наступным пастулатам: «прыгажосць можа быць фатальнай», «прыгажосць можа загубіць», «прыгажосць так ці інакш злучана з падкопамі д'ябла»,

«прыгажосць ёсць зло» і да т. п. Прыкладам, што пацвярджае гэты тэзіс, з'яўляецца выраз *Beauté du diable* (прыгажосць д'ябла), які часта ўжываецца ў брытанскай літаратуры XIX ст. менавіта ў французскім напісанні (хоць часам можна сустрэць і варыянт *devil's beauty*). Першае згадванне гэтай фразы адносяць да 1825 г. [9, с. 237].

Слова *bright* (яркі) знаходзіцца ў непасрэднай блізкасці да ядра лексіка-семантычнага мікраполя. Лексема паходзіць ад стараанглійскага *bryht, beorht* (яркі, надзвычайны, чароўны). Паступова лексема набыла таксама сэнс 'разумны', 'дасціпны' (*quick-witted* з 1741 г. ужываецца ў літаратуры менавіта ў гэтым сэнсе).

Можна сустрэць таксама многа шэкспірызмаў, якія, хоць і не з'яўляюцца ўжывальнымі на сённяшні дзень, але праз этымалогію дапамагаюць скласці поўнае ўяўленне пра «прыгожы знешні выгляд». Слова *sheen* (зіхатлівы, яркі) упершыню ўжыта ў п'есе «Гамлет» у 1602 г. Этымалагічна слова эвалюцыявала ад пратагерманскага *skauniz* (заўважны) [9, с. 3003].

Яшчэ адна адзінка, блізкая да ядзернага сегмента мікраполя «прыгожы знешні выгляд», *pretty* (добры, выдатны) узыходзіць да пратагерманскага *pratt*. Этымалагічна яна паходзіць ад старажытнаанглійскага *praetig* (хітры); пазней – ад старажытнаісландскага *pretrr* і нідэрландскага *prettig* [10, с. 289].

Варта адзначыць, што дыхранічнае развіццё значэння гэтага слова праходзіла паралельна з развіццём семантыкі іншых слоў – *canny, clever, cunning, fine, nice. Pretty* можна суаднесці з каранем, які паходзіць ад літоўскага *protas* (розум). Такім чынам, у складзе мікраполя «прыгожы знешні выгляд» прысутнічае таксама і шэраг асобных станоўчых паняццяў-якасцей – 'разумны', 'умелы', якія першапачаткова перайшлі ў разрад агульнаазначных, а потым з цягам часу і семантычным развіццём зноў канкрэтызаваліся для абазначэння прыгажосці. Гэты прыклад сведчыць пра існаванне тэндэнцыі да развіцця значэння слова ад канкрэтнага да абстрактнага. Абазначэнне эмацыйных модуляў, такіх, як 'страх', 'радасць', 'смутак', таксама развівалася ад канкрэтнага да абстрактнага, ад выражэння чалавечай рэакцыі (напрыклад, страх выяўляецца праз здранцвенне, задуху) да абазначэння эмацыйнага псіхічнага стану.

Такім чынам, словы з эстэтычнай ацэнкай у складзе мікраполя «прыгожы знешні выгляд» развіваюцца па трохступеневай мадэлі: пэўная станоўчая прымета – агульная станоўчая прымета – эстэтычная станоўчая прымета.

У непасрэднай семантычнай блізкасці ад ядра вывучанага мікраполя знаходзіцца таксама адзінка *fair*. *Fair* (выдатны) мае германскія карані і паходзіць ад старажытнаанглійскага *fæger*. Гэты карань сустракаецца ў паўночных мовах (*fagr*); старажытнасаксонскай (*fagar*); старажытна-нямецкай (*fagar*); мове готаў (*fagrs* – прыгодны, прыдатны); старажытнаісландскай (*faga* – упрыгожваць); а таксама мае сувязь з сучаснай нямецкай мовай (*fegen* – месці, чысціць); літоўскай (*puosti* – упрыгожваць) [10, с. 124]. Такім чынам, прыгажосць мае адценні семы 'ачышчэнне, упрыгожанне'.

Лексіка-семантычнае мікраполе «прыгожы знешні выгляд» у англійскай мове мае дадатковую сему 'здзіўленне'. Гэта значыць, ідэя эстэтычнай ацэнкі выяўляецца праз словы са значэннем 'дзівіцца'. Пацвярджае тэзіс лексема *stunner*, ужытая ўпершыню ў 1829 г. у значэнні 'прыгожая жанчына', а таксама 'той, хто выклікае захапленне ці здзіўленне' [9, с. 3279]. Англійскі дзеяслоў *admire* з'яўляецца запазычаннем з лацінскай мовы і ўзыходзіць да слова *miracle* (дзіва). Лацінскі карань *mirari* абазначае 'глядзець' [9, с. 2000–2001].

Такім чынам, прыгажосць – візуальнае паняцце, а таксама з'яўляецца шчаслівай «выпадковасцю», рэдкай камбінацыяй станоўчых характарыстык ('дзіва', 'дзівіцца').

У склад мікраполя «прыгожы знешні выгляд» таксама ўваходзяць лексемы *charm, charming* (зачараванне, чароўны). Як паказана ў этымалагічным слоўніку М. Макоўскага, *charm* азначае 'зачароўваць, заварожваць, злучаць чарамі' [10, с. 86]. Гэтае слова ўзыходзіць да французскага *charme*, якое, у сваю чаргу, суадносіцца з лацінскім *carmen* (песня) праз дысіміляцыю. Гэта прыводзіць нас да высновы, што прыгажосць непарыўна злучаецца з харызмай, зачараваннем і нясе, акрамя іншых асацыяцый, сувязь з вядзьмарствам, магіяй. Прыгажосць «зачароўвае» свайго гледача.

Дзеяслоў *beautify* выкарыстоўваецца ў англійскай мове з XV ст. і абазначае 'рабіць што-небудзь прыгожым', 'рабіцца прыгожым'. Яшчэ адзін дзеяслоў, што ўваходзіць у мікраполе «прыгожы знешні выгляд», *embellish*, упершыню датаваны сярэдняй XIV ст., абазначае 'рабіць што-небудзь прыгожым', 'упрыгожваць'. Гэтае слова паходзіць ад старафранцузскага *embelliss*, *embellir* (упрыгожваць, асабліва арнамантам, узорам). У сярэдзіне XV ст. з'явілася таксама значэнне 'прыбірацца' і 'надзяляць гісторыю, апавяданне выдуманымі дэталямі' [9, с. 238].

Слова *gorgeous* (цудоўны, ухвальны, выдатны) датуецца XVI ст. Слоўнік сведчыць, што дадзеная лексема мае дачыненне да адзення і паходзіць ад сярэднефранцузскага *gorgias* (элегантны, модны) [9, с. 1307]. Паходжанне слова застаецца невядомым, але выказваюцца здагадкі, што лексема мае дачыненне да слова «каралі» ад старафранцузскага *gorge* (горла). Гэта сведчыць, што паняцце прыгажосці непарыўна звязана з адзеннем, аксесуарамі. Яно значна шырэшае, чым пазначэнне прыемнага выгляду, дадзенага ад прыроды.

Падчас гістарычных пераўтварэнняў не ўсе лексемны змаглі замацавацца ў сучаснай англійскай мове. Цікавым для аналізу з'яўляецца слова *acute*, якое на дадзены момант не ўваходзіць у ЛСП «прыгажосць» у англамоўнай культуры. Пад канец XIV ст. гэтае слова ўжывалася (як і сёння) у дачыненні да ліхаманак, хваравітых станаў і супрацьстаўлялася слову *chronic* (хранічны). Слова паходзіць ад лацінскага *acutus* (востраканцовы, востры), у лацінскай мове яно займела пераносны сэнс – 'захапляльны, усёпаглынальны', пазней – 'цікавы, прыемны, прывабны' (XV ст.). Значэнні 'інтэнсіўны', 'які захапляе' датуецца 1727 г. Слоўнік таксама мае інфармацыю пра тое, што ўжо ў 1731 зафіксавана ўжыванне слова *cute* у значэнні *clever* (разумны) як скарачэнне ад *acute*; далей этымалагічнае развіццё адзінка атрымала ў 1834 г. і набыла гутарковае значэнне слова *pretty* [9, с. 28].

Гісторыка-этымалагічны аналіз мікраполя «прыгожы знешні выгляд» паказаў, што часта лексемны праходзілі некалькі моўных ступеняў і толькі потым знаходзілі патрэбнае значэнне ў англійскай мове. Можна вылучыць мовы, якія паслужылі грунтам для фармавання лексем, што залучаюць «прыгажосць»:

- 1) стараанглійская мова – сучасная англійская мова;
- 2) старафранцузская мова – сярэднефранцузская мова – сучасная англійская мова;
- 3) сярэднефранцузская мова – сучасная англійская мова;
- 4) сучасная французская мова – сучасная англійская мова;
- 5) старажытнаскандынаўская мова – англа-нармандская мова – стараанглійская мова – сучасная англійская мова;
- 6) лацінская мова – старафранцузская мова – сярэднефранцузская мова – сучасная англійская мова;
- 7) лацінская мова – стараанглійская мова – сучасная англійская мова;
- 8) грэчаская мова – стараанглійская мова – сучасная англійская мова.

Такім чынам, мікраполе «прыгожы знешні выгляд» утвараецца мноствам іерархічна арганізаваных значэнняў. Аналіз унутранай формы яго ў англійскай мове паказаў, што многія лексемны падчас моўнай эвалюцыі ўвабралі ў сябе шмат дадатковых семантычных адценняў, некаторыя з якіх захаваліся і на сённяшні дзень. Прыгожы знешні выгляд, паводле этымалогіі многіх слоў, уяўляе сабою сіметрыю, дасканаласць вонкавай формы чалавека ці аб'екта, а таксама ён з'яўляецца вынікам намаганняў, скіраваных на падтрымку знешняга выгляду і матэрыяльнага дастатку. Лексемны, якія ўваходзяць у лексіка-семантычнае мікраполе «прыгожы знешні выгляд», паходзяць з многіх старажытных і сучасных моў. Некаторыя з іх развілі ці сказілі першапачатковае значэнне, закладзенае ў іх у рамках «донарскай» мовы. Мікраполе «прыгожы знешні выгляд» перасякаецца з іншымі палямі: «якасць», «асоба/аб'ект», «святло», «дзіва», «ачышчэнне» і «розум».

Літаратура

1. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.

2. Попова, З.Д. Лексическая система языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : URSS, Книжный дом «Либроком», 2009. – 171 с.
3. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby, M. Ashby. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 1905 p.
4. Morris, W. The American Heritage Dictionary of the English Languages / W. Morris. – Boston : HMH, 2007. – 2112 p.
5. Cambridge Advanced Learner's Dictionary / Elizabeth Walter. – 3rd edition. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 1800 p.
6. Donald, J. Chambers' Twentieth Century Dictionary / ed.: C. Schwarz. – London : Chambers Harrap, 2011. – 1936 p.
7. Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.merriam-webster.com>. – Date of access : 10.09.2018.
8. Webster's New World College Dictionary / ed.: M.E. Agnes, D.B. Guralnik. – Springfield : G. & C. Merriam Co., 2007. – 1744 p.
9. Partridge, E. Origins A Short Etymological Dictionary of Modern English / E. Partridge. – London : Routledge, 2006. – 4218 p.
10. Маковский, М.М. Историко-этимологический словарь английского языка / М.М. Маковский. – М. : Издательский дом «Диалог», 1999. – 416 с.

Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 20.01.2019

УДК 821.112.2.2.09.17'-1+821.411.16'02.09-141

«Песнь песней» в интерпретации И.Г. Гердера

Г.В. СИНИЛО

Исследуются особенности интерпретации выдающимся немецким просветителем И.Г. Гердером одной из самых загадочных и неоднозначных библейских книг – «Песни Песней». Показано новаторство Гердера в подходе к Библии в целом (открытие ее как эстетического феномена и архетекста европейской культуры) и к «Песни Песней», что стало важной вехой в развитии библеистики и литературоведения.

Ключевые слова: Библия, «Песнь Песней», архетекст, немецкое Просвещение, творчество И.Г. Гердера, интерпретация, поэтика, жанр, лирический цикл.

The peculiarities of the interpretation of *The Song of Songs* by J.G. Herder, who is associated with German Enlightenment are investigated. *The Song of Songs* is one of the most mysterious and ambiguous texts in The Bible. Herder's innovation in the approach to the Bible as a whole (its discovery as an aesthetic phenomenon and archetext of European culture) and to the «Song of Songs», which was an important milestone in the development of biblical studies and literature criticism, is shown.

Keywords: Bible, *Song of Songs*, archetext, German Enlightenment, creative works of J.G. Herder, interpretation, poetics, genre, lyrical cycle.

Цель настоящего исследования – выявление специфики рецепции библейской «Песни Песней» в творчестве выдающегося немецкого мыслителя и писателя Иоганна Готфрида Гердера (Johann Gottfried Herder, 1744–1803). Эта проблема теснейшим образом связана с более широкой проблемой библейской архетекстуальности в мировой литературе. Под архетекстом мы понимаем древний текст-образец, обладающий повышенной аксиологической значимостью, высокой степенью референтности и реинтерпретируемости, выполняющий смысло- и текстопорождающую функцию. Для европейской культуры таким архетекстом, более того – «осевым» архетекстом, вокруг которого она выстраивает свои смыслы и порождает новые тексты, вот уже две тысячи лет является Библия. Ее влияние огромно прежде всего на религиозную и духовно-этическую сферу, но существенно и на сферу эстетическую. Для ряда эпох европейской культуры, как отмечает С.С. Аверинцев, «библейская поэзия стала коррективом и дополнением к античному идеалу красоты и уравновешенной меры» [1, с. 189]. В своем художественном аспекте библейские тексты долгое время (вплоть до конца XVIII в.) переживались интуитивно, но не осознавались как таковые рационально; во многом именно благодаря Гердеру состоялось открытие Библии как эстетического феномена. В ряду библейских книг, духовным смыслом и поэтике которых Гердер уделял особое внимание, находится и «Песнь Песней», архетекстуальная роль которой чрезвычайно важна для еврейской и христианской мистики, для религиозно-мистической поэзии и светской любовной лирики. Проблема нового прочтения «Песни Песней» Гердером до сих пор не становилась предметом самостоятельного рассмотрения ни в зарубежном, ни в белорусском литературоведении и представляется достаточно актуальной.

Некогда знаменитый еврейский комментатор, философ и ученый Саадия Гаон, живший в X в. и писавший по-арабски, так начал свой комментарий к «Песни Песней»: «Знай, мой брат, что ты найдешь большие расхождения в интерпретации «Песни Песней». Они все различны, потому что «Песнь Песней» подобна замку, ключи от которого потеряны» (цит. по: [2, с. 96]). С этими словами неожиданно перекликаются сказанные столетия спустя слова немецкого просветителя И.Г. Гердера, хотя суть его подхода к «Песни Песней» иная. Опираясь на топику сада, представленную в «Песни Песней» и понимаемую религиозной традицией как указание на Сад сакральных знаний, но прочитывая ее также как указание на Сад таинств любви, Гердер пишет: «Свет священного Сада для нас слишком тонок; немудрено, что он остается для нас закономерно запертым» (*здесь и далее перевод А. Эфроса*) [3, с. 252]. Мыслитель заявляет, что содержание «Песни Песней» от начала до конца исчерпывается одним словом: «Любовь!», что

в ней «воспеваётся любовь, воспеваётся так, как любовь должна воспеваться, наивно, естественно, правдиво» [3, с. 249–250]. Несомненно, тема «Песни Песней» – любовь. Для неискушенного читателя, впервые открывшего книгу и внемлющего ее простому смыслу, ясно, что речь идет о любви между мужчиной и женщиной. Однако, согласно религиозной интерпретации (как иудейской, так и христианской) речь идет о любви между Богом и Общиной избранного народа, между Христом и Церковью Христовой, между Богом и душой человека. Одним из тех, кто в европейской культурной традиции успешно соединил в прочтении Песни Песней оба подхода – религиозный и светский, увидел их непротиворечивость, был Гердер.

Рубеж XVIII–XIX вв. стал временем открытия Библии как духовно-эстетического феномена, как итога творческих усилий конкретного народа в конкретно-исторических условиях. Во многом это новое открытие состоялось благодаря универсальному гению Гердеру – оригинальному мыслителю, вдохновителю движения «Бури и натиска», основоположнику фольклористики, сравнительно-исторического изучения культур и литератур, поэту и переводчику. Новый подход к Библии – религиозно-философский, историко-культурный и филологический, в том числе литературоведческий, – обозначила работа Гердера «Vom Geist der hebräischen Poesie» («О духе древнееврейской поэзии», 1782–1783). Впервые в европейской культуре и науке во всеуслышание было заявлено, что в Библии есть образцы древней поэзии, созданной еврейским народом. Как известно, Гердер выступал против деления народов на «великие» и «малые», т. е. значительные и незначительные, против употребления уже в то время немецкими историками словосочетания «малый народ» в шовинистическом смысле. Всю жизнь он руководствовался девизом: «Каждый народ несет в себе меру своего совершенства, не сравнимую с другими» [4, с. 35]. Впоследствии Г. Гёте в «Романтической школе» напишет: «...Гердер рассматривал все человечество как великую арфу в руках великого мастера, каждый народ казался ему по-своему настроенной струной этой исполинской арфы, и он понимал универсальную гармонию ее различных звуков» [5, с. 366].

Итак, именно с Гердера начинается рассмотрение Библии как плода творческих усилий людей многих поколений, живших в древние времена, как вполне непосредственного, хотя и исключительного, документа древней истории и древнего творчества, как уникального по своей духовной и художественной силе прообраза – наряду с сокровищами эллинского духа – подлинной Поэзии. Одновременно подобное восприятие Библии вынашивает Гёте, и оно еще более углубляется после знакомства с Гердером и начала дружбы с ним. Разделяя, как истинные просветители, идеи «естественной религии» – деизма – Гердер и Гёте видят в Библии наиболее полное воплощение общечеловеческого, разумного и естественного, служащего вечной школой просвещения, воспитания и самосовершенствования. Гёте глубоко убежден в том, что, «рассматриваемая книга за книгой, Книга Книг явит нам, зачем дана она нам – затем, чтобы приступали мы к ней, словно ко второму миру, чтобы мы на примере ее и заблуждались, и просвещались, и обретали внутренний лад» [6, с. 143]. Оба мыслителя и писателя видят в Библии величайшие образцы подлинной «наивной» поэзии, т. е. поэзии изначальной, основанной на «естественном» чувстве.

Показательно, что библейской книгой, наиболее полно выражающей «естественное» чувство и дух «наивной» поэзии, для штюмеров (сентименталистов) Гердера и Гёте, с их культом природы и чувства, сложившимся под влиянием Руссо, оказывается именно «Песнь Песней». Так, Гердер в своем первом эссе о «Песни Песней», написанном в 1776 г. и названном «Песни любви» («Die Lieder des Liebes»), акцентирует в этом произведении пафос целостности и гармонии, слияния с Природой как храмом Божьим, указывает на воплощенный в библейском тексте идеал скромности и чистоты сельской жизни в противовес утонченной и потерявшей естественность городской цивилизации:

О, Природа, Природа! Ты, Святой и оскверненный храм Божий! Оскверненный более всего там, где ты должен быть нам всего священнее! Когда твоя охранительница, невинность в одежде из роз, девический стыд, отовсюду изгоняется, не признается более в кругах со вкусом и любовью к прекрасному даже в самом возвышенном проявлении или подвергается насмешкам и издевательствам, – тогда раскрывающаяся почка все еще почувствует тебя, поле и цветы сельской хижины еще будут дышать тобой! [3, с. 260].

Данный фрагмент является комментарием к финалу «Песни Песней», в котором древний поэт выразил полнейшее торжество любви на фоне расцветающей природы:

Досталась я милому, и ко мне – его желание. // Пойдем, мой милый, выйдем в поля, / Заночуем в селеньях, // Выйдем утром в виноградники: / Зеленеют ли лозы, раскрываются ль бутоны, / Зацветают ли гранаты? / Там отдам я мои ласки тебе...»
(Песн 7:11–13; перевод И. Дьяконова) [7, с. 80].

Гердер дает свой собственный перевод-толкование этого фрагмента, прочитывая его в духе руссоистского призыва «Назад к Природе!»:

Конечно, ты любишь меня, как я люблю тебя! Но здесь для каждого глаза, для каждого уха невыносима твоя невинность. Прочь отсюда в жилища простоты! Когда все еще спит – когда лишь одна молодая невинная почка видит и слышит [3, с. 260].

Стоящее в оригинале выражение (слово) *бакфарим*, которое можно понять и как «в селеньях» (от *кфар* ‘деревушка, селение’), и как «среди цветов хны» (*кофер*, ‘соцветье хны’), так как оба слова в консонантном написании, свойственном ивриту, являются омонимами, Гердер передает как «жилища простоты», преломляя библейский текст через призму просветительского идеала «естественного» состояния, через призму сентименталистского культа природы и чувства.

И Гердер, и Гёте переводили с оригинала «Песнь Песней». И тот, и другой дали свои интерпретации библейского шедевра, сходные в своей основе, но различающиеся в некоторых аспектах. Если Гёте, в мировоззрении которого деизм тесно переплетался с пантеизмом (точнее, спинозизмом, т. е. панентеизмом), видел в «Песни Песней» творение именно человеческого духа, то Гердер, всю жизнь прослуживший лютеранским проповедником, усматривал в каждой библейской книге также действие Духа Божьего. Он стремился прежде всего подчеркнуть, что «Песнь Песней» является многомерным произведением, говорящим о силе человеческой любви и одновременно несущим в себе идею великой любви Бога к миру и человеку, а человека – к Богу. Бурно возмущаясь лицемерием святош, стыдливо отворачивавшихся от этой книги или даже пытавшихся ее запретить, выбросить из библейского канона, Гердер пишет:

Когда Бог создал человека, Эдем стал его царством; а любовь затем – его вторым, высшим Эдемом. Когда Бог создал мир, Он знал лишь одно благословение: любовь. Ею Он благословил растения и деревья, зверей и человека. Когда Бог в образе человеческом принес на землю Царствие Божие, то для долга и награды, тут и там, ныне и присно Он знал, имел, чувствовал лишь одно слово – любовь! Всякая благодать человеку произрастает из любви, и вместе с ней всякая благодать гибнет. Одна лишь любовь радуется всему прекрасному и благому; она ему, оно ей подает голос, с ним звучит она воедино. Так возникает Гармония, дитя неба, тайна создания, двигатель, вершитель и множитель всего сущего. Существует лишь одна Любовь как одно Благо, одна Истина. Любовь к родителям, к сестре, к другу, к невесте – одна, и тот, кто любить не может, – не может любить ничего. Он – терновник. Ты стыдишься Песни Песней, лицемер! Хорошо! Стыдись тогда твоих родителей, твоего ребенка, твоей жены, твоей невесты, но больше всего и прежде всего – себя [3, с. 266–267].

Гердер дает собственное, поэтически и философски глубокое объяснение расположения «Песни Песней» в христианском каноне. Как известно, она следует сразу за Книгой Экклесиаста (Екклесиаста), перед корпусом пророческих сочинений, открывающимся Книгой Пророка Исаии. Таким образом, «Песнь Песней» завершает ряд книг, авторство которых связывается христианской традицией, вслед за еврейской, с Соломоном: Притчи Соломоновы, Экклесиаст, «Песнь Песней». При этом еврейская традиция утверждает, что Соломон написал Песнь Песней в юности, Притчи – в зрелости, а Экклесиаст – в старости (кроме того, в еврейской Библии, или Танахе, все эти книги расположены в последнем разделе канона – *Кетувим* ‘Писания’, или Агиографы). Тем не менее, выстраивание в один ряд произведений, приписываемых Соломону, за Псалтирью, которая в основном связывается с именем Давида, отца Соломона, и до пророческих книг опирается на определенный хронологический принцип: Давид и Соломон жили до Исаии и других «письменных» пророков. Однако помимо историко-хронологического принципа христианские экзегеты руководствовались более глубо-

кими соображениями. Согласно основной концепции Христианской Церкви, «Песнь Песней» являет собой самое яркое ветхозаветное пророчество о приходе Мессии – Иисуса Христа. Заметим, что мессианское прочтение «Песни Песней» свойственно и иудейской традиции и, безусловно, повлияло на становление подобного прочтения в христианской традиции (в толкованиях Оригена Александрийского, рубеж II–III вв.), однако последняя видит особый смысл в предельной телесности и одновременно одухотворенности мира этой библейской книги. Согласно христианскому подходу, Иисус явился в мир как воплощенное Слово Божье, и Церковь усматривает пророчество об этом, более того – мистическое выражение таинства Боговоплощения, в «Песни Песней». В силу такого понимания, равно как и хронологических причин, Песнь Песней предваряет ряд пророческих книг, прямо возвещающих, с точки зрения Христианской Церкви, о пришествии Христа. Опираясь на этот подход, Гердер пишет:

Три творения Соломона – шедевры своего рода, и в нашей немецкой Библии Песнь Песней, голубка любви, летит между птицей мудрости (Екклесиаст), которая ей предшествует, и стремящимся к солнцу орлом, Исаией, который следует за ней. Когда однажды откроются очи христианства, чтобы увидеть, что есть у него в Библии и в этом смысле, – сколь много, многое изменится, и, поистине, не к худшему!.. [3, с. 270].

Выражение «когда однажды откроются очи христианства» содержит упование на Мессианскую эру, но одновременно несет в себе страстный просветительский пафос, надежду на изменение мира через «просвещение умов», в том числе и через новое прочтение Библии.

Гердер вносит свой оригинальный вклад в исследование непростой жанровой природы «Песни Песней». До сих пор в библеистике продолжают споры о жанровой специфике Песни Песней, и споры эти связаны также с проблемой целостности и внутреннего единства текста или отсутствия таковых. До Гердера преобладала «драматическая гипотеза» – заданный еще Оригеном подход к «Песни Песней» как к пасторальной драме или буколке с амейным пением: Соломон через любовные песни, приуроченные к его браку с египетской царевной, выразил взаимоотношения души человеческой и Бога, Христа и Церкви Христовой. Подобное прочтение прямо опирается на иудейский подход, хотя еврейские комментаторы толковали и толкуют «Песнь Песней» как лирическую кантату, в которой обмениваются песнями Бог и Община Израиля. В эпоху Просвещения, вероятнее всего, под влиянием школы основателя Гаскалы (еврейского Просвещения) в Германии Мозеса Мендельсона, «Песнь Песней» прочитывается как простейшая драматическая форма с двумя характерами и несложной фабулой: Соломон видит Суламифь, испытывает к ней любовь с первого взгляда, приводит ее из родного сельского дома в свой дворец и совершает вместе с ней духовное восхождение от чувственного влечения к высокой чистой любви. Таким образом, «Песнь Песней» понимается как история о любви царя Соломона к прекрасной и добродетельной сельской девушке – любви, преображающей самого царя.

«Драматическая гипотеза» была оттеснена на задний план «мелодраматической», согласно которой в «Песни Песней» предстают три персонажа: влюбленные друг в друга пастух и пастушка, а также царственный соперник, который уводит возлюбленную у пастуха, но затем отпускает ее из своего дворца, ибо она не может забыть пастуха, и влюбленные соединяются. Это предположение высказали еще еврейские комментаторы Авраам Ибн Эзра (XII в.) и Иммануэль бен Шеломо (XIII в.). У них впервые зафиксирована версия, что, возможно, царь – самостоятельный герой, отличный от пастуха, и что речь идет о любви пастуха и пастушки, в которую вмешивается царь Соломон. Далее эту концепцию развивает И.Ф. Якоби (J.F. Jacobi, 1772), немецкий просветитель, друг Г.Э. Лессинга и М. Мендельсона. Согласно Якоби, героиня «Песни Песней» – скромная девушка, преданная своему жениху. Царь Соломон убеждает ее остаться у него в гареме, но девушка преодолевает соблазн и возвращается к своему пастуху. Подобная интерпретация оказывает влияние на К.Ф. фон Аммона (C.F. Ammon, 1781), трактующего «Песнь Песней» как прославление победы верности и чистой любви, скромной жизни в противовес пышности двора, а также на выдающегося немецкого библеиста XIX в. Х.Г.А. Эвальда (H.G.A. Ewald, 1826), видящего смысл «Песни Песней» в торжестве добродетельной и прекрасной любви, которую не могут

ослепить роскошь и усыпить лесть. И, наконец, под пером знаменитого английского исследователя К.Д. Гинсбурга (C.D. Ginsburg, 1857) «Песнь Песней» окончательно превращается в романическую драматизованную историю – в мелодраму в викторианском духе, прославляющую торжество верности и добродетели вопреки всем соблазнам и искушениям.

Однако именно Гердер первым открыто высказал мнение о том, что «Песнь Песней» – произведение, прославляющее возвышающую душу человека любовь, и что оно является собранием народных песен, возможно, действительно частично восходящих к Соломону, но в большей степени рисующих его духовный облик. Предположение о том, что «Песнь Песней» исполнялась в течение семи дней свадебной недели впервые было высказано знаменитым аббатом Боссюэ еще в 1693 г. Он опирался при этом на семичастное членение текста, восходящее к Вульгате, выделяя небольшое количество народных песен. При этом, однако, Боссюэ не сомневался в авторстве реального Соломона, в то время как Гердер относится к этой идее скептически, опираясь на известный психологический феномен: недостойным Соломона было бы самовосхваление (см.: [3, с. 263–264]. Вместе с тем, Гердер полагает, что «Песнь Песней» отражает чувства и мысли подлинного, исторического Соломона, его сердечные и душевные качества, его духовный облик в соответствии с другими книгами Библии: «Юноша Соломон возрос среди роз и из царевича снова сделался пастухом. Его имя означает мир: счастье, мудрость и покой были благословением его царствования...» [3, с. 266]. При этом необходимо напомнить, что фольклорность произведения, по Гердеру, не исключает профессионализма и авторства (так, в знаменитый сборник «Голоса народов в песнях» он включил вполне авторские произведения, в том числе и стихотворения Гёте, близкие по духу к народной песне).

Гердер не только впервые пытается интерпретировать «Песнь Песней» в контексте древнееврейской культуры, но и впервые сопоставляет ее с образцами любовной поэзии разных времен и народов и видит в ней совершеннейший образец поэзии любви:

Леди Монтегю в своих письмах дала несколько строк о гареме султана. Я не знаю, кто, читая их, не подумал тотчас же о несравненно более прекрасной Песне Соломона (о чем бы ни шла речь)? Джонс издал образцы восточной (персидской) поэзии; я не знаю, кто, читая перса Хафиза, не вспомнил Соломона? То же самое можно сказать о любовных стихах арабов, древнеазиатских греков... [3, с. 249–250].

Исследуя немецкий фольклор, Гердер обнаружил поэтический парафраз «Песни Песней», записанный в XV в. на средневерхненемецком языке. При этом книга была разделена на 44 части, т. е. отдельные песни. Он опубликовал это произведение в собственной обработке (под названием «Сорок четыре старые песни о любви») в своей второй работе о «Песни Песней» – «Соломоновы Песни любви, древнейшие и прекраснейшие на Востоке» («Salomon's Lieder der Liebe, die ältesten und schönsten aus den Morgenlande»). При этом Гердер изменил членение средневерхненемецкого переложения, сократив количество отдельных песен более чем наполовину. Само название работы Гердера указывает на то, что он воспринимает книгу как собрание песен. Однако при этом он далек от того, чтобы отрицать внутреннюю взаимосвязь этих песен; наоборот, он всячески пытается ее отыскать. Гердер видит связь между отдельными сценами и эпизодами «Песни Песней»! не на уровне четко определенного сюжета, но скорее на уровне общей темы, общего настроения, тонкой смены чувств, градаций состояния влюбленного сердца. Ведь главная тема книги – любовь:

Судя по первому взгляду, каково содержание этой книги от начала до конца? Любовь! Телесная ли, духовная ли – пока еще для нас это не важно; но воспевается любовь, а не правление, не завоевание, не надежда из преисподней, не история Христианской Церкви. Поцелуем она начинается и заканчивается вздохом. <...> ...воспевается любовь, воспевается так, как любовь должна воспеваться, наивно, естественно, правдиво. То сладко и нежно, то огненно и кипя, то томясь, то обладая, то наслаждаясь, то еле мерцая, то в роскоши, то в деревенской бедности. Воссозданы обороты речи, события, одежды, времена года и дня, смена положений и чувств... [3, с. 249].

И хотя Гердер подчеркивает, что каждая отдельная песнь в «Песни Песней» являет свое неповторимое своеобразие («Пусть каждая отдельная песнь явится на своем месте, в своем

благоухании, в собственной окраске» [3, с. 251]), он все же определяет внутреннюю связь между песнями на уровне разнообразного представления нежного и трепетного чувства – от его первых ростков до его счастливого апогея. Все связывается, по его мнению, лишь «нитью любви», различными «возрастами любви». При этом Гердер все же отдает некоторую дань уже сложившейся в его время концепции, представляющей в «Песни Песней» трех героев: бедную девушку, ее возлюбленного – пастуха – и царя Соломона; однако, по Гердеру, речь в «Песни Песней» идет и о разных девушках – знатной, изысканно-благородной, живущей в роскоши, и обоженной солнцем пастушке, бедной смуглянке-простушке.

Гердер выделяет ключевые лирические эпизоды «Песни Песней», кратко характеризуя их. «I. Вздох. Гл. I, 1–4. Какое начало! ...Здесь празднуется любовь в ее первом ростке, в ее самой ранней почке. Из этой благоуханной хвалы наслаждению возник первый вздох, произошло первое исполненное томления желание» [3, с. 253]. Но вот, по мысли поэта и исследователя, «первый росток начинает отмирать. Он борется с собой, со своими соперницами, со своей недостойностью, и все же она ближе к нему, увереннее в его благоволении. Песнь звучит уже на совершенно иной лад» [3, с. 254]. Далее, как второй эпизод (второе состояние любви) Гердер выделяет «Любовь в бедности» (*Песн 1:5–8*) и утверждает, что связь этой песни с предыдущей лишь опосредованная, ассоциативная:

Кто может здесь найти другую связь, помимо нити любви, пусть найдет. Та девушка вздыхла среди благоухания масел, среди развлечений и подруг; эта пастушка в открытом поле, здоровая, черная крестьянка, дышит и томится в солнечном зное. Не что иное, как нить любви, прядется дальше. Она уже знает, что она ему нравится... что именно своей бедностью она богата, своей чернотой мила [3, с. 254].

После пятой песни, именуемой Гердером «Песнь дремы» (*Песн 2:7*; здесь явно предвосхищена концепция «грез», или «снов», в подходе к «Песни Песней»), закончен, по его мнению, один из разделов книги: «Любовь прошла путь от первого ростка, от вздоха после первого поцелуя, через заботы, стремленья, поиски и тоску, до почки, до расцвета. Пока она питалась лишь желаньями и грезами, манной, небесной пищей. В величайшем полете фантазии невесты погрузилась она в сон» [3, с. 255]. Каждому отдельному эпизоду (отдельной песне) Гердер дает условное именование, обозначая его главную тему. Например: «VIII. Дневная работа возлюбленного» (*Песн 2:16–17*); «XI. Сладкое появление» (*Песн 3:6*); «XII. Ложе Соломона» (*Песн 3:7–11*); «XIV. Неверность» (*Песн 5:2–17; 6:1–2*); «XVIII. Невинная любовь» (*Песн 7:10–13; 8:1–3*); «XXII. Посещение в саду» (*Песн 8:13–14*).

Итак, Гердер воспринимает Песнь Песней как целостный лирический цикл. Подытоживая свои наблюдения над структурой Песни Песней, он утверждает:

В целом перед нами книга любви очень своеобразного характера. Все положения и все прелести этого чувства рассыпаны здесь словно из рога изобилия; они связаны, насколько возможно, временами дня и года, – но автор, по-видимому, намеревался самой последовательностью изложения продемонстрировать тончайшие нюансы этого удивительного феномена, всесторонне показать богатейшую игру человеческих переживаний. Однако главной целью все же остается дать читателю почувствовать все отрывки в их раздельности, так, как каждый час, каждый взгляд любви требуют, чтобы их оцущали, ими наслаждались [3, с. 261].

Интерпретация Гердера выгодно отличается от слишком прямолинейного подхода к «Песни Песней» некоторых ее современников, увидевших в ней эротическую гаремную историю. В равной степени он протестует против сугубо аллегорического и мистического прочтения ее Христианской Церковью: «Искусственную аллегория, тайны и драматические или просто любовные интриги, и соблазнительную гаремную историю зависти и ревности пусть находит в ней кто хочет; я их здесь не вижу!» [3, с. 261]. Гердер видит в «Песни Песней» шедевр древней поэзии и великую, несмотря на малые размеры, книгу воспитания истинных человеческих чувств. Отказываясь от умозрительных и надуманных, с его точки зрения, богословских пониманий «Песни Песней», Гердер тем не менее усматривает сверхзадачу «Песни Песней» в раскрытии великого чувства Любви, связующего человека с другим человеком, человека и мир, человека и Бога. «Любовь, ты – небесная роса, сладчайшая из сладостей здесь на

земле! как быстро сладость твоя вызывает отвращение у того, кто лишь играет с тобой! Ты связываешь роды и семьи, ты связываешь человека с человеком и человека с Богом крепкой связью, сильной, как смерть, ибо тебе дано преодолеть жизнь и смерть» [3, с. 270]. В конечном счете для Гердера это та «Любовь, которой учил, которой был и которую изливал Христос» [3, с. 270], но он бурно протестует против религиозного ханжества, пытающегося «отменить» в «Песни Песней» торжество могучей человеческой любви. С его точки зрения, «Песнь Песней» так же необходима в Библии, как необходимы «женщина, любовь, весна и юность в жизни человечества. Это миртовая беседка в прекрасной глубокой долине; но она указывает всем тем, что есть и чего нет у нее, на более высокие высоты» [3, с. 270].

Итак, выдающимся открытием Гердера стало прочтение Библии, с одной стороны, насколько это было возможно в его время, в конкретном культурно-историческом контексте, с другой – как модели мироздания, универсальной школы ума и чувства, постижения себя, мира и Бога. Как в капле воды, это отражается в подходе Гердера к «Песни Песней». Он видит в ней великий памятник подлинной поэзии, в которой «воссозданы обороты речи, события, одежды, времена года и дня, смена положений и чувств», и одновременно, как истинный просветитель и писатель-сентименталист, находит в ней вневременное воплощение естественного идеала здоровой жизни и указание на ту Божественную гармонию, к которой должно прийти человечество. Гердер сомневается в авторстве Соломона, но согласен с тем, что царь, чей образ стал олицетворением мудрости и поэзии, инспирировал Песнь Песней, являющуюся воплощением подлинной «наивной» поэзии и «естественного» чувства. С жанровой точки зрения Гердер считает «Песнь Песней» целостным лирическим циклом, обладающим внутренним сюжетом, который выявляет зарождение и нарастание любовного чувства, его различные градации. Он органично объединяет религиозное и светское толкования «Песни Песней» (причем последнее Гердер, как и параллельно ему Гёте, дает впервые), видя в любви, о которой говорит «Песнь Песней», и любовь между мужчиной и женщиной, без которой нет продолжения жизни, и ту Божественную любовь, которой учил Иисус Христос. Интерпретация Гердера стала важной вехой в развитии библеистики и оказала значительное влияние на последующую рецепцию «Песни Песней» в европейской культуре и литературе.

Литература

1. Аверинцев, С.С. Древнееврейская литература / С.С. Аверинцев // История всемирной литературы : в 9 т. – М. : Наука, 1983. – Т. 1. – С. 271–302.
2. Pope, M. Song of Songs: A New Translation with Introduction and Commentary / M. Pope. – N.Y. : Doubleday : The Anchor Bible, 1977. – 743 p.
3. Гердер, И.Г. Песни любви: Библейская книга / И.Г. Гердер ; пер. А. Эфроса // Песнь Песней. – М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Око, 2001. – С. 246–271.
4. Гердер, И.Г. Избранные сочинения / И.Г. Гердер ; под ред. В.М. Жирмунского. – М. ; Л. : ГИХЛ, 1959. – 352 с.
5. Гейне, Г. Романтическая школа / Г. Гейне ; пер. А. Горнфельда // Собр. соч. : в 6 т. / под общ. ред. А. Дмитриева, А. Карельского, Е. Книпович. – М. : Худож. лит., 1982. – Т. 4. – С. 318–452.
6. Гёте, И.В. Западно-восточный диван / И.В. Гёте ; изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов ; отв. ред. И.С. Брагинский. – М. : Наука, 1988. – 895 с.
7. Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней / пер. и коммент. И.М. Дьяконова, Л.Е. Когана при участии Л.В. Маневича. – М. : РГГУ, 1998. – 343 с.

УДК 808:811.161.3'42:398.91(=161.3)

Рытарычныя прыёмы ўзмацнення выяўленчай выразнасці ў беларускім парэмічным дыскурсе

А.А. СТАНКЕВИЧ

На матэрыяле беларускіх народных прыказак і прымавак разглядаецца выкарыстанне рытарычных прыёмаў узмацнення выяўленчай выразнасці, вобразнасці і афарыстычнасці парэмічнага дыскурсу. У лік рытарычных прыёмаў павышэння экспрэсіўнага патэнцыялу правербіяльных выразаў у артыкуле ўключаюцца антытэза, дыятэза, альтэрнатэза, амфітэза, дыз'юнкцыя, сінайкеёзіс, антыфразіс і антыметабала, пры гэтым апісваюцца іх структурныя характарыстыка і стылістычныя функцыі.

Ключавыя словы: парэміі, прыказкі, прымаўкі, рытарычны прыём, антытэза, дыятэза, альтэрнатэза, амфітэза, дыз'юнкцыя, сінайкеёзіс, антыфразіс, антыметабала, выяўленчая выразнасць.

On the material of Belarusian folk Proverbs and sayings the use of rhetorical techniques to improve the visual expressiveness, imagery and aphorism of paremic discourse is discussed. To the numbers of rhetorical devices enhancing the expressive potential of proverbial sayings such elements mentioned in the article as antithesis, diathesis, alternateteza, amfiteza, disjunction, sinaykeozis, antyfrazis antymetabala are included. Their structural characteristics and stylistic features are described.

Keywords: paremia, proverbs, sayings, rhetorical device, antithesis, diathesis, alternates, amfiteza, disjunction, sinenesis, antiphraasis and antimetabolic, visual expressiveness.

Прыказкі і прымаўкі, якія з'яўляюцца сапраўднай скарбніцай народнай мудрасці, адлюстроўваюць багаты жыццёвы вопыт і мудрасць сваіх стваральнікаў, уключаюць найбольш важныя назіранні над з'явамі прыроды, грамадскім і сямейным жыццём, даюць ацэнку ўсіх сфер дзейнасці чалавека і маюць выразную павучальную функцыю.

Як слушна заўважае М.Я. Грынблат, «і прыказкі, і прымаўкі <...> выяўляюць бліскучыя здольнасці народа да вобразнага мыслення, яго выключную назіральнасць, разважлівасць, высокія маральныя асновы, жыццёвы практыцызм і бязмежныя моўныя багацці» [1, с. 10].

У навуковай літаратуры ёсць розныя азначэнні прыказак, у якіх адзначаецца мастацка-вобразная форма [2, с. 398], афарыстычнасць [3, с. 5], [1, с. 8], метафарычнасць [4, с. 282], алегарычны сэнс [5, с. 9], трапнасць, лаканічнасць, адшліфаванасць [3, с. 5], рытмічная арганізаванасць [5, с. 17] правербіяльных выразаў. Названыя якасці крылатых народных выслоўяў прадугледжваюць актыўнае выкарыстанне ў іх моўных выяўленча-выразных сродкаў. Афарыстычны, красамоўны характар многіх парэміяў, іх лаканічнасць і экспрэсіўнасць патрабуе ўжывання разнастайных рытарычных прыёмаў узмацнення выяўленча-выразнага патэнцыялу народнага слова.

Прадметам нашага даследавання з'яўляюцца беларускія прыказкі і прымаўкі, мэтай – вызначэнне ролі рытарычных прыёмаў, заснаваных на супрацьпастаўленні або супастаўленні пэўных з'яў, у працэсе ўзмацнення выяўленчай выразнасці ў парэмічным дыскурсе.

Рытарычныя прыёмы звязаны з непрамой, ускоснай тактыкай маўленчага ўзаемадзеяння, заснаванай на выражэнні зместу праз намёк, жарт, іронію, што патрабуе пэўнай разгадкі, расшыфроўкі. Ускосныя тактыкі маўленчага ўздзеяння называюць таксама фігуральнымі, паколькі яны грунтуюцца на выкарыстанні фігур, пад якімі разумеецца адхіленне ад звычайнага спосабу выражэння [6, с. 173].

У навуковай літаратуры пад рытарычным прыёмам маецца на ўвазе «спосаб пабудовы выказвання, заснаваны на матываваным мэтай гаворачага/пішучага і ўмовам зносін (кантэкстам або сітуацыяй) адхіленні ад нормы ў шырокім сэнсе» [7, с. 173], [8, с. 274].

Паколькі асноўная функцыя выкарыстання рытарычных прыёмаў – імкненне да красамоўнага выкладу зместу паведамлення і, як вынік, – павышэнне яго выяўленчай выразнасці, – рытарычныя прыёмы ўласцівыя як літаратурна-мастацкаму і публіцыстычнаму

маўленню, так і вуснай народна-паэтычнай творчасці. Рытарычныя прыёмы ўзмацнення выяўленчай выразнасці ў мове парэміянага дыскурсу ў беларускім мовазнаўстве не былі прадметам даследавання.

Адным з самых частых прыёмаў узмацнення выяўленчай выразнасці ў прыказках і прымаўках з'яўляецца рытарычны прыём супрацьпастаўлення (**антытэза**), 'заснаваны на супастаўленні процілеглых з'яў, прадметаў, характараў, пачуццяў, ідэй, вобразаў' [4, с. 124], [8 с. 46]. Уключэнне ў структуру парэміі супраціўных злучнікаў *а, але, ды, да* садзейнічае выражэнню кантрастнага супастаўлення, выяўленню размеркавальных адносін паміж супастаўляемымі з'явамі і павышэнню выразнасці іх апісання, што ў сваю чаргу ўзмацняе экспрэсіўнасць выказвання: «*Дай*» *ніхто не любіць, а «на» – усякі чуе* [Янк., с. 43]; *Аднаму і часце ракою плыве, а другі ў няшчасці цэлы век жыве* [ПП-2, с. 423]; *Усякі абедае, але не ўсякі ваду п'е* [Янк., с. 40]; *Брат мой, але хлеб еш свой* [ТСП, с. 95]; *Харош урадзіўся, ды не прыгадзіўся* [ПП-1, с. 71]; *Вялікая галава, да мал розум* [ПП-2, с. 243]; *Многа харошых, да мілага нет* [ПП-2, с. 7].

У складзе антытэзы могуць супрацьпастаўляцца розныя дзеянні:

– *Вочы страшацца, а рукі робяць* [ПП-1, с. 147]; *Дзень выганяе з хаты, а ноч прыганяе* [ПП-1, с. 88]; *Лёгка кінуць, але цяжка падняць* [ПП-2, с. 485]; *Бачыць вока, ды зуб найме* [ТСП, с. 80];

– ступень праяўлення або спосаб дзеяння: *Сказаць лёгка, ды зрабіць цяжка* [ПП-1, с. 179]; *Скочыў далёка, а завяз глыбока* [Янк., с. 97]; *Рэдка, але метка* [Янк., с. 294]; *Бязком, але не спяшаючыся* [Янк., с. 321]; *Аднаму густа, а другому пуста* [ТСП, с. 64];

– акалічнасці месца: *Шукай жонку не на йгрышчы, а на ржышчы* [ПП-2, с. 27]; *Блізка відаць, ды далёка дыбаць* [ТСП, с. 88];

– розная ацэнка пэўнага дзеяння або ўласцівасці: *Соладка спявае, ды горка слухаць* [Янк., с. 325]; *Мякка сцеле, ды мулка спаць* [Янк., с. 324]; *Разумная галава, ды на дурной шыі* [ПП-2, с. 237];

– процілеглыя ўласцівасці, якасці прадметаў: *Варона малая, а горла вялікае* [ПП-1, с. 346]; *Вярба тоўстая, ды ў сярэдзіне пустая* [ПП-1, с. 70]; *Вялікі целам, ды малы дзелам* [Янк., с. 174];

– адцягнення паняцці: *Праўда халодная, а мана цёплая* [ПП-2, с. 435]; *Варвары ночы ўварвалі, а дзень падтачылі* [ПП-1, с. 113].

Паміж супастаўляемымі з'явамі можа быць бяззлучнікавая сувязь з інтанацыйнай супрацьпастаўлення, якая садзейнічае лаканічнасці і выразнасці крылатага выслоўя: *Гэты свет як макаў цвет: зранку расцвітае, да вечара ападае* [ПП-2, с. 405]; *Ілля лета канчае, жніво пачынае* [Янк., с. 83]; *Адны пануюць, другія гаруюць* [ТСП, с. 67].

Супрацьпастаўленне можа ўзмацняцца адмоўем: *Не скоро, да спора* [ПП-1, с. 179]; *Не сілаю, то розумам* [ПП-1, с. 147]; *Дарагое не вінцо, а слаўцо* [ТСП, с. 153]; *Не дораг абед, а дораг прывет* [ТСП, с. 355].

У некаторых выпадках у парэміях ужываецца дваіное супрацьпастаўленне (**мукабала**), якое, акрамя ўзмацнення кантрасту, садзейнічае сінтаксічнаму паралелізму канструкцый: *Чорны мак, ды смачны, белая рэдзька, ды горкая* [Янк., с. 178]; *Белы снег, ды не сыр, добры зяць, ды не сын* [ПП-2, с. 98].

Асобным, даволі распаўсюджаным рытарычным прыёмам у парэміях з'яўляецца ўзаемнае адмаўленне (**дыятэза**), у склад якога ўключаны паўторныя злучнікі *ні – ні, не – не, ані – ані*: *Ні гром, ні маланка не бярэ* [Янк., с. 167]; *Ні дар ні купля* [Янк., с. 302]; *Вясна не мясна, а восень не малачна* [ПП-1, с. 78]; *Слэз не пераплачаш, песень не перапяеш* [ПП-2, с. 193]; *Ані гарэлага шэлега, ані хлеба, ані ўкусиць чым* [Янк., с. 27]; *Ані асла, ані пасла* [Янк., с. 273]; *Ані бэ, ані мэ* [Янк., с. 273].

Дыятэза як рытарычны прыём выкарыстоўваецца для «сцвярджэння прамежкавай прыкметы за кошт адмаўлення супрацьлеглых уласцівасцей» [9, с. 34], «выдзялення прамежкавага, сярэдняга звяна ў радзе супрацьпастаўляемых паняццяў» [8, с. 116]. Яна садзейнічае стварэнню кантрастнага апісання пэўных дзеянняў:

– *Ні з'есці, ні спіць, ні хараша схадзіць* [Янк., с. 36]; *Ні грэе, ні студзіць* [Янк., с. 302]; *Ні скачучы, ні плачучы* [Янк., с. 267]; *Ні калёс, ні атос, і воўк кабылу панёс* [ТСП, с. 382];

– уласціваасцей: *Ні сыты, ні галодзен, ні стары, ні малодзен* [ПП-2, с. 227]; *Ні печаны, ні вараны* [ПП-2, с. 290];

– падкрэслівае супрацьпастаўленне асоб паводле роду заняткаў, прафесійнай прыналежнасці: *Ні трэц, ні мнец, ні ў дуду ігрэц* [ПП-2, с. 289]; *Ні скакун, ні граюн, а ў куточку сядун* [Янк., с. 281]; *Ні шавец, ні кравец, ні каваль, ні стругаль, а проста гаварыльшчык* [Янк., с. 281];

– паказвае адносіны з іншымі людзьмі: *Ні наш, ні ваш* [ПП-2, с. 142]; *Ні самому паглядзец, ні людзям паказаць* [Янк., с. 226]; *Не я першы, не я апошні* [ТСП, с. 382];

– адзначае сямейнае становішча: *Бедная галава – ні дзяўчына, ні ўдава* [Янк., с. 114]; *Ні дома, ні замужам* [ПП-2, с. 17];

– адмаўляе наяўнасць пэўных рэалій, прадметаў: *Вакол разарэнне: ні табакі, ні карэння* [Янк., с. 30]; *Перастаялая трава – ні сена, ні пацеруха* [Янк., с. 93];

– рэчываў: *Ні рыба, ні мяса* [ПП-2, с. 289]; *Ні мукі пылінкі, ні солі драбінкі, ні гарэлкі расінкі* [Янк., с. 340];

– узмацняе ўзаемнае адмаўленне акалічнасцей часу: *Ні калі было, ні калі будзе* [Янк., с. 226]; *Ні пры нас стала, ні пры нас пяройдзе* [Янк., с. 226];

– акалічнасцей месца: *Ні сюды, ні туды, мае мілья дуды* [ПП-2, с. 196]; *Ні на печы, ні ў цяньку – нідзе месца не знайду* [ПП-2, с. 282]; *Ні ў гародзе, ні ў саду – нідзе месца не знайду* [ПП-2, с. 282].

Выяўленчую выразнасць маўленню ў правербіальных выказах надае рытарычны прыём чаргавання (**альтэрнатэза**), пры ўжыванні якога паказваецца змена падзей, дзеянняў, станаў, паслядоўнасць фактаў, з якіх адзін не можа быць адначасовым з другім, выключае другі, але можа быць пасля другога [10, с. 248]. Альтэрнатэза садзейнічае дынамічнаму апісанню рэчаіснасці. Яна суправаджаецца выкарыстаннем парных злучнікаў *то – то*:

– *Наша Хвядора то шые, то пора* [ПП-2, с. 70]; *Наша Сора то шые, то пора, толькі ніткам гора* [Янк., с. 279]; *То скачуць, то плачуць* [Янк., с. 234]; *То дождж, то непагода, а ўсё невыгода* [ПП-1, с. 55]

– або лексічным паўторам: *Часам плачаш, часам скачаш* [Янк., с. 172]; *Адны плачуць, другія скачуць* [ПП-1, с. 491].

Значэнне раздзялення, чаргавання чаго-н. у народных афарызмах выражае рытарычны прыём **дыз’юнкцыі**, пры якім выкарыстоўваюцца паўторныя раздзяляльныя злучнікі *ці – ці, або – або*. Гэты прыём дазваляе паказаць разнастайнасць прадметаў або паняццяў, рознабаковасць пэўных з’яў, змену розных станаў і дзеянняў, магчымасць іх выбару, што ў цэлым стварае маляўнічую карціну аб’ектыўнай рэчаіснасці. У навуковай літаратуры вызначаюцца раздзяляльная (моцная) дыз’юнкцыя, якая выключае адзін з супастаўленых аб’ектаў і спалучальна-раздзяляльная (аслабленая), што не выключае, а злучае супастаўленыя аб’екты [10, с. 248]:

– *ці – ці: Ці па-панску піў, ці па-панску еў, што зусім абамлеў* [Янк., с. 317]; *Ці пан, ці прапаў* [ТСП, с. 551];

– пры ослабленай дыз’юнкцыі супастаўляюцца сінанімічныя адзінкі: *Ці стыд, ці сорам – адзін скорам* [Янк., с. 239]; *Ці гэблем, ці скобляю – усё роўна* [Янк., с. 297]; *Ці кіем, ці палкаю – усё роўна* [Янк., с. 304];

– *ці – ці – абы: Ці з перцам, ці не з перцам, абы было з шчырым сэрцам* [Янк., с. 73];

– *ці – ці – але: Ці Лявон, ці не Лявон, але з раду не вон* [Янк., с. 73];

– *або – або: Адвага або мёд п’е, або кайданы трэ* [Янк., с. 109]; *Надвое бабка варожыць: або памрэ, або жыць будзе* [Янк., с. 90];

– *альбо – альбо: Альбо дожджык, альбо снег, альбо будзе, альбо не* [ТСП, с. 71].

Спалучэнню ў адзінае цэлае процілеглых з’яў, паняццяў, дзеянняў у складзе прыказкавых выслоўяў садзейнічае рытарычны прыём **амфітэзы**, які дазваляе «ахапіць з’яву або прыкмету поўнасцю, уключаючы сярэдняе, прамежкавае звяно» [9, с. 20], або паказаць разнастайнасць жыццёвых з’яў ці іх розны, найчасцей процілеглы характар праяўлення. У складзе амфітэзы звычайна выкарыстоўваюцца паўторныя злучнікі *і – і: <I> адтуль гарачо, <i> адсюль балячо* [ТСП, с. 224]; *І кот не мыўся, і госць з’явіўся* [ТСП, с. 229].

Пры дапамозе паўторнага злучніка *i* – *i* найчасцей аб'ядноўваюцца супрацьлеглыя або рознанакіраваныя дзеянні:

– *Няволя і скача, і плача* [Янк., с. 312]; *Майстар і чытаць, і пісаць, і з гаршкоў хапаць* [Янк., с. 333]; *І танцуе, і грае, толькі есці не мае* [ПП-1, с. 230]; *І замуж не выйшла, і ў дзеўках не засталася* [ПП-2, с. 18];

– прыметы з дадатковым акалічнасным адценнем. У складзе такіх парэмій выкарыстоўваюцца як антанімічныя: *У жыцці ўсяк бывае: і проста, і крыва* [Янк., с. 170]; *У яго з адной губы і гарача, і сцюдзёна* [Янк., с. 327]; так і сінанімічныя лексічныя адзінкі: *І так кепска, і так нядобра* [Янк., с. 216]; *І холадна, і голадна, і хаты свае няма* [Янк., с. 216];

– акалічнасці часу: *Серадзінка, як аўчынка: і летам, і зімой добра* [ПП-2, с. 484];

– акалічнасці месца: *І дома і замужам* [Янк., с. 216].

На наш погляд, разнавіднасцю амфітэзы можа быць значэнне аб'яднання процілеглых ці розных супастаўляемых з'яў і паняццяў, выражанае ў прыказках пры дапамозе парных злучнікаў і злучальных слоў, пры гэтым да значэння аб'яднання супрацьлегласцей выразна далучаецца выражэнне прычынна-выніковых адносін паміж апісваемымі з'явамі, што ўзбагачае семантыку выказвання, надае яму пазнавальны або павучальны змест: *як – так*:

– *Як клікнулі, так і адазваўся* [ПП-2, с. 448];

– *як – так і*: *Як паложыш, так і возьмеш* [ПП-2, с. 453];

– *які – такі*: *Якая зямля, такі і хлеб* [ПП-1, с. 51]; *Які сакавік, такі красавік* [ПП-1, с. 77]; *Якая зіма, такое лета* [ПП-1, с. 73]; *Якая птушка, такі і галасок* [ПП-1, с. 65]; *Якое благавешчанне, такі вялікдзень будзе* [ПП-1, с. 98];

– *куды – туды і*: *Куды вецер, туды і дым* [ПП-1, с. 56];

– *колькі – столькі*: *Колькі лет, столькі зім* [ПП-1, с. 73];

– *дзе – там*: *Дзе пасееш густа, там не будзе пуста* [ПП-1, с. 116]; *Дзе грошы гавораць, там праўда маўчыць* [ТСП, с. 161];

– *дзе – там і*: *Дзе вада, там і вярба* [ПП-1, с. 58]; *Дзе мухаморы, там і баравікі* [ПП-1, с. 71]; *Дзе ягаднік, там і ягады* [ПП-1, с. 71];

– *як – то*: *Як слонка выгрэе, то аж сэрцу мілее* [ПП-1, с. 52];

– *як – дык і*: *Як мароз ды холад, дык і стар молад* [ПП-1, с. 57].

Супрацьпастаўленне ў прыказках і прымаўках можа ўзмацняцца за кошт яго спалучэння з параўнаннем (рытарычны прыём **сінайкеэзіс**), што стварае разнастайныя вобразныя асацыяцыі і садзейнічае павелічэнню экспрэсіўнага патэнцыялу правербіяльных выразаў. Пры гэтым могуць выкарыстоўвацца спалучэнні:

– *лепі – чым*: *Лепі свае вочы, чым чужыя грошы* [Янк., с. 323]; *Лепі запрацаванае, чым пазычанае* [Янк., с. 86]; *Лепі у дзеўках сядзець, чым замужам марнець* [ПП-2, с. 18]; *Лепі зарана, чым запозна* [Янк., с. 250]; *Лепі паважаць, чым зневажаць* [Янк., с. 250]; *Лепі даваць, чым прымаць* [ТСП, с. 289];

– *лепі – чымся*: *Лепей лычны мір, чымся раменная свара* [Янк., с. 48];

– *лацвей – чым*: *Лацвей раіць, чым дапамагаць* [Янк., с. 309];

– *лепі – як*: *Лепі ссівець, як злысець* [Янк., с. 220];

– *лепей – чым*: *Лепей дома касіць, чым у войску ранец насіць* [Янк., с. 48]; *Лепей жартаваць, чым хвараваць* [Янк., с. 165];

– *лепшы за*: *Добры сабака лепшы за ліхога чалавека* [Янк., с. 321];

– *чым – тым*: *Чым цяжэй, тым даражэй* [ПП-1, с. 164]; *Чым сонца яснае, тым месяц смутнее* [ПП-1, с. 52];

– *чым – лепей*: *Чым на чужыне ў пярыне, лепей дома на мякіне* [ТСП, с. 571];

– *як – лепш*: *Як абы-які, лепш ніякі* [ПП-2, с. 21].

Як адзначаюць даследчыкі, «адной з важнейшых уласцівасцей прыказкі з'яўляецца схаваны ў ёй пераносны сэнс, намёк на нешта іншае, чым тое, пра што гаворыцца, здольнасць прыказкі выклікаць у свядомасці асацыяцыю» [1, с. 46]. Тыповым прыкладам такога выкарыстання моўных адзінак з'яўляецца **антыфразіс** – выкарыстанне слова ў значэнні, супрацьлеглым звычайнаму, якое суправаджаецца своеасаблівай інтанацыяй і

апорай на падтэкст [8, с. 50]. Гэты рытарычны прыём заснаваны на «сэнсавай двупланавасці», сутыкненні прамога і пераноснага значэнняў у слове [11, с. 161]. У антыфразісе арганічна спалучаюцца сэнсавая двухпланавасць з эмацыйным, звычайна лёгкім пярэатыўным адценнем выказвання: *Патрэбен, як у мосце дзірка* [Янк., с. 168] – ‘не патрэбен’; *Паправіўся, як скурат на агні* [Янк., с. 312] – ‘сапсаваўся, прапаў’; *Разышоўся, як халодны самавар* [Янк., с. 131] – ‘без дай прычыны расхвальяваўся’; *Тады Юзік ажэніца, як лысы вол ацеліца* [Янк., с. 134] – ‘ніколі’; *Але ж і старанная! Як сваты ідуць, то веніка шукае, каб хату падмесці* [Янк., с. 273] – ‘гультаяватая’; *Ніхто не ведае: толькі дзед, ды баба, ды цэлая грамада* [Янк., с. 311] – ‘усе ведаюць’; *Снег бел, ды не ўкусіш* [ПП-1, с. 55] – ‘знешняе і ўнутранае не заўсёды супадаюць’; *І шыла, і мыла, і прала, і ткала – і ўсё языком* [Янк., с. 308] ‘пра жанчыну, якая шмат гаворыць, але мала робіць’.

Двухсэнсавасць выказвання правербіяльных выразаў часта набывае іранічнае гучанне або гумарыстычны эфект, што па сваёй сутнасці даволі блізка да антыфразісу. Іранічнае гучанне, як вядома, звязана з лёгкай насмешкай, схаванай за знешняй нейтральнасцю або пачціваасцю выказвання [4, с. 42]: *Апрануўшы кажуха, сена касіць* [Янк., с. 273] – ‘паступаць нелагічна’, *Удзень лучыну паліць, а ўночы цяньку шукае* [Янк., с. 284] – ‘пра чалавека, які робіць непатрэбную справу’; *На спіне шоўк, а ў жываце ічоўк* [ПП-1, с. 230] – ‘пра імкненне за знешнім лоскам схаваць сваю нястачу’; *У манькутовым лесе смаловыя дубы растуць* [Янк., с. 315] – ‘пра чалавека, які любіць маніць, расказваць небыліцы’; *Відаць па вочках, што ходзіць па ночках* [ТСП, с. 111] – ‘па ўчынках, справах, паводзінах відаць, што за чалавек’.

Узмацняе выяўленчую выразнасць у правербіяльных выразах рытарычны прыём **антыметабалы** – перакрываюцца паўтор адных і тых жа слоў, які суправаджаецца зменай іх сінтаксічных функцый і супрацьпастаўленнем паняццяў або з’яў рэчаіснасці [8, с. 45]. Антыметабала выкарыстоўваецца з мэтай выяўлення адрознення або падабенства пэўных з’яў, названых перастаўленымі словамі ў працэсе парэмійнага разважання: *Як баба да дзеда, так дзед да бабы* [Янк., с. 74]; *Як ты мне, так я табе* [Янк., с. 74]; *Лета на зіму, а зіма на лета працяюць* [Янк., с. 86]; *Работа не забота, забота – калі няма работы* [Янк., с. 95]; *Няма худа без дабра, а дабра без худа* [Янк., с. 167].

Такім чынам, у народных крылатых выразах, якія вызначаюцца яскравай экспрэсіўнасцю, лаканічнасцю формы, глыбінёю зместу і афарыстычнасцю выражэння думкі, актыўна выкарыстоўваюцца рытарычныя прыёмы, заснаваныя на супрацьпастаўленні або супастаўленні пэўных з’яў, да якіх адносяцца антытэза, дыятэза, альтэрнатэза, амфітэза, дыз’юнкцыя, сінайкезіс, антыфразіс і антыметабала. Адзначаныя рытарычныя прыёмы ўзмацняюць выяўленчую выразнасць, садзейнічаюць стварэнню слоўнай вобразнасці, наданню трапнасці народнаму слову і пераканальнасці парэмійным сентэнцыям.

Літаратура

1. Грынблат, М.Я. Прыказкі і прымаўкі / М.Я. Грынблат // Прымаўкі і прыказкі : ў 2-х кн. ; рэд. А.С. Фядосік. – Мн. : «Навука і тэхніка», 1976. – Кн. 1. – 557 с.
2. Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5-і т. / Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1986. – Т. 4. – 742 с.
3. Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў. – Мінск : «Вышэйшая школа», 2014. – 141 с.
4. Рагойша, В.П. Паэтычны слоўнік / В.П. Рагойша. – Мінск : Вышэйшая школа, 1979. – 320 с.
5. Лепешаў, І.Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 667 с.
6. Клюев, Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) : учебное пособие для вузов / Е.В. Клюев. – М. : «Изд.-во ПРИОР», 1999. – 272 с.
7. Копнина, Г.А. Риторические приёмы современного русского языка: опыт системного описания : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01 / Г.А. Копнина. – Красноярск, 2010. – 38 с.
8. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА, 2011. – 480 с.

9. Введенская, Л.А. Учебный словарь антонимов русского языка / Л.А. Введенская.– М. : ИКЦ «МарТ» ; Ростов н/Д. : Издательский центр «МарТ», 2005. – 320 с.
10. Новиков, Л.А. Семантика русского языка: учеб. пособие / Л.А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с.
11. Корюкина, Е.С. Риторические возможности антонимов в современном русском языке: проблема системного описания : дисс. ... канд. фил. наук : 10.02.01 / Е.С. Корюкина. – Нижний Новгород, 2014. – 202 с.

Умоўныя скарачэнні

1. ПП-1 – Прыказкі і прымаўкі : ў 2-х кн. / Рэд. А.С. Фядосік. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1976. – Кн. 1. – 557 с.
2. ПП-2 – Прыказкі і прымаўкі : ў 2-х кн. / Рэд. А.С. Фядосік. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1976. – Кн. 2. – 616 с.
3. ТСП – Лепешаў, І.Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 667 с.
4. Янк. – Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склаў Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1992. – 491 с.

Гомельскі дзяржаўны
універсітэт ім. Ф. Скарыны

Поступила в редакцию 25.04.2019

Антонимическая микросистема 'постный – скоромный' в русском языке

Е.И. ТИМОШЕНКО

На материале русского языка выявляется типология переносных значений в антонимической микросистеме 'постный – скоромный'. К переносным метафорическим значениям относятся значения, отражающие любовные отношения (на основе понятия 'постный' формируется значение 'платоническая любовь', на основе понятия 'скоромный' – значения 'любовная игра', 'производство потомства'), а также значения отрицательной (в синонимическом ряду с доминантой *постный*) и положительной (в синонимическом ряду с доминантой *скоромный*) оценки поведения и эмоционального состояния человека, различных предметов и явлений. К переносным метонимическим значениям – соответственно значения 'невкусный' – 'вкусный'.

Ключевые слова: антонимическая микросистема, синонимический ряд, переносное значение, метафора, метонимия, положительная оценка, отрицательная оценка.

The article is devoted to the revealing of the typology of semantic relations in the antonymical microsystem 'lean-fast' in the Russian language. Figurative meanings, that reflect love relationships (platonic love – love game, production of descendants), as well as the meanings of negative and positive assessment of the behavior, emotional state of a person and various objects and phenomena are metaphorical. Figurative meanings 'tasteless' – 'tasty' are metonymical.

Keywords: antonymical microsystem, synonymical series, figurative meaning, metaphor, metonymy, positive evaluation, negative evaluation.

Упорядоченность и целесообразность устройства окружающего мира находит отражение прежде всего в лексико-семантической подсистеме языка. Изучение типологии семантических связей внутри микролексических групп продолжает оставаться одним из актуальных направлений современного языкознания, поскольку предполагает возможность объяснения видения носителями того или иного языка объективной действительности. Объяснительный характер лингвистических исследований, особенно в области семантики (когда изучаются «структуры знания в человеческом мозгу» [1, с. 223], признается на современном этапе приоритетным. Подобные исследования связаны прежде всего с выявлением внутренней формы слов, наблюдениями над историей их семантики, построением типологии семантических отношений в разного рода микролексических объединениях.

Цель работы заключается в выявлении системных семантических связей в антонимической микросистеме 'постный – скоромный' в русском языке на фоне установления внутренней формы входящих в эту микросистему номинаций. Исследование проводится на материале русского литературного языка и диалектов.

Основными номинациями, выражающими исследуемое семантическое отношение, в русском языке являются собственно прилагательные *постный* и *скоромный*. В синонимический ряд доминантного прилагательного *постный* входят слова *пустой* и *сухой*; в синонимический ряд с доминантой *скоромный* – прилагательные *жирный*, *воложный*, *сочный*, *сальный*. Противопоставленность основных значений прилагательных является основанием для формирования антонимических переносных значений, то есть семантическая структура многозначных слов, входящих в рассматриваемую микросистему, оказывается во многом сходной. Анализ переносной семантики этих слов позволяет воссоздать фрагмент русской языковой картины мира, исследовать мыслительную деятельность носителей языка, выражающуюся в установлении регулярных мотивированных связей между явлениями реальной действительности.

Прилагательное *постный* является доминантой соответствующего синонимического ряда, поскольку в качестве основного имеет значение 'не содержащий мясного и молочного'. *Сухой* и *пустой* выступают в качестве синонимов к *постный* в неосновных значениях. В семантической структуре диалектного прилагательного *сухой* отмечены такие значения, как

'употребляемый в пищу во время поста, постный' (*сухая еда, сухие щи*), 'испеченный без масла'. В русских говорах прилагательное *сухой* в указанном значении образует большое количество устойчивых сочетаний: *сухой обед, ужин* 'обед, ужин без мяса' (Ворон., Казан.), *сухой пирожок* 'пирожок без начинки' (Том.), *сухой пост* 'голод, недостаток или отсутствие пищи'; *сухие дни* 'в православном народном календаре – дни недели, когда нельзя есть мясо, постные дни'; 'без угощения' (о празднике, встрече и т. п.): *сухая беседа* [2, вып. 43, с. 13–14]. В семантической структуре прилагательного *пустой* словаря не фиксируют значения 'постный', однако это значение явно представлено в сочетаниях типа *пустые щи, пустой суп* и под.: *пустые щи* 'постные щи' [3, т. II, с. 540].

Доминанта противоположного синонимического ряда прилагательное *скоромный* обладает сложной диффузной структурой; диффузностью характеризуется не только семантическая структура слова в целом, но и его основное значение, которое толковый словарь современного литературного языка подает в следующем виде: 'запрещенный религиозными предписаниями к употреблению в постные дни (о мясной, молочной пище)'. В приведенном толковании можно выделить два семантических ядра: 1) 'содержащий мясо или молоко'; 2) метонимически связанное с первым – (поэтому) 'запрещенный к употреблению в постные дни'.

Семантика прилагательного *жирный* – 'содержащий много жира, масла' – находится в отношениях частичного наложения, пересечения с семантикой *скоромный*: с одной стороны, одним из основных источников жира являются запрещенные в постные дни продукты животного происхождения, получаемые от теплокровных животных, однако жир может содержаться и в рыбе, и в растениях; с другой – и мясо, и молоко могут быть и нежирными (сравн. выражения типа *постная говядина*). Таким образом, *скоромный* и *жирный* являются ярким примером семантической синонимии.

Диалектное прилагательное *воложный* образовано от существительного *волога* (основное значение – 'влага, вода, жидкость') и входит в рассматриваемый синонимический ряд в переносном значении 'жирный, масляный', отражающем переносные же значения производящего существительного: *волога* – 'приправа к еде; // приправа к тесту, сдоба'; 'сметана для закваски молока'; 'жир, масло'; сравн.: *воложный пирог* 'с хорошей начинкой, жирный пирог' (Яросл.). В ряде русских говоров (рязанских, тамбовских, костромских и др.) прилагательное известно в значении 'скоромный', а также в значении 'сдобный' [2, вып. 5, с. 46–48].

На периферии синонимического ряда находятся прилагательные *сочный* и *сальный*. Включение в синонимический ряд с доминантой *скоромный* прилагательного *сочный* обусловлено наличием в его семантике компонента 'содержащий жидкость' и сходством его внутренней формы с внутренней формой прилагательного *воложный*. Словарь В.И. Даля отражает семантическую близость слов *жирный, воложный* и *сочный*: *Больно сочное едите, жирно, воложно, роскошно* [3, т. IV, с. 264]. Прилагательное *сальный* входит в синонимический ряд в одном из своих значений – 'предназначенный для получения сала; // с высоким, большим содержанием сала' (*Сальная свинина*), имеющем в словаре помету "специальное" [4, т. III, с. 17].

И слова, входящие в синонимический ряд с доминантой *постный*, и слова из ряда с доминантой *скоромный* обнаруживают целый комплекс переносных значений, соотносительных антонимически. Так, выделяется целый ряд значений, относящихся к характеристике нрава, поведения и эмоциональных состояний человека. Лексика из ряда *постный* выражает отрицательную оценку нравственных и поведенческих свойств и качеств лица, лексика из ряда *скоромный* – в основном положительную, хотя в семантике слов этого синонимического ряда обнаруживается явление энантиосемии.

Прежде всего в семантической структуре рассматриваемых и однокоренных с ними слов (т. е. в составе словообразовательных гнезд в целом) обращает на себя внимание метафорическая ассоциация между качествами пищи и характером отношений в любовной сфере: сухая, постная еда ассоциируется с отсутствием интимной близости, а жирная, сочная, вкусная – с любовной игрой, флиртом, произведением потомства (в том числе у животных), а также с такими «смежными», могущими сопровождать любовные отношения представлениями, как непристойность и скабрзность. Сравним: *сухая любовь* 'платоническая или ду-

ховная, не плотская' [3, т. IV, с. 366], *сухота* 'грусть, печаль, тоска (обычно любовная)' – *жировать* 'находиться в любовной связи с кем-л.' (Тамб.), 'заигрывать, ухаживать, волокаться за женщиной' (в разных говорах), 'свободно, не стесняясь вести себя с мужчинами', 'находиться в периоде течки (обычно о зайцах)', *жир* 'место кормления или икрометания у рыб', *жиры* 'поемы, полои около рек, где в полу воду рыба жирует, гуляет и кормится', *жировой* 'внебрачный (о ребенке)', *жировик* 'то же' [2, вып. 9, с. 180–185]; *скоромный* в переносном значении, являющемся в русском литературном языке разговорным и устарелым, – 'непристойный, неприличный' [4, т. IV, с. 117], диал. *скоромник*, *скоромщик* 'тот, кто ведет непристойные разговоры, употребляет неприличные слова', *скоромно* 'неприлично, стыдно' (Смол.), *скоромщина* 'непристойные слова' [2, вып. 38, с. 99–100]; *сальный* 'непристойный, грубо-циничный' [4, т. IV, с. 15].

Вторая группа переносных метафорических значений связана с выражением отрицательной и положительной оценки нравственных качеств человека, его поведения, а также разнообразных свойств предметов и явлений. В современном литературном языке зафиксировано два переносных разговорных значения прилагательного *постный*, называющих отрицательно оцениваемые черты характера и поведения человека: 'невеселый, скучный' (*Для меня приход шведов был настоящим праздником. Они вносили в нашу строгую и постную жизнь бодрое беспокойство...* – Ф. Гладков); 'притворно-добродетельный, ханжеский' (*[Орехов] при виде инспектора тотчас же сделал постную физиономию невинной жертвы.* – А. Чехов) [4, т. III, с. 324]. Выражение *постное лицо* 'лицо святоши, ханжи' зафиксировано и в словаре В.И. Даля [3, т. II, с. 345]. Там же находим метафорическое выражение *Это параграф, поджаренный на постном масле* 'человек сухой, бездушный, обрядливый'. Прилагательное употребляется в составе фразеологического оборота *чепуха [ерунда] на постном масле* (прост.) 'то, что не заслуживает внимания; пустяк' [5, с. 518]. Прилагательному *сухой*, которое входит в данный синонимический ряд не в основном значении, также свойствен целый ряд значений, отрицательно характеризующих душевные качества человека, а также его поведение и деятельность, сравн.: 'лишенный душевной теплоты, отзывчивости, неспособный к проявлению чувств; бездушный; // намеренно сдержанный, холодный, неприветливый, неласковый'; 'без выразительных, эмоциональных подробностей, скупой и лаконичный' (– *Это не сухой канцелярский доклад, а замечательное литературное произведение.* – С. Скиталец) [4, т. IV, с. 311].

Слова синонимического ряда с доминантой *скоромный*, напротив, обнаруживают целый спектр разнообразных положительных оценочных значений. Особенно многочисленны подобные значения в словообразовательном гнезде с вершиной *жир*, от которого образовано и само прилагательное *жирный*: лексикализованная форма множественного числа *жиры* имеет значение 'о хорошей, привольной жизни', употребляется в функции безличного сказуемого: *Ему не житье, а жиры* (Курск, Тамб., Пенз.); *жира* 'хорошее, удобное пастбище для скота' (Волог.), *жирник* 'прочный лес' (Смол.); *жирный* и *жирной* 'большой, обильный' (в разных говорах), 'сочный (о сене, траве)' (Влад., Костр.), в сочетаниях: *жирный виноград* 'сорт крупного и сочного винограда' (Астрах.), *жирные карты* 'удачные, выгодные карты', *жирный лес* 'здоровый, сильный, быстрорастущий' (Пск.), *жирный обед* 'в свадебном обряде – обильное угощение в доме новобрачных на второй день свадьбы' (Ворон.); *жировать* 'есть вдоволь некоторое время; // иметь хорошее место'; 'приятно проводить время, ходить в гости, пировать' (Арх., Влад.), 'производить, давать что-л. в избытке' (*Ишь земля жирует, ажно рожь полегла*) (Орл.); *жирена* и *жирёха* 'богач'; *жировой* 'счастливый, богатый' (в разных говорах), 'богач, зажиточный человек' (Влад.); *жирствовать* 'предпочитать оставаться дома, никуда не ходить, наслаждаясь своей домашней жизнью' (Олон.); *жирова* 'о хорошей, привольной жизни', 'имущество, состояние'; *жированье* 'жизнь, житье' (Арх.), 'отдых, покой, приятное времяпрепровождение'; *жироватый* 'хороший, привольный' (Волог.); *жирунья* 'веселая, смешливая, бойкая женщина, любительница шалостей, проказ' (Курск., Орл.) [2, вып. 9, с. 180–185]. Прилагательное *жирный* употребляется в составе фразеологического оборота *жирный кусок* 'что-л. выгодное, заманчивое куш' [4, т. I, с. 486].

Полноценный лексический анализ слова на современном языковом срезе предполагает обращение к его этимологии и истории. Как справедливо указывает О.Н. Трубачев, «знание

эволюции значения небезразлично для понимания его нынешней природы, поэтому суждение этимологии должно интересовать, и оно так или иначе интересует специалиста по современной лингвистической семантике...» [6, с. 148]. В языке не редки случаи, когда значение какого-либо производного слова отражает не только значение непосредственного производящего, но и исконное (этимологическое) значение корня. Подобное явление наблюдается и в словах, производных от *жир*: их значения отражают не только значения непосредственного производящего, но и слова, являющегося производящим для самого *жир*, т. е. глагола *жить*. *Жир* – исторически отглагольное производное с суффиксом *-р-*, в современном русском языке полностью утратившим продуктивность и не образующим новых производных. В индоевропейский и праславянский периоды суффикс активно образовывал существительные и прилагательные, обнаруживая семантику высокой степени проявления признака [7, с. 278]. Именно исконной связью с глаголом **žiti* объясняется наличие сем 'хороший', 'счастливый', 'здоровый', 'крепкий', 'богатый' в значениях производных от *жир* слов.

В словообразовательном гнезде с вершиной *волога* обнаруживаются аналогичные значения: *волога* 'такое расположение человека, в котором он бывает особенно добр, мягкосерд' (Арх.), *воложный* 'хороший', *волозе* 'благо, хорошо', 'кстати' [2, вып. 5, с. 48]. Значение высокой положительной оценки свойственно производящему прилагательному *сочный* – существительному *сок*: (устар.) 'лучшая часть кого-, чего-л.' ([*Репетилов*:] *С какими я тебя сведу Людьми... – Сок умной молодежи*. – А. Грибоедов); 'основное, главное в чем-л.' (*Справедливость требует, чтобы все тайные замыслы неблагонамеренного человека были обнаружены, дабы можно было истребить, так сказать, самый сок зла*. – М. Салтыков-Щедрин) [4, т. IV, с. 186–187], [8]. Положительное оценочное значение выражается также устойчивым несвободным оборотом *в (самом, полном) соку* 'в полном расцвете физических сил'.

В каждом из рассматриваемых синонимических рядов обнаруживаются переносные метонимические значения, связанные с оценкой качества еды и ее восприятия. Так, прилагательные *жирный*, *воложный* развивают переносное значение 'вкусный' (например, диалектное *воложный* 'вкусный, лакомый'), а прилагательные *постный*, *сухой* – значение 'невкусный'. Хотя в словарях эти значения могут быть и не зафиксированы, они свойственны рассматриваемым прилагательным, что становится ясно из наблюдений над их сочетаемостью: в контексте *постный* и *невкусный*, *жирный* и *вкусный* выступают как синонимы, выражающие общую положительную или отрицательную оценку пищи. Примеры подобного употребления извлечены из материалов Национального корпуса русского языка: *Раза два входил Никита и сообщал, что одну лодку уже послали к стрельцам и что вода, кажется, подымается. Потом он подал **постный невкусный обед** (Л. Андреев); *Преодолевая брезгливость, попробовал и я. Чересчур пресный, **невкусный, сухой, но хлеб** (Б. Дубинин); *А кусок – этот **вкусный жирный кусок** – чувствовал, что его хотят сожрать, и это было лестно для него, он как бы поджаривался на огне общего внимания к нему и в сладком соку сознания свой притягательной силы (М. Горький); *Вдруг **вкусный жирный запах** чего-то жареного заставил его раздуть ноздри (А. Куприн) [8].****

Таким образом, в антонимической микросистеме 'постный – скромный' обнаруживается соотносительность следующих типов переносных значений: 1) метафорических значений, отражающих характер любовных отношений (понятие 'постный' является основанием для формирования значений 'платоническая любовь', 'неразделенная любовь'; понятие 'скромный' – для формирования значений 'любовная игра', 'производство потомства'); 2) метафорических значений отрицательной (на основе понятия 'постный') и положительной (на основе понятия 'скромный') оценки поведения, душевных качеств и эмоциональных состояний человека, различных предметов и явлений; 3) метонимических значений, связанных с оценкой качеств пищи и ее вкусового восприятия 'невкусный' – 'вкусный').

Литература

1. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века : сб. статей. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 144–238.

2. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – Л., СПб. : Наука, 1965–2012. – Вып. 1–45.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1981–1982.
4. Словарь русского языка : в 4-х т. / Ред. А.П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1981–1984.
5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М. : «Сов. Энциклопедия», 1967. – 543 с.
6. Трубачев, О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика / О.Н. Трубачев // Принципы и методы семантических исследований. – М. : Наука, 1976. – С. 147–179.
7. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. – Л. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 510 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorga.ru>. – Дата доступа : 25.02.2019.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 05.03.2019

УДК 811.111:62

Языковая актуализация прагматических установок автора в англоязычном учебно-научном тексте

Е.В. ХОМЕНКО

Представлены результаты дискурсивного анализа англоязычного учебно-научного текста. Конкретизированы прагматические и языковые характеристики рассматриваемой жанровой разновидности научного текста. Определен комплекс языковых средств, актуализирующих прагматические установки автора (делIMITИТИВНАЯ и ссылка на мнение).

Ключевые слова: англоязычный научный текст, учебно-научный текст, прагматическая установка автора *ссылка на мнение*, делIMITИТИВНАЯ прагматическая установка автора, адресат.

The results of the discursive analysis of the English-language academic-scientific text are presented. The pragmatic and linguistic characteristics of the considered genre variety of the scientific text are specified. A set of language means that actualize the pragmatic attitudes of the author (delimitive and reference to the opinion) has been identified.

Keywords: English-language scientific text, academic-scientific text, pragmatic attitude of the author *reference to the opinion*, delimitive pragmatic attitude of the author, addressee.

Одним из перспективных направлений лингвистического анализа научного текста представляется изучение специфики функционирования языковых средств, обусловленной прагматическими установками автора в текстах научного содержания, различающихся по жанровой принадлежности.

Наиболее релевантным для анализа текстов многие лингвисты считают когнитивно-дискурсивное направление, в рамках которого возможно дать интегральное описание когнитивным и коммуникативным особенностям текста, рассматриваемого как процесс и результат дискурсивной деятельности [1], [2]. Так, Е.С. Кубрякова делает акцент на том, что с точки зрения когнитивно-дискурсивной парадигмы, в основе категории текста лежит его понимание как «информационно-самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата» [3, с. 512].

Принимая за основу дискурсивно-когнитивную природу текста и его функционально-прагматическое предназначение, в качестве методологии исследования мы использовали те концептуальные положения, которые учитывают собственно лингвистические и экстралингвистические факторы, являющиеся условием формирования и успешного функционирования текста. Отправной точкой настоящего исследования послужило рассмотрение научного текста как средства коммуникации в научном сообществе, прагматически ориентированного на адресата научной информации. В поле зрения лингвистов, таким образом, оказываются не только принципы передачи научной информации, но и характер взаимодействия составляющих коммуникативно-прагматической ситуации и текста как цели и продукта этой ситуации.

Большинство исследователей прагматических характеристик научного текста выделяют две основные прагматические интенции: сообщение новой информации и убеждение адресата в правильности авторской позиции. При этом роль и соотношение данных интенций трактуется по-разному. Согласно первой точке зрения, ведущей прагматической интенцией автора научного текста является установка на четкое непротиворечивое представление научной информации [4]. Согласно другой точке зрения, основной прагматической интенцией автора является убеждение адресата в истинности выдвигаемых научных концепций, положений и выводов [5]. При этом отмечается, что стремление убедить адресата в правильности авторской трактовки рассматриваемой проблемы выражается в акцентном выделении наиболее значимых содержательных фрагментов текста. Данная прагматическая интенция тесно связана с реализацией функции речевого воздействия в научном тексте.

Исходя из данной концепции, при анализе любого научного текста необходимо учитывать два типа смыслового содержания текста: коммуникативно-информационное и прагматическое. Коммуникативно-информационное содержание научного текста, отражая этапы познавательной деятельности автора, формируется посредством структурно-семантических компонентов и таким образом реализует отношение *субъект познания (автор) – объект познания* [6, с. 151]. Под структурно-семантическим компонентом научного текста понимается текстовая единица, функционирующая в качестве структурного элемента содержания текста, в котором реализуются познавательные действия автора, задаваемые его прагматическими установками. Прагматическое содержание, репрезентируя отношение *автор – адресат*, реализует воздействующий потенциал текста путем актуализации системы прагмаустановок. Прагмаустановка автора научного текста относится к области авторского целеполагания и представляет собой «материализованное в тексте осознанное намерение отправителя сообщения оказать соответствующее воздействие на получателя информации» [4]. Прагматическая установка концентрирует в себе компоненты прагматики текста, обеспечивающие актуализацию текстом функции воздействия (определить позитивное / негативное отношение к описываемым явлениям, привлечь внимание к тем или иным фактам, убедить в достоверности/недостоверности информации и т. д.). Прагматические установки, по мнению Т.Г. Поповой, материализуются на текстовой плоскости особыми языковыми средствами, так называемыми текстуальными маркерами, которые представляют собой совокупность объединенных в тексте разноуровневых языковых единиц, оказывающих речевое воздействие на адресата [6, с. 157].

Представляется, что тексты любых научных жанров отличаются комплексом специальных средств материализации прагматических установок автора, т. е. имеют определенный набор языковых средств, реализующих их воздействующую функцию. Следовательно, изучение прагматического аспекта англоязычного научного текста определенной жанровой принадлежности ориентировано на выявление этих средств и раскрытие их основных воздействующих свойств, способных эксплицитно реализовать прагматический потенциал, а также направлено на установление взаимосвязи между прагматическими установками автора и способами их языковой актуализации в тексте.

Объектом нашего исследования послужили научные тексты, принадлежащие к такому жанру научного дискурса, как учебно-научный текст (УНТ). Согласно точке зрения ряда лингвистов, в основе типологической классификации научных текстов лежат четыре доминирующих жанрообразующих параметра, а именно: коммуникативная функция текста, содержательно-тематический критерий, характер представляемого в тексте научного знания, а также особенности коммуникативной ситуации [7], [8]. В настоящей работе в качестве ведущего жанрообразующего признака научного текста признается его коммуникативная функция. В соответствии с выполняемой коммуникативной функцией к УНТ относятся тексты учебников, учебных пособий, лекций, которые специально создаются для учебных целей.

Особенности УНТ определяются комплексной коммуникативной задачей. С одной стороны, в УНТ фиксируются основы дисциплинарного знания, систематизируются и интерпретируются результаты научных исследований многих ученых, признанные в международном научном сообществе как кардинальные факты науки. С другой стороны, в УНТ реализуются дидактические задачи, обусловленные образовательными, воспитательными и др. целями педагогического процесса. Это – формирование, расширение и концептуализация знаний, оценок, убеждений, необходимых для превращения обыденной картины мира в научную, а на этапе профессионального образования – формирование профессиональной компетенции будущих специалистов.

УНТ является составным звеном системы текстов по определенной дисциплине и, соответственно, раскрывает ее основные понятия в их логико-смысловой иерархии. Данный текстовый жанр обычно соответствует программным требованиям определенного этапа обучения. Так как УНТ предназначен для будущих специалистов в той или иной области знания, он характеризуется направленностью на обучение и убеждение, то есть, главным образом, на развитие познавательной деятельности обучающихся. Познавательную деятельность в процессе работы с УНТ следует рассматривать как непрерывное чередование восприятия, понимания, интерпретации содержания УНТ и создания новых текстов. Познавательная деятельность пред-

полагает развитие познавательных интересов обучающихся, овладение способами и приемами восприятия текста, переработки и самостоятельного использования излагаемой в тексте информации, в результате чего происходит формирование когнитивной (создание определенной картины мира у обучающегося) и дискурсивной (осознание определенных коммуникативных интенций адресанта в контексте конкретной ситуации общения, адекватное использование языковых средств в зависимости от жанра научного дискурса) компетенций.

В учебно-научном дискурсе одним из важнейших условий успешной коммуникации является учет фактора адресата, поэтому выбор языковых средств определяется не только дидактическими целеустановками автора: сообщить, объяснить, обосновать, обобщить и др., но и целеустановками адресата: воспринять, понять, осмыслить, запомнить и др. Исходя из особенностей УНТ очевидно, что при его порождении происходит материализация прагматических установок автора, направленных на актуализацию общих фоновых знаний автора и адресата, ориентацию в тексте на адресата с целью адекватного декодирования представленной в нем информации, акцентирующей внимание на описываемых объектах/ явлениях или их определенных признаках и нацеленной на использование мнений других ученых в конкретной области знания.

Цель предпринятого исследования заключалась в определении языковых средств англоязычного УНТ, необходимых для осуществления связи автор-адресат. Для реализации данной цели мы провели прагматический анализ УНТ и установили способы материализации прагматических установок автора и воздействия на адресата. **Материалом** исследования послужили англоязычные тексты по экономической и технической тематике, отобранные из опубликованных учебных изданий или интернет-версий учебно-научных изданий, размещенных на официальных сайтах зарубежных университетов. Проанализировано 1000 контекстов, содержащих языковые средства материализации рассматриваемых прагмаустановок автора.

Актуальность проведенного исследования определяется как решаемой научной задачей – определение функциональных аспектов языковых явлений в научной сфере общения, установление прагматически маркированных языковых средств, необходимых для понимания лингвистических особенностей текстовых жанров, так и потребностями сферы образования в совершенствовании технологий обучения студентов технических и экономических специальностей нормам коммуникации в ситуациях научно-профессионального общения. **Новизна** полученных нами практических результатов заключается в конкретизации прагматических и языковых характеристик рассматриваемой жанровой разновидности англоязычного научного текста (учебно-научный текст). Определен комплекс языковых средств, актуализирующих прагматические установки авторов УНТ.

Согласно Т.Г. Поповой в текстах научного содержания материализуются следующие прагматические установки: прогностическая, делимитативная, компенсирующая, текстоформирующая, оценочная, авторитетное мнение и др. [4, с. 16]. В данной статье рассматриваются языковые средства материализации таких прагматических установок автора, как делимитативная и авторитетное мнение. **Прагматическая установка авторитетное мнение** материализуется в УНТ с помощью цитирования. При этом *цитата – мнение* может быть представлена в тексте следующими подтипами: *цитата – мнение специалиста*, *цитата – общепризнанное знание / мнение*, *цитата – собственное мнение автора*.

Прагмаустановку *авторитетное мнение* можно считать ведущей в УНТ, так как одной из основных особенностей научного изложения является диалогичность, которая, по мнению В.Е. Чернявской, не сводится только к диалогу между автором и адресатом, а аккумулирует в себе взгляды многих субъектов познания, результаты их предшествующих исследований. В данном случае диалогичность научного текста понимается как «взаимодействие различных смысловых позиций, различных пониманий того, о чем идет речь» [9], то есть диалогичность научного текста рассматривается как явление, отражающее разносторонний обмен мнениями между отдельными учеными и целыми школами, внесшими свой вклад в развитие научного знания.

Так, в УНТ, как правило, присутствует общенаучная позиция в отношении предмета исследования, представляющая собой общепринятую точку зрения, сложившуюся в рамках определенного научного направления; точки зрения ученых различных исследовательских

школ и авторская позиция [1]. Следует отметить, что в учебниках, учебных пособиях присутствуют ссылки на авторов, взгляды которых необходимо обязательно представить при составлении учебного текста, относящегося к определенной отрасли знания. В рассматриваемой дискурсивной области функции цитирования сложны и многоплановы, так как, наряду с информативными и коммуникативными, цитаты выполняют еще дидактические функции, связанные с коррекцией и систематизацией дисциплинарного знания. Иногда информативная функция цитаты может быть сведена к минимуму, а на первый план выходит её прагматическая значимость: формирование положительного отношения адресата к предмету изучения, формирование устойчивого интереса к конкретной научной дисциплине, использование в качестве аргумента для обоснования научной концепции и др.

В результате анализа лексико-синтаксических особенностей *цитаты – мнение специалиста* на материале англоязычных научных текстов было установлено, что в жанре УНТ имена собственные преимущественно употребляются с модусными предикатами, выраженными глаголами знания, содержащими в семантике компонент 'истинность-достоверность'. Модус знания в рассматриваемом жанре необходим для выражения компетентности, поэтому он более активно используется для экспликации мнения известных ученых в конкретной научной области: **Mr. Smiths states:** «*mutually beneficial trade requires each nation to be the least-cost producer of at least one good <...>*» 'Г-н Смит утверждает: «взаимовыгодная торговля требует, чтобы каждая страна была наименее затратным производителем хотя бы одного товара <...>»' [10, с. 30]. Прагматическая функция *цитаты – мнение специалиста*, в которой в качестве субъекта мнения используется имя собственное, употребляемое с обозначенным выше типом предиката, заключается в повышении значимости выдвигаемых автором аргументов.

Такой способ номинации субъекта как существительные в обобщенно-собирательном значении также характерен для жанра УНТ: **Most economists (85,3 %) agree that the gap between social security funds and expenditures will become unsustainably large <...>** 'Большинство экономистов (85,3 %) согласны с тем, что разрыв между фондами социального обеспечения и расходами станет неустойчиво большим <...>' [11]. С помощью *цитаты – мнение специалиста*, в которой субъект мнения эксплицируется существительным в обобщенно-собирательном значении, реализуются прагматические функции: демонстрация концепций других ученых, акцентирование связи собственной научной концепции с концепциями указанных ученых, что способствует созданию эффекта значимости репрезентируемой информации.

Для рассматриваемого жанра свойственно также использование существительных, обобщенно эксплицирующих представителей научных школ, организаций в сочетании с предложениями в таких конструкциях, как *according to some researchers* 'согласно некоторым исследователям', *from the point of view of these engineers* 'с точки зрения этих инженеров': **According to the scientists from the American Iron and Steel Institute, US steel producers are today technologically advanced <...>** 'По словам ученых из Американского института чугуна и стали, американские производители стали сегодня технологически продвинуты <...>' [10, с. 85]. Цитата – *мнение специалиста*, в которой в качестве средства номинации субъекта мнения выступают слова в метонимичном значении, выполняет следующую прагматическую функцию – создание эффекта того, что автор разделяет мнения других ученых о рассматриваемой проблеме.

Прагматическая установка *авторитетное мнение* может реализовываться в УНТ также с помощью парентетических конструкций, применяемых для выражения аргументативной стратегии автора, который, анализируя особенности определенного объекта / явления, апеллирует к мнению известных специалистов, повышая таким образом воздействующую силу приводимых аргументов (*as Dr. McConnel states...*).

Для репрезентации известной в конкретном научном сообществе информации (старого знания) широко используется *цитата – общепризнанное знание / мнение*, при этом под знанием в научном дискурсе, понимается не только фактуальное знание, но и обоснованное, т. е. верифицированное мнение. Прагматическая функция *цитаты – общепризнанное знание / мнение* заключается в представлении информации как общеизвестной. При подаче старого знания адресант акцентирует его истинность, очевидность, для чего широко используются

безличные конструкции с формальным *it* в качестве субъекта и предикатами с семантикой знания или мнения, выраженными пассивной формой глагола: *it is known* 'известно', *it is stated* 'утверждается', *it is considered* 'считается'. В следующем примере: *In addition, it is assumed that to create a representative outcome, each of the three primary sources will contribute one-third of the energy supply at the end of the century* 'Кроме того, предполагается, что для создания репрезентативного результата каждый из трех первичных источников будет обеспечивать треть энергопотребления в конце столетия' [12, с. 21] – автор, приводя аргумент в поддержку признаваемой всеми необходимостью использования различных источников энергии, вуалирует субъект мнения, используя имперсонализацию. Таким способом собственное знание / мнение автора соотносится со знанием / мнением, разделяемым специалистами соответствующей сферы научно-профессиональной деятельности. В качестве дополнительной прагматической задачи, которую ставит автор, опираясь на данную цитату, можно считать уменьшение степени собственной ответственности за репрезентируемую информацию.

Наряду со знаниями адресанта в УНТ нередко выражается его собственное отношение к представляемой информации, поэтому *цитата-собственное мнение автора* является одним из употребляемых подтипов *цитаты – мнение*. Средства номинации субъекта в рассматриваемом подтипе зависят от особенностей формулирования автором личной позиции. Адресант, по-разному оценивая достоверность результатов собственного исследования, может подавать новое знание в научном тексте либо как истинное, либо как вероятное, что обуславливает дифференцированное использование в качестве предикатов глаголов мыслительной деятельности. Вследствие сравнения функционирования названных глаголов было установлено, что в УНТ автор чаще всего выражает собственное мнение, которое базируется на интерпретации известных фактов и включает их истинностную оценку. При этом используются глаголы: *consider* 'полагать, считать', *seem* 'иметь какое-либо представление, казаться', *think* 'считать' [13, с. 191–197]. Например, *But if we make a wrong move, I think the pressure we had from the bills will come back, and that is painful* 'Но если мы сделаем неправильный шаг, я думаю, что давление, которое мы имели от счетов, вернется, и это больно' [14, с. 3]. При таком способе актуализации коммуникативных интенций, *цитата-мнение автора* используется с целью концентрирования внимания адресата не столько на знании вообще, сколько на доказательности позиции, с которой это знание представлено.

Основная прагматическая функция *цитаты-мнение автора* в УНТ заключается в концентрировании внимания реципиента на особенностях авторского осмысления описываемых процессов / объектов в плане выделения тех значимых свойств, которые необходимы для доказательств непротиворечивости выдвигаемой концепции.

Характерной чертой УНТ является широкое использование *цитаты-мнение*, представленной в форме косвенной речи, что позволяет сохранить авторский стиль изложения и в сжатой форме охарактеризовать взгляды отдельных авторитетных исследователей в области конкретной научной дисциплины и целых научных направлений.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что в жанре УНТ выявленные три семантических подтипа *цитаты-мнение* выполняют как общие, так и специфические прагматические функции, которые реализуются конкретными языковыми средствами, что обусловлено прагматическими задачами авторов текстов (обосновать и интерпретировать определенную часть содержания текста, предоставить дополнительную информацию), коррелирующими с прогнозируемыми фоновыми знаниями адресата.

Делимитативная прагмаустановка, направленная на акцентирование внимания адресата на конкретных аспектах проблемы, может реализовываться как с помощью синтаксических средств выдвижения информации, так и с помощью лексических средств, представляющих собой сочетания знаменательных и служебных слов или отдельные фразы: *so it is a very attractive option...; those facilities are extremely important...; I think, the key aspect is ...; the most essential requirements are...*. Проанализируем более подробно наиболее употребительные синтаксические средства, используемые для материализации делимитативной прагмаустановки автора. Так, использование приема антитезы, т. е. противоположных понятий: *Some*

heterodox ideas are rejected by prevailing opinion and remain forever outside theory. Other theories, however, may be rejected at first but finally, sometimes long after their introduction, accepted ‘Некоторые неортодоксальные идеи отвергаются преобладающим мнением и навсегда остаются вне теории. Другие теории, однако, могут быть сначала отвергнуты, но в конечном итоге, иногда спустя много времени после их введения, принимаются <...>’ [15, с. 6] позволяет максимально акцентировать внимание адресата на неизученных аспектах рассматриваемой проблемы. При расставлении логических акцентов авторами УНТ используется также прагматический потенциал анафорического повтора, способствующего созданию параллелизма синтаксических конструкций с сильной инициальной позицией, при этом повторяются не отдельные слова, а выраженная в высказывании мысль: *Welfare analysis posits social preferences and goals, permitting an optimization approach to social choice. Welfare analysis is normative* ‘Анализ благосостояния устанавливает социальные предпочтения и цели, позволяя оптимизировать подход к социальному выбору. Анализ благосостояния является нормативным’ [16, с. 8]. Инициальный союз в примере *But the views on usury were specific and consequential enough to create conflict between the church and the emerging business community* ‘Но взгляды на ростовщичество были специфическими и достаточно последовательными, чтобы создать конфликт между церковью и развивающимся бизнес-сообществом’ [16, с. 40] позволяет акцентировать внимание на отсутствии конфликта в силу проводимой политики по отношению к ростовщичество. Использование параллельных синтаксических конструкций *Banks may be keen to grant additional loans and banks may make profits. Banks may simply go ahead and expand credit, and accept lower liquidity ratio, too* ‘Банки могут быть заинтересованы в предоставлении дополнительных займов, банки могут получать прибыль. Банки могут просто пойти дальше, расширить кредитование и также принять более низкий коэффициент ликвидности’ [17, с. 493] дает автору возможность подчеркнуть значимость банковской системы.

В результате проведенного нами исследования представляется возможным сделать вывод о том, что употребление определенных языковых средств в учебно-научных текстах, способствующих обеспечению адекватности восприятия, понимания и последующей интерпретации сформулированных в текстах положений, детерминировано прагматическим фактором адресата и коммуникативно-прагматическими установками автора.

Литература

1. Баженова, Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности / Е.А. Баженова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 270 с.
2. Данилевская, Н.В. Взаимодействие диалогических структур в научном дискурсе / Н.В. Данилевская // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т ; редкол.: М.П. Котюрова (гл. ред.) [и др.]. – Пермь, 2002. – С. 186–199.
3. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знания о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова ; Рос. акад. наук, ин-т языкознания. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 555 с.
4. Наер, В.Л. Прагматика научных текстов (вербальный и невербальный аспекты) / В.Л. Наер // Функциональные стили: лингвометодические аспекты : сб. ст. / Акад. наук СССР, каф. иностр. яз. ; отв. ред. М.Я. Цвиллинг. – М., 1985. – С. 14–25.
5. Варгина, Е.И. Научный текст и его воздействие (на материале английского языка) / Е.И. Варгина. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2004. – 212 с.
6. Попова, Т.Г. Жанровая структура испанской научно-технической статьи / Т.Г. Попова. – М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2011. – 173 с.
7. Карпилович, Т.П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т.П. Карпилович. – Минск : Изд-во Мин. гос. лингвист. ун-та, 2003. – 226 с.
8. Чернявская, В.Е. Научный текст как социокультурный феномен / В.Е. Чернявская // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. / Орлов. гос. ин-т искусств и культуры ; редкол.: А.Г. Пастухов (отв. ред.) [и др.]. – Орел, 2006. – Вып. 3. – С. 17–26.
9. Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста : учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – 5-е изд. – М. : Либроком, 2010. – 128 с.

10. Carbaugh, Robert J. *International Economics* / Robert J. Carbaugh. – 10th edition. – USA, 2005. – 529 p.
11. Whaples, R. Do Economists Agree on Anything! Yes! [Electronic resource] / R. Whaples. – Mode of access : https://people.uwec.edu/jamelsem/fte/fte/efl/teacher_stuff/articles/economists_agree.pdf. – Date of access : 04.02.2019.
12. Vanek, F.M. *Energy Systems Engineering. Evaluation and Implementation* [Electronic resource] / F.M. Vanek, L.D. Albright, L.T. Angenent. – Second edition. – Mode of access : https://www.amazon.com/Energy-Systems-Engineering-Evaluation-Implementation/dp/007178778X?ref_=fsclp_pl_dp_3. – Date of access : 04.02.2019.
13. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы ее представления / А.А. Зализняк. – М. : Яз. слав. культур, 2006. – 672 с.
14. Samuelson, P.A. *Economics*. – Tata McGraw Hill Education Private Limited [Electronic resource] / P.A. Samuelson, W.D. Nordhaus. – Mode of access : https://books.google.by/books?id=gzqXdHXxeAC&pg=PA277&dq=free+economics+textbooks&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjppqTZoqDgAhUUBBAIH_S_TCzwQ6wEIZjAI#v=onepage&q=free%20economics%20textbooks&f=false. – Date of access : 03.02.2019.
15. Preston McAfee, R. *Introduction to economic analysis* [Electronic resource] / R. Preston McAfee, T. Lewis, D. J. Dale. – Mode of access : <https://www.muhenberg.edu/media/contentassets/pdf/economicanalysis/IEA.pdf>. – Date of access : 08.02.2019.
16. Landreth, H. *History of economic thought* [Electronic resource] / H. Landreth, D.C. Colander. – Fourth Edition. – Mode of access : <https://www.pdfdrive.com/history-of-economic-thought-modern-economics-d16574071.html>. – Date of access : 08.02.2019.
17. Sloman, J. *Economics* / J. Sloman. – 6th edition. – USA, 2006. – 747 p.

Философия

УДК 167+930.1

Исследования исторической памяти как трансдисциплинарный проект

Т.А. КАПИТОНОВА, В.А. БЕЛОКРЫЛОВА

Исследования исторической памяти как новая трансдисциплинарная область знания, широко использующая методы и концептуально-теоретический аппарат различных социогуманитарных дисциплин, сталкиваются с необходимостью выработки единого парадигмального подхода. При его разработке следует учитывать конструктивно-динамический характер формирования исторической памяти, а также диалектическую природу взаимодействия ее индивидуального и коллективного компонентов. Представляется перспективным совместное использование историографического и биографического методов как взаимодополняющих.

Ключевые слова: исследования исторической памяти, индивидуальная память, коллективная память, устная история, биографический метод, историографический метод, трансдисциплинарные исследования.

Studies of historical memory as a new transdisciplinary field of knowledge, widely using the methods and conceptual and theoretical apparatus of various social and humanities disciplines, are faced with the need to develop a single paradigm approach. When developing it, one should take into account the constructive-dynamic nature of the formation of historical memory, as well as the dialectical nature of the interaction of its individual and collective components. It seems promising to share historiographical and biographical methods as complementary.

Keywords: memory studies, individual memory, collective memory, oral history, biographical method, historiographical method, transdisciplinary research.

Исследования исторической памяти (в англоязычной литературе «memory studies») занимают одно из ключевых мест в современных социогуманитарных науках. И хотя это динамично развивающееся направление является достаточно молодым (основополагающие работы в данной области относят к 80-м гг. XX в.), его предыстория, связанная с изучением различных форм присутствия прошлого в настоящем, прошла свой эволюционный путь от соответствующих представлений социальной мифологии, от категорий «традиция» и «наследие» до «памяти» и сопряженных с ней «забвения» и «воспоминания» как основополагающих терминов современного социогуманитарного знания. Исследования исторической памяти и формируют повестку дня широких общественных дискуссий, расставляя новые акценты в трактовке современности, названной Пьером Нора «эрой коммеморации» [1].

Философско-методологический инструментарий, наработанный в современной западной гуманитаристике для изучения феномена исторической памяти, представлен в трудах М. Хальвабкса, Ж.Ле Гоффа, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, П. Рикера, Я. Ассмана, П. Нора и др. На постсоветском пространстве систематические исследования в рамках мемориальной парадигмы проводят И.М. Савельева, А.В. Полетаев, Л.П. Репина, О.Б. Леонтьева, Н.Е. Копосов, А.Ф. Смоленчук, Г.Н. Саганович, А.Л. Ластовский и др.

Под «исторической памятью» обычно понимается система представлений о прошлом, подтверждающая для членов общества их коллективную идентичность и символически репрезентирующая их единство во времени и пространстве [2]. В то же время, ряд авторов, работающих в русле мемориальной парадигмы культуры, значительно расширяет данный курс. Так, Я. Ассман в своей книге «Культурная память» отмечает: «Все говорит о том, что вокруг понятия воспоминания выстраивается новая парадигма наук о культуре; что различные явления и сферы культуры – искусство и литература, политика и общество, религия и право – могут быть рассмотрены в новой связи» [3]. В свою очередь, А. Васильев интерпре-

тирует историческую память как «трансдисциплинарную область знания историко-культурологического характера, обладающую своим предметом, то есть позволяющую под определенным углом зрения рассмотреть всю совокупность явлений человеческой культуры, увидев их взаимосвязь с точки зрения того, как «образы-воспоминания» сохранялись, передавались, актуализировались, вытеснялись и использовались в той или иной культуре» [4].

Стоит отметить, что подобная исследовательская позиция, трактующая историчность как неотъемлемую антропологическую универсалию, значительно расширяет сферу затрагиваемой проблематики *memory studies* от исследований нации и национальной идентичности до изучения функционирования различных социальных общностей и организаций в связи с содержанием их коллективной памяти.

Экстенциональное расширение проблемного поля *memory studies*, дополняемое использованием исследователями различных дисциплинарных методологий и картин реальности, не только свидетельствует о возникновении новой трансдисциплинарной области исследований современного социогуманитарного знания, но и ставит нас лицом к лицу перед необходимостью решения возникающих в этой связи теоретико-методологических проблем.

Для лучшего понимания сути возникающих затруднений, отметим, что исследования исторической памяти представляют собой, как правило, множество узкоспециализированных работ, посвященных отдельным аспектам и темам *memory studies*, авторы которых используют различные методологические подходы, работая зачастую в разных дисциплинарных сферах знания. Для подобного множества раздробленных, разобщенных, плохо скоординированных исследований серьезным вызовом, определяющим перспективы дальнейшего развития данного научного направления, является выработка единого парадигмального подхода, общего методологического инструментария и концептуально-теоретической базы.

В силу вышеизложенных обстоятельств использование междисциплинарного подхода, предполагающего работу в пределах конкретной исторической дисциплины с инкорпорацией достижений смежных областей знаний, здесь не представляется корректным решением. По этой причине для исследований исторической памяти, проблематика которой не может быть в полной мере артикулирована в границах любой из взаимодействующих конвенционально установленных академических дисциплин, актуальной на сегодняшний день является задача трансдисциплинарного синтеза, позволяющего выйти на принципиально новый интегративный уровень решения проблемы, недостижимый в рамках конкретных дисциплин.

Как отмечает в этой связи один из авторов Хартии трансдисциплинарности Б. Николеску, трансдисциплинарный подход, стремясь отразить динамику изучаемого процесса или явления на нескольких дисциплинарных уровнях одновременно, соединяет фрагменты реальности, исследованные конкретными дисциплинами, в единую картину [5, р. 47–48]. Пытаясь представить изучаемую реальность в ее диалектической сложности, трансдисциплинарный подход объединяет по принципу дополнительности то, что с позиций частных дисциплин рассматривалось как противоположное.

С каких позиций следует подходить к решению поставленной задачи, на что методологам стоит ориентироваться в первую очередь? Как нам представляется, одна из главных задач связана с разработкой концептуально-теоретического и философско-методологического уровней трансдисциплинарной парадигмы, учитывающих в своих исходных допущениях, положениях и принципах основные особенности формирования исторической памяти.

К числу таких особенностей стоит отнести, прежде всего, *конструктивно-динамический характер формирования исторической памяти, а также диалектическую природу взаимодействия ее индивидуального и коллективного компонентов.*

Изучение того, каким образом различные социальные институты работают со своим прошлым, как перерабатываются и реактуализируются нарративы о прошлом для реализации текущих целей общества и целей его будущего развития – является одной из ключевых тем в исследовании процессов формирования исторической памяти. Конструктивно-динамический характер подобного рода коллективной деятельности означает, что память об историческом явлении представляет собой конструируемый контекстуальный феномен; что

здесь мы имеем дело с динамическим процессом, мобилизующим разнообразные социальные дискурсы и практики в репрезентации исторического события и служащим выражению солидарности группы.

Говоря другими словами, многочисленные исторические и архивные данные, сохраненные на разных носителях информации, сами по себе, без соответствующей работы социальных акторов, не являются исторической памятью, но становятся ею лишь тогда, когда извлекаются из хранилища и становятся предметом коммуникаций в рамках определенной нации, группы, сообщества.

Историческая память как способ переосмысления и актуализации прошлого для решения задач настоящего и реализации целей будущего развития выполняет две взаимосвязанные друг с другом социальные функции: идентификации и легитимации.

Ш. Линд в своем труде «Работая с прошлым: Нарратив и институциональная память» отмечает, что функция идентификации используется для конструирования стабильного нарратива идентичности общества, т.е. позволяет показать, что «то, какие мы есть, и то, как мы существуем сейчас, находится в соответствии с тем, какими мы были всегда» [6, р. 3]. Обеспечивая ориентацию в историческом времени и социальном пространстве, знания о прошлом становятся основой культурной преемственности поколений и национально-гражданской идентичности.

При этом, историческая память, включая в себя разновекторные, зачастую противоречивые воспоминания разных групп об одних и тех же событиях, может выступать не только фактором стабильности и интеграции общества, но и являться средством социальных изменений, движущей силой давно назревших общественных перемен и трансформационных процессов.

Так, процессы памятования и забвения играют серьезную роль в реализации стратегий социальных трансформаций, в том числе в реинтеграции расколотых обществ, переживших период массового насилия и преступлений против человечности и желающих перейти к гражданскому согласию и миру [4]. Пересматривая ценности и установки прошлого, историческая память способна задавать новые горизонты смыслов и возможностей для будущего.

В свою очередь, функция легитимации позволяет политикам использовать память для обоснования своего права на власть, для оправдания своих внутри- и внешнеполитических действий. Используемые ими исторические аналогии зачастую выступают в качестве неких прототипов, или образцов принятия политического решения, не только предлагая спектр возможных вариантов действия в данной ситуации, но также и обосновывая тот или иной политический порядок через отсылку к прошлому. Историческая память, очерчивая контуры внешней и внутренней политики, выступает важным элементом политической культуры социума.

Представления о механизмах формирования и трансформации коллективного исторического сознания сегодня активно используются в социальных технологиях, реализуемых в русле современной политики памяти. При этом исторический нарратив, хранящийся в коллективной памяти, одновременно является и естественным (формирующимся благодаря опыту поколений), и сконструированным (формируемым посредством идеологических инструментов).

Политика памяти представляет собой необходимый инструмент идеологической политики любого государства, средство самоидентификации национально-государственной общности на фоне плюрализма прочтений исторического прошлого. Историческая политика разворачивается вокруг оценивания прошлого с позиций актуальных политических и идеологических приоритетов, и наоборот – обоснования достоверности и укорененности данных приоритетов через ценностно-смысловую интерпретацию событий прошлого. Целью исторической политики служит формирование определенной гражданской и культурной идентичности среди людей, оценивающих прошлое схожим образом. Ее предметом служит историческая память, как одновременно и спонтанно самоорганизующийся и целенаправленно идеологически конструируемый феномен. Воздействие на историческую память – эффективный путь консолидации социальных общностей различного масштаба. Вместе с этим манипуляция исторической памятью способна расколоть общество изнутри. Историческая политика продуцирует смысловую интерпретацию континуума прошлое – будущее, что влияет на поведение людей и направление социальной динамики. Отметим, что политика памяти, направленная одновременно (а порой главным образом) и в будущее, представляет собой своеобразное «самореализующееся пророчество».

На постсоветском пространстве важнейшее место в конструировании идеологически значимого нарратива о прошлом занимает Великая Отечественная война, как наиболее масштабный конфликт новейшей истории. Однако важнейшей современной потребностью политики исторической памяти является обоснование не просто «независимости от...», но и «независимости для...». При этом «независимость для...» должна быть подкреплена традицией, содержащей веские аргументы в пользу уникальности исторической судьбы и исторического пути.

Для Беларуси как пограничного государства, в течении длительного времени находящегося в зоне взаимодействия геополитических центров силы, не является приемлемым проведение жесткой дихотомии (культурной, религиозной, политической) по модели «мы – они», «свои – чужие», «победители – жертвы». Достаточно спорным при рассмотрении в диахронном аспекте представляется противопоставление отдельных исторических периодов в формировании культурной и политической нации, при котором определенные стадии трактуются как прогрессивные, иные же наделяются в большей степени негативными коннотациями. Взвешенная историческая политика применительно к Беларуси должна складываться вокруг единства в многообразии, постоянного напряженного диалога, взаимного компромисса, а не исключения, сопровождаемого навешиванием ярлыков. При строгом следовании исторической фактологии, системообразующей представляется ценность консенсуса – культурного, религиозного, политического, при котором будут учтены несовпадающие и нередуцируемые мнения и позиции, обусловленные объективно разнящимся историческим опытом и интересами различных групп, слоев и наций, населявших и населяющих Беларусь.

Наряду с изучением механизмов социального и идеологического конструирования исторической памяти, ключевой темой в понимании динамики ее развития является специфика взаимодействия индивидуального и коллективного компонентов.

Коллективная историческая память (термин, введенный в научный оборот М. Хальбваксом в работе «Социальные рамки памяти» [7]) в значительной своей части конструируется властным дискурсом и представляет собой четко структурированный и упорядоченный набор описаний, идей и образов прошлого. Это знание передается из поколения в поколение и воспроизводит себя в различных социальных и институциональных практиках, коммуникациях.

В свою очередь индивидуальная историческая память формируется как медиатор, опосредующий процессы коммуникации индивида с группой на уровне повседневных практик. Если коллективная историческая память опосредует восприятие прошлого при помощи институциональных каналов, то индивидуальная память обращается непосредственно к личному опыту прошлого.

Специфика взаимодействия индивидуального и коллективного в исторической памяти находит свое отражение в разных исследовательских традициях. Так, приверженцы социологической школы Э. Дюркгейма, разделяя точку зрения о наличии социальных механизмов организации памяти членов общества, полагают, что коллективная память включает в себя индивидуальную, будучи при этом не механической суммой представлений отдельных личностей, а обобщенным образом этих представлений, принимаемым и узнаваемым всеми членами данного общества. В рамках данной традиции предполагается, что индивидуальная историческая память в силу своей фрагментарности и уникальности, не может составлять основу, базис коллективной исторической памяти. Скорее она должна вписываться определенным образом в общественное историческое пространство, тем самым выполняя функции контроля и верификации.

Данная позиция не без оснований приводит к дискуссии об онтологическом статусе концепта коллективной памяти: можно ли говорить о существовании над- или внеиндивидуальной коллективной памяти (*memory collective*) или же более корректным будет вести речь о совокупной памяти (*memory collected*) вместе взятых отдельных воспоминаний членов общества.

Еще одной методологической проблемой теории коллективной исторической памяти является, по мнению В. Канштайнера, неоправданный перенос на понятие коллективной памяти существующих нейрофизиологических и психологических представлений об индивидуальной памяти, что препятствует построению внеиндивидуального измерения данной теории [8, p. 179].

Затруднения исследователей также связаны с излишней политизированностью и эмоциональной нагруженностью некоторых тем коллективной памяти. Например, в случае исследования тем Холокоста, Второй мировой войны, массовых репрессий и геноцида изучаемый матери-

ал, как отмечает А. Васильев, – «активно сопротивляется холодному и объективному исследовательскому взгляду, требует эмоциональной вовлеченности, сопереживания» [4], что, в свою очередь, мешает беспристрастному раскрытию механизмов работы коллективной памяти.

Специфика взаимоотношений индивидуального и коллективного в феномене исторической памяти находит свое непосредственное отражение в различных методологических стратегиях ее изучения. Дихотомия объективного и субъективного, фактического и экзистенциального пластов исторической памяти обуславливает выделение двух основных методологических направлений ее исследования.

Одно из этих направлений, условно назовем его *историографическим*, при выстраивании исторического нарратива делает акцент на восстановлении содержательно-фактической канвы событий прошлого. Его приверженцы (М. Хальбвакс, П. Нора и др.) постулируют, что историография призвана корректировать, сужать «слишком широкую» историческую память, отбрасывая «лишнее» и оставляя в ней лишь наиболее ценные, объективно-фактические компоненты, позволяющие построить относительно непротиворечивую картину исторического прошлого [1], [7]. Так, Пьер Нора, противопоставляя память и историю, пишет: «Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим... Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память – это абсолют, а история знает только относительное. В сердце истории работает деструктивный критицизм, направленный против спонтанной памяти. Память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить её. История есть делигитимизация пережитого прошлого» [1, с. 20].

В свою очередь, альтернативное – *биографическое* направление стремится к реконструкции субъективных, экзистенциально-смысловых компонентов, значимых для оценки и дальнейшей ретрансляции индивидуальной жизненной истории, оценивания наполняющих ее фактов и событий.

Биографический метод открывает широкие возможности реконструкции и интерпретации социального опыта и смысловых структур, его наполняющих. Он предполагает изучение механизмов встроенности индивидуальной биографии человека в широкий социальный контекст. Кроме того, биографическое исследование позволяет проанализировать рефлексивную активность индивида как часть определенного культурно-исторического дискурса.

В историческом нарративе коллективного сознания индивидуальный биографический нарратив присутствует и как субъективная конструкция, и как фактор социальной онтологии. При этом ряд исследователей полагают, что в фиксируемых при помощи биографического метода событиях индивидуальной истории обнаруживаются дополнительные смысловые пласты, не рефлексивные в полной мере самим рассказчиком. По сути, биографический метод открывает уникальные возможности сопоставления осмысленного и, в силу различных причин, ускользающего от внимания участников и очевидцев событий социальной истории опыта. Природа подобных «слепых пятен», механизмы сокрытия смыслов от самих участников социальных процессов представляют собой исключительно значимую и до сих пор малоисследованную область, которая может служить местом диалога социальной психологии, философской феноменологии, социологии, культурологии и т. д.

Генерализация схожего в биографиях одного и того же периода открывает различные перспективы, в их числе – герменевтическая, структуралистская и социологическая [9, с. 8]. В первом случае предметностью служит доступ и способы понимания. Во втором – система устойчивых смысловых координат, через обращение к которой осуществляется понимание. Социологическая (социально-философская) перспектива предполагает путь от реконструкции отдельной биографии к выводам, относящимся к социальной общности, социальному периоду в целом. При этом, интерпретируемая тем или иным способом индивидуальная биография является не столько источником историографической информации, сколько индикатором механизмов функционирования исторического сознания и исторической памяти.

Таким образом, с одной стороны, биографический метод стремится выделить из индивидуальных историй универсальное. С другой – биографическое исследование позволяет

проследить, как индивидуально трансформируются типичные социальные роли и типы. Это важно для понимания вариативности и возможной амбивалентности коллективного исторического сознания.

Так, «устная история» как наиболее известная разновидность биографического подхода подразумевает сбор научно организованной устной информации от непосредственных свидетелей исторических событий [10]. Отличительной чертой биографического подхода и «устной истории» в частности является акцент на реконструкции исторических событий сквозь призму индивидуального опыта и субъективных смыслов очевидцев, что способствует обогащению знания о прошлом различными оттенками его личностного понимания, а также позволяет дополнить сведения, полученные из официальных источников, свидетельствами непосредственных участников событий [11]. Таким образом, биографический подход к формированию исторической памяти позволяет «увидеть» эпоху глазами ее очевидцев и участников; вводит в научный оборот экзистенциальные установки респондентов, их жизненную философию, личный опыт пережитого.

Взаимодополняющий характер двух обозначенных направлений связан с тем важным обстоятельством, что историческая память как комплексный, многоуровневый феномен существует и развивается в единстве своих содержательно-фактических и экзистенциально-смысловых компонентов, оформляющих поток внешнего и внутреннего опыта исторического субъекта. С этой точки зрения историография, ориентированная на восстановление содержательно-фактической канвы событий прошлого, не дополненная возможностями биографического подхода, служит лишь одномерным, фактуально редуцированным отражением исторической памяти, оставляя за скобками проблематизацию ее смысловых, субъективно-экзистенциальных факторов формирования и воспроизводства.

Биографический подход, вводя в научный оборот наполненную уникальными красками повседневность, позволяет преодолеть одномерность историографической интерпретации реальности. Множественный характер субъективных свидетельств позволяет сделать воссоздаваемую картину исторической реальности более объемной и многоплановой и тем самым более объективной и реалистичной. Исследовательская парадигма устной истории, актуализируя дополнительные смысловые пласты прошлого, открывает широкие возможности для трансдисциплинарного синтеза в исследованиях исторической памяти, требующего консолидированных усилий специалистов различных гуманитарных наук – историков, политологов, философов, социологов, психологов.

Memory studies как новое трансдисциплинарное направление современной гуманитаристики, актуализирует необходимость концептуально-методического обоснования экстерриториального диалога различных предметных и дисциплинарных подходов, а также перспектив диалектического синтеза некоторых конкурирующих парадигм, ранее трактовавшихся в качестве противоположных и взаимоисключающих. Предполагается, что разработка философско-методологических оснований трансдисциплинарной парадигмы должна учитывать в своих исходных допущениях и принципах конструктивно-динамический характер формирования исторической памяти и специфическую нелинейную природу взаимодействия ее индивидуального и коллективного начал. Многообещающим в концептуально-теоретическом плане выглядит совместное использование историографического и биографического подходов к исследованию исторической памяти.

Литература

1. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок // Франция-память. – СПб., 1999. – С. 17–50.
2. Репина, Л.П. Культурная память и проблемы историописания / Л.П. Репина. – М., 2003. – 44 с.
3. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М.М. Сокольский. – М., 2004. – 368 с.
4. Васильев, А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов [Электронный ресурс] / А. Васильев. – Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/2640>. – Дата доступа : 29.09.2018.
5. Nicolescu, B. Transdisciplinarity – theory and practice / B. Nicolescu. – NJ, USA : Hampton Press, 2008. – 299 p.

6. Linde, Ch. Working the past: narrative and institutional memory / Ch. Linde. – N.Y., 2009. – 264 p.
7. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с.
8. Kansteiner, W. Finding meaning in memory: a methodological critique of collective memory studies / W. Kansteiner // *History and Theory*. – 2002. – Vol. 41, № 2. – P. 179–197.
9. Биографический метод в социологии: история, методология и практика / Под ред. Е.Ю. Мещеркина, В.В. Семёнова. – М. : Институт социологии РАН, 1994. – 147 с.
10. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон ; пер. с англ. – М. : Изд-во «Весь мир», 2003. – 368 с.
11. Ritchie, D.A. Doing oral history / D.A. Ritchie. – England : Oxford, 2014. – 321 p.

Институт философии
НАН Беларуси

Поступила в редакцию 09.04.2019

Н.В. Тимофеев-Ресовский как представитель русского космизма

П.С. КАРАКО

Раскрывается содержание идей космизма в научном наследии видного биолога XX в. Н.В. Тимофеева-Ресовского. Его космизм выражался в обоснованной им космической функции биогеоценозов в биосфере Земли, космической биологии и ее роли в обеспечении жизнедеятельности человека в космических аппаратах. Особое внимание уделяется выявлению преемственной связи космических идей Н.В. Тимофеева-Ресовского с космизмом В.И. Вернадского.

Ключевые слова: биогеоценоз, биосфера, «вернадскология», биология, космическая биология, русский космизм, космонавтика.

The content of the ideas of cosmism in the scientific heritage of a prominent biologist of the twentieth century N.V. Timofeev-Resovskiy is revealed. His cosmism was expressed in the cosmic function of biogeocenoses in the Earth's biosphere, cosmic biology and its role in ensuring human activity in spacecraft, which he justified. Special attention is paid to identifying the successive connection of the cosmic ideas of N.V. Timofeev-Resovskiy with the cosmism of V.I. Vernadskiy.

Keywords: biogeocenosis, biosphere, «vernadskology», biology, space biology, Russian cosmism, astronautics.

Не прекращается интерес исследователей к постижению научного наследия видного русского биолога Н.В. Тимофеева-Ресовского (1900–1981). Определенный стимул к исследованию его жизни и вкладу в развитие биологии в XX в. задала опубликованная в 1987 г. повесть известного писателя Д.А. Гранина «Зубр», в которой подробно раскрывался жизненный путь и творческая деятельность этого ученого. В 1989 г. был издан специальный сборник статей («Онтогенез, эволюция, биосфера») учеников, друзей и последователей Николая Владимировича. Ими отмечалась его причастность к развитию учения о биосфере, биогеоценологии, радиобиологии, синтетической теории эволюции и других областей биологии. В сборнике «Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: Очерки. Воспоминания. Материалы» (М., 1993) опубликованы воспоминания об этом биологе не только отечественных авторов, но и ряда зарубежных ученых лично знавших русского исследователя. Публикация воспоминаний о нем и того следа, который он оставил в науке, продолжается и по настоящее время.

Но в вышеназванных сборниках нами не обнаружено раскрытия причастности Тимофеева-Ресовского к такому течению русской мысли, как русский космизм. Имеют место и разночтения относительно воззрений Николая Владимировича и В.И. Вернадского (1863–1945) на биосферу. Так, Ю.М. Свирижев считает, что их модели биосферы «лежат в разных плоскостях», так как они совершенно «разные». По его мнению, у В.И. Вернадского биосфера имеет «космическую» выраженность, а у Н.В. Тимофеева-Ресовского – «биогеоценозную». Последнее обусловлено якобы тем, что этот биолог в «своих биосферных исследованиях оставался скорее физиком и математиком» [1, с. 263]. Подобный вывод не имеет под собой основы. Николай Владимирович подчеркивал, что он «не физик и не математик» [2, с. 322]. Он – преемник представлений В. И. Вернадского о биосфере и ее эволюции. Более того, он творчески развивал и дополнял идеи своего старшего современника о космической выраженности жизни на Земле, его космизм. Подробно космизм В.И. Вернадского освещен нами в специальной работе [3]. В ней подчеркивается и важность выявления влияния космических идей русского ученого и мыслителя на других отечественных ученых. Одним из них следует считать и Н.В. Тимофеева-Ресовского. Однако его причастность к идейному течению русского космизма до настоящего времени не находит своего обоснования в отечественной научной литературе. Например, в работе С.И. Шлёкина «Русский космизм» (М., 2017) помещен только портрет Тимофеева-Ресовского, но не сказано ни единого слова о космической выраженности его научных воззрений.

Все вышеотмеченное и определило наше внимание к исследованию характера отношения Тимофеева-Ресовского к космическим идеям В.И. Вернадского. При этом особое значение будет иметь выявление собственно космических воззрений Тимофеева-Ресовского, его причастности к русскому космизму.

«Космическая функция» биогеоценозов в биосфере Земли. Интерес к идеям русского космизма Тимофеев-Ресовский проявил еще будучи студентом биологического факультета Московского университета. Д.А. Гранин пишет, что герой его повести «поглощал модную у студентов русскую философию – Федорова, Соловьева» и других отечественных философов того времени [4, с. 24]. Но, как известно, Н.Ф. Федоров и В.С. Соловьев являлись родоначальниками религиозно-философского течения в русском космизме. С воодушевлением студент Тимофеев-Ресовский посещал и «кружок, где что-то вещал Брюсов, читал Андрей Белый» [4, с. 12]. Последние были представителями литературно-художественной ветви в русском космизме. Однако он не стал приверженцем воззрений отмеченных философов и поэтов на Космос и его влияние на явления земной жизни.

Студент Тимофеев-Ресовский избрал для своего творчества естественно-научное постижение явлений жизни на Земле и ее обусловленности космическими процессами. В становлении такого направления исследований огромную роль сыграла его первая встреча и беседа с В.И. Вернадским, произошедшая в Москве в 1921 г. Их встречи и длительные обсуждения проблем земной биосферы продолжились и в 1925–1927 гг., когда он работал в Институте мозга в Берлине. На этих встречах студент, а потом и научный сотрудник, демонстрировал русскому ученому и мыслителю результаты своих исследований по выявлению накопления ряда химических элементов живыми организмами пресноводных озер. В своих «Воспоминаниях» он пишет, что «через такие работы» стало возможным «сознательно подойти и к работам В.И. Вернадского» [2, с. 316], касающихся исследований роли живого вещества в миграции и концентрации тех или иных химических элементов в биосфере. Особенно это касалось радиоактивных элементов космического и земного происхождения. В Берлине Тимофеев-Ресовский первоначально больше внимания уделял выявлению воздействий рентгеновских лучей на генетический аппарат мушек-дрозофил и частоту проявления индуцированных мутаций в нем. Оказалось, что их частота прямо пропорциональна дозе облучения. Данное исследование было высоко оценено выдающимся физиком XX в. Э. Шредингером. В своей книге «Что такое жизнь? С точки зрения физика» (1944) исследование русского ученого он называет «прекрасной работой» [5, с. 48].

Плодотворным было сотрудничество Тимофеева-Ресовского и с немецкими физиками М. Дельбрюком и К.Г. Циммером. Их совместная работа под названием «О природе мутаций и структуре гена» (1935) стала теоретической основой обоснования Шредингером положения о генетическом коде. Он отмечал и то, что в работах Тимофеева-Ресовского «содержится практический намек» об опасности возможного облучения человека рентгеновскими лучами и «постепенного заражения человеческого рода нежелательными скрытыми мутациями» [5, сс. 49, 50]. По его убеждению, отмеченные опасности «должны интересовать общество». По истине пророческие положения. Их справедливость стала очевидной в наши дни.

Научные исследования Тимофеева-Ресовского в период его работы в Институте мозга в Германии не ограничивались вышеотмеченными направлениями. В центре его внимания были вопросы микроэволюционных процессов, радиационной биологии, теоретической биологии и т. д. Им совместно с М. Дельбрюком и некоторыми представителями физики и математики копенгагенской школы Н. Бора в систему научного знания было включено понятие «конвариантная редупликация» [2, с. 395]. Оно выражало специфику передачи наследственных свойств в процессе размножения живого. В настоящее время данное понятие является одним из важнейших понятий теоретической биологии.

По свидетельству самого Тимофеева-Ресовского, осуществляемые им исследования того времени «заставили вернуться активно уже к целому ряду работ и идей Владимира Ивановича Вернадского». В шутку работа руководимого им отдела в Институте мозга называлась «вернадскологией» [2, с. 319]. Последняя активно стала разрабатываться им самим после возвращения в СССР и работы в различных «закрытых» и «открытых» научных учреждениях страны.

В «вернадскологии» Тимофеева-Ресовского особое место занимают вопросы структуры биосферы, роли живых организмов в ее функционировании, эволюции и сохранении как сферы жизни человека. Причем во многих своих научных трудах и «Воспоминаниях» он подчеркивает роль В.И. Вернадского в обосновании научной концепции биосферы и ее значимости для науки и определении стратегии отношения человека к ней.

Как и Вернадский, он видит космическую выраженность биосферы. Им подчеркивается и «космическая функция» живых организмов в ней. Для него «биосфера – открытая термодинамическая система. В ней имеется энергетический вход, в который и поступает в основном на поверхность Земли солнечная энергия» [6, с. 231]. Последняя поглощается зелеными растениями для производства органического вещества, которое используется другими формами живого (гетеротрофами). Благодаря «космической функции» живого образуется устойчивый круговорот вещества и энергии в биосфере.

Н.В. Тимофеев-Ресовский не только разделял воззрения В.И. Вернадского на биосферу, но он и существенно дополнял их новыми знаниями. Так, им были восприняты положения русского ученого и мыслителя о «цепях жизни» в природных системах, которые он называл биоценозами [7, с. 303]. В них он видел проявление «планетного значения жизни». Хотя самим В.И. Вернадским отмеченные цепи и не были раскрыты, но его мысли об их роли в поддержании устойчивости биоценозов были предметом внимания и разработки И. В. Тимофеевым-Ресовским. В процессе постижения отмеченной проблемы им были приняты во внимание биогеоценологические разработки видного русского ботаника, академика В.Н. Сукачева (1880–1967) – последователя биосферных идей В.И. Вернадского. Тимофеев-Ресовский писал, что уже с 30-х гг. он стал опираться в своих работах на биогеоценологические идеи Сукачева. Для первого бесспорным было то, что биосфера состоит из элементарных единиц – биогеоценозов. В силу этого свои представления о биосфере он считал сходными с воззрениями Сукачева. Именно «в сукачевско-timoфеевском понимании такой элементарный участок – это некий участок косной среды, заселенный определенным биоценозом, через который не проходит ни одна установившаяся граница: ни биологическая, ни климатическая, ни гидрологическая, ни стоковая, ни почвенная, ни грунтовая... Такой участок Сукачев назвал биогеоценозом, а я счел их элементарными структурно-функциональными единицами биосферы Земли» [2, с. 330].

По Тимофееву-Ресовскому, биосфера состоит из дискретных компонент – биогеоценозов. Они являются открытыми термодинамическими системами, которые воспринимают энергию Солнца и превращают ее в органическое вещество. Они воспринимают и все другие излучения Космоса. Космическая функция живого осуществляется в биогеоценозах. Более того, «биогеоценозы являются и той конкретной средой, в которой протекает процесс эволюции любого вида живых организмов» [6, с. 201]. В них происходит накопление энергии, обмен веществом и энергией между живым и косным веществом. «Биогенная миграция атомов», о которой писал Вернадский, как раз и осуществляется внутри биогеоценозов и между смежными биогеоценозами. Только в них и становится возможной «планетная» сущность жизни, да и космическая роль живых организмов.

Все отмеченное позволило Тимофееву-Ресовскому сформулировать и космическую выраженность биосферы: «Биосфера – существенная составная часть общей жизни Земли как планеты, энергетический экран между Землей и Космосом, та пленка, которая превращает определенную часть космической, в основном солнечной энергии, поступающей на Землю, в ценное высокомолекулярное органическое вещество» [2, с. 380]. Автор процитированного положения был уверен и в том, что такое «вещество» может вырабатываться и искусственными биоценозами в космосе. Им предлагались и конкретные направления разработок биологических систем жизнеобеспечения человека в космосе.

Космическая биология как воплощение космических идей Н.В. Тимофеева-Ресовского. Ученый за год до полета человека в космос он в письме к В.Н. Сукачеву от 7-го июня 1960 г. писал о возможности создания «искусственного замкнутого земного биогеоценоза в космосе» как формы сообщества, формирующего необходимый кислородный режим для осуществления в ближайшем будущем длительных полетов человека в космосе. «В этих

замкнутых сообществах будущего, – подчеркивал автор письма, – будут участвовать специально отселекционированные гармоничные биоценозы из форм, полученных методами радиационной селекции и экспериментальной биогеоценологии» [8, с. 97–98].

Следует отметить, что предложенная Н.В. Тимофеевым-Ресовским идея «искусственного замкнутого земного биогеоценоза в космосе» стала отправной для разработки программ биологического обеспечения жизнедеятельности человека в космосе и формирования космической биологии. В 1967 г. директор Института авиационной и космической медицины О.Г. Газенко писал, что теоретической основой данных программ и новой области знания стало учение В.И. Вернадского о биосфере и месте человека в ней, биогеоценология В.Н. Сукачева, экологические исследования В.С. Ивлева, Н.П. Наумова, Г.Г. Винберга и экспериментально-экологические исследования Н.В. Тимофеева-Ресовского [9, с. 621].

Вклад последнего в становление и развитие космической биологии стал более значимым, когда он был зачислен научным сотрудником вышеуказанного института. Позже этот институт стал называться Институтом медико-биологических проблем Минздрава СССР. По свидетельству директора данного института академика О.Г. Газенко, в нем Тимофеев-Ресовский принял самое активное участие в конструировании одного из первых летных экспериментов по определению биологической эффективности космического излучения, использовании нетрадиционных источников животной пищи и т. д. Но самым принципиальным вкладом Тимофеева-Ресовского в развитие космической биологии выразилось в том, что он обосновал значимость общебиологического и экологического подхода в обеспечении жизнедеятельности человека в космосе на основе механизмов функционирования природных биогеоценозов и экологических систем. «Его опыт и авторитет в теоретической и практической биогеоценологии и общем учении о биосфере, – пишет О.Г. Газенко, – укрепили наши позиции и во многом определили дальнейшее развитие этого направления. Сегодня ясно, что для обеспечения жизни человека в космосе нет другого пути, кроме создания искусственных биоценозов. Это верно не только для космических кораблей, но и для лунных баз, для межпланетных станций» [10, с. 7].

В настоящее время такого рода проблемы стали предметом обсуждения представителями многих областей научного знания и практической космонавтики. Создание поселений людей (космических колоний) на поверхности Луны и Марса, самостоятельных орбитальных колоний в космосе считается, хотя и сложной, но и выполнимой задачей. При этом исследователями самым принципиальным положением признается создание искусственных систем жизнеобеспечения проживания и деятельности людей «подобных земной биосферы» [11, с. 108] в разного рода космических поселениях. Обзор точек зрения по этому вопросу и принимаемых программ решения обеспечения жизни человека в космосе осуществлен в процитированной работе белорусского генетика В.К. Савченко.

Для представителей современной космонавтики и проектировщиков будущих космических поселений людей нужно иметь в виду, что человек является существенной частью биосферы Земли, его жизнедеятельность зависит от сложившихся в ходе ее эволюции физико-химических и биологических констант. В условиях абиотической среды он существовать не сможет. Вот почему сохраняют свою значимость положения Н.В. Тимофеева-Ресовского о теоретических основах искусственной биосферы космических поселений и колоний. Именно физико-химические и биотические условия жизни людей на Земле определяют «неизбежную связь учения о биосфере Земли (основанного и развитого В.И. Вернадским), а также биогеоценологии (основанной и развитой В.Н. Сукачевым) с важнейшими разделами развивающейся на наших глазах новой дисциплины – космической биологии. Поэтому же вполне разумно предполагать, что характернейшие черты строения и работы биосферы Земли и ее элементарных подразделений – биогеоценозов, должны, в какой-то мере, лечь в основу создания в рамках космической биологии, среды обитания и системы жизнеобеспечения человека в условиях длительных космических полетов и пребывания на “чужих” планетах» [12, с. 9].

Данное суждение было озвучено Н.В. Тимофеевым-Ресовским в начале 70-х гг. в совместной с сотрудниками Института авиационной и космической медицины работе. В ней констатировалось и то, что в рамках космической биологии к тому времени были созданы и

исследованы экспериментальные биоценозы, состоящие из бактерий, одноклеточных водорослей, высших растений и человека. Они оказались способными удовлетворять до 85 % метаболических потребностей человека. Данный результат свидетельствовал о реальности создания экспериментальных систем подобным природным биогеоценозам. Как и последним им присущи следующие свойства: термодинамическая открытость, существенная замкнутость по веществу и способность к существованию в состоянии длительного динамического равновесия [12, с. 15]. Авторами работы был сделан и вывод, что создание экспериментальных биогеоценозов, обладающих устойчивостью и динамическим равновесием при длительном функционировании, является важнейшей задачей космической биологии.

Осуществленное исследование космических идей Н.В. Тимофеева-Ресовского позволяет сделать вывод, что он был достойным последователем учения В.И. Вернадского о биосфере и его космизма. Им творчески развивались данные стороны научного наследия выдающегося русского ученого и мыслителя. Тимофеева-Ресовского по праву следует считать представителем естественно-научного течения в русском космизме. Им была выявлена «космическая функция» биогеоценозов в биосфере, обоснованы теоретические основы космической биологии, раскрыта ее роль в обеспечении жизнедеятельности человека в период его пребывания в космосе, предложена разумная стратегия взаимоотношения человека и биосферы на длительную перспективу. Все это следует раскрывать в научных исследованиях сущности русского космизма и доводить их результаты до сознания студентов, магистрантов и аспирантов.

Литература

1. Свирижев, Ю.М. Коэволюция человека и биосферы: Современная глобалистика и концепция русской классической школы / Ю.М. Свирижев // Онтогенез, эволюция, биосфера. – М. : Наука, 1989. – С. 254–264.
2. Тимофеев-Ресовский, Н.В. Воспоминания. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами / Н.В. Тимофеев-Ресовский. – М. : Согласие, 2000. – 880 с.
3. Карако, П.С. Предпосылки и сущность космических воззрений В.И. Вернадского / П.С. Карако // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2018. – № 1. – С. 13–22.
4. Гранин, Д.А. Зубр / Д.А. Гранин. – М. : Госкомиздат, 1988. – 112 с.
5. Шредингер, Э. Что такое жизнь? С точки зрения физика / Э. Шредингер. – М. : Атомиздат, 1972. – 88 с.
6. Тимофеев-Ресовский, Н.В. Краткий очерк теории эволюции / Н.В. Тимофеев-Ресовский [и др.]. – М. : Наука, 1977. – 297 с.
7. Вернадский, В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В.И. Вернадский. – М. : Наука, 2001. – 376 с.
8. Из писем Н.В. Тимофеева-Ресовского В.Н. Сукачеву // Природа. – 1990. – № 9. – С. 95–104.
9. Газенко, О.Г. Космическая биология / О.Г. Газенко // Развитие биологии в СССР: 1917–1967. – М. : Наука, 1967. – С. 613–631.
10. Газенко, О.Г. Искусственный биоценоз – будущее космонавтики / О.Г. Газенко // Человек. – 2000. – № 4. – С. 5–7.
11. Савченко, В.К. Природа человека и его ноосферная перспектива / В.К. Савченко // Философские исследования : сб. научных трудов. – Мн. : Беларуская навука, 2018. – Вып. 5. – С. 98–114.
12. Газенко, О.Г. Учение о биосфере и космическая биология / О.Г. Газенко, Н.В. Тимофеев-Ресовский, Е.Я. Шепелев // Человек. – 2000. – № 4. – С. 9–15.

Культурныя канатацыі эсэ «Адвечным шляхам» І. Канчэўскага

І.М. НОВІК

Дадзены артыкул прысвечаны эсэ І. Канчэўскага (Абдзіраловіча) «Адвечным шляхам». Асноўная мэта – выявіць і прааналізаваць рэаліі тагачаснай беларускай культуры, на якія абапіраўся Канчэўскі, адпаведна – да якіх тэкстаў і культурных з’яў адсылаў свайго чытача. У якасці трох крыніц рэфэрэнцый, сродкам якіх брашура «Адвечным шляхам» была злучана з сучасным ёй інтэлектуальным і культурным кантэкстам, намі вылучаны і прааналізаваны: беларускае мастацтва, беларуская паэзія і беларуская публіцыстыка.

Ключавыя словы: Ігнат Абдзіраловіч, Ігнат Канчэўскі, «Адвечным шляхам», тэмпаральнасць, беларускі мастацкі наратыў, беларуская паэзія, беларуская публіцыстыка, гісторыя беларускай філасофскай думкі.

This article is devoted to the essay of I. Kancheusky (Abdziralovich) «The Eternal Path». The main goal is to identify and analyze the realities of the then Belarusian culture, on which Kancheusky relied. Kancheusky sent his reader to such texts and cultural phenomena. As three sources of references, by means of which the brochure «The Eternal Path» was connected with the contemporary intellectual and cultural context: the Belarusian artistic narrative, Belarusian poetry and Belarusian journalism were identified and analyzed.

Keywords: Ignat Abdziralovich, Ignat Kancheusky, temporality, Belarusian fictional narrative, Belarusian poetry, Belarusian sociopolitical journalism, Belarusian philosophy.

Зусім неўзабаве – у 2021 г., спаўняецца роўна стагоддзе з моманту першага выхаду ў свет брашуры «Адвечным шляхам» Ігната Канчэўскага (Абдзіраловіча). Стагоддзе – памыслны крок на шляху да ўласнай вечнасці, зроблены гэтым творам. Дарога да сучаснага чытача была пакручастай: спачатку кніга адгукнулася шматлікім рэхам у думцы сучаснікаў (заходнебеларускіх міжваенных публіцыстаў), каб пасля амаль цалкам трапіць у нябыт забыцця ў паваенныя гады і выбухнуць новай хваляй цікавасці да эсэ і самой постаці Канчэўскага з канцом 1980-ых – пачаткам 1990-ых. Сёння амаль немагчыма знайсці (і, нават, уявіць) грунтоўнай рэфлексіі над гістарычным лёсам беларускай культуры ці працы па гісторыі айчынай думкі, якія б абышліся без абавязковай спасылкі на гэты тэкст. Тым болей заўважна адсутнасць тлумачэння «феномена Канчэўскага» – нястача аналізу таго, што дазволіла гэтаму тэксту знайсці шлях не толькі да сэрцаў сучаснікаў, але і размаўляць «на роўных» з чытачом ужо XXI ст. Бо ж і сёння брашура чытаецца хутчэй як твор нашага сучасніка, чымсьці толькі як сведчанне свайго часу.

У дадзеным тэксце мы прапануем свае тлумачэнне гэтай зваблівасці і неўміручасці выказванняў «Адвечным шляхам». На нашу думку сакрэт папулярнасці Канчэўскага не столькі ў яго ўласным мысленні, колькі ў той аснове па якой снаваў свае думкі – яму ўдалося злучыць у адзінае творчае цэлае найбольш плённыя, прадуктыўныя напрамкі тагачаснай беларускай культуры – беларускія паэзію, наратыў і публіцыстыку, і заручыць іх з філасофскім одумам, убачыць і вынесці на свет тыя філасофскія імплікацыя, што былі стоены ў іх. Разам з «Адвечным шляхам» і праз яго мы навучыліся прычытваць філасофскімі вачыма сваю ўласную беларускую культуру. Мэты дадзенага артыкула, такім чынам, наступныя:

а) прааналізаваць – на якія рэаліі тагачаснай культуры спасылаецца эсэ, ці да якіх тэкстаў і з’яў беларускай культуры адсылае Канчэўскі свайго чытача. У якасці гэтых намі выяўлена: паэзія, у першую чаргу – «Шляхам жыцця» Янкі Купалы; беларускі наратыў увасоблены М. Гарэцкім і яго апавесцю «Дзве душы»; беларуская публіцыстыка;

б) у ранейшым тэксце [1] намі была эксплікаваная адметная тэмпаральная семантыка на якую абапіраецца Канчэўскі ў «Адвечным шляхам», пры дапамозе якой ён снаваў свае думкі. Таму на мэце гэтага артыкула было яшчэ і прасачыць, паказаць наколькі тры выяўленыя напрамкі беларускай культуры (паэзія, наратыў і публіцыстыка) слугавалі таксама і своеасаблівымі «донарамі» адметных тэмпаральных установак, уласцівых для эсэ.

На наш погляд, існы на сёння гісторыка-філасофскі інструментарый не пасуе да той падзеі, якой адзначылася з'яўленне брашуры І. Канчэўскага «Адвечным шляхам» на небакраі беларускай думкі. «Уплыў», «пазычанне» ці «рэцэпцыя» – асноўныя паняцці для апісання кантынэуальнасці і трансфармацыі ў семантычным поле цягам інтэлектуальнай гісторыі, пакліканы аналізаваць а) камунікацыю асобаў і б) псіхалогію творчасці асобы. Кажучы гранічна проста: «А чытаў В, і таму напісаў С» ці «А напісаў С, бо чытаў В» – да гэтых шаблонаў зводзіцца пераважная большасць гісторыка-філасофскіх наратываў. Што ж рабіць у выпадку, калі маем справу з сыходжаннем, толькі часткова апасродкаваным аўтарскай інтэнцыяй, у тэксце двух (ці болей) стратэгіі семіёзісу, у выніку чаго адбываецца выбух новых значэнняў і адкрыццё новых даляглядаў творчасці – ізноў жа, толькі ў вельмі абмежаванай частцы падуладных волі аўтара? Акурат такі выпадак маем у асобе Ігната Канчэўскага і ягонай брашуры – зводзіць разам, у адной тэкстуальнай прасторы, падставовыя дыскурсіўныя элементы, ідэалагемы, уласцівыя беларускаму інтэлігенту пачатку ХХ ст. і актуальныя на той момант запыты філасофскага мыслення; плёнам такіх заручын – каскадны рост сэнсаў, новы, і, наўрад ці, прадугаданы аўтарам ва ўсёй паўнаце сваіх наступстваў, погляд на Беларусь у яе гістарычнасці. Гэтыя новы погляд і семантычная праліферацыя, спароджаныя (ці спарадзіўшыя?) «Адвечным шляхам» нават выпадаюць з канкрэтыкі часу ўласнага паўстання, сягаюць у сваім запыце ўжо нашай уласнай сучаснасці. Ужо амаль стагоддзе ландшафт беларускага мыслення асвятляе Зніч, запалены «Адвечным шляхам», святло, якое сілкуецца адбытай у 1921 г., але дзейснай і сёння сустрэчы: міфа-паэтычны і літаратурны светлы Беларусі абрынаюцца на еўрапейскую метафізіку, цярэбяць свой «адвечны шлях» у катэгорыях філасофскага одуму; распач і надзея беларускай нацыянальнай інтэлігенцыі праецыруецца на паняццёва-тэматычны абшар сацыяльнай філасофіі. У гэтым сэнсе, «Адвечным шляхам» разамкнёны тэкст – хутчэй погляд на беларускую культуру, чым гатовы адказ на яе запыты.

Наша задача, мэта дадзенага тэксту – апісаць гэты момант сустрэчы двух стратэгіі семіёзісу ў гістарычнай канкрэтыцы: якія тэксты, персаналіі, ідэі маглі ўбачыць за радкамі «Адвечнага шляху» сучаснікі, покліч чых галасоў расчулі за маўленнем Абдзіраловіча. Адным словам – мы збіраемся вырашаць традыцыйныя для гісторыі філасофіі пытанні «крыніцы» і «ўплываў» нетрадыцыйнымі сродкамі. Генеалогія «Адвечным шляхам», на наш погляд, гэта нешта болей чым «крыніцы» апасродкаваныя псіхікай Канчэўскага і логікай яго аўтарскага падыходу. Сучаснікі не столькі абапіраліся на выказванні самога Канчэўскага, колькі раіліся са Скарынам, убачаным як сімвал гістарычнасці Беларусі, прачыталі Янку Купалу і Максіма Гарэцкага ў святле экзістэнцыйных пытанняў. Акурат гэтае ўзаемнае ўзбагачанне, узаемнае адлюстраванне сэнсаў, гэты шматгалосы дыялог, якім сталася для сучаснікаў брашура «Адвечным шляхам», мы і абралі сваёй тэмай.

Небяспечны кон той інтэртэкстуальнай гульні, якая распачыналася са з'яўленнем «Адвечным шляхам», сучаснік Канчэўскага мог адчуць толькі зірнуўшы на вокладку брашуры. «Ігнат Абдзіраловіч» – нібы сышоў са старонак толькі што надрукаванай у віленскіх газетах аповесці герой Гарэцкага¹: зажыў сваім уласным жыццём, вырашыў працягнуць споведзь свайго жыцця дый нечакана высветліў, што ягоная біяграфія супадае ў сваёй экзістэнцыйнай канстытуцыі з жыццём бадай што кожнага беларускага інтэлігента і лёсам Беларусі як такой. «Адвечным шляхам» – гэта беларушчына, убачаная з вышыні і адначасна «са дна» «двухдушнасці», апісанай Гарэцкім. «Са дна», бо сама семантыка падказвала – нельга быць «шчырым беларусам», там і тады, дзе і калі адчуваеш, што «дзве душы жывуць у грудзі маёй». Нездарма ж «двухдушнасць» гэта сінонім няшчырасці. «З вышыні» ж, бо і Гарэцкі і Канчэўскі падказвалі: пакуль доўжыцца гэтая «нацыянальная хвароба» беларусаў: «польскае» і «рускае» значаць і вабяць не меней за свае беларускае, датуль і доўжыцца адметная мудрасць беларуса, якая можа сказаць аб душы паляка ці рускага, тое што стоена нават ад іх саміх, дый у нетрах сваёй уласнай разблытацца лепей за ідэальнага «нармальнага» беларуса. Названы брат героя Гарэцкага – Васіль, свой выбар зрабіў, яму не знаёмыя сумнеў і разгубленасць Абдзіраловіча. Але не ведаючы

¹Ці варта нагадваць нашаму чытачу, што свой псеўданім – «Ігнат Абдзіраловіч», Канчэўскі пазычае з аповесці Гарэцкага «Дзве душы» [2]?

«двухдушнасці», ён і не ведае праўды свайго паходжання, і не бачыць абмежаванасць абранай ім сацыяльнай і палітычнай «праўды».

Ігнат Абдзіраловіч – герой Гарэцкага – вагаецца паміж сацыяльнымі светамі дваранства і сялян, разгублена шукае сваёй дарогі сярод палітычных праграм. Ігнат Абдзіраловіч – аўтар «Адвечным шляхам» апісвае блуканні сярод культурнай і цывілізацыйнай Сцылы і Харыбды Захаду і Усходу. Таму сучаснік-чытач Канчэўскага мог яшчэ раз пераканацца ў вядомай яму «ісціне»: культурнае пытанне адначасна ёсць пытаннем сацыяльна-класавым, і наадварот. Характэрная для беларускага наратыву пачатку ХХ ст. вязьмо сацыяльных і нацыянальных пытанняў, немагчымасць і нежаданне разасаблення сацыялістычнай палітычнай праграмы і нацыянальнага праекту, толькі мацавалася перакінутым у псеўданіме Канчэўскага мастком паміж ягоным «Адвечным шляхам» і «Дзве душы» Гарэцкага.

Лучыць Канчэўскага з увасобленай у Гарэцкім дыскурсіўнай стратэгіяй беларускай літаратуры і іншае. Апроч «матэрыяльнага» супадзення намінацыі галоўнага героя аповесці і абранага аўтарам эсэ псеўданіма, з аднолькава ўласцівай ім «двухдушнасцю», Канчэўскаму і Гарэцкаму ўласцівы і фармальна падобны наратыўны падыход да вырашэння філасофскіх пытанняў. Гарэцкі ўзнямае праз лёс і драму сваіх герояў «выклятыя пытанні», Канчэўскі ж наадварот – знаходзячыся ў самым асяродку гэтых пытанняў – у філасофскім дыскурсе, наратывізуе свае маўленне, ператварае абстрактныя катэгорыі і праблемы ў квазі-асобы, «персанажаў» свайго разважання-апаведу і карыстаецца досыць шырокім спектрам апавядальных мадальнасцяў, як правіла, не ўласцівых для філасофскага тэксту.

Суплёт хрысціянскай і паганскай спадчыны ў культуры Беларусі ў «Адвечным шляху» ўвасоблены ў постацях Рагнеды і Усяслава Чарадзея [3, с. 10]; літоўскія князі люструюць беларускую волю да дзяржаўнасці [тамсама]; блуканне сярод чужых культур у імя сваёй праўды і аблуднасць месіянізму паказвае прыклад Адама Міцкевіча. Сапраўдны шлях беларуса, які сярод палавінчатых ісцін заўжды мусіць заставацца «вольным, незалежным духам» [3, с. 9] адбіўся ў Скарыне. У апісанні апошняга наратыўнасць «Адвечным шляхам» асабліва навочна. Нягледзячы на аддаленасць ад часоў Скарыны І. Канчэўскі дазваляе яму, паводле адметнай мастацкай праўды, размаўляць з чытачом нібы сучасніку. Дзеяч XVI ст., учынкі і словы якога апісваюцца ў цяперашнім часе² – пагадзіцеся: досыць незвычайная сітуацыя для філасофскага эсэ, але цалкам нарматыўная для мастацкага апаведу.

«Захад» і «Усход», і нават «кааперацыя» робяць учынкі і прамаўляюць на старонках «Адвечным шляхам», падобна да персанажаў філасофскага рамана. Мінулае і шуканую будучыню Канчэўскі апісвае пры дапамозе дзеясловаў цяперашняга часу. Прыклады таго, як працуе наратыўнае мысленне ў «Адвечным шляху», можна прыводзіць бадай што бясконца. Адным словам: праз брашуру беларускія раманы і аповесць набываюць свае філасофскае гучанне, і наадварот – абстрактныя філасофскія пытанні даследуюцца, зведваюцца пры дапамозе наратыву. «Адвечным шляхам» развінае адметны персаналістычны і дыялагічны погляд на культурныя і сацыяльныя праблемы: «выклятыя пытанні» можна, калі не вырашыць, то, прынамсі, зрабіць болей зразумелымі, убачыўшы іх як зададзеныя канкрэтнымі асобамі і разыгранымі ў лёсе канкрэтных асоб. Усход і Захад, кааперацыя і д. п. – гэта не толькі адцягнутыя паняцці, але і «біяграфія», канкрэтны праект жыцця.

Гэтак жа як у псеўданіме «Ігнат Абдзіраловіч» сучаснік брашуры амаль не мог не адчуць подыху аповесці Гарэцкага, так і ў яе назве – «Адвечным шляхам» было немагчыма не ўгледзець «Шляхам жыцця» Янкі Купалы³. Балазе, у самой брашуры чытача напатыкалі цытаты акурат з гэтага зборніка:

²«А з глыбіні якоў *назірае* на нас Скарына, такі ж вагаўшыся, шукаючы, і, *жадаючы нас, кажа*» [3, с. 9; курсіў наш – Н.І.];

³Да прыкладу: Тамаш Грыб разважаючы ў відалі прапанавай Канчэўскім аб «шляху Скарыны» «прагаворваецца», спалучае ў адной канструкцыі абодва загаловкі: «Каталіцтва і праваслаўе ёсць толькі формамі ўшанавання Езуса Хрыстуса. Гэта ёсць абраднасці рэлігійнага культу, канфесіі. А хрысціянства — гэта рэлігія, *адвечны шлях жыцця*» [4, с. 171; курсіў наш. – Н.І.]. Гэта «абмоўка» ілюструе наколькі падобныя, сінанімічныя былі ў свядомасці сучаснікаў назвы кніг і названае імі.

1) «У тым “вечным бары”, аб каторым так жудасна п’яе наш беларускі паэт» [3, с. 9]. «Вечны бор» – гэта назва верша са «Шляхам жыцця» [5, с. 70].

2) «І будзе ўнукаў панаванне // Там, дзе сягоння плача дзед» [3, с. 35] – цытата з верша «Ворагам Беларушчыны», ізноў жа, змешчанага ў тым самым зборніку [5, с. 144].

Чытаючы Канчэўскага згадвалі Купалу, але ж, пэўна, і наадварот – вучыліся чытаць беларускага паэта праз прызму ўзнятых у эсэ праблем.

Што мог успомніць чытач «Адвечным шляхам» з купалавага зборніка апроч згаданых вершаў?

Перш за ўсё, мусіць, радкі з верша «Над Нёманам», дзе Нёман наракае на беларусаў: «Роднага ж краю тутэйшыя людзі // Ё скуру чужацкую лезуць жыўцом. // Я не ваблю сваёй ўжо красай: // Вецер інакшы ім дзьме ў галаве, – // Вісла адным усміхаецца ласа, // Тыя, заплюшчыўшысь, пруща к Няве» [5, с. 57–58]. Тая ж самая дыхатамія супрацьпастаўлення Масквы і Варшавы, Віслы і Нявы, як прывабы аблуднай чужой дарогі – з аднаго боку, і свайго, сапраўднага, істага шляху – з другога; тая ж самая паэтыка лёсу-ракі, ракі-гісторыі, якую ў Абдзіраловіча мацуе цытата з Геракліта. Тая ж метафара іншай культуры, як «чужой скуры», якой актыўна карыстаецца і аўтар «Адвечным шляхам».

З Купалы чытач абодвух кніг мог працытаваць такое ж прароцтва заўтра Беларусі, калі беларусам ужо не будуць «давацца ў знакі» разбуральныя на сёння ўплывы культур суседак, Расіі і Польшчы, якія гэтак жа сама разглядаюцца як увасабленне Усходу і Захаду: «Смела гляне на свет і долю змянлівую // Як дагэтуль, яму не даюцца ўжо ў знакі // Тыя сілы з усходу і захаду мсцівыя, // Што даймаюць цяпер, як вужакі» [5, с. 74].

Той жа чытач мог узгадаць і Купалаву парадку тварыць сваё, насуперак гэтым «вужакам», пазычаць лепшае з Усходу і Захаду, лучыць іх у адметным беларускім сінтэзе: «З зорак усходніх, заходніх, з бліскучый // маланкі выткаў бы шаты» [5, с. 87].

Адцінак з «Адвечным шляхам» пра шлюб Бацькі-Купалы і Маці-матэрыі, перагукаецца з купалавым гімнам да сонца: «З непатульнай, пакорнай зямліцай // Заручыся, шлюб вечны вазьмі» [5, с. 10].

Багатая тэмпральная семантыка «Адвечным шляхам» – пошукі праз гісторыю і «адвечнасць» Беларусі яе прышласці, відавочна «рыфмуецца» з радкамі Купалы:

«Час, як крыніца ідзе, не марудзе... // Кіне стары дзень жыццём кіраваць, // Новы дзень прыйдзе, і новыя людзі // Будуць пачатную думку снаваць» [5, с. 3].

«Узнімаеш мінуўшчыну даўнюю; // Час сягонняшні уперад ісці не пыніш // І глядзіш смела ў будучнасць тайную» [5, с. 12].

Абдзіраловічава трыванне здранцвеўшай цяпершчыны, як здрады сапраўднаму мінуламу і шуканай будучыні, можна праілюстраваць купалавымі: «Пад небам зводна-неспагадным, // Спакоем воджаны век здрадным [...] // Сягоння усё тут – як і ўчора ж! // Усё жыве тым самым Богам, – // Таксама шумнае прадвесне // Усёй не зводзе з гоняў плесні... // Араты ўсход нясе адлогам: // Курган чапаючы нарогам, // Не ўспомніць прадзедавай песні» [5, с. 55].

Своеасаблівай герменеўтыцы «Адвечным шляхам», якая ў папалішчах мінулага намагалася прачытаць знакі чаканай прышласці, уторыць «герменеўтыка сэрца» (цытаваны верш названы «Сэрца спытай...»): «Пакратай мінуўшчыны попел, // Што ў казках не кінула жыць; // Сягонняшні дзень паймі добра, // Што ўслед нашай долі бяжыць» [10, с. 41].

Нарэшце, у якасці падагульнення ўсім разважанням Канчэўскага над часам і гістарычнасцю можна абраць наступныя радкі з Купалы, дзе адказам на тэмпаральную семантыку няплоднага сёння і надзячай, але і туманнай прышласці прапануецца канкрэтны жыццёвы праект, экзістэнцыяльная пазіцыя (верш «Шлях мой...»): «Даль жа нязбытаю казкай туманіца, // Казкай, нягаданым сном. // Вера ў дзень заўтрашні сілай няведамай // Думкі гартуе ісці, не чакаць. [...] // Далей і далей праз выдмы няплодныя, // Ўсё непакорна, шукаючы ўсё, // Покі не згаснуць прасветачы зводныя, // Покі не згасне жыццё!» [5, с. 24–25].

Апроч такіх прамых супадзенняў, семантычных рыфмаў з вершамі Купалы, праз тэкст Канчэўскага беларускі чытач увогуле вучыўся глядзець вачыма філосафа на родную паэзію як такую, шукаць у ёй адказы ці падказкі для запытаў. Сёння можам доўга і плённа разважаць пра філасофскую значнасць беларускага паэтычнага тэксту, пра глыбіню

семантычных прадонняў вершаванага слова таго ж Купалы, але першы крок мусіў быць зроблены, «філасафічнасць» беларускай лірыкі павінна была быць упершыню кімсьці зацэрпнутая і вынесена на святло рэфлексіі. Менавіта мужнасць гэтага першага кроку і належыць Канчэўскаму. Адчараванне паэтычнага слова, яго транспазіцыя ў філасофскім маўленні і, наадварот, насычэнне паэзіі філасофскім сімвалізмам, анталагічнае паглыбленне і заглыбленне лірычнага рэчышча; заручыны паэтычнай адвечнасці і бяссчасся філасофскай развагі ў актуальных адказах – гэтую плённую, але ж і небяспечную сутоку двух культурных плыняў можа было б, умоўна, назваць імям Гайдэгера, ці – Рыльке, але ў беларускім кантэксце ёй найбольш пасуе імя Ігната Канчэўскага.

Мысленне і нават сама манера, мадальнасць пісьма ў «Адвечным шляхам» відавочна прарастаюць скрозь паэтычнае слова. Нават у надрукаваным «чыставіку» брашуры вялікую частку маўлення Канчэўскага трэба аднесці да так званай паэтычнай ці рытмізаванай прозы [6]. Калі ж звярнуцца да чарнавіка – рукапісу «Эскізы будучыні» [7], які знаходзіцца ў бібліятэцы НАН Беларус, то адным з характэрных, паўтаральных патэрнаў аўтарскіх правак будзе акурат пераадоленне гэтай паэтычнай генеалогіі, змяншэнне ўплываў той рытмічнай стыхіі, з якой расце думка Канчэўскага. Да прыкладу: у рукапісе ён паслядоўна піша «народ беларускі» і гэтак жа сістэматычна перарабляе на «беларускі народ» – замяняе рытмічную канструкцыю на болей слушную сінтаксічную паслядоўнасць.

Але гэтыя «эксцэсы» ўрывання вершавага метра ў тэкст «Адвечным шляхам» складаюць, на нашу думку, толькі «вяршыню айсберга». І справа не толькі ў метафарычнасці тэксту, багаці эмацыйных рэгістраў і разнастайнасці сінтаксічных канструкцый, з дапамогай якіх выказвае свае думкі Канчэўскі. Праз выкарыстанне падобных лексічных сродкаў «Адвечным шляхам» не проста адсылае свайго чытача да паэзіі ўвогуле, абстрактнага вершаванага слова, але да паэзіі *беларускай* у канкрэтыцы яе бытавання першых дзесяцігоддзяў ХХ в. Апеляцыя да напеўнай стыхіі, да міфа-паэтычнай вобразнасці лучылі думку Канчэўскага і беларускаю паэзію ў адзінстве, але ў адзінстве мэты, адзінстве рэфэрэнцыйнай рамкі – абедзве суадносяцца з «сітуацыяй» беларускага народа, убачанай вачыма беларускага інтэлігента. Тая ж рытмічная структура беларускага верша імітавала і развівала лад народнай песні, у якой беларуская інтэлігенцыя адчула дакор беларускага селяніна на несправядлівасць свайго лёсу і невыноснасць існага палітычнага ладу, убачыла стоеныя паэтычныя сілы народа, праз яе паэтыку прывучалася бачыць вачыма «мужыка» хараство беларускай прасторы і адчуваць жах сацыяльных абставін вёскі. Сам «фаналагізм» лірычнага слова адсылаў да «жывога» народнага маўлення ў процівагу «мёртваму» кніжнаму слову пераважна іншамоўнай ранейшай пісьмовай культуры. Беларуская паэзія пачатку ХХ ст. – тая ж самая вершы Янкі Купалы, – была небяспечнай, выбуховай, «рэвалюцыйнай» чыннасцю у сацыяльнай плоскасці, а не «нявіннай» гульнёй слова ў сама-замкнёнай, сама-рэферэнтнай прасторы літаратуры. Яна ўспрымалася як «голас» самога народу звернуты непасрэдна да сумлення краёвай інтэлігенцыі. Дакор сумневу, які патрабаваў неадкладнага адказу – праз змену самога інтэлігенцкага «я», перабудову яго экзістэнцыйнага праекта ў послуху да дакораў «роднай прасторы» і «свайго народу», праз рэарганізацыю сацыяльнай прасторы, пошукаў месца для адметнага «мы», пачутага ў супольнасці пакліканых паэтычным словам.

Небяспеку свайго паэтычнага маўлення разумеў, зрэшты, і сам Купала: «Чаго вам хочацца, панове? // Які вас выклікаў прымус // Забіць трывогу аб гэтай мове, // Якой азваўся беларус?» [5, с. 143] – сапраўдная дыялектыка варажнечы, хвалі якой пабеглі па паверхні краёвай культуры ад закінутага ў яе «беларускага слова». Купала, кажучы словамі Альцюсера [8], інтэрпелюе інтэрпелятараў – называе («ворагамі беларушчыны») і змушае заняць пазіцыю суб'екта тых, у чый уладзе раней было называць і ператвараць на суб'ектаў саміх беларусаў. У самім паэтычным слове, праз паэтычнае слова адбылася рэканфігурацыя сацыяльнай прасторы: адгэтуль ёсць еднасць «мы» беларусаў – тых, хто супольна азваўся на невыноснасць існых сацыяльных і культурных варункаў, і перыферыя «яны», дзе нечакана знайшла сябе былая адміністрацыйная і культурная эліта краю. У той жа самай дыялектычнай рамцы развіваецца і думка Канчэўскага: «На беларускую справу прызвычайліся глядзець як на нешта

надта нявыразнае, нявызначанае, не маючае ў сабе духу жывога, каторы можа даць беларусам права на законнае сярод іншых народаў існаванне. У невыразнасці беларускай культуры хочучь бачыць духоўную смерць народа, яго няздольнасць вызначыць свой ўласны ідэал. Фармальна мы павінны згадзіцца, што ў нас неакрэслена культура, што ў нас смутны гістарычныя шляхі, але ў гэтым не можна бачыць духовай беднасці нашага народу, яго няздольнасці ўласнымі крокамі ісці да вытварэння ўласных форм жыцця» [3, с. 8] – такімі словамі пачынаецца асноўная частка «Адвечным шляхам». Гэтак жа сама як і Купала, Канчэўскі падхоплівае сказанае вонкавымі сузіральнікамі, непакліканымі беларускай справай, і праз прымерванне на сябе гэтых словаў няпраўдзіць іх – ісціна выказанага толькі частковая, бо вонкавая, знешняя, яму невядома тое ўнутранае вымярэнне «мы» ў якім гістарычная параза беларускага народа ператвараецца ў яго галоўную духоўную перамогу. Ранейшых мэтраў краёвай вучонасці Канчэўскі, падобна Купале, ператварае ў камедыйныя постаці «усходняга і заходняга вучонага» [гл. 9] выпайшых з рэальнай дзеі беларускага жыцця ў бясплённасць і бяшкоднасць свайго некалі пагрозлівага дыскурсу.

Такім чынам, чытачу-сучасніку «Адвечным шляхам» было добра чуваць гучанне беларускага верша за радкамі Канчэўскага, само мысленне і мадальнасць пісьма беларускага філосафа таксама нясуць на сабе відавочныя «радзімкі» свайго паэтычнага паходжання. Пры гэтым варта разумець: само лірычнае слова ў той час успрымалася як сацыяльная правакацыя, як дзейнасць скіраваная на рэарганізацыю сацыяльнай прасторы і суб'ектнасці інтэлігенцыі – яно называла сацыяльную сітуацыю ў яе нетрываласці і расхінала прастору сумлення, адказнасці інтэлігентаў да памераў самой Беларусі, жывіла мысленне сіламі і метафорыкай беларускага фальклору, надавала яму ўгрунтаванасць у феноменалогіі сялянскага клёку. Менавіта як працяг гэтага пачатнага інтэлектуальнага імпульсу беларускай паэзіі ў сферы ўласна філасофіі і варта разглядаць «Адвечным шляхам».

Трэцяя крыніца «Адвечным шляхам» – трэці асацыяваны абшар тагачаснай беларускай культуры, да якой дасылае тэкст брашуры, у рэферэнцыяльнасці да якой снуе свае думкі Канчэўскі, – не мае, у адрозненне да двух папярэдне разгледжаных, свайго ўвасаблення ў канкрэтным імені (як беларускі нарратыў «паменаваны» Гарэцкім, а паэзія – Купалам), але яго, тым не менш, таксама добра чуваць праз радкі эсэ. Кажам пра беларускую публіцыстыку. Нават ужо сам факт, што эсэ першасна было надрукавана на старонках «Нашай думкі» сярод газетных зацемак і артыкулаў [10], паказвае наколькі мысленне Канчэўскага было звязаным з публіцыстычным кантэкстам. Публіцыстыку можна азначыць як уцялесненне «актуальнасці», як тэмпаральнай устаноўкі. Газетны аркуш сустракае свайго чытача прынцыповай гетэрагеннасцю – сумяшчае разнастайнасць матэрыялаў, зацемак розных аўтараў, на розныя тэмы і ў рознай стылістыцы. Адзіным прынцыпам, які злучае гэтую гетэрагеннасць ёсць надзённасць: усё пададзенае разглядаецца, як аднолькава звязанае з патрэбамі «сёння», вымагаючае пільнай увагі, неадкладнае. Газета падобная адцятай па «сягонняшняму дню» плыні часу і гісторыі. Але «актуальнасць» публіцыстыкі не тое простая сучаснасці. Прынцыпам адбору з'яўляецца не сам час, як бесстаронняя стыхія, але ж патрэбы сённяшняга дня. Пра публіцыстыку кажуць як пра функцыянальны стыль, маўляў, ёй ўласціва эмацыйнасць, ацэнкаваць і, часам, парушэнне некаторых норм «літаратурнасці» мовы. Але гэтыя адметнасці публіцыстычнага стылю можна разглядаць і як другасныя, вытворныя ад таго тыпу тэмпаральнасці, у якім разгортваецца / які разгортвае газетнае «маўленне». Газета кажа прыхапкам, здаганяючы свой уласны час і сваю актуальнасць, нібы пад прынукай пільнасці і неадкладнасці рэакцыі на апошнія падзеі – імітуючы пэўную суб'ектнасць, якую сённяшняе датычыць самым непасрэдным чынам. Уласна, што гэта за суб'ектнасць, на імітацыі ці канструяванні якой грунтуецца змест канкрэтнай газеты, вызначае рэдакцыйная палітыка. Для заходне-беларускіх газет 20-ых такой суб'ектыўнасцю быў «беларускі народ».

Тры генеалагічныя лініі лучаць «Адвечным шляхам» з сучасным для брашуры інтэлектуальным кантэкстам. Беларускі мастацкі нарратыў, беларуская паэзія і беларуская публіцыстыка – тры рэферэнцыйныя гарызонты, у адсылках да якіх будуюцца выказванні эсэ, той «уток» тагачаснай культуры, па якім Канчэўскі тчэ свае думкі. Пры гэтым, як мы

намагаліся паказаць, гэтыя тры культурныя палі вылучаюцца паводле запатрабаваных імі, ці індукцыраваных у іх тэмпаральных устаноўках. У «Адвечным шляху» мы знаходзім усе азначаныя рэжымы працы з часам: разам з літаратурным наратывам Канчэўскі бачыць у гісторыі беларуса контуры ягонага лёсу, чытае ў мінулым Беларусі знакі неадхільнага; разам з паэзіяй углядае адвечнае ў дзейнасці і патрэбах чалавека; разам з публіцыстыкай спрабуе знайсці адказы на надзённыя, неадкладныя пытанні беларускага руху.

Літаратура

1. Новік, І.М. Тэмпаральная семантыка ў эсе І. Абдзіраловіча «Адвечным шляхам» / І.М. Новік // *Філасофскія даследаванні : сб. навуковых твораў*. – Мн. : Беларуская навука, 2018. – Вып. 5. – С. 343–357.
2. Гарэцкі, М.І. Дзве душы: апавесць / М.І. Гарэцкі. – Вільня, 1919 (вокладка 1920). – 192 с.
3. Канчэўскі, І.У. Адвечным шляхам: даследзіны беларускага светагляду / І.У. Абдзіраловіч. – Мн. : Навука і тэхніка, 1993. – 42, [2] с. – (Згукі мінуўшчыны).
4. Грыб, Т.Т. Выбранае / Т.Т. Грыб. – Мн. : Кнігазбор, 2017. – 475 с., [4] л. іл. – (Бібліятэка Бацькаўшчыны. Спадчына: аглядзіны; кн. 32).
5. Купала, Я. Шляхам жыцця / Я. Купала. – Мн. : Мастацкая літаратура, 2012. – 264, [6] с.
6. Schmid, W. Poetic or Ornamental Prose [Electronic resource] / W. Schmid. – Access mode : <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/poetic-or-ornamental-prose>. – Date of access : 11.03.2019.
7. Канчэўскі, І. Эскізы будычыні / І. Канчэўскі // *Адзел рукапісаў бібліятэкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (АН НАНБ)*. – Фонд 23. – Воп. 1. – Спр. 25.
8. Альтюссер, Л.П. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / Л.П. Альтюссер ; пер. с фр. С. Рындина // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. – 2011. – № 3 (77). – С. 14–58.
9. Купала, Я. Тутэйшыя: трагічна-смяшлівыя сцэны ў 4 дзеях / Я. Купала. – Мн. : Мастацкая літаратура, 2006. – 92, [2] с., [8] л. каляр. іл.
10. Канчэўскі, І.У. Адвечным шляхам. (Досьлед беларускага сьветагляду) / І.У. Абдзіраловіч // *Наша Думка. Палітычная, эканамічная і літаратурная тыднёвая газета*. – 1921. – №№ 22–27.

Институт философии
НАН Беларуси

Поступила в редакцию 02.05.2019

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.161.3:008(=161.3)

С любовью к культурному наследию белорусов

Е.В. Ничипорчик

Рец. на монографию: Ляшчынская, В.А. Канцэпты прыродных стыхій у фразеалагічнай карціне свету беларусаў: агонь, вада, зямля і паветра / В.А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2018. – 222 с.

Стремительное развитие когнитивной лингвистики обусловило выработку новых исследовательских установок и формирование новых подходов к изучению фактов языка. Интерес зарубежных и отечественных ученых к единицам оперативной памяти, сложным ментальным образованиям, аккумулирующим жизненный опыт отдельного человека и языкового сообщества, в котором происходит становление языковых личностей, вызвал настоящий бум лингвистических изысканий. Выделению важнейших концептов культуры того или иного народа и описанию объективации лингвокультурных концептов в языке и речи посвящены в России, по определению С.Г. Воркачева, десятки монографий и докторских диссертаций, а число кандидатских диссертаций исчисляется сотнями [1, с. 11]. В Беларуси же на фоне успешного развития отечественной лингвокультурологии и этнолингвистики собственно когнитивная лингвистика и лингвоконцептология имеют меньшее число своих приверженцев (А.С. Дедова, В.А. Маслова, О.А. Лещинская, Е.В. Ничипорчик, В.К. Щербин и др.). По этой причине каждое новое исследование ключевых концептов белорусской культуры вносит существенный вклад в развитие белорусского языкознания.

Рецензируемая монография является уже третьим научным изданием доктора филологических наук О.А. Лещинской, в котором языковая картина мира белорусов воссоздается путем реконструкции важнейших лингвокультурных концептов носителей белорусского языка. В фокусе научного интереса культурная информация, закодированная во фразеологических единицах с компонентами, воплощающими представления о четырех важнейших природных объектах – воде, огне, земле и воздухе, – называемых автором в соответствии со сложившейся еще в античное время традицией «стихиями». Такой подход к выделению и описанию фрагмента языковой картины мира белорусов, формируемого фразеологическими единицами четырех сопряженных областей концептуализации, придает научному изысканию гармоничность, логическую цельность и в то же время позволяет увидеть, в какой мере фразеологизмы, связанные незримой сетью ассоциаций в условно едином тематическом поле, семантически близки или далеки друг от друга. Подчинена авторской идее и композиция монографии, представленная четырьмя разделами, в каждом из которых подлежат описанию фразеологические средства объективации концептов «агонь», «вада», «зямля», «паветра». Очень точно подобранные эпиграфы к разделам монографии служат дополнительным средством привлечения внимания читателя.

Главным достоинством монографии, на наш взгляд, является объяснительная стратегия, избранная О.А. Лещинской для описания семантики фразеологизмов, и не только потому, что эта стратегия соответствует современным исследовательским установкам, но и потому, что она дает дополнительный импульс читателю к «мысленному» продолжению начатого автором диалога о ценностях белорусского народа – информации, сокрытой в семантике фразеологизмов. Читая книгу, убеждаешься в истинной преданности автора книги делу сохранения культурного наследия белорусов.

В первом разделе раскрывается символичный смысл языковых обозначений огня в составе фразеологических единиц, определяются когнитивные признаки концепта «агонь», отраженные в содержании фразеологизмов. Автор монографии обращает внимание на антропоцентрический смысл кодов культуры, сформированных на основе представлений об объектах, ассоциируемых с огнем, подчеркивает, что некоторые из этих культурных кодов являются общеславянскими, общеевропейскими, в подтверждение приводит иноязычные эквивалентные фразеологические единицы или указывает на язык-источник выражения, прецедентный текст и / или прецедентную ситуацию, лежащие в основе образа (с. 14; 19; 20; 22; 33; 42). Полно и обстоятельно анализируется семантика каждого фразеологизма, в составе которого обнаруживается субстантивный (*агонь, вуголле, вугольчыкі, дым, жар, іскра, пажар, польмя, попел, прысак, свечка*) или глагольный компонент (*гарэць, загарэцца, згарэць, паліць, разгарэцца, раздуваць, распаліць, спаліць, тлець*), ассоциируемый с горением / сжиганием / уничтожением / тлением / воспламенением / излучением света и т. п. Определяются мотивационные признаки, лежащие в основе метафорического переосмысления слов в составе фразеологизмов, объясняются случаи возникновения фразеологической полисемии. Придает весомость выводам, сделанным на основе частных наблюдений, постоянное обращение автора монографии к уже имеющимся данным науки, цитация мыслей авторитетных мифологов, лингвокультурологов, фразеологов. Важной составляющей анализа фразеологизмов с компонентами-наименованиями огня, компонентами, ассоциируемыми с огнем, является определение оценочных коннотаций, которые свойственны данным фразеологизмам. Уместным в этом отношении является приведение примеров контекстуального употребления паремий в произведениях белорусской художественной литературы.

Отметим в то же время, что многие из анализируемых в первом разделе белорусских фразеологизмов находятся в отношениях эквивалентности с русскими фразеологизмами (к примеру, *зямля гарыць / гарэла пад нагамі* (с. 17) – *земля горит под ногами* [2, с. 256], *гарэць сінім полымем / агнём* (с. 17) – *гореть (гори) синим пламенем* [3, с. 502]; *шкура гарыць* (с. 24) – *шкура горит (свербит)* [3, с. 754]; *сыр-бор разгарэўся / разгараецца / загарэўся / гарыць* (с. 25) – *сыр-бор загорелся (разгорелся)* [3, с. 655]; *як на пажар* (с. 29) – *как на пожар* [2, с. 489]; *на ўсякі пажарны выпадак* (с. 29) – *на всякий пожарный случай* [2, с. 630], *гарэць ад / са стыда* (с. 32) – *гореть, сгорать от (со) стыда* [2, с. 604], *іскры з вачэй / воч насыпаліся / насыплюцца / сыплюцца* (с. 41) – *искры (из) с глаз посыпались* [3, с. 268] и др.). Приведение аналогов давало бы почву для понимания того, что «белорусскость» некоторых фразем с анализируемыми компонентами относительна. Разумеется, нет необходимости в подтверждении исконного или заимствованного происхождения той или иной фразеологической единицы, тем более попытки дифференциации «своего» и «чужого» в близкородственных языках зачастую бесплодны. Очевидно также, что если та или иная фразеологическая единица, являющаяся калькой / полукалькой, «легла на уста» народа, значит она стала «своей», соответствует «духу» народа, однако устойчивые выражения, заимствованные и / или представляющие общеславянский / общеевропейский фонд (см., например: *паліць свае караблі, паліць <усе> масты <за сабой>* (с. 39), сравн.: *сжечь свои корабли* (рус.) [4, с. 248], *le pont par derrière est rompu* (фр.) [4, с. 248], *die Brücke abbrennen* (нем.) [5]; *заграбаць жар чужымі рукамі* (с. 42), сравн.: *чужими руками жар загребать* (рус.) [4, с. 521–522], *чужими руками жар загібать* (укр.) [6, с. 430]; *cizima rukama dobre uhlí zahřebati* (чеш.), *mit fremden Händen ist gut Kohlen schüren* (нем.), *mit fremde Händ' ist gut Feuer scharren (schüren)* (нем.) [5]; *гуляць / жартаваць з агнём* (с. 18), сравн.: *играть / шутить с огнем* [3, с. 459], *jouer avec le feu* (фран.), *jugar con el fuego* (исп.), *mit dem Feuer spielen* (нем.), *to play with fire* (анг.) [7, с. 258–260], по-видимому, в меньшей степени, чем собственно белорусские по происхождению фразеологические единицы, проливают свет на своеобразие восприятия и толкования мира белорусами.

Во втором разделе описываются фразеологические единицы с компонентом *вада*, компонентами, обозначающими водно-ландшафтные объекты (*мора, рака, крыніца, возера, балота* и др.), воду в разных физических состояниях (*туман, снег, лед, дождж* и др.). Это самый объемный раздел монографии, что вполне объяснимо. Как отмечает сам автор, с водой связаны многочисленные поверья и ритуалы, без воды немислима жизнь человека (с. 50), отсюда номинативная плотность и рекуррентность концепта «вада» в лингвокультуре белорусско-

го народа, как, впрочем, по-видимому, рекуррентны одноименные концепты и в иных лингвокультурах. Косвенным свидетельством этого является значительное количество работ философов, мифологов, фольклористов, этнографов, культурологов, языковедов, посвященных описанию символического смысла воды (см. об этом в монографии с. 51). Задачу своего исследования О.А. Лещинская видит в определении культурного смысла белорусских фразеологических единиц с компонентом «вода» и иными репрезентантами содержания концепта, в поиске мотивации символической семантики «водных» компонентов, в выявлении особенностей оформления культурной информации в такого рода фразеологизмах.

Тактически верным является обращение автора монографии прежде всего к диалектной фразеологии. Диалектные белорусские фразеологизмы, по мнению автора, отражают наиболее древние представления человека о мире (с. 53). Выявление особенностей древнего мировоззрения белорусов позволяет объяснить причины «приживаемости» в культуре народа некоторых заимствованных выражений с «чужими» образами и символами (например, *кануць у Лету* (с. 54)).

Особого внимания, на наш взгляд, требуют те фразеологизмы, которые обнаруживают аналоги в разных языках, характеризуются прозрачной мотивацией и не имеют этнически маркированных компонентов. В данном случае комментарий, проливающий свет на принадлежность когнитивных структур не одному, а нескольким народам, необходим. Такого рода комментарий и дает О.А. Лещинская, рассуждая о фразеологизмах *многа вады уцякло / сплыло* (с. 55), *як / нібы дзве кроплі вады / расы* (с. 59), *вывесці на чыстую ваду* (с. 60–61), *чыстай / чысцейшай / найчысцейшай вады* (с. 61); *пераліваць з пустога ў парожняе* (с. 68), *таўчы ваду ў ступе / ваду ў ступе тоўч (талоч)* (с. 69), *як халодную вадою аблітый* (с. 77) и др. Было бы хорошо, чтобы и некоторые другие фразеологические единицы получили такого же рода комментарий, к примеру: *канцы ў ваду, хаваць канцы <у ваду>* (с. 56), сравн.: <и> *концы в воду <прятать, хоронить>* (рус.) [3, с. 308], *не вмієш конці у воду ховать* (укр.) [6, с. 323]; *як пугай на вадзе* (с. 56), сравн.: *як пугую по воді* (укр.) [6, с. 117]; *ins Wasser schlagen* (нем.), *Wasser schlagen* (нем.), *Batre l'eau* (фран.) [5]; *віламі на / на вадзе пісана, кіем на вадзе пісана* (с. 57), сравн.: *вилами на / по воде писано* (рус.) [3, с. 87], *kath' hýdatos grápheis* (греч.), *in aqua scribis* (лат.), *na vodé psát* (чеш.), *na wodzie pisać* (пол.), *na wodu napisać* (верхнелуж.), *pisati po vodi* (с.-х.), *scrivere su una pozza d'acqua* (ит.), *write in (on) water* (англ.) [8, с. 91], *in das Wasser schreiben* (нем.) [5]; *як / што з гуся вада* (с. 63), сравн.: *как с гуся вода* (рус.) [2, с. 82]; *зійде, як вода з гуски* (укр.) [6, с. 207]; *jak z gęsi woda spłynie* (пол.); *jakbe xtos na gąs wodąxienął* (кашуб.); *co z husy voda, spadne z něho, co z husy děšť, sjede to po něm jako voda po huse* (чеш.) [8, с. 163]; *wie das Wasser von der Gans herabfließt, so die Verleumdung von rechtschaffenen Menschen* (нем.) [5]; *лавіць рыбу ў каламутнай / мутнай вадзе*¹ (с. 79), сравн.: *ловить рыбу / рыбку в мутной воде* (рус.) [3, с. 587] *в мутні воді рибу ловить* (укр.) [6, с. 170]; *in aqua piscari turbata* (лат.) [5]; *в мътна вода риба лови* (болг.), *in trüben (stillen) Wassern ist gut fischen* (нем.), *it is good fishing in troubled waters* (анг.), *in troebel water is het goed visschen* (гол.), *god fiskja i up rört vatten* (швед.); *a rio revuelto, ganancia de pescadores* (исп.), *il n'est que pêcher en eau trouble* (фран.); *peskare mel torbido* (ит.) [9, с. 391–393]; *цягнуць ваду на сваё кола* (с. 79), сравн.: *тягне воду на свое коло, на свій млин воду обертає* [6, с. 433]; *každý tahne vodu na své kolo* (чеш.); *každý (mlynarz) na swe kolo wodę ciągnie* (чеш.), *jeder Man richtet (führt, leitet) das Wasser auf seine Mühle* (нем.); *ogno un cerca tirar l'acqua al suo molino* (ит.) [5] и др.

Российский паремиолог Е.В. Иванова абсолютно справедливо утверждает, что в каждой паремиологической картине мира есть непременно нечто универсальное, общее для нескольких народов и этнически уникальное (то же можно сказать и о фразеологической картине мира (при любом понимании границ фразеологии)) [10 с. 117]. Другое дело, что различить «свое» и «чужое», генетическое и типологическое невероятно трудно; по меткому определению И.М. Снегирева, сходство европейских пословиц и поговорок «основывается или на единстве и общности коренных, свойственных человеку понятий об истине, добре и зле, или на взаимных разновременных сношениях одного народа с другим, на мене мыслей и слов,

¹ Дж. Пацоллай отмечает, что данное выражение есть в 37 европейских языках, кроме того, в японском, китайском языке, санскрите [9, с. 391].

кои у них так укоренились и усвоились, что трудно разграничить сие чересполосное владение человечества и отделить коренное от прививного» [11, с. 159]. Даже в случае обнаружения многочисленных аналогов оборот может иметь национальные корни в силу того, что представляет «привычную» для обыденного сознания ассоциацию, очевидную логику установления подобия, к таким выводам проходит мэтр российской фразеологии В.М. Мокиенко, анализируя известное славянскому и неславянскому миру устойчивое выражение *как с гуся вода* [8, с. 163]. В таком контексте стратегия анализа белорусских фразеологических единиц, избранная автором рецензируемой книги, вполне оправданна, тем не менее пытливый читатель заинтересован в получении знаний о более или менее очерченных границах «интернационального в недрах национального» [12, с. 8], о тождестве некоторых моделей интерпретации мира, принадлежащих носителям разных языковых культур.

Несомненно сильной позицией второго раздела книги О.А. Лещинской является точность, исчерпанность и тонкость семантического анализа фразеологизмов с компонентом *вода*, наименованиями различных «видов» воды (*дождж, лёд, пара, роса, снег, туман*), наименованиями водно-ландшафтных объектов и их частей (*балота, бераг, вёр, возеры, завадзь, крыніца, лужа, лужына, мель, мора, Нёман, пруд, рака, рэчышча* и др.) процессуальными и атрибутивными обозначениями, ассоциируемыми с водой (*падводны; аблівацца, абліваць, выліваць, выплываць, заліваць, залівацца, ліць, заліваць, залівацца, падліць, пераліваць, плысці, уліць, уліты, усплываць, цякець* и др.).

Абсолютно справедливыми следует признать выводы, отражающие результаты исследования объективации концепта «вада» во фразеологических единицах. Автор книги называет данный концепт фразеологическим, имея в виду информацию, «хранящуюся» в содержании фразеологизмов (с. 144). Выделение такого рода концептов находит отражение в ряде современных исследований в русле лингвоконцептологии. В частности, российские когнитологи Е.В. Иванова, О. Б Абакумова используют термин «пословичный концепт», подразумевая под ним «знание об объекте, которое можно получить на основе анализа содержательного плана пословиц» [10, с. 109], [13, с. 9]. На наш взгляд, подобного рода ментальные структуры следует квалифицировать как исследовательские конструкты, представляющие не отдельные концепты в сознании носителей лингвокультуры, а часть того или иного лингвокультурного концепта, его фразеологическую / паремиологическую зону, реконструируемую, заметим, не без опоры на содержание иных зон концепта. В данном случае мы придерживаемся тех подходов к определению концепта, которые представлены в работах З.Д. Поповой, И.А. Стернина [14, с. 104–115], Г.Г. Слышкина [15].

Описание фразеологизмов с компонентами «зямля» (третий раздел), «паветра» (четвертый раздел) осуществляется по той же схеме, что и в предыдущих разделах монографии. Автор выявляет символичный смысл соответствующих языковых кодов, определяет семантику общезыковых и диалектных фразеологизмов с этими компонентами, указывает на межъязыковую корреляцию фразем с аналогичными языковым кодами, обращается к лингвокультурологическим комментариям известных российских фразеологов, касающимся языковых кодов, использованных в аналогичных русских фразеологизмах. Востребованность анализируемых фразеологизмов в речи белорусов подкрепляется иллюстрациями из художественной литературы.

В заключительной части монографии отражены обобщенные выводы, к которым приходит О. А. Лещинская в результате изучения более 600 фразеологических единиц. Выводы действительно носят выкристаллизованный характер. Нельзя не согласиться с автором монографии в том, что «беларуская фразеалагічная карціна свету, як і кожная карціна свету іншай лінгвістычнай супольнасці, адлюстроўвае сваё бачанне рэчаіснасці, сэнсавае канструяванне свету ў адпаведнасці з пэўнай логікай, светаразуменнем і светаўяўленнем» (с. 212). Действительно, в каждой языковой, уже – фразеологической картине мире находит отражение то, что обусловлено своеобразием менталитета народа, в то же время в каждой национальной фразеологической картине мира, как и в структурировании сложных ментальных образований, какими являются лингвокультурные концепты, всегда есть нечто общее, детерминированное единством мира, биосоциальной природой человека, общими чертами в логической и даже паралогической интерпретации мира. Абсолютно справедливым в связи с этим является и другой вывод, в котором

О.А. Лещинская подчеркивает, что во фразеологических единицах белорусского языка находит отражение жизненный опыт и мудрость не только белорусского народа, но и других народов (с. 212). Верными являются и частные выводы, которые касаются объективации отобранных для анализа концептов, а также положение о том, что истоки культурно значимой информации, аккумулированной в белорусских фразеологизмах, весьма и весьма разнообразны.

Монография доктора филологических наук О.А. Лещинской «Канцэпты прыродных стыхій у фразеалагічнай карціне свету беларусаў» адресована широкому кругу читателей. В этом видится одно из несомненных достоинств научного издания, так как главная задача истинного филолога заключается в приобщении соотечественников к знанию, обогащающему духовно. Научная значимость монографии для специалистов, практическая значимость для преподавателей белорусского языка в вузе и школе тоже несомненна. Своим научным трудом О.А. Лещинская убеждает всех тех, кто ратует за сохранение культурного наследия белорусов, в необходимости изучения фразеологии родного языка.

Литература

1. Воркачев, С.Г. Специфичность универсального: идея справедливости в лингвокультуре : монография / С.Г. Воркачев. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 299 с.
2. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
3. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина ; под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.
4. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний : в 2-х т. / М.И. Михельсон. – М. : Терра, 1994. – Т. 2. – 832 с.
5. Wander, K.F. Deutsches Sprichwörterlexikon [Электронный ресурс] / K.F. Wander. – Leipzig, F.A. Brockhaus. 1867–1880. – Vol. 1–5. – Режим доступа : <http://woerterbuchnetz.de/Wander/?sigle=Wander&mode=Vernetzung&hitlist=&patternlist=&lemid=WA00001>. – Дата доступа : 03.11.2012.
6. Номис, М. Українські приказки, прислів'я, і таке інше : зб. О.В. Марковича і др. / спорудив М. Номис. – Санкт-Петербург, 1864. – VII, 304, XVII с.
7. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – М., 2006. – 784 с.
8. Мокиенко, В.М. Почему так говорят? От Авося до Ятя: историко-этимологический справочник по русской фразеологии / В.М. Мокиенко. – СПб. : Норинт, 2006. – 512 с.
9. Paczolay, G. European proverbs in 55 languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese / G. Paczolay. – Hobard, Tasmania : De Proverbio.com, 2002. – 527 p.
10. Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах : учебное пособие / Е.В. Иванова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 280 с.
11. Снегирев, И.М. Словарь русских пословиц и поговорок : Русские в своих пословицах / И.М. Снегирев. – Н. Новгород : Русский купец, Братья славяне, 1996. – 624 с.
12. Мокиенко, В.М. Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: различие в едином / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии : XV Международный съезд славистов, Минск, 20–27 августа 2013 г. : Nationales und Internationales in der slawischen Phraseologie / H. Walter, V.M. Mokienko (Hrsg). – Greifswald : Ernst-Moritz-Universität Greifswald. Institut für Slavistik, 2013. – С. 1–18.
13. Абакумова, О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / О.Б. Абакумова ; Орл. гос. ун-т. – Орел, 2007, – 376 с.
14. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М : АСТ ; Восток–Запад, 2007. – 314 с.
15. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г.Г. Слышкин; Волгоградский гос. ун-т. – Волгоград, 2004. – Режим доступа : <http://www.twirpx.com/file/1295143>. – Дата доступа : 16.02.2019.

Технический редактор: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *В.А. Бобрик, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 25.06.2019. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 100 экз. Заказ № 518.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.